

МОСКВА

НОЯБРЬ 07-09

2018

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

**«КОЧЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»**

МГППУ

СРЕТЕНКА 29

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПСИХИАТРИИ И НАРКОЛОГИИ
ИМЕНИ В.П. СЕРБСКОГО

СОЗДАЁМ ВМЕСТЕ ИСТОРИЮ,
РАЗВИВАЕМ НАУКУ,
ПРОДВИГАЕМ ПРАКТИКИ

МОСКВА
7 - 9 ноября

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

ББК 88.47
К75

Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2018. 345 с.

Редакторы:

В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, А.А. Марголис, З.И. Кекелидзе, Н.В. Дворянчиков, И.Б. Бовина, М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, А.С. Калашикова, И.Н. Коноплева, Ф.С. Сафуанов, С.Н. Хаванский

Составитель:

А.С. Калашикова

ISBN 978-5-94051-199-1

© МГППУ, 2018.

Уважаемые участники и гости конференции!

Я рад приветствовать Вас на конференции «Психология и право в современной России», проводимой уже в шестой раз. Конференция, организованная факультетом Юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета совместно с Национальным медицинским исследовательским центром психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, неизменно собирает специалистов в области юридической психологии как из разных стран, так и из многих городов России.

В нашем университете особое отношение к научным традициям, и Коченовские чтения подчеркивают мемориальность конференции и признание фундаментального вклада Коченова М.М. (1935 – 1999 гг.) в развитие юридической психологии.

Целью научно-практической конференции является объединение специалистов, работающих в различных сферах юридической психологии, обсуждение и обобщение опыта их теоретических и практических разработок, определение перспектив развития этой отрасли психологической науки.

Это событие объединяет не только ведущих ученых и практиков в данной области, но и будущих специалистов – студентов, магистрантов, аспирантов, давая им возможность не только познакомиться с актуальными трендами, но и предоставить результаты своих научных исследований профессиональному сообществу.

В данном сборнике представлены материалы конференции, охватывающие широкий спектр актуальных проблем юридической психологии. В целях обеспечения эффективной работы участников тезисы выступлений систематизированы в следующих разделах: Психология криминального поведения; Юридическая психология и психические расстройства; Юридическая психология детства; Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности; Медиация как социально значимая практика.

Желаю вам успешной работы на конференции и новых научных открытий!

Председатель программного
комитета конференции, профессор,
академик РАО

В.В. Рубцов

ПСИХОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Психология молодежного экстремизма

Аллямова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Одним из самых острых вопросов современности является экстремизм, который проявляется в политической, экономической, социальной, религиозной и других сферах общественной жизни. В различных формах проявления экстремисты угрожают безопасности целых стран и их граждан, влекут существенные политические, экономические и моральные потери, психологически влияют на большие массы населения, уносят жизни невинных людей. Волна экстремистских явлений, охватившая многие страны, среди которых Великобритания, США, Франция, Италия, Греция, – несет угрозу и российскому обществу (Баева Л.В., 2008). Актуальность изучения молодежного экстремизма, как общественной проблемы определяется недостаточной изученностью личностно-психологической компоненты.

Указанные проблемы доказали, что имеется необходимость акцентировать психологические аспекты формирования экстремистских настроений в молодежной среде (Юрасова Е.Н., 2008).

Молодежный экстремизм являет собой совокупность разнообразных форм проявлений максимализма на уровне сознания, а также радикального поведения, как на групповых, так и на индивидуально-личностных уровнях.

В таких формах экстремистские настроения проявляются во всех сферах жизнедеятельности, а также в социальном самоопределении молодежи. Их уровень и направленность, непосредственно связаны с изменением социального положения молодежи. Положительные изменения в обществе могут снижать склонность к экстремистским проявлениям, или же перенаправлять их в социальное творчество и инновационную деятельность молодых людей; отрицательные – проявляются в форме экстремистских выступлений (Баева Л.В., 2008, Зубок Ю.А., 2008).

Определяя психологические детерминанты экстремизма, Л. Баева подчеркнула, что экстремизм является крайней формой интолерантности, совмещенной с агрессией и насилием, как методами выражения непримиримости к другим. Автор считает, что причиной экстремистского, интолерантного, агрессивного отношения является психологический барьер «свой-чужой», страх перед непохожими на себя (Баева Л.В., 2008).

Экстремистские действия характерны, прежде всего, для молодежи. По словам В. Головенко: «молодежь всегда была, есть и будет той специфической социальной группой, которой присущ поиск своего «я» и своего места в обществе, бескомпромиссность, нетерпимость, прямолинейность, максимализм, открытость

чувств и жажда жизни. Это толкает и российскую молодежь к поиску путей к лучшей жизни с помощью своих общественных структур».

С исследовательской точки зрения, касательно изучения тенденций, способствующих развитию экстремизма в молодежной среде, наиболее значимую роль играет концепция «молодежных субкультур». Это подтверждается точкой зрения С. Левикова: «каждая молодёжная субкультура обладает характерной оппозицией к обществу, так как на данной ступени развития молодежь не может получить желаемого от общественности» (Левикова С. И., 2009).

Ключевыми источниками происхождения экстремизма у молодежи являются факторы имеющие социально-политическую природу, к примеру, такие как: кризис воспитания, получаемого в школьной и семейной среде; дефицит социальной культуры и ее массовая криминализация; кризис в социальной, экономической и политической системах; отсутствие альтернативных форм проведения досуга. На основании этого, можно прийти к выводу, что ключевой круг проблематики, возникающей в молодежной среде, сосредоточен в ареале конфликтных отношений, происходящих, в первую очередь, в семье и во время общения со сверстниками.

Помимо этого, одну из немаловажных ролей играют факторы личностного характера: деформированная система ценностей, отрицательная среда коммуникации, превалирование ориентаций гедонистического характера над социально-полезными, искаженное восприятие педагогических воздействий, отсутствие жизненных планов. Но при этом, предпосылки для появления экстремизма у молодежи могут быть определены не только социокультурной средой, но и формироваться под влиянием психофизиологических особенностей индивидов (Яхьяев М.Я., 2012).

Основываясь на фундаменте экстремистской логики, восприятие мира происходит через призму примитивного бинарного, черно-белого разделения на хорошее и плохое, правду и ложь. Действительность чаще всего, входит в категорию лжи, а экстремистская идея – воспринимается как истина. По мнению З. Фрейда, в основу логики человека-экстремиста, зачастую, ложатся принципы: не нормативной общественной морали («Сверх-Я»), учёт объективной реальности («Я») и ключевым образом, удовольствия («Оно») (Зубок Ю.А., 2008). Попадая в стрессовые или же критические ситуации, индивидуумы, обладающие повышенной чувствительностью и склонностью к соответствующим психическим расстройствам, попадают в категорию индукторов экстремистского массового сознания и идеологии. Изначально индукторам свойственна только склонность к девиации, но по мере углубления в созданную ими же идеологию экстремизма, повышается риск прогрессирования психической патологии, вплоть до самых тяжелых форм (Зубок Ю.А., 2008).

Таким образом, природа молодежного экстремизма определяется социально-групповыми и личностно-психологическими особенностями сознания молодежи, а формы его проявления связаны со спецификой поведения и социальными условиями среды. Отправной точкой психологического анализа является исследование толерантности (интолерантности), индивидуального (группового) поведения, идентичности (самоидентичности).

Литература

1. Баева Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2008. № 3 (16). С. 21–26.
2. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37-47.
3. Левикова С. И. О готах, готике и больном российском обществе // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 16.
4. Юрасова Е.Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. 2008. № 4. с. 25-37.
5. Яхьяев М.Я. Методологические аспекты социологических исследований ислама // Исламоведение 2012. № 4 (14).

Использование понятия «копинг-стратегия» для понимания личности потерпевшего и его поведения в суде

Андрианов М.С.

ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Эмоциональная реакция на преступное посягательство и ее последующее переживание – главная и отличительная психологическая характеристика потерпевшего. С момента совершения преступления до начала судебных слушаний потерпевший переживает целую гамму разнонаправленных эмоций, многие из которых весьма специфичны. Справиться с подобной «бурей эмоций» чрезвычайно сложно. Требуется прикладывать специальные усилия, чтобы психологически адаптироваться, применив ту или иную линию совладающего поведения – копинг-стратегию. Термин «копинг-стратегия» (Р. Лазарус) обозначает осознанно используемые индивидом приемы совладания с трудными ситуациями и переживаниями, вызванными травмирующими обстоятельствами. Копинг-стратегия, как обдуманная последовательность неких действий (внешних и внутренних) – специальная работа по самообладанию, выступает в качестве специфического психологического механизма и частного случая процесса осознанной саморегуляции активности человека. Этот факт и делает копинг-стратегию важным понятием судебной психологии, особенно при анализе поведения потерпевшего.

Как правило, потерпевший в своих высказываниях в суде (например, при даче показаний или в прениях сторон) стремится сообщить о переживаниях и обязательно декларирует свою копинг-стратегию, даже если это выходит за рамки протокольных требований и ответа на вопросы участников слушаний. Кроме того, она может быть выявлена в результате наблюдения за его экспрессией. Поведенческие реакции потерпевшего в суде, в первую очередь, «говорят» о его предпочитаемой стратегии совладения со стрессом, поскольку именно вокруг нее и группируются, а вот знание и понимание выбранной линии копинг-поведения позволит сделать точные выводы и о его отдельных личностных установках, и о личности в целом. Соответственно,

копинг-стратегия становится промежуточным звеном между наблюдаемым поведением человека и его глубинными личностными характеристиками.

Известно, что методы совладания многочисленны и разнообразны. Однако все их многообразие по существу сводится к восьми основным копинг-стратегиям: самоконтроль, поиск поддержки, планирование, позитивная переоценка, принятие ответственности, откладывание ответственности, уклонение, конфронтация. Например, копинг-стратегия поиск поддержки – это стремление обратиться за помощью к близким, специалистам, желание избавиться от одиночества в трудные минуты, переживаемые как несчастье, а также усилия по поиску информационной, правовой и другой помощи. Не все стратегии, в определенной мере облегчая самочувствие человека, могут оказаться продуктивными и привести к освобождению от патогенных эмоций. Однако задача совладания – сохранить свою личность целостной любой ценой, даже если его копинг-стратегию не понимают и не одобряют другие люди, а некоторые из выбранных стратегий могут иметь выраженный асоциальный характер. Так, очевидно, асоциальна стратегия конфронтации – жесткое противостояние между человеком и сложившейся ситуацией, а также окружающими; применяется как агрессивный ответ обстоятельствам, проявления неприязни и гнева. Тем не менее, каждая стратегия – это продуманная, целенаправленная деятельность как попытка преодоления травмирующих факторов. В психологическом смысле в некоторых случаях сам факт сообщения потерпевшего о совершенном преступлении и обращения в суд, прокуратуру, равно как и отказ от такого обращения, сокрытие преступных посягательств, по сути, также являются копинг-стратегиями второго порядка.

Знания о закономерностях психологии потерпевшего и его поведения в суде способствуют организации взаимодействия с ним профессиональных участников процесса и могут иметь значение для успешного расследования преступления, его правильной квалификации, принятия законного, обоснованного и справедливого решения.

Психологические факторы риска криминализации и виктимизации у подростков среднего и старшего школьного возраста

Афолина Ю.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России,

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Булыгина В.Г.

Социальная и научно-практическая значимость изучения проблемы криминализации и виктимизации несовершеннолетних обусловлена отрицательной динамикой показателей преступности в отношении подростков или при их соучастии.

С 2010 по 2018 год подростками или при их участии совершено свыше 520 тыс. преступлений, из них 110 тыс. эпизодов признаны тяжкими, более 16 тыс. – как особо тяжкие (официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ). Также зафиксировано увеличение числа подростков, находившихся на момент совершения общественно опасных деяний в состоянии наркотического или алкогольного опьянения (+66,9%) (Богданов А.В., Хазов Е.Н., Назаров В.Ю., 2013).

С другой стороны, в 2017 году совершено свыше 70 тыс. преступлений в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, при этом 4,5 тыс. классифицированы как действия сексуального характера (официальный сайт МВД России).

По статистике, 68,5% правонарушителей жили в семьях, где был выявлен факт насилия над членами семьи, при этом более 50% семейно-бытовых преступлений совершается в присутствии несовершеннолетних, что в будущем сказывается на их психическом развитии (Федорова Н.И., 2014).

Были проанализированы результаты обследования 477 несовершеннолетних. Выборка была поделена на основании возрастной периодизации Ш. Бюлер (1931), выделяющей негативную (12-15 лет) и позитивную стадии (16-18 лет) подросткового возраста. В первую группу вошло 379 подростков в возрасте 12-15 лет (Мвозр. = 13,65), во вторую – 89 подростков от 16 до 18 лет (Мвозр. = 16,35).

Использованы опросники: «Исследование волевой саморегуляции» (Зверьков А.В., Эйдман Е.В.), исследования уровня импульсивности (Лосенков В.А.), «Группа риска наркозависимости» (Хасан Б.И., Тюменева Ю.А., 2003); «Экспресс-тест на выявление интереса, осведомленности и отношения подростков к употреблению ПАВ и алкоголя»; анкета, включающая социально-демографические данные.

На основании t-критерия Стьюдента для двух независимых выборок выявлены статистически значимые различия психологических параметров самоповреждающего поведения и риска употребления ПАВ между несовершеннолетними двух возрастных групп. Для подростков 12-15 лет характерны высокие значения переменных, отражающих уровень волевой саморегуляции ($p=0,001$), настойчивости ($p=0,000$) и отрицательного отношения к модификациям тела ($p=0,015$). Подросткам 16-18 лет свойственны высокие значения параметров позитивного отношения к модификациям тела ($p=0,000$), активного интереса ($p=0,000$) и положительного отношения ($p=0,004$) к психоактивным веществам, потенциальной готовности к пробе ПАВ ($p=0,002$), также к одобрению асоциальных поступков ($p=0,002$). Анализ таблиц сопряженности показал, что в группе подростков 16-18 лет показатель употребления ПАВ выше (алкоголь – 36%, курение – 12,4%), чем в 12-15 лет (алкоголь – 22%, курение – 4,8%).

Таким образом, несмотря на то, что по результатам обследования подростковый возраст является относительно благополучным, превентивные мероприятия по выявлению групп риска криминализации и виктимизации должны быть направлены именно на эту категорию населения.

Литература

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Назаров В. Ю. Преступность несовершеннолетних и ее влияние на общую криминогенную обстановку в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №3. С. 47–51.
2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 15.09.2018).
3. Федорова Н.И. Виктимность жертв насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений и совершенствование мер предупреждения // Виктимология. 2014. №1(1). С. 45–50.

Трансформация молодежных криминальных субкультур в России на рубеже XX-XXI столетия

Белова Д.Д.

ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации»
(г.Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель – Воронова Ю.В.

Функционирование современного общества неразрывно связано с деятельностью криминальных субкультур. Это социальное явление попало в поле зрения ученых еще в XIX столетии и нашло свое отражение в трудах М.Н. Гернета, Д.А. Дриля и др. Уже тогда понималась социальная угроза распространения криминальной субкультуры.

Одной из тенденций в развитии и функционировании криминальных субкультур на разных исторических этапах является активное вовлечение в их деятельность несовершеннолетних. Данная закономерность представляется вполне обоснованной особенностями подросткового возраста – не сформированной системы жизненных ориентиров, повышенная эмоциональность, зависимость от мнений сверстников, стремление быть частью чего-то «важного» – быть «равным среди равных».

Основная опасность воздействия криминальных субкультур на подростков заключается в том, что усвоенная в этот возрастной период «система жизненных координат» сохраняется на протяжении всей жизни.

Постсоветский период для нашей страны ознаменовался новой волной становления молодежных криминальных субкультур. С начала 90-х годов XX в. страну захлестнул вал организованной преступности, противопоставивший традиционной культуре свою субкультуру со всеми присущими ей атрибутами.

Ярким примером распространением криминальной субкультуры прошлого века являются идеи и деятельность воров в законе, например – Васин Евгений – Джем, создал мощную группировку – «Обшак», которая занимались в основном

вымогательством, кражами и контрабандой. Упор в распространении своих идей Джем ставил на несовершеннолетних, т.к. на них легче воздействовать: подростки в силу своего возраста и неосведомленности о последствиях преступления наиболее восприимчивы к принятию максималистских идей, демонстрированию во вне своей «крутости».

За последние годы преступная идеология значительно повысила свое значение посредством внедрения в разные сферы жизни норм поведения криминальных сообществ – «понятия».

В качестве примера – обрело популярность неформальное объединение банд «АУЕ», основу которой составляет идеология. АУЕ пропагандирует среди несовершеннолетних антисоциальный образ жизни, навязывает стереотипы и модели поведения, характерные для криминального мира. Целями объединения являются: сбор средств для оказания помощи представителям криминального мира, вовлечение молодежи в совершение преступлений. В настоящее время деятельность АУЕ стала больше проявляться как преступная, что подтверждается преступлениями, подпадающими под конкретные нормы уголовного закона.

Изучение криминальной субкультуры позволяет сделать вывод, что она представляет собой вполне реальное явление, находящееся в сложной взаимосвязи с культурой общества, социальными процессами, происходящими в нем, динамикой преступности, изменением ее характера и основных криминологических показателей.

Тюремная субкультура всегда отличалась противоправным содержанием, что позволяет сделать вывод о доминировании социальных групп, придерживающихся криминальных ценностей. Распространяя свои «идеалы» и достигнув «успехов», можно констатировать, что криминальная субкультура претендует на статус культуры. Данная ситуация является опасной, и необходимо системное целенаправленное формирование ценностей, лежащих в основе правового сознания личности. «Стабильная» субкультура будет существовать до тех пор, пока она будет отвечать интересам микросреды осужденных (Тулегенов В.В., 2003).

Литература

1. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение: Автореферат дис... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 31.

Социальное исключение как фактор противоправного поведения

Бойкина Е.Э.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Бовина И.Б.

В условиях современной действительности, когда характер совершаемых преступлений, принимает всё более изощрённые формы как (террористические акты, «школьная стрельба», преступления демонстративного характера с трансляцией

процесса правонарушения через социальные сети) изучение потенциальных пусковых механизмов, определяющих готовность индивида к противоправному деянию представляется как никогда актуальной. По мнению российского социолога Шипуновой Т.В., к таковым «относятся, прежде всего, понятия «социальное исключение», «отчуждение», «насилие» и «агрессия» (Шипунова Т.В., 2005, с. 120). Опираясь на значительный массив эмпирических данных зарубежных исследований, мы рассмотрим один из вышеназванных феноменов – социальное исключение, и то, может ли оно служить триггером противоправных деяний.

В ситуации социального исключения у индивида активируется «система раннего обнаружения» угрозы фундаментальным потребностям в контроле, самоуважении, принятии и осмысленном существовании, вызывая боль и дистресс. Исследователи выделяют в основном три вида реакций: антисоциальную, просоциальную и реакцию избегания (Wölfer R., 2013, Ren D., 2018).

Изучение антисоциальных реакций: мета-анализ 126 случаев «школьной стрельбы» из 13 стран обнаружил свидетельства тех или иных форм отвержения сверстниками или исключения в примерно 70% случаев (Ren D., 2018); по данным другого исследования, социальное исключение может вызвать агрессивную реакцию не только в отношении источника, но также и замещённую агрессию (Rajchert J., 2016). Исследователи Гербер и Вилер предположили существование индивидуальных различий, «которые либо усиливают, либо снижают степень агрессивности реакции на исключение», например, нарциссизм, самовосприятие собственного превосходства, сензитивность к отвержению (Rajchert J., 2016, с. 2).

Просоциальная реакция в виде желания понравиться, социально мимикрировать может сделать индивида особо податливым и внушаемым. «Такая подверженность социальному влиянию делает остракируемых индивидов вероятными целями для вербовки экстремистскими группами, такими как террористические группировки и культы» (Ren D., 2018, с. 35).

Реакции на социальное исключение поражают своей несоразмерностью между силой воздействия и силой реакции на ситуацию исключения: сам акт исключения индивида может пройти незамеченным социумом, но вызвать непропорционально радикальную реакцию у самого индивида: убийство невинных, суицид, обращение в секту, террористическую группировку. В этой связи нельзя отрицать, что социальное исключение может служить факторов, обуславливающим выбор индивидом реакции, предполагающей противоправное деяние.

Литература

1. Шипунова Т.В. Социальное исключение, отчуждение, насилие и агрессия как механизмы воспроизводства девиантности. [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2005. Том VIII. № 4 (33) с. 120-136 URL:http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2005_4/Shipunova_2005_4.pdf (дата обращения: 26.12.2017).

2. Rajchert J., Konopka K., Huesmann L. R. It is more than thought that counts: the role of readiness for aggression in the relationship between ostracism and displaced aggression [Электронный ресурс] // Current Problems. 2016. Pp. 33-50. doi:10.3726/978-3-653-05056-1
3. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression [Электронный ресурс] // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. pp. 34-38 doi:10.1016/j.copsyc.2017.03.026.
4. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion [Электронный ресурс] // Journal Social Influence. Routledge. 2013. Vol. 8. Issue 4. pp. 217-236. doi:10.1080/15534510.2012.706233.

К вопросу о связи эмоционального интеллекта и креативности у осужденных за мошенничество и агрессивно-насильственные преступления

Бочкова М.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В последние годы особое внимание психологов сфокусировано на креативности, проявляющейся в различных формах криминального поведения. В данном случае важно понять, что способствует реализации креативного потенциала в преступлениях (Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., 2016). Исследования зарубежных авторов показывают, что одним из медиаторов связи антисоциальной креативности и агрессии является эмоциональный интеллект (Бочкова М.Н., Мешкова Н.В., 2018). Под антисоциальной креативностью понимают решение нелегитимной задачи нелегитимными или деструктивными способами, нанесшими вред другим людям (Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., 2018).

Объектом нашего эмпирического исследования стала антисоциальная креативность; предметом – характер взаимосвязи креативности и эмоционального интеллекта у преступников, осужденных за мошенничество, воровство (N=15, средний возраст 30) и агрессивно-насильственные преступления (N=15, средний возраст 40). Было выдвинуто предположение, что взаимосвязь антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта отличается у осужденных за агрессивно-насильственные преступления и мошенничество. Использовались опросники агрессивности А. Басса и М. Перри, «The malevolent creativity behavior scale» (Hao et al., 2016) (см. Мешкова Н.В. и др., 2018), «Эмоциональный интеллект» (Д.В. Люсин). Исследование проводилось в исправительной колонии ИК-5 г. Владимира.

Сравнение средних по Т-критерию выявили, что в выборке мошенников межличностный интеллект значимо ниже по сравнению с осужденными за агрессивно-насильственные преступления (ур. знач. 0,026).

В выборке мошенников были выявлены следующие корреляции (по Спирмену) вредоносной креативности: положительные с агрессией, враждебностью, гневом; отрицательные – со шкалами внутриличностного интеллекта, управления эмоциями и пониманием эмоций. Регрессионный анализ в выборке мошенников показал, что 95% дисперсии значений вредоносной креативности обусловлены влиянием способности понимать эмоции и враждебности ($\beta = -,662$ и $,511$; значимость $,000$ соответственно).

В выборке агрессивно-насильственных преступников не было выявлено никаких корреляций вредоносной креативности, но были выявлены положительные корреляции межличностного эмоционального интеллекта с гневом и агрессией (коэффициенты корреляции $,540$ и $,646$; значимость корреляций $p < ,05$ и $0,1$ соответственно). Данные нуждаются в дальнейшем осмыслении, для чего необходимо продолжить исследование и провести анализ модераторов связи антисоциальной креативности и агрессии.

Таким образом, полученные результаты подтвердили гипотезу исследования о том, что взаимосвязь антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта отличается у осужденных за агрессивно-насильственные преступления и мошенничество.

Литература

1. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 49–59.
2. Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 1. С. 147–163.
3. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.09.2018).
4. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 2. С. 279–290.
5. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol. 2016. Vol. 7. P. 682.

О роли проагрессивных и ингибирующих агрессию личностных структур в исследовании противоправного агрессивного поведения сотрудников правоохранительных органов

Василенко Т.Г.

Главное управление МВД России по г. Москве

(г. Москва, Россия)

Значительное количество преступлений совершается сотрудниками правоохранительных органов (Лютых В.А., Коноплева И.Н., 2016; Марьин М.И., Бочкова А.А., 2014), при этом существенную долю составляют преступления против личности агрессивного-насильственной направленности: убийства, причинение смерти по неосторожности, причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, изнасилования и др. (Варыгин А.Н., 2013). Обусловленная данным фактом необходимость своевременной оценки риска противоправного агрессивного поведения сотрудников правоохранительных органов и разработки соответствующих мер профилактики определяет актуальность выявления психологических механизмов совершения насильственных действий у данного контингента с учетом ингибирующих агрессию структур: ценностных, социально-нормативных, диспозиционных, эмоциональных, коммуникативных, интеллектуальных ингибиторов агрессии и психологических защитных механизмов (Калашникова А.С., Василенко Т.Г., 2013), играющих наибольшую роль в формировании противоправного поведения (Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Царьков А.Е., 2017).

Цель исследования: сравнение индивидуально-психологических особенностей бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений агрессивного характера, и действующих сотрудников правоохранительных органов.

Проанализированы личностные особенности 245 испытуемых мужского пола от 18 до 35 лет. Экспериментальную группу составили 96 бывших сотрудников правоохранительных органов, отбывающих наказание в исправительной колонии г. Рязань за совершение криминально-агрессивных правонарушений по статьям УК РФ: 105, 111, 112, 115, 116, 117, 131, 132, 162, 163, 318. Контрольную группу составили 149 сотрудников ОМОН г. Москвы, обязанности которых сопряжены с проявлением агрессии при осуществлении служебной деятельности в установленном законом порядке.

Применялась широкая батарея методик, направленных на оценку проагрессивных личностных структур и структур, носящих преградный (ингибирующий агрессию) характер. Статистическая обработка проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Данные сравнительного анализа показали, что ингибирующие агрессию личностные структуры в форме волевой саморегуляции более выражены у действующих сотрудников подразделения особого назначения при значимо более высоком уровне агрессивности у бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение криминально-агрессивных деяний. Обнаружено, что выраженность защитных механизмов регрессии, замещения, компенсации и гиперкомпенсации, а также эгоцентричная направленность ценностной сферы при высоких ожиданиях от окружающих значимо преобладают у бывших сотрудников правоохранительных органов, отбывающих наказание за совершение преступлений

агрессивно-насильственного характера. При этом обнаружено, что выраженность защитных механизмов отрицания, проекции и рационализации при обесценивании и минимизации влияния стрессовых ситуаций, а также направленность ценностной сферы на достижения во благо ближайшего окружения и общества в целом путем совершенствования качества выполняемой деятельности при сотрудничестве и взаимоуважении в значимо большей степени преобладает у сотрудников отряда мобильного особого назначения, выполняя ингибирующую агрессию функцию.

Таким образом, полученные результаты применимы в разработке направлений оценки риска противоправного агрессивного поведения сотрудников правоохранительных органов, а также мер профилактики с акцентом на развитие механизмов саморегуляции, перестройку иерархии ценностных ориентаций, психологическую коррекцию механизмов психологической защиты.

Литература

1. Варыгин А.Н. О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т.1. №1. С. 21-26.
2. Калашникова А.С., Василенко Т.Г. Особенности проявления проагрессивных и ингибирующих агрессию структур у лиц, совершивших агрессивные правонарушения // Психология и право. 2013. № 3. С. 44-54.
3. Лютых В.А., Коноплева И.Н. Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений // Психология и право. 2016 (6). № 2. С.128–141.
4. Марьин М.И., Бочкова А.А. Психологические особенности сотрудников органов внутренних дел, склонных к противоправному поведению // Прикладная юридическая психология. 2014. №3. С. 47-53.
5. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Царьков А.Е. Клинико-психологические факторы криминальной агрессии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 44–58. doi:10.17759/psylaw.2017070405. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n4/88645.shtml> (дата обращения: 01.10.2018).

Зависть как фактор девиантного поведения

Вертягина Е.А.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

(г. Саратов, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Социально-психологическая структура, детерминанты и механизмы регуляции зависти», проект № 18-013-00134 А.

Девиантное (отклоняющееся) поведение – это поведение, нарушающее социальные и культурные нормы. Оно выражается в форме проступков или преступлений (Шнейдер Л.Б., 2005). К разновидностям девиантного поведения некоторые авторы относят делинквентное (противоправное) и аддиктивное (зависимое). Большой интерес представляют субъективные факторы отклоняющегося поведения.

Целью проведенного нами исследования являлось изучение гендерных особенностей взаимосвязей зависти с видами девиантного поведения у лиц юношеского возраста.

Психодиагностическое обследование проведено с применением следующих методик: «Методика исследования завистливости личности» (Бескова Т.В., 2012), «Проявление зависти и ее самооценка» (Бескова Т.В. 2011), «Методика склонности к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел), «Степень приемлемости различных видов девиантного поведения» (Муздыбаев К., 2002).

Участники обследования – 100 студентов вузов г. Саратова (52 юноши и 48 девушки) в возрасте от 18 до 21 года.

В рамках настоящего исследования зависть определяется как социально-психологическое отношение к успеху (достижениям, превосходству) Другого, сопровождающееся комплексом негативных эмоций, осознанием своего более низкого положения, желанием прямо или косвенно нивелировать выявленное превосходство и восстановить субъективное равенство (Бескова Т.В., 2013).

У девушек зависть может приводить к аутоагрессии – склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению. Для юношей более характерна стеническая реакция при переживании зависти: в поведении проявляются «юношеская горячность», агрессивность, импульсивность. Именно зависть-неприязнь способствует формированию у юношей склонности к делинквентному и аддиктивному поведению.

Девиантное поведение в юношеском возрасте главным образом связано с оценкой личного (внешняя привлекательность) и социального (материальный достаток, дорогие вещи) успеха. Практически все виды девиантного поведения девушек, в том числе самоповреждающее и саморазрушающее, обусловлены завистью к материальному достатку и дорогим вещам. Зависть юношей более многолика в проявлении девиаций. Так, юношеская аддикция обусловлена переживанием зависти к внешней привлекательности; карьере; умению общаться; наличию преданных друзей; досуга. Подчеркнем, что склонность к аутоагрессии при переживании зависти у юношей не выявлена. Профессиональная реализация, достижение материальных благ, наличие преданных друзей снижают риск проявления агрессии и насилия у юношей.

Зависть как сложный социально-психологический феномен реализуется на личностном и социальном уровнях, обуславливает формирование самоотношения и самооценивания, определяет особенности адаптации личности в изменяющемся мире

(Вертягина Е.А., 2016), проявление склонности к различным видам отклоняющегося поведения.

Литература

1. Бескова Т.В. Зависть: психологическая картина и методы диагностики: Учебное пособие // Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 48-53.
2. Бескова Т.В. Методика исследования завистливости личности // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 127-141.
3. Бескова Т.В. Социально-психологическая структура и детерминанты зависти. Саратов: Изд-во Сарат. гос. университета, 2013. 324 с.
4. Вертягина Е.А. Адаптация как психологический феномен // Современные проблемы и перспективы развития педагогики и психологии: сборник материалов 10-й международной науч.-практ. конф., (г. Махачкала, 22 мая, 2016 г.). Махачкала: ООО «Апробация», 2016. С. 104-106.
5. Муздыбаев К. Завистливость личности // Психологический журнал. 2002. Том 23. № 6. С. 43-44.
6. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М.: Академический Проект, 2005. 336 с.

Безопасность как мотив коррупционного поведения

Воронова Ю.В.

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коррупция как социально-психологический феномен трансформируется в контексте развития общества. Системность и организационный характер современной коррупции безусловно оказывают влияние и на характер мотивации коррупционного поведения.

В научной литературе принято говорить о корыстном и игровом мотивах, которые не являются взаимоисключающими, а скорее дополняют друг друга. По нашему мнению, в современных условиях развития коррупционной культуры и масштабов ее распространения, имеет смысл учитывать в качестве мотива коррупционной деятельности стремление личности к безопасности. Как правило, он актуален для тех представителей государственных структур, которые готовы и хотят работать честно.

Безопасность государственного служащего в контексте реализации профессиональной деятельности явление многоаспектное, обусловленное, с одной стороны, особенностями восприятия опасности личностью, с другой, особенностями функционирования организации.

Например, адаптация в коррумпированной организации индивида не склонного к коррупции будет происходить болезненно. Антикоррупционная направленность такой личности будет мешать процессу идентификации с организацией, для которой

коррупция является нормой. Это будет сопровождаться невозможностью карьерного роста, профессиональным выгоранием и прочими негативными явлениями. Высока вероятность оказаться «за бортом» профессии со всеми вытекающими последствиями. Из соображений личной безопасности и безопасности своих близких профессионал может принять решение следовать правилам и нормам коррумпированной организации.

В более глобальном смысле мотивация безопасности может являться основой для реализации коррупционной стратегии «захват бизнеса», которая, в данном контексте, будет направлена на обеспечение контроля над бизнесом с целью извлечения государственной выгоды, в основе которой личная заинтересованность. Профессионал в своей деятельности руководствуется сложной многоуровневой системой мотивов, детерминированных как «интересами дела», так и исключительно личными интересами. Но при определенных условиях удовлетворение личных интересов возможно только путем удовлетворения «интересов дела». В современных условиях эффективность работы чиновников определяется на основе формальных показателей без учета реальной возможности их достижения. Например, реализация различных социальных программ, утвержденных на федеральном уровне, требует существенных финансовых вливаний, однако бюджет региона или города весьма ограничен. Достижение необходимых показателей возможно за счет привлечения финансирования со стороны коммерческих организаций, а также непосредственным исполнением работ коммерческими структурами за счет собственных ресурсов. Стратегия «захват бизнеса» предполагает либо создание условий, при которых руководители коммерческих структур вынуждены решать проблемы региона, либо обеспечение контроля деятельности организации за счет введения в ее руководство «своего» человека. Таким образом, в основе реализации данной стратегии могут быть вполне «благие» намерения – сохранение (или увеличение) рабочих мест в регионе, обеспечение населения доступным и качественным жильем и т.д., что решает социальные проблемы и благоприятно отражается на ситуации в регионе, следовательно, и в государстве.

Но будет ли поведение, в основе которого лежит мотив безопасности, коррупционным? По нашему мнению, в основе сохранения себя в профессии, своего статуса, финансового благополучия, положительного имиджа лежит личная заинтересованность, следовательно, такое поведение является коррупционным.

Психологические факторы делинквентного поведения подростков

Гартвик Е.В.

Калининский районный суд г. Челябинска

(г. Челябинск, Россия)

Проблема делинквентного поведения несовершеннолетних остается на сегодняшний день достаточно актуальной для специалистов различных направлений,

поскольку ежегодно фиксируется большое число случаев отклоняющегося поведения несовершеннолетних, которые проявляются в антиобщественных поступках (алкоголизм, наркомания, нарушение общественного порядка, хулиганство, вандализм и др.).

Кроме исследования личностных особенностей подростков с делинквентным поведением нами были проведены исследования «модели психического» («Theory of Mind») таких подростков. Модель психического в зарубежной психологии определяется как некоторая система концептуализации знаний о собственном психическом и психическом других людей. Термин «Theory of Mind» заимствован из философии сознания Дж. Фодора. Способность атрибутировать собственные ментальные состояния и ментальные состояния других предполагает концептуализацию знаний, так как ментальные состояния большей частью непосредственно не наблюдаемы. Представление о ментальных состояниях позволяет предсказывать и объяснять человеческое поведение, то есть концептуальная система, лежащая в основе таких представлений, имеет объяснительную силу аналогичную теории. Это объясняет суть принятого термина – «Theory of Mind».

Когнитивная психология и психология в целом давно испытывает потребность анализа житейской психологии как совокупности интуитивных, спонтанных, обыденных знаний и понимания психического мира. Данная область исследований как раз и открывает эту возможность.

При проведении исследования понимания ментального и физического мира подростками с делинквентным поведением и подростками, не совершавшими правонарушений, обнаружена общая закономерность в развитии понимания ментального и физического мира при типичном развитии в дошкольном возрасте, что свидетельствует о формировании единой многоуровневой системы внутреннего ментального опыта для понимания социума и физического окружения. Непрерывность процесса развития понимания ментального и физического мира характерна для типично развивающихся детей. Это означает, что способность построения моделей ментального и физического мира для понимания социума и физической реальности опирается на более низкие уровни базовых представлений о физическом и ментальном мире.

По нашему мнению предиктором делинквентного поведения подростков может выступать дефицит в развитии понимания ментального и физического мира, и обусловлено это нарушениями в отдельных модулях способностей понимания социального мира и физической реальности.

Развитие понимания ментального мира других людей отражает уровень организации модели психического. На низком уровне дети более успешны в распознавании положительных эмоций, понимании намерений других людей и только начинают предсказывать и объяснять поведение Других в простейших ситуациях. Дальнейшее развитие и усложнение модели психического позволяют детям легко идентифицировать все основные эмоции и понимать их причины, прогнозировать все

основные эмоции и понимать их причины, прогнозировать и объяснять поведение других людей, а также влиять на него, опираясь на знания об их ментальных состояниях.

Для оценки развития модели психического мы остановились на задачах, которые являются ключевыми для модели психического и необходимы для понимания социальных взаимодействий. Нами были разработаны нарративные задания, которые направлены на анализ представлений о понимании подростками ментальных состояний и их причин в процессе социальных взаимодействий. Данный метод, позволяет оценить способность распознавания эмоций и ментальных причин этих эмоций на основе рассказа (вербальное описание ситуаций) у подростков.

Как показали предыдущие исследования, понимание эмоций и причин в контексте вербального ситуативного описания успешно даже у детей 3-летнего возраста (Прусакова, Сергиенко, 2006). В нашем исследовании рассказы направлены на понимание намерений и ситуативно обусловленных эмоций, т.е. компонентов понимания ментального мира других людей, что позволяет оценить уровень сформированности модели психического.

Подросткам предлагались рассказы и вопросы, связанные с пониманием этих рассказов, а именно три нарратива, отражающие типичные социальные взаимодействия подростков: ситуация взаимодействия подростка со сверстниками, ситуация взаимодействия подростка с родителем, ситуация взаимодействия подростка с незнакомым взрослым (на эмпатию).

Результаты исследования позволяют заключить, что подростки с делинквентным поведением испытывают дефицит развития у них модели психического, что может быть обусловлено снижением интеллекта как необходимого условия для становления этой способности.

Модель психического лежит в основе восприятия и интерпретации поведения других людей в терминах ментальных состояний. В дальнейшем с ее помощью мы можем делать выводы о причинах, побудивших подростков совершать правонарушения, о мотивах их действий. Подростки с дефицитом модели психического, могут воспринимать всю информацию, относящуюся к поведению людей (движения тела, мимику и т.п.), но у них отсутствует сам механизм, который в дальнейшем позволит им с легкостью интерпретировать и понимать смысл этой информации. По всей видимости, непонимание ментальной причинности и невозможность объяснить поведение других людей в терминах ментальных состояний подростками с делинквентным поведением обусловлены дефицитом развития у них модели психического.

Наиболее ярко дефицит модели психического выражен у подростков в условиях семейной депривации, когда когнитивная способность понимать различие между причиной эмоции и ее проявлением не сформирована.

Полученные данные о дефицитности модели психического ставят вопрос о роли семейной среды для развития данной способности.

Исследование взаимодействий в семье указывают на то, что на успешность понимания подростком неверного мнения влияли такие факторы, как внимание родителей к ментальным состояниям при общении с детьми, их заинтересованность жизнью ребенка и интеллектуальный уровень.

В нескольких лонгитюдных исследованиях было показано, что модель психического является важным основанием для развития социальной компетенции, понимания конфликтных ситуаций, коммуникативных возможностей, достижения социальной компетенции. В свете этих данных получают объяснения факты социальной некомпетентности подростков с делинквентным поведением, их неспособность прогнозировать последствия, невосприимчивость к чужим эмоциям.

Дальнейшее изучение психологических факторов делинквентного поведения подростков, позволит выявить внутренний «потенциал ресоциализации» и разработать стратегию реабилитации и реинтеграции подростка – правонарушителя.

Моральный выбор и особенности личности

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Проблема морального выбора имеет важное практическое значение при исследовании причин и разработке методов профилактики девиантного поведения. Одним из инструментов исследования принятия моральных решений являются задачи, в которых испытуемому предлагается представить себя в сложной ситуации и сделать выбор, который может вызвать конфликт между моральными убеждениями, ценностями и представлениями о справедливости, общем благе или выгоде. J.D.Greene с соавторами (Greene, et al., 2004) предложили моральные дилеммы, которые делятся на группы: «нейтральные» (не требуют разрешения каких-либо конфликтов), «безличностные» (затрагивают мораль и эмоции, но не вызывают сильного внутреннего конфликта) и «личностные» (требуют разрешения острого конфликта, например принять решение об «убийстве» собственного ребенка в безнадежной ситуации, чтобы спасти хотя бы других людей).

Для исследователей интерес представляют испытуемые, которым удастся выйти из конфликта, подавив эмоциональную реакцию. Так при некоторых психических заболеваниях больные хуже понимают социальный контекст, и их решения часто отличаются от общепринятых. Пациенты с двусторонними повреждениями вентромедиальной префронтальной коры в воображаемых ситуациях не видят разницы между убийством, совершаемым заочно (например, путем нажатия кнопки), и собственноручным, тогда как здоровым людям разница представляется огромной. Некоторым людям удастся подавить эмоциональную реакцию, так как их эмоциональная реакция снижена из-за субъективного снижения эмоциональной значимости «жизни», как это бывает при суицидальном риске (Казьмина О.Ю. и др., 2015).

Целью исследования был анализ связи моральных решений и способности понимать социальный контекст и собственное эмоциональное состояние, личностных особенностей, имплицитных предпочтений.

В исследовании приняли участие 40 здоровых испытуемых (19 мужчин и 21 женщина), и 34 пациента клиники НЦПЗ из группы суицидального риска (16 мужчин и 18 женщин). Все испытуемые выполнили тест «Моральные дилеммы» содержащий 30 дилемм (Ениколопов С.Н. и др., 2018), Тест эмоционального интеллекта (MSCEIT V2.0), дополнительно был введен параметр «амбивалентность» - вычислялся как сумма всех сделанных выборов по секции Е. «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA), позволяющий оценить спектр патологических состояний, которым соответствует сложившийся тип организации структуры личности. Тест имплицитных ассоциаций (IAT), в модифицированной версии испытуемые сортировали стимульные слова из категорий «Смерть» и «Жизнь».

Результаты. У тех, кто делает больше личностных выборов снижена способность эффективно управлять своими эмоциями (секция D теста MSCEIT) ($r = -.495$, $p = .043$), меньше нюансов в оценке собственного эмоционального состояния (снижается амбивалентность) ($r = -.570$, $p = .014$).

При выполнении теста Аммона личностные выборы увеличивались при увеличении патологических проявлений агрессии ($r = -.331$, $p = .025$), дефицитарного страха ($r = -.418^{**}$, $p = .004$), деструктивного и дефицитарного нарциссизма ($r = -.416^{**}$, $p = .004$), деструктивного внутреннего и внешнего отграничений.

Увеличение личностных выборов связано с имплицитным предпочтением «смерти» – сдвиг *IAT-эффекта* в сторону ассоциативной связи «Я+Смерть» ($r = .301$, $p = .008$).

Полученные результаты позволяют выявить особенности личности, влияющие на моральный выбор.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Казьмина О.Ю., Воронцова О.Ю. Моральные суждения и имплицитное отношение к смерти при суицидальном риске // Суицидология. 2018. Т. 9. N 1. С. 44-52.
2. Казьмина О.Ю., Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Борисова О.А. Прогноз суицида при депрессии // Вопросы психологии. 2015. Т. 3. С. 38-48.
3. Greene J.D., Nystrom L.E., Engell A.D., Darley J.M., Cohen J.D. The neural bases of cognitive conflict and control in moral judgment // Neuron. 2004. V. 44. N 2. p. 389-400.

Классификация «отсылочных» категорий и понятий в юридической психологии

Ильина В.А.

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ (г. Иркутск, Россия)

Расстановка приоритетных направлений в системе знаний юридической психологии является одной из актуальных и постоянно действующих задач, стоящих перед психологами. «Наша задача, – отмечается в одном из учебников по юридической психологии, – восполнить образовавшийся пробел, показать основные наиболее значимые и важные современные направления развития юридической психологии, в первую очередь в ее прикладном аспекте» (Юридическая психология, 2011).

В целях реализации данной задачи научный интерес может представлять такой уникальный способ организации и систематизации эмпирического массива информации как классификация. Классификация категорий (понятий) юридической психологии, их унификация и систематизация, имеет важное значение в деятельности юридического психолога, а также тех, кто использует знания юридической психологии (юристов, социологов, политологов и т.д.). Между тем, классификация категориального аппарата ныне составляющего содержательную часть учебников и учебных пособий по юридической психологии не видится как целесообразная. По мнению автора, она не в состоянии показать перспективу развития юридической психологии, хотя и обобщит «вчерашние» взгляды исследователей на приоритетность ее направлений.

Известно, что в юридической психологии категориально-понятийный аппарат имеет определенную специфику. Данная специфика развернуто отражена в работах А. Р. Ратинова, В. М. Позднякова, Ф. С. Сафуанова, О. Д. Ситковской и др. Ученые отмечают важность адаптации (конкретизации) общепсихологических категорий к конкретному предмету исследования юридической психологии, включая и конструирование некоторых производных понятий, отсутствующих в общей психологии, но выводимых, в конечном счете, с учетом ее общих положений (Ситковская О.Д., 2013).

Классификацию как общенаучный метод познания можно рассматривать в качестве первоначального этапа работы с категориями. По мнению автора, классификация категорий (понятий) в юридической психологии – есть согласование в рамках междисциплинарных связей запросов правоприменителя и законодателя и «отдачи» необходимых знаний юридической психологией, ранжирование категорий по значимости (прежде всего прикладной) и дальнейшая расстановка приоритетов исследования.

В качестве одного из подходов к классификации категорий (понятий) в юридической психологии может стать метод выборки из рекомендуемых учебников по правовым дисциплинам тех категорий и понятий, которые имеют так называемое «отсылочное» значение, т.е. отсылают к знаниям психологии, философии, социологии и др. С данными «отсылочными» категориями и понятиями, по всей видимости и должна работать юридическая психология, адаптируя их к практике правоприменения.

К примеру, в уголовном праве одной из базовых является категория «преступление». В учебнике по уголовному праву пишется: «... под преступлением

понимается только деяние, т.е. поведение человека, выраженное в определенной объективной форме. Ни мысли, ни намерения, ни цели человека, если они не нашли своего внешнего выражения, не воплотились в поступке, – не могут признаваться преступлением» (Уголовное право России, 2009.). Таким образом, «отсылочными» категориями (понятиями) являются «поведение» и «поступок».

Между тем, анализ отдельных учебников по юридической психологии показал, что в ряде из них не упоминается, например, о поступке, его психологической сущности, а о психологических аспектах поведения говорится лишь вскользь. Не раскрываются, к сожалению, в юридической психологии такие важные категории и понятия, как «личностная незрелость», «садизм», «общественная нравственность», «индивидуальность», «интерес», «интеллект», «представление», «направленность», «самооценка», «экстремальность», «человеческое достоинство», «месть», «зависть», «толпа» и др. Происходит прямое заимствование данных категорий из общепсихологической литературы, что не всегда, как показывает практика, является правильным.

Очевидно, что классификацию можно провести с помощью иных качественных и количественных математических приемов (иерархических, фасетных). В целом классификация – это доступный и неоправданно забытый метод организации эмпирического материала и расстановки приоритетов. Считается, что субъект, владеющий ключом (критерием) классификации, получает возможность ориентироваться в многообразии понятий и объектов. Классификация всегда отражает имеющийся на данный момент времени уровень знания, суммирует его, как бы дает его «топологическую карту». Кроме того, классификация позволяет обнаруживать пробелы в существующем знании, служить основанием для диагностических и прогностических процедур, в целом она выступает итогом и целью познания (Всемирная энциклопедия, 2001).

Литература

1. Всемирная энциклопедия: Философия / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
2. Ситковская О.Д. Методология юридической психологии // Библиотека криминалиста. 2013. № 3 (8). С. 329–343.
3. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М.: Эксмо, 2009. 496 с.
4. Хрестоматия по психологии: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. В. В. Мироненко; под ред. А. В. Петровского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1987. 447 с.
5. Юридическая психология: учебник / под науч. ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. 472 с.

Психологические особенности правонарушающего поведения пешеходов

Костина Л.Н.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

Актуальность рассмотрения заявленной темы вызвана тем, что: пешеходы являются наиболее многочисленной и самой уязвимой группой участников дорожного движения; основными видами дорожно-транспортных происшествий в России остаются столкновения транспортных средств и наезды на пешеходов.

Для изучения психологических особенностей пешеходов-правонарушителей проведен опрос (Костина Л.Н., 2014), в котором приняли участие 138 граждан (учащиеся 14-17 лет, студенты 20-21 лет, служащие 30-50 лет, пожилые лица в возрасте старше 55 лет) и сотрудники Госавтоинспекции из различных регионов РФ (82 чел.). По мнению сотрудников, наибольшее количество нарушений Правил дорожного движения (ПДД) допускают лица подросткового и юношеского возрастов, наименьшее - пожилые люди. Пешеходы мужского пола подросткового и юношеского возрастов чаще нарушают ПДД, чем женского пола того же возраста. Причем пешеходам женского пола свойственны незначительные правонарушения, тогда как мужчинам – рискованные и грубые нарушения.

Судя по ответам пешеходов, каждый из них имеет правонарушения. Во всех четырех типичных для них ситуациях (при переходе через дорогу, выходе из общественного или личного транспорта, в ситуации спешки) значительным опытом нарушений обладают более трети опрошенных пожилых лиц. Каждый третий взрослый и студент, а также каждый четвертый подросток в двух типичных ситуациях нарушает правовые предписания.

По мнению опрошенных сотрудников, каждый второй пешеход, совершивший дорожно-транспортное происшествие, ранее неоднократно допускал нарушение ПДД (злостный тип), а каждый третий – склонен к нарушениям при наличии благоприятной к этому ситуации (ситуационный тип). Они считают, для пешеходов-правонарушителей характерно: снижение чувства долга и социальной ответственности; недостаточно развитые способности к оценке и прогнозированию дорожной ситуации; невнимательность; состояние утомления или опьянения.

По мнению сотрудников Госавтоинспекции, низкий уровень правосознания способствует нарушению пешеходами ПДД. Это подтверждается результатами опросов пешеходов, половина из которых не реализует сформированные знания ПДД в своем поведении. Единственным утешением служит проявление этими гражданами осмотрительности, которая, на их взгляд, обеспечивает безопасность на дороге. Другая половина опрошенных высказали нейтрально-негативное оценочное суждение о деятельности сотрудников Госавтоинспекции, а также нейтрально-отстраненное отношение к пешеходам-нарушителям. Такая деформация эмоционального компонента правосознания негативным образом сказывается на процессе и результате развития правосознания. Поведение таких пешеходов на дороге регулируется либо

страхом перед наказанием и боязнью за жизнь, либо давлением группы лиц. Полагаем, что причиной тому является психологически непродуманная система юридико-педагогической работы (Столяренко А.М., 2003), которая ориентирована, прежде всего, на знание и соблюдение ПДД.

Таким образом, исследованием установлено, что для пешеходов-правонарушителей характерны следующие психологические особенности: легкомысленно-безответственная или устойчивая антисоциальная направленность личности; деформации правосознания; сниженное чувство долга и социальной ответственности; недостаточно развитые способности к оценке и прогнозированию дорожной ситуации; невнимательность, состояние утомления и опьянения; склонность к эмоциональной реакции в ситуациях дорожного движения. Знание этих особенностей позволяет определить ориентиры для надлежащей организации профилактической и пропагандистской деятельности в целях сохранения жизни и здоровья граждан.

Литература

1. Психология в пропаганде безопасности дорожного движения: учебное пособие / Л. Н. Костина. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2014. 100 с.
2. Столяренко А.М. Психология и педагогика: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 415 с.

Личность коррупционного преступника: результаты психологического исследования

Кроз М.В., Ратинова Н.А.

ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Исследование психологических особенностей личности коррупционного преступника проводилось в Академии Генеральной прокуратуры РФ (сейчас – Университете прокуратуры) в 2016–2017 годах. Его теоретической основой выступала ценностно-нормативная теория личности преступника А.Р. Ратинова. Соответственно, основным предметом изучения выступала ценностная сфера коррупционного преступника. Кроме того, анализировались их отдельные характерологические свойства, а также особенности самооценки.

Было обследовано 72 бывших сотрудника правоохранительных органов, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности. В контрольную группу входил 61 законопослушный государственный служащий. В исследовании использовались пять опросных методик и проективный Цветовой тест отношений в авторской модификации. При этом четыре из них в той или иной форме были направлены на изучение ценностных ориентаций личности. Это позволяло осуществлять взаимный перекрестный контроль полученных результатов, что повышало их надежность.

Основные результаты исследования.

1. Наиболее важный и одновременно неожиданный результат заключался в том, что у обследованных коррупционных преступников (равно как и у представителей контрольной группы) *значимость материальных ценностей была невысока*. Она находилась либо в самом конце ранжированных списков ценностей (по двум тестам), либо в его нижней части (по двум другим методикам). При этом данные опросных и проективной методики продемонстрировали достаточно высокую согласованность.

2. Наиболее значимыми для коррупционных преступников являлись такие ценности как: *свобода, семья, любовь, дети, здоровье, образование, новые знания, расширение кругозора*. Аналогичные ценности были важны и для законопослушных граждан. Наименее существенными для членов обеих групп, помимо материальных благ, выступали: *развлечения, общественное признание, переживание прекрасного, высокие запросы и власть*.

3. Среди различных человеческих качеств и осужденные, и законопослушные граждане наиболее высоко оценивали *ответственность, честность, образованность и самостоятельность*. Лица, вошедшие в обе группы обследованных, характеризовались наличием *внутреннего локуса контроля*, склонностью брать на себя ответственность за происходящие в жизни события, а не приписывать их внешним влияниям или обстоятельствам.

4. По данным исследования коррупционные преступники предстали *прагматичными людьми, нацеленными на получение конкретного результата в любой деятельности*, которой они занимаются. Законопослушным гражданам было важнее, чтобы их работа представляла интерес сама по себе.

5. Выявлено серьезное расхождение высокой значимости для обследованных, вошедших в обе группы, таких нравственных категорий, как *совесть, мораль, порядочность*, и одновременно низкой ценности *закона* (особенно для преступников) и *власти* (для обеих групп). Если негативное отношение к закону у осужденных свидетельствует об имеющихся у них дефектах правосознания, то невысокое место, которое ценность закона занимает в иерархии законопослушных обследованных, часть из которой составляют профессиональные юристы, является весьма неблагоприятным фактом.

6. Коррупционные преступники обладают высокой, даже несколько *завышенной самооценкой* по всем использованным в исследовании параметрам, кроме одного – оценки своего актуального состояния («я сегодня»)¹. Наиболее адекватно коррупционные преступники оценивают свое настоящее, а наименее – свое будущее. В последнем случае самооценка является *неадекватно завышенной*, излишне оптимистичной.

¹ Кроме того, обследованные оценивали с помощью цветоассоциативного теста свое прошлое и будущее, а также идеальный образ я.

Многие выявленные различия в результатах между обследованными группами коррупционных преступников и законопослушных граждан, на наш взгляд, обусловлены не только характером совершенного первыми противоправного деяния, но и фактом их длительного нахождения в исправительных учреждениях. Можно констатировать, что результаты исследования в первую очередь отражают сложность и неоднозначность самой проблемы – психологии личности человека, совершившего преступление коррупционной направленности.

Использование типологического подхода при составлении психологического портрета сексуального преступника

Мартынова А.О.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Н.В. Дворянчиков

В работе правоохранительных органов составление психологического портрета неустановленного преступника (профайлинг) имеет важное прикладное значение. Практика его разработки имеет многолетнюю историю как в нашей стране, так и за рубежом. В России на сегодняшний день созданием и разработкой психологических портретов занимаются такие ученые-психологи, как: Конышева Л.П., Ситковская О.Д., Антонян Ю.М., Афиногенов А.И. и др., Основными направлениями исследований являются разработка типологий серийных сексуальных преступников, выявление основных психологических признаков личности и поведения преступников, а также поиск их статистической значимости, создание различных моделей сексуальных преступников и формирование психологических портретов в связи с конкретными поисковыми целями.

Однако, главной проблемой данного метода было и до сих пор остается отсутствие единого системного подхода, недостаточная теоретическая обоснованность и методическая оснащенность и универсальность. Поэтому исследования в данной области представляются нам достаточно перспективными.

На базе подхода Ситковской О.Д. и Конышевой Л.И., которые выделили 3 основных вида серийных сексуальных преступников: «ситуативники», «силовики» и «сексуальные маньяки» (Логунова О.А., Дворянчиков Н.В., Демидова Л.Ю., 2012; Ситковская О.Д., Конышева Л.И., 2002), разрабатывается методика, нацеленная на применение типологического подхода в профилировании не только для специалистов-психологов, но и для сотрудников правоохранительных органов, для которых она будет иметь прикладное значение. В ее основе – определение соотношения ситуативных и личностных факторов при совершении преступлений на сексуальной почве, механизмов регуляции поведения преступников, а также в опоре не только на «чистые» типы, выделенные Ситковской О.Д. и Конышевой Л.И., но и на смешанные, так как на практике они встречаются почти в 2 раза чаще (их

углубленное рассмотрение и изучение) (Логунова О.А., 2016). Такой подход сможет значительно сократить время следственных действий и способствовать их оперативному проведению.

В перспективе разработке данной методики представляется возможным, с учетом уже имеющихся данных, более углубленное изучение механизмов криминального поведения преступников, их мотивационных детерминант и формирования криминальной агрессии у конкретного типа (чистого или смешанного) преступника.

Литература

1. Логунова О.А. Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц. Дис... канд. наук. Москва, 2016. 233 с.
2. Логунова О.А., Дворянчиков Н.В., Демидова Л.Ю. Типологические особенности личности и поведения серийных сексуальных убийц. Психолого-педагогические исследования. 2012. № 2.
3. Ситковская О.Д., Конышева Л.И. Участие психолога в раскрытии и расследовании серийных убийств. Москва, 2002. 105 с.

Об адаптации опросника «поведенческие проявления антисоциальной креативности» на российской выборке

Мешкова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,

Ениколопов С.Н.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»,

Мешков И.А.

(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00608-ОГН-А «Личностные и ситуативные особенности асоциальной и негативной креативности».

Интерес психологов к антисоциальной (malevolent) креативности обусловлен использованием креативного потенциала в мошенничестве, коррупции и террористических актах (обзор см. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., 2016). Зарубежными авторами под руководством М.Ранко был разработан опросник «The malevolent creativity behavior scale» (MCBS) (Hao et al., 2016), предназначенный для выявления креативности, реализующейся в нанесении вреда другим людям. Опросник включает 13 вопросов, касающихся действий в обыденной жизни. Ответы на вопросы суммируются, и, чем больше сумма баллов, тем выше показатель вредоносной креативности. Оригинальная версия опросника показала высокие репрезентативность, надежность и конвергентную валидность и значимые корреляции с агрессией, экстраверсией и открытостью опыту. Согласно регрессионному анализу, значимым

позитивным предиктором шкалы MCBS (зависимая переменная) стал интегральный показатель агрессии ($\beta=0.50$, $p < 0.01$) (Hao et al., 2016).

Опросник адаптировался нами в 2016-2018 г.г. на выборке из 458 человек (осужденные за корыстные, агрессивно-корыстные и агрессивно-насильственные преступления; сотрудники силовых ведомств, футбольные болельщики; учащиеся образовательных учреждений разного профиля г. Москвы).

Согласно процедуре оценки уровня факторных нагрузок шкал опросника, все шкалы надежны и пункты хорошо работают на шкалы, кроме одного вопроса, который мы исключили из опросника. Трехфакторная структура переводной версии соответствует оригинальной версии и включает 3 шкалы: «Нанесение вреда», «Ложь» и «Злые шутки».

В конфирматорном факторном анализе использовался AGSL – метод, предназначенный для анализа данных с распределением, отличающимся от нормального. С помощью программы структурного моделирования EQS была выбрана иерархическая модель с полинагруженностью одного из пунктов, имеющая теоретическое обоснование и лучшую согласованность (коэффициенты альфа Кронбаха и надежности RHO составили 0.851 и 0.886 соответственно).

В ходе анализа конструктивной валидности были выявлены значимые корреляции общей шкалы антисоциальной креативности с агрессией, враждебностью, гневом, поиском новизны, а значимыми позитивными предикторами антисоциальной креативности стали агрессия и враждебность ($\beta=0.243$; 0.227 соответственно, $p < 0.01$). Анализ модераторов связи агрессии и враждебности с MCBS показал, что блокируют такую связь выраженность у респондентов ценностей социального фокуса «Традиции» и «Конформизм-правила».

С использованием двухфакторного, однофакторного дисперсионного анализа, критерия Стьюдента и попарных сравнений был сделан анализ по интегральному показателю антисоциальной креативности и выявлены гендерные различия, и различия, связанные со сферой деятельности респондентов.

Таким образом, результаты адаптации показывают, что данную методику в переводной версии «Поведенческие проявления антисоциальной креативности» можно использовать на российской популяции в практических и исследовательских целях, в том числе для разработки программ по коррекции девиантного поведения.

Литература

1. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru>
2. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol. 2016. Vol. 7. P. 682.

Метод полуструктурированного интервью в исследовании правосознания личности

Молотова В.В.

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул, Россия)

Правосознание личности как целостное психологическое образование представляет собой отражение права как социокультурного явления в сознании личности (Молотова В.В., 2017). Однако, в современной психологии существует раздробленность изучения правосознания личности, отдельных его компонентов и форм проявления, что приводит к игнорированию его целостности.

До сих пор правосознание личности рассматривалось в отечественной психологии преимущественно как система социальных установок (аттитюдов) к правовым явлениям – к закону, правоохранительным органам, преступлению и наказанию, преступникам (Гулевич О.А., 2009). На наш взгляд, правосознание личности по своей природе сложнее и глубже, чем система социальных установок, является динамическим личностным образованием. Образ права, отраженный в сознании личности, и имеющий свою качественную специфику, представляет сущность индивидуального правосознания, которая может быть обнаружена посредством транслирования личностью смысла права и связанных с ним явлений.

Процесс становления и развития правосознания как личностного образования представляет собой переход от более простых смысловых обобщений относительно права к более сложным, в ходе общего развития личности. Система значений «языка права» (с различным уровнем обобщений) определяет смысловую структуру правосознания личности, «развитость» этих обобщений может свидетельствовать об уровне его развития.

Исследование правосознания личности как целостного динамического образования нуждается в применении методов, позволяющих выявить единицы анализа данного феномена. В целях выделения (конденсации) единиц анализа правосознания и теоретического обобщения их специфики была выбрана методология качественного анализа и разработана процедура исследования с использованием метода полуструктурированного интервью.

Объективность оценки результатов интервью определяется тем, насколько полно сущность и характеристики права представлены в содержании понятий, которые обсуждаются в ходе интервью. В этом смысле исследование опирается не на нормативный (статистический), а критериально-ориентированный (экспертный) подход в психологической диагностике.

Исследуя образ правовой действительности, представленный в сознании личности, следует опираться на объективные черты, свойства, характеристики, которые присущи праву как социокультурному явлению с точки зрения его философского осмысления, сложившейся системы отраслей права, институтов юридической ответственности, принципов норм права, существующих на конкретном этапе культурно-исторического развития общества.

На основании анализа сущности и содержания права, в целях изучения правосознания личности было разработано интервью, состоящее более чем из 50 вопросов, условно разделенных на 6 смысловых (тематических) блоков и имеющих различные типы вопросов, направленных на получение сведений, позволяющих выявить смысловое содержание правосознания и соотнести их с внешним системным строением правосознания.

Исследование правосознания личности посредством интервью показало, что право, отражается в сознании личности специфично и носит свои качественные особенности. Обобщение и категоризация ответов на вопросы интервью позволили условно выделить ряд содержательных единиц индивидуального правосознания, таких как тип правопонимания, уровень правовой грамотности (юридической осведомленности), степень значимости прав и свобод, эмоциональная оценка права, готовность к совершению правонарушения. Изучение связей между выделенными в ходе интервьюирования единицами анализа требует дальнейшего отдельного глубокого рассмотрения.

Литература

1. Гулевич О.А. Психологические аспекты юриспруденции. М., 2009. 123 с.
2. Молотова В.В. Психологические аспекты индивидуального правосознания // Теория и практика культурно – исторической психологии: Материалы XVIII Международных чтений памяти Л.С. Выготского (г. Москва, 13-17 ноября 2017 г). Под ред. Г.Г. Кравцова: В 2 ч. Ч.2 М.: Левъ, 2017. С.109-116.

Современные психолого-педагогические подходы к организации профилактической среды в интернете

Насонова Д.В.

ГБУ Воронежской области «Центр психолого–педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

В компетенции образовательной организации входит проведение комплексной систематической профилактической работы в рамках создания необходимых условий для охраны и укрепления здоровья обучающихся, в том числе в медиапространства.

Интерактивные технологии – это специальная форма организации познавательной деятельности, способ познания, осуществляемый в форме совместной деятельности обучающихся, при которой все участники взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия других и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу сотрудничества по разрешению проблемы.

Особенность интерактивных методов профилактики – это высокий уровень взаимно направленной активности субъектов взаимодействия, эмоциональное, духовное единение участников. По сравнению с традиционными формами ведения профилактической работы, в интерактивном обучении меняется взаимодействие

педагога\воспитателя\взрослого и обучаемого\воспитанника\ребенка: активность педагога уступает место активности обучаемых, а задачей педагога становится создание условий для их инициативы. В ходе диалогового, игрового, позитивного обучения участники учатся критически мыслить, решать сложные проблемы на основе анализа обстоятельств и соответствующей информации, взвешивать альтернативные мнения, принимать продуманные решения, участвовать в дискуссиях, общаться с другими людьми.

Интерактивные формы проведения профилактической работы, построенные на основе психолого-педагогических подходов пробуждают у обучающихся интерес; поощряют активное участие каждого в деятельности; обращаются к чувствам каждого обучающегося; способствуют эффективному усвоению новых и закреплению ранее полученных знаний; оказывают многоплановое воздействие на обучающихся; осуществляют обратную связь (ответная реакция аудитории); формируют у обучающихся мнения и отношения; формируют жизненные навыки; способствуют изменению поведения.

В последнее время широкое распространение и большую популярность среди молодежи получили квесты – развлекательная игра для команды из нескольких человек. Неоспоримыми достоинствами данной формы работы являются возможности вариативности заданий, высокая мотивация участников на выполнение, возможность задействования личных качеств участников, реализация большого спектра задач, учет возрастных особенностей участников.

В 2018 году ГБУ ВО «ЦППиРД» при поддержке департамента образования, науки и молодежной политики Воронежской области разработал и провел среди образовательных организаций квесты для обучающихся «Безопасный Интернет», «Телефон детского доверия» и «Будущее без наркотиков» в группе «ДЕТИ РУНЕТА» социальной сети «ВКонтакте» /<https://vk.com/detyruneta/>.

Квесты проводились среди команд образовательных организаций, состоящих из обучающихся 7-10 классов, студентов профессиональных образовательных организаций и ВУЗов Воронежской области.

Организаторы Квеста не рекомендовали включать в команду не зарегистрированных ранее в социальной сети «ВКонтакте» обучающихся. Координировали работу команд педагоги образовательных организаций. С целью сплочения команды на этапе ее формирования координаторы проводили игры на командообразование, обсуждали с участниками название команды, эмблему.

Для обеспечения безопасности участников Квеста – обучающихся педагоги – координаторы были разработаны методические рекомендации по организации участия команд образовательных организаций в областных квестах для обучающихся.

Всего в квестах приняло участие более 280 команд, более 4000 человек из 319 образовательных организаций. Охват мероприятиями квестов составил более 10 000 обучающихся, родителей (законных представителей) и педагогов.

Анализ участия образовательных организаций в квестах показал, что эффективным механизмом ведения профилактической работы среди

несовершеннолетних является, во – первых, информация передаваемая в информационном срезе «РОВЕСНИК – РОВЕСНИКУ», во – вторых, технологии направленные на формирование осознанного самостоятельного умения обучающихся выбирать информацию, в-третьих, проведение профилактической работы в информационной среде целевой группы.

Представленные в рамках квестов по состоянию на 24 октября 2018 года вебинар «Интернет: как не попасть в ловушку», (https://vk.com/detyruneta?z=video-163021367_456239018%2Fvideos-163021367), просмотрело 37 925 человек, Видеообращение Уполномоченного по правам ребенка при губернаторе Воронежской области – 26 106 просмотров.

С целью выявления уровня информированности об интернет-рисках и степени выраженности интернет – зависимости обучающихся в группе «ДЕТИ РУНЕТА» приняли участие в онлайн-опросе, который показал, что большинство респондентов считает интернет частью своей жизни, авторитетным источником информации для учебы, работы, отдыха (36%, 28% опрошенных). Негативная сторона Интернета, по мнению участников квеста, выражается в вирусной атаке (12% респондентов), краже личных данных (11% респондентов), ненормативной лексике (47% респондентов), нарушении правил этикета (13% респондентов) и опасном контенте (6%). 23% респондентов считают, что им общаться в Интернете легче, чем в реальной жизни. Социальные сети в качестве площадки для общения предпочитают посещать 77 % опрошенных. 58% респондентов считают, что проводить в интернете 1-2 часа в день нормально.

С целью выявления уровня информированности о Телефоне детского доверия обучающиеся приняли участие в онлайн-опросе, который показал, что подавляющее большинство респондентов информировано о принципах работы Телефона доверия: 98% опрошенных знают, что звонок бесплатный; 97% уверены, что время работы Телефона доверия - круглосуточно, без перерывов и выходных; 86% осведомлены о принципе конфиденциальности. У большинства респондентов бывают моменты, когда они не могут решиться обсудить свои проблемы с родителями и друзьями (60% опрошенных). Большая часть опрошенных обратились бы за помощью на Телефон доверия по вопросу отношений со сверстниками (46%). 91% респондентов считает, что Телефон доверия нужен не только детям и подросткам, но и взрослым, а 79% воспользуется Телефоном доверия, если понадобится помощь или совет.

При формировании содержания Квестов были применены современные психолого–педагогические методы: проблемно–поисковый метод и проектный метод.

Таким образом, современные подходы к организации профилактических мероприятий для обучающихся: проведение мероприятий в информационной среде целевой группы, использование для передачи информации информационного среза «равный – равному», проектный и проблемно-поисковый методы способствовали повышению эффективности реализации образовательными организациями системы мероприятий, направленных на профилактику, устранение риска вовлечения подростков в противоправную деятельность.

Опыт эмпирического изучения отрицания гендерного насилия

Рется С.Э.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Гендерное насилие (ГН) – это насилие, направленное на человека по причине его гендерной принадлежности. Оно может приобретать физические, психологические, сексуальные, экономические, репродуктивные и иные проявления (Ениколопов С.Н., 2011; Клёцина И.С., 2015).

Предлагаемый термин «отрицание гендерного насилия» (ОГН) указывает на особую идентификацию ситуации ГН и может быть определен двумя способами. Содержательное определение раскрывает сущность феномена ОГН через видение ситуации как безопасной и/или гендерно нейтральной. Можно определить ОГН и «от противоположного», тогда оно будет представлять собой идентификацию ГН, при которой насильственная и/или гендерная природа происходящего не обнаруживается и/или не признается.

Сам термин ОГН предложен нами, но соответствующая феноменология неоднократно описана под другими названиями или вовсе без специального обозначения. Так, во многих подходах при изучении ГН учитываются интересы лишь одной социально-половой группы (Клёцина И.С., 2015). В массовом сознании ГН чаще выступает как физическое или сексуальное насилие, тогда как серьёзность прочих его форм нивелируется (Лактионова М.А., 2011). Эмпирически феноменологию ОГН (без прямого упоминания этого термина) предлагают обычно выявлять с помощью открытых вопросов. Например, исследование представлений о гендерных ролях через оценку знаний молодёжи о правах человека, позволило обнаружить такую феноменологию в правовой, экономической, политической и внутрисемейной сферах (Смирнова А.В., 2005). Итак, будучи эмпирически очевидной, проблема ОГН до сих пор рассматривается лишь косвенно, в контексте иных вопросов гендерной психологии и социологии (Клёцина И.С., 2015; Маргарян Н.М., 2017; Очередыко В.П., Ломтев С.П., Харламов В.С., 2017).

На кафедре клинической и судебной психологии факультета «Юридическая психология» МГППУ осуществляется апробация проективной методики «Идентификация ситуаций гендерного насилия», позволяющей качественно типологизировать проявления ОГН. Стимульный материал представлен описаниями насильственных ситуаций, половина из которых носят гендерный характер. В ходе первичной апробации дифференцированы способы когнитивного толкования ситуаций ГН и непосредственного эмоционального реагирования на них. Так, выделены четыре типа ОГН реакций: реакция-смех, реакция-недоверие, реакция-осуждение, реакция-искажение, причем последняя оказалась наиболее распространенной.

Созданный методический арсенал можно совершенствовать, классифицируя стимульные ситуации по степени тяжести и характеру насилия (физическое, сексуальное и т.д.). Далее планируется анализ толкования ситуаций ГН и эмоционального реагирования на них в зависимости от личного опыта и индивидуально-психологических особенностей испытуемых.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Социально-психологические представления о сексуальном насилии в семье // Психология и право. 2011. № 1. С. 1-12.
2. Клёдина И.С., Иоффе И.В. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // Женщина в российском обществе. 2015. №1 (74). С. 4-17.
3. Лактионова, М.А. Гендерное насилие как междисциплинарная проблема // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №1. С.97-106.
4. Маргарян Н.М. Проблемы противодействия семейного насилия // Вестник магистратуры. 2017. №12-1(75). С. 115-117.
5. Очередыко В.П., Ломтев С.П., Харламов В.С. География криминального супружеского насилия в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2017. №4. С. 666-674.
6. Смирнова, А. В. Представления школьников и студентов о гендерных ролях мужчин и женщин в современном российском обществе // Женщина в российском обществе. 2005. № 1-2. С. 26-33.

О некоторых особенностях папиллярных узоров лиц, осужденных за различные преступления

Самищенко С.С.

ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте РФ,
Колотушкин С.М.

ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы
исполнения наказаний» (г. Москва, Россия)

Взаимосвязь некоторых характеристик психики человека с папиллярными узорами отмечается в медицинской и криминологической литературе. Одной из важнейших характеристик папиллярных узоров дистальных фаланг пальцев рук является комбинация типов узоров. Качественные и количественные характеристики комбинаций четырех основных типов узоров на статистически достоверном материале в 2.849.318 дактилокарт впервые изучил А.С. Самищенко (Самищенко А.С., 2014). Им установлено, что из теоретически возможного множества 1.048.576 комбинаций в исследованном массиве встретилось всего 32.342 варианта, с частотой

встречаемости от 4,31% до 0%. Исследованный им материал представлял собой отпечатки пальцев молодых (от 18 до 27 лет) здоровых мужчин, поэтому полученные данных могут служить популяционной нормой при сравнительных исследованиях. Комбинации узоров названы им дактилоскопическими формулами человека.

Нами проведены исследования дактилоскопических формул лиц, осужденных за различные преступления, а так же группы детей с девиантным поведением. В группу детей с девиантным поведением вошли мальчики в возрасте от 9 до 13 лет, совершившие поступки, отклоняющиеся от общепринятых норм (причинение вреда здоровью, порча чужого имущества, употребление алкоголя и другое).

Для сравнения дактилоскопических формул они были разделены на три категории: частые – частота встречаемости от 4,311% до 2,258%; средние – частота встречаемости от 2,033% до 0,068%; редкие – частота встречаемости от 0,067% до 0%.

Нормальное распределение дактилоскопических формул по частоте встречаемости установлено следующим образом: 30% – «частые», 40% – «средние», 30% – «редкие». В исследуемых группах оценивались процентные характеристики формул, аналогично указанному выше правилу.

Получены следующие результаты:

- дактилоскопические формулы осужденных за убийство – «убийцы» (ст. 105 УК РФ, n=104); частые – 16%, средние – 40%, редкие – 44%;

- дактилоскопические формулы серийных убийц – «маньяки» (мотив убийств сексуальный, n=35); частые – 14%, средние – 37%, редкие – 49%;

- дактилоскопические формулы осужденных за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть – «практически убийцы» (ч. 4 ст. 111 УК РФ, n=109); частые – 14%, средние – 42%, редкие – 44%;

- дактилоскопические формулы осужденных за разбой – «разбойники» (ст. 162 УК РФ, n= 112); частые – 28%, средние – 40%, редкие – 32%;

- дактилоскопические формулы детей с девиантным поведением – «плохие дети» (n=90); частые – 27%, средние – 7%, редкие – 55%, специфические – 11%.

Анализ показывает, что частоты встречаемости дактилоскопических формул в группе осужденных за разбой практически не отличаются от нормального распределения. В тоже время, в группах «убийцы», «маньяки» и «практически убийцы» отмечается уменьшение «частых» формул практически в два раза, «средние» формулы остались практически без изменения, «редкие» возросли примерно в 1,5 раза.

Наибольшие отличия от нормы отмечается в группе детей с девиантным поведением. При сохраненных количественных показателях «частых» формул, резко, практически в 6 раз, снизилось количество средних формул и почти в два раза возросло количество редких формул. Кроме того, в группе «плохие дети» появились специфические формулы, которые не встречаются в норме, и не встречаются в группах осужденных.

Проведенные исследования показывают, что отмечается статистически выраженная корреляция количественных и качественных характеристик дактилоскопических формул человека с вариантами его девиантного поведения. Наиболее ярко эта корреляция проявляется у детей с девиантным поведением, а также у лиц, совершивших преступления против личности.

Полученные данные могут быть использованы для гносеологического осмысления причин преступности, а также для прогнозирования преступного поведения индивидуумов разной степени криминализации.

Литература

1. Самищенко А.С. Сравнительные исследования дактилоскопических формул человека // Закон и право. 2014. № 11. С. 136-138.

Психологические особенности вандализма

Ситковская О.Д.

ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Вандализм – осознанные действия, выражающиеся в разрушении, осквернении общественно значимых предметов и объектов: строений, памятников, объектов культуры, транспортных средств и т.д. Эти деяния принято относить к незначительным нарушениям общественного порядка, так как большинство актов вандализма не связано с причинением серьезного ущерба. Однако, с учетом широкой распространенности этих деяний, если просуммировать весь ущерб, который наносит вандализм государственному имуществу, то цифра будет огромной.

Деяния, предусмотренные ст. 214 УК РФ приносят не только материальный, но и моральный ущерб. «Настенная живопись» в виде циничных рисунков, нецензурной брани, или надписей в местах захоронения (надписи фашистского содержания требуют иной квалификации), конечно, оскорбляют общественную нравственность. Но этого мало. Психологические исследования показали, что вид разрушенных предметов вызывает потребность в их дальнейшем разрушении. Об этом говорят увеличение числа надписей на уже разрисованных стенах домов, разбивание стекол в уже поврежденных телефонных будках и автобусных остановках и др. Число вандалов увеличивается.

Разрушительные действия вандалов – «школа преступности». Безнаказанность действий, переживание положительных эмоций вследствие разрядки напряжения, могут закрепить пренебрежительное негативное отношение к культурным ценностям, сформировать чувство вседозволенности. Вандализм – индикатор неблагополучия, способного усугубляться, вырасти в серьезные нарушения общественного порядка. Мотивы и цели здесь могут быть различны: снятие эмоционального напряжения, «самовыражение», месть, личная неприязнь и пр. Важно то, что для квалификации действий как вандализма, необходимо

фактическое наступление последствий – разрушения или повреждения сооружений, зданий, иных предметов.

Вандализм опосредованно выражает отношение к человеку и обществу. Так, например, месть – явная демонстрация с помощью предмета негативного отношения к его владельцу. В случае, когда уничтожение предмета происходит с целью снять накопившееся эмоциональное напряжение, суть отношения проявляется в выборе антиобщественных средств и путей разрядки. Разрушение материальных ценностей, независимо от их стоимости (являются или нет они признанными произведениями искусства, предметами серийного производства, имеющими потребительскую ценность, или только символами, ценными лишь в моральном или эмоциональном плане), всегда есть выражение определенного отношения к обществу, его нормам и ценностям.

Необходимо отметить, что это единственное преступление небольшой тяжести, ответственность за которое наступает с 14 лет (ст.20 УК РФ). Законодатель учел, вероятно, тот факт, что акты вандализма чаще всего совершают подростки и молодежь (например, фанаты спортивных команд и пр.), причем, как правило, они носят демонстративный характер. Несформированность внутреннего мира, неустойчивость интересов и одновременно стремление укрепить свои позиции, проявить себя при отсутствии адекватных способов выражения приводит к тому, что такие субъекты объединяются в группы, характеризующиеся антиобщественной направленностью и склонные к совершению актов вандализма.

Нельзя согласиться с попытками объяснить эти явления наличием психической болезни, различных психических аномалий или проявлением бессознательных инстинктов. Подобные преступления обычно совершают здоровые лица: решающее значение здесь имеют не психические дефекты, а моральные базовые характеристики личности, деформация ее ценностно-нормативной сферы.

Вандализм проявляется и в условиях массовых беспорядков, при возникновении и развитии социальной напряженности. Здесь важно правильно установить мотивы: ищущие выхода неприязнь и социальная зависть по отношению к слою бизнесменов, к торговцам – выходцам из других регионов (импульсивный вандализм – непосредственная реакция на ситуацию, связанная с эмоциональной неуравновешенностью); групповая солидарность (стремление сохранить и повысить свой престиж в группе), подражание лидеру и пр. Стремление к совершению актов вандализма может выступать и в качестве самостоятельного мотива преступного поведения.

Акты вандализма несовершеннолетних в группах нередко связаны с асоциальными ориентациями, высоким уровнем групповой солидарности. При этом: 1) путь к лидерству, зависит от демонстрации цинизма, жестокости, безжалостности; 2) в процесс сплачивания группировки нередко включаются совместные акты вандализма, жестокие забавы, связанные с насилием и издевательствами над более слабыми, как и жестокие драки с враждующими группами; 4) вовлечение в вандалистские и агрессивные действия, облегчаемые

самой психологией группового поведения, целенаправленно используется лидерами для создания в группе групповой поруки.

К вопросу о расширении границ предметной области юридической психологии

Ушаков С.И.

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Методологическую основу юридической психологии составляет системный подход, а её методический инструментарий – системно – структурный анализ процесса деятельности, который рассматривается во взаимосвязи личности и системы правовых норм (Васильев В.Л., 2009).

Система юридической психологии вытекает из ее предмета как отрасли психологического знания. Как правило, предмет юридической психологии имеет общие черты с объектом.

Из этого следует, что юриспруденция в юридической психологии рассматривается не только как юридическая наука, но и как теоретическая и практическая деятельность в сфере правоотношений.

Воздействие права на социальную среду осуществляется: во-первых, деятельностью правоохранительных и правоприменительных органов и, во-вторых, влиянием, оказываемым на сознание общества, социальных групп и личности уже самим фактом наличия и закрепления определенного порядка должного поведения.

В связи со своим предметом, юридическая психология включается в систему юридических и психологических знаний одновременно.

В системе психолого-юридического знания в настоящее время получили развитие проблемы разных отраслей психологии и права.

Отрасли юридической психологии характеризуются резким условием развития, что объясняется с одной стороны потребностями правоприменительной практики, а с другой недостаточно широким привлечением пограничных отраслей знаний, позволяющие комплексно изучить закономерности психики человека в сфере проявления различных деликтов, а также условий их возникновения. Как, например, юридическая психология, психология терроризма, психологические особенности: оперативно-следственной работы, преступности несовершеннолетних, судебного процесса, ресоциализации осужденных.

Нельзя не отметить, что данная проблема практически не рассматривается в качестве самостоятельного элемента в системе юридической психологии. Традиционно психология правозащитной деятельности в юридической психологии рассматривается как психологическое обеспечение работы адвоката. В частности, существенным моментом в адвокатской деятельности в юридической психологии считаются противоречия возникающие между моралью, законом и профессиональной этикой.

Между тем, в современном мире активно ставится вопрос о взаимосвязи преступности и прав человека. Возникает опасность криминализации общественных отношений на всех уровнях государственного и муниципального управления.

Эта тенденция наглядно прослеживается в ежегодных докладах уполномоченного по правам человека. В докладе за 2014 год указано, что по данным массового опроса проведенного в различных регионах Российской Федерации 33 процента россиян указали о нарушении прав применительно к себе и членам своей семьи (Фонд «Общественное мнение», 2014).

На наш взгляд, психологическое обеспечение правоотношения в сфере организации и функционирования деятельности института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации должно стать элементом системы юридической психологии.

Защита прав человека и гражданина напрямую связана с противодействием коррупции. В этой связи нельзя не отметить, что действующая учебная литература (учебники и учебные пособия) в значительной степени отстают от целей, задач и содержания программных государственных решений в этой сфере.

Не отражены вопросы психологического обеспечения антикоррупционной деятельности правоохранительных органов в довольно распространенной учебной литературе по юридической психологии (Сорокотягин И.Н., Сорокотягин Д.А., Сорокотягина Д.А, 2014; Аминов И.И., 2017).

Психология коррупции как самостоятельная и перспективная область психологического исследования формируется уже более 20 лет. Психологические черты личности коррупционера обычно признается мотивация поведения, под которой понимается совокупность мотивов, т. е. осознанных потребностей, выступающих как побудительные причины активности. Соответственно, поведение коррупционера в основе может быть описано моделью борьбы мотивов, иногда называемой «моделью весов» или моделью рискованного поведения.

Современная тенденция научных исследований в психологии указывает на необходимость изучения объективных, внешних факторов коррупционной устойчивости (либо коррупционной подверженности) сквозь призму субъективного, внутреннего восприятия человека. В данном случае можно говорить о лояльности по отношению к государству, государственной приверженности и как следствие антикоррупционном поведении государственных служащих. Какой бы процесс, обеспечивающий государственную приверженность, ни рассматривался, исследователь сталкивается не просто с объективными явлениями в государстве, а с тем, как воспринимаются они теми или иными людьми. Именно вопрос о смысловых детерминантах, об отражении объективных факторов государственной приверженности в представлениях людей об государственной службе и деятельности в ней, остается не рассмотренным. Взаимосвязь смысловых структур и государственной приверженности не изучена, эмпирических исследований по данной теме недостаточно. Методологическое противоречие возникает в результате дефицита эмпирических исследований смысловых детерминант, позволяющих объяснить

социально-психологические механизмы развития государственной приверженности служащих.

В настоящее время в юридической психологии вопросам психологических особенностей государственной приверженности персонала государственной службы через призму категории смысла не уделено должного внимания.

Литература

1. Аминов И.И. Юридическая психология. Учебное пособие для студ. вузов обуч. по спец. 030501 «Юриспруденция». М.: Юнити-Дана, 2007. 415 с.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. Учебник для ВУЗов. М., 2009. С. 9.
3. Права человека, резонансные проблемы общества и гражданская активность. Аналитическая записка по результатам исследования ФОМ «Обеспечение прав человека как важнейший качества жизни» / Фонд «Общественное мнение». М., 2014. С.
4. Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А., Юридическая психология. Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ. 2014. 461 с.
5. Столяренко А.М. Психология и педагогика. Учебник. 3-е изд., доп. М.; ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 798 с.

Особенности мотивации к изменениям у молодых взрослых с девиантным поведением

Чиркина Р.В

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,

Романяк Е.В.

АНО КИУ «Экспертный институт»,

Левин Л.М.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Интерес к проблематике девиантного поведения вызван тем, что она затрагивает аспекты не только правового, но и социального, нравственного, психологического и медицинского характера, что требует системного подхода к ее преодолению. Согласно Е. В. Змановской, девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией (Змановская Е.В., 2003). Девиантное поведение является внешним проявлением индивидуальных особенностей и направленности личности. Относительно подросткового и юношеского возраста стоит отметить в качестве признака отклоняющегося поведения его выраженное возрастное-половое и индивидуальное своеобразие, которые затрагивают в различной степени мотивы и формы девиации.

Цель нашего исследования – выявить особенности мотивации к изменениям у молодых взрослых с диагностированными формами девиантного поведения и склонностью к различным типам девиантного поведения. В исследовании принимали участие 20 молодых взрослых от 18 до 21 года с диагностированным зависимым и девиантным поведением. Для осуществления цели исследования использовались следующие методы и методики: теоретический анализ, биографический метод, методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орел, методика диагностики мотивации к достижению успеха Т. Элерса, полуструктурированное интервью «Мотивация к изменениям», контент-анализ, методы статистического анализа.

В результате проведенного исследования было выявлено, что в структуре мотивации к изменениям в группе молодых взрослых преобладают декларируемые планы измениться, слабо связанные со смысловыми и мотивационными параметрами, включенными в противоречивую систему факторов, препятствующих и поддерживающих эти намерения. Среди блокирующих мотивацию к изменениям факторов – ожидания к окружающим, слабость сопротивления триггерам и провокациям срывов. Доминирование в структуре мотивов внешних факторов и неспособность сопротивляться выводит на первый план в работе с этой группой мотивацию к изменениям как основную мишень воздействия.

В качестве мишени вторичной и третичной профилактики девиаций следует выбирать, прежде всего, мотивацию к изменениям, формирование и подкрепление которой обеспечивается такими эффективными современными методами, как мотивационное интервьюирование, когнитивное реконструирование, включение в социально и личностно-значимую деятельность, ориентированную на будущее и развивающую сильные стороны личности. Необходима концентрация усилий не только на нейтрализации факторов риска первичных и вторичных девиаций и рецидива, но и на внутренних мотивационно-смысловых факторах удержания. Кроме того, необходимо формировать комплексную среду, в которой на основе технологий кейс-менеджмента задействованы все ресурсы территорий.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учебное пособие. Москва: Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.

Психологические особенности аутоагрессоров

Абрамова А.А., Кузнецова С.О., Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г.
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

В современном мире мы наблюдаем активный рост аутодеструктивного поведения, за которым стоит определенного склада и характера личность.

Выделяют различные психологические характеристики личности аутоагрессоров. Одна из них – преимущественно внешний локус контроля, отражающий нежелание аутоагрессоров нести ответственность за свои поступки, действия, за события, происходящие в их жизни, и склонность перекладывать ответственность на судьбу, случай и других людей. При использовании методики ММРІ у аутоагрессоров был выявлен высокий уровень тревожности и депрессивные переживания, недостаточно компенсируемые во внешней активности и поведении. В цветовом тесте у аутоагрессоров чаще всего на первом месте стоял фиолетовый цвет, что отражает трудности социальной адаптации, преобладание стресса, переживание вины, смирения и надежды (Амбрумова А.Г., Калашникова О.Э., 1998).

Арестова О.Н. (2000) выявила изменение временной перспективы личности аутоагрессоров в виде несогласованности прошлого, настоящего и будущего. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. (1978) выделили пять типов аутоагрессивного поведения: протест, призыв к состраданию, избегание душевных страданий, самонаказание и отказ (капитуляция). Наиболее частыми неосознаваемыми мотивами являлись призыв о помощи и стремление восстановить нарушенные межличностные отношения. Для аутоагрессоров характерны субъективная переоценка тяжести конфликтной ситуации, чувство безвыходности, отсутствие в представлениях вариантов выхода из создавшегося кризиса, убежденность в неразрешимости своих проблем. Переживания, связанные с трудной ситуацией, становятся основными в сознании, сопровождаются нарастающим отрицательным эмоциональным напряжением, что ограничивает полноту восприятия окружающей действительности, затрудняет ее критическую оценку и поиск адекватных путей разрешения конфликта. Наличие эмоционально окрашенных сильных переживаний временно блокирует возможность воспользоваться известными в обычных условиях вариантами выхода из трудной ситуации. В то же время после незавершенного суицида, пациенты перечисляют несколько вариантов выхода из конфликта и с достаточной критикой относятся к совершенному действию. Ряд исследователей выявили у аутоагрессоров истерическую, эпилептоидную и параноидную акцентуации, расстройства личности и структуру «Я», характеризующуюся расщепленностью на «хорошие», «добрые» и «плохие», «злые» части. Расщепление внутреннего мира проявлялось на когнитивном

уровне и на уровне чувственных переживаний (Личко А.Е., 1999; Яворский А.А., 1999; Сотникова Ю.А., 2003).

Литература

1. Амбрумова А.Г., Калашникова О.Э. Клинико-психологическое исследование самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. 1998. № 4. С. 65-77.
2. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные проблемы суицидологии: Труды Московского научно-исследовательского института психиатрии. 1978. Т. 82. С. 6-28.
3. Арестова О.Н. Операционные аспекты временной перспективы личности // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 61-73.
4. Личко А.Е. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М.: ООО АПРЕЛЬ ПРЕСС, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. 416 с.
5. Сотникова Ю.А. Специфика защитных механизмов у лиц с пограничной личностной организацией, совершающих суицидальные попытки // Депрессивные расстройства (фундаментальные, клинические, образовательные и экзистенциальные проблемы): Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. Н.А. Корнетова. Томск: Издательство Томского Университета, 2003. С. 310-314.
6. Яворский А.А. Клинические особенности суицидального поведения психопатических и акцентуированных личностей в период прохождения воинской службы: Автореф. дисс. канд. мед. наук. Спб. 1991. 20 с.

Особенности родительского отношения к ребенку с ограниченными возможностями развития

Абрамова С.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

Семья, в которой есть ребёнок с нарушениями развития – это особая социальная ситуация. В части таких семей деятельность, направленная на коррекцию имеющихся у ребёнка проблем, его развитие и абилитацию, становится для родителей ведущей. При этом у некоторых родителей такая деятельность носит смыслообразующий характер, когда ребёнок воспринимается родителем как субъект воспитания, а отношение к нему характеризуется высоким уровнем эмпатии. У других родителей подобная деятельность приобретает сверхценный характер, в которой ребенок воспринимается как объект педагогического воздействия.

Одним из перспективных теоретических подходов к исследованию характера родительского отношения к ребенку является психосемантический. Основой этого подхода является утверждение, что выявляемые в вербальной продукции различных людей повторы разного уровня (смысловые, синтаксические, сюжетные) носят системный характер и отражают индивидуальную картину мира индивида (Новикова-Грунд М.В., 2014; Русаковская О.А. с соавт., 2018).

Цель исследования: изучение возможности применения психосемантического подхода к оценке родительского отношения, как одной из наиболее общих характеристик родительства (Варга А.Я., 1986), к ребенку с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Основную группу составили 7 родителей, активно занимающихся психолого-педагогической коррекцией ребенка младшего школьного возраста с ОВЗ в Центре лечебной педагогики. Контрольную группу – 7 родителей здоровых детей того же возраста. Метод исследования – психосемантический анализ высказываний родителей, полученных с помощью модифицированной методики «Родительское сочинение» (Шведовская А.А., 2005). Оценивались следующие параметры: количество высказываний с положительным и отрицательным эмоциональным знаком; количество высказываний, центрированных на ребенке и на себе; количество высказываний, обращенных в прошлое, настоящее, будущее; количество внутренних предикатов, относящихся к себе; количество внутренних предикатов, относящихся к ребенку; количество безличных высказываний. Под внутренними предикатами понимались глаголы, описывающие «внутреннюю ситуацию» субъекта – то, что нельзя воспринять при помощи органов чувств, что доступно непосредственно лишь субъекту переживания. Использование внутренних предикатов, относящихся к ребенку, расценивалось нами как «проницаемость» внутреннего мира ребенка для родителя, т.е. как критерий эмпатического отношения родителя к ребенку.

Результаты. У родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, в сравнении с контрольной группой было больше высказываний с отрицательным эмоциональным знаком; больше высказываний, центрированных на себе, а не на ребенке; больше безличных высказываний. Во многих высказываниях звучали опасения, связанные с имеющимся у ребенка заболеванием. Высказывания испытуемых основной группы содержали значительно больше внутренних предикатов, относящихся к себе (44:6). При этом внутренних предикатов, относящихся к ребенку, в высказываниях родителей основной группы было меньше (8:10).

Особый интерес в основной группе для нас представляли две семьи, которые мы наблюдали на протяжении двух лет. В первой семье отношение родителей к ребенку характеризовалось высоким уровнем принятия; родители были прекрасно осведомлены об имеющихся у ребенка особенностях и оказывали ему всяческую поддержку. Во второй семье ребенок воспринимался матерью как объект педагогического воздействия, она очень много времени и сил уделяла его воспитанию, но само взаимодействие с ребенком было для нее, скорее, источником раздражения. Сравнение высказываний этих двух матерей по вышеперечисленным

параметрам подтвердило как нашу гипотезу о смыслообразующем характере деятельности по воспитанию ребенка в первой семье и сверхценном характере этой деятельности во второй, так и возможность применения психосемантического подхода при оценке родительского отношения.

Литература

1. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 1986. 206 с.
2. Новикова-Грунд М.В. Уникальная картина мира индивида и ее отображение на тексты: на примере текстов людей, совершивших ряд суицидальных попыток. М.: Левь, 2014. 188 с.
3. Русаковская О.А., Андрианова С.Б., Журавлева Е.В., Ныркова А.А., Корнева А.А. Особенности родительского отношения матерей, страдающих параноидной шизофренией / Поляковские чтения-2018 (к 90-летию Ю.Ф. Полякова). Научно-практическое издание. Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием 15-16 марта 2018 г. / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной, С.Н. Ениколопова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2018. 390 с.
4. Шведовская А.А. Использование методики «Родительское сочинение» в диагностике детско-родительских отношений в дошкольном возрасте // Психологическая диагностика. 2005. № 4. С. 70-103.

Значимость для судебно-психологической экспертизы дифференциации личности и субъективности человека

Алексеева Л.В.

(г. Тюмень, Россия)

Для психологической науки и практики важно дальнейшее развитие содержания понятий *личности* и *субъекта*, объединенных с другими понятиями: *особи*, *индивида* и пр., – выражающими разные сущности человека. Это значимо для экспертно-психологического установления особенностей *личностного содержания* психики человека и *меры его субъектности*. Соотношение содержаний понятий потребует методологии *интегративного подхода*.

Используя *личностность* и *субъектность* как характеристики человека, место которым следует обозначить в структурно-функциональной модели его психики, обращаюсь к идее С.Л. Рубинштейна (1989), который вместо термина «психика» использовал термин «психическое», что помогает преодолевать субстанциализм в ее понимании. Итак, *психическое* – явление функционирующее, причем, на разных уровнях. Если учесть, что уровень – это часть целого, *социальный (культурный) уровень*, с очевидностью, не единственно возможный в психике человека.

Разрабатываемый вариант модели (Алексеева Л.В., 2004) позволяет взглянуть на 5-уровневое деление психики человека от низшего к высшему функционированию,

связывая содержание понятий *особи, индивида, личности, индивидуальности* и *универсума*, выражающие разные его психологические *сущности*. Итак, все эти понятия – одного ранга (ряда), хотя в значении ранга как чина *социальный уровень* (личностная сущность) для характеристики *человека* выделяется особо. Показателем выделения уровней становится *значение*, используемое психикой, критерием – его *содержание*. Для человека:

- как особи - это *биологические значения (а также ценности и смыслы)*;
- как индивида – *физические значения (а также ценности и смыслы)*;
- как личности – *общественно-социальные значения, ценности и смыслы*;
- индивидуальности – *особенные личностные, ценности и смыслы*;
- как универсума – *всеобщие значения, ценности и смыслы*.

Целостность работы психики человека обеспечивает объединение *возможностей* всех пяти уровней, что не исключает дезорганизации. Прежде всего, возникновения по ряду причин доминирования доличностных уровней, или значительного влияния деформаций низшего уровня, приводящего к нарушениям функционирования на последующих. Примеры, значимые для эксперта: глубокие эмоциональные состояния, психопатология.

В свою очередь, понятие *субъектности* рассматривается через *позицию* – положение, которое занимает психика. Ее позиционные возможности - *субъектно-объектные* (континуум данных возможностей), ведь психика не только *действует*, но и является *приложением воздействий*, изменяющих *организацию* ее работы. Выделенным уровням психики соответствуют разные *виды субъектности и объектности*, проявляемые человеком. Отмечу названия видов на примере субъектности с указанием особого *содержания* функционирования психики человека, позволяющего объединить в модели еще один ряд значимых понятий:

- особь - *витальная субъектность* (психофизиологическое содержание),
- индивид - *индивидуальная субъектность* (психофизическое содержание),
- личность - *общественно-социальная субъектность* (психосоциальное),
- индивидуальность - *индивидуально-социальная субъектность* (уникально-смысловое *содержание*, которое, как и в других ипостасях рассматривается так же, как *уровень функционирования*),
- универсум - *интегративная субъектность* (всеобщее, интегративное содержание).

При объединении социального содержания деяния и субъектной позиции в психике человека интегрируются субъектность и личностность в *социальную субъектность*: способность к эффективному самоуправлению в социальной по значению ситуации с разной степенью трудности и сложности ее характера.

Литература

1. Алексеева Л.В. Психология субъекта и субъекта преступления: Монография. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. университета, 2004. 520 с. Электронная версия печатной публикации: URL: http://tmnlib.ru:82/upload/books/PPS/Alekseeva_464_Monografiya_2004.pdf.

Оценка отношения к детям больной параноидной шизофренией с помощью текстовых методик

Андрианова С.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,

Новикова-Грунд М.В.

АНО ВО «Московский международный университет»,

Русаковская О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии

и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

При проведении судебно-психиатрических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз по спорам о воспитании одним из основных вопросов, ответ на который имеет юридическое значение, является характер отношения родителя к ребёнку. В настоящее время основными методами исследования отношения родителя к ребёнку являются направленная беседа, наблюдение за совместным взаимодействием, анализ результатов выполнения проективных методик, опросники. При этом достоверность и валидность последних вызывает множество вопросов (Голзицкая А.А. с соавт., 2018). Другим подходом, который мы рассматриваем как очень перспективный, может быть психосемиотический подход, заключающийся в анализе семантических, синтаксических, морфологических характеристик вербальной продукции испытуемого (Новикова-Грунд М.В., 2014; Русаковская О.А. с соавт., 2018).

Цель исследования: оценить особенности отношения к ребёнку больной параноидной шизофренией с помощью психосемиотического анализа ее вербальной продукции.

Испытуемая: женщина 26 лет, проходившая судебно-психиатрическую экспертизу по иску органов опеки об ограничении ее родительских прав в отношении второго сына (возраст – 1 год). Первый ребенок (4 года) проживал с отцом. Женщина перенесла два острых психотических эпизода, сопровождавшихся кататоно-онейроидной симптоматикой, бредовыми идеями отравления, воздействия, преследования. На момент экспертизы ее психическое состояние характеризовалось бредовыми идеями, непоследовательностью и паралогичностью мышления, приподнятым фоном настроения, неадекватностью эмоциональных реакций, отсутствием критики к заболеванию. В связи с остротой перенесенных приступов, актуальным состоянием, стойкой установкой на отказ от наблюдения у психиатра и отказ от лекарственной терапии было дано заключение, что оставление с ней малолетнего сына может представлять для него опасность.

Методы исследования: сочинение в свободной форме на тему «Я и мой ребенок», модифицированная полупроективная методика «Родительское сочинение в форме незаконченных предложений» (Шведовская А.А., 2006).

Результаты исследования.

В сочинении «Я и мой ребенок» нашли отражение основные события жизни пациентки, конфликт с первым мужем, психопатологические переживания, борьба с органами опеки и психиатрической службой, тогда как о детях упоминаний было очень мало. Из 270 предложений сочинения в 109 главным действующим лицом была пациентка (40%), в 76 (28%) – ее мужа, в 11 (4%) – свекровь, в 38 (13,3%) – третьи лица. Лишь в 10 предложениях (3,7%) главным действующим лицом были дети (младший – 0,7%). В качестве второстепенного действующего лица дети упоминались без указания их имен (имя первого ребенка упоминалось в сочинении только 3 раза, второго не упоминалось вовсе). Текст носил преимущественно конкретный характер, содержал фактическое описание событий, практически не содержал описания чувств и переживаний. 14 предложений содержали внутренние предикаты, которые относились исключительно к самой испытуемой. Внутренние предикаты, относящиеся к детям, в сочинении отсутствовали.

В сочинении в форме незаконченных предложений внутренние предикаты, относящиеся к себе, отсутствовали, был лишь один внутренний предикат, относящийся к ребенку.

Анализ случая подтверждает возможность применения психосемиотического метода для оценки особенностей родительского отношения.

Литература

1. Голзицкая А.А., Кисельникова Н.В., Маркова С.В. Опросник PARI как методика исследования родительских установок // Вопросы психологии. 2018. №3. С. 147-157.
2. Новикова-Грунд М.В. Уникальная картина мира индивида и ее отображение на тексты: на примере людей, совершивших ряд суицидальных попыток. Москва: Левъ, 2014. 188 с.
3. Русаковская О.А., Андрианова С.Б., Журавлева Е.В., Ныркова А.А., Корнева А.А. Особенности родительского отношения матерей, страдающих параноидной шизофренией / Поляковские чтения-2018 (к 90-летию Ю.Ф. Полякова). Научно-практическое издание. Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием 15-16 марта 2018 г. / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рошиной, С.Н. Ениколопова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2018. 390 с.
4. Шведовская А.А. Использование методики «Родительское сочинение» в диагностике детско-родительских отношений в дошкольном возрасте // Психолог в детском саду / Ред. В.Г. Колесников, А.Г. Лидерс. Москва-Обнинск, 2006. №4. С. 96-130.

Приходские православные семейные клубы трезвости как метод реабилитации семей, столкнувшихся с проблемой зависимого поведения

Бердичевский А.А.

Межрегиональное общественное движение в поддержку семейных клубов трезвости
(г. Москва, Россия)

Православные приходские семейные клубы трезвости (ППСКТ) появились в России в начале 90-х годов прошлого столетия, когда страну захлестнула волна наркомании и преступности, связанная с развалом Советского Союза. Российская система помощи зависимым и членам их семей на тот момент находилась в кризисе. Отечество остро нуждалось в эффективной реабилитационной программе помощи таким семьям.

На то время в Югославии большое распространение получил метод психиатра Владимира Худолена «Клуб леченных алкоголиков» (Худолени В., 2016), функционирующий в рамках биопсихосоциального подхода, который и был реализован в России к.м.н., прот. Алексием Бабуриным, и дополнен духовным компонентом реабилитации, основанном на православном вероучении, существенно снижающим уровень криминогенности в дисфункциональных семьях.

«Православный приходской семейный клуб трезвости – это сообщество семей, имеющих проблемы, связанные с употреблением психоактивных веществ, или использованием психоактивных действий, добровольно объединившихся для обсуждения практических вопросов и способов их решения с целью поддержания своих усилий на пути к трезвому образу жизни и духовно-нравственному становлению» (Бабурин А.Н. и соавт., 2016, с. 16).

На сегодняшний день в России насчитывается более 30 семейных клубов трезвости, которые объединяет Межрегиональное общественное движение в поддержку семейных клубов трезвости (МОДСКТ). Движение сотрудничает как с религиозными, так и мирскими организациями, в том числе ФСИН.

ППСКТ работают в рамках эко-системного подхода к проблеме семей, столкнувшихся с проблемой зависимости Белградской антиалкогольной школы Бранко Гачича, где семья рассматривается как система, включенная в более широкую эко-систему – социум (Бабурин А.Н. и соавт., 2017).

В качестве теории личности в ППСКТ используется *психогенетическая теория личности* В.Ю. Валентика, суть которой заключается в том, что ядро личности члена дисфункциональной семьи имеет нормативную структуру (Я-нормативное), на которой в период алкоголизации развивается патологическая (Я-патологическое), постепенно вытесняя нормативную. Терапевтический эффект достигается благодаря помощи специалиста в развитии нормативного функционирования личности (Бабурин А.Н. и соавт., 2016). Взаимодействие специалиста с членами семьи строится на духовно-ориентированном диалоге Т.А. Флоренской, направленном на раскрытие «духовного Я», потенциально имеющегося у каждого человека (Колпакова М.Ю., 2013).

На сегодняшний день, МОДСКТ благодаря сотрудничеству с различными организациями оказывается качественная медицинская (медико-психиатрическая), психологическая (психолого-педагогическая), социальная (в т. ч. правовая) и духовная помощь дисфункциональным семьям, которая способствует не только их эффективной реабилитации, но и профилактике различных расстройств их участников, включая диссоциальное расстройство личности.

Литература

1. Бабурин А.Н., Гусев Г.В., Соборникова Е.А., Горячева А.А. Семейные клубы трезвости как метод реабилитации в системе наркологической помощи. Учебно-методическое пособие. М.: ГБОУ ДПО РМАПО, 2016. 112 с.
2. Бабурин А.Н., Настасич П., Магай А.И., Бердичевский А.А. Семейный подход в реабилитации пациентов, зависимых от употребления алкоголя, на примере работы амбулаторной программы «Приходские семейные клубы трезвости» // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2017. №3. Ч 2. С. 87-93.
3. Колпакова М.Ю. Введение в диалогическую психологию / М.: «Канон⁺» РООИ «Реабилитация», 2013. 256 с.
4. Худолин В. Клуб леченных алкоголиков. М.: МОДСКТ, 2016. 128 с.

Индивидуальные особенности мужчин и женщин в высококонфликтных бракоразводных процессах

Бизюкова Е.С.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена»,

Потлачук Н.В.

ООО «Центр независимых экспертиз «Аргумент», кандидат психологических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Являясь исторически обусловленной формой закрепления отношений между мужчиной и женщиной, институт брака претерпевает изменения с любым изменением социокультурной ситуации.

В последние десятилетия наблюдается трансформация института брака. Отмечается увеличение возраста вступления в брак как индикатор зрелого отношения к выбору спутника жизни (Тарасова Е.О., 2015). Рост количества не зарегистрированных браков свидетельствует о восприятии брака партнерами как «зоны комфорта», но не как необходимого социального института. В то же время становится привычной процедурой бракоразводный процесс.

Установлены наличие конфликта между ожиданиями мужчин и женщин от брака и реальностью, а также различие причин вступления в брак и его расторжения у мужчин и женщин (Залевский Г.В. с соавт., 2014). Ожидания от брака имеют

социально-культурную природу. В большинстве случаев противоречия между ожиданиями и реальностью являются причиной формирования невротических расстройств в семейных отношениях и порождают конфликты, впоследствии приводящие к расторжению брака. Исследования показывают, что основным мотивом для вступления в брак мужчины и женщины считают все-таки любовь. Женщины являются инициаторами разводов чаще, чем мужчины. Одной из главных причин развода является эмансипация женщин (Лагойда Н.Г., 2017).

В качестве прочих основных причин разводов определяются неспособность супругов мириться с недостатками друг друга (21%) и отсутствие любви (19%), при этом на отсутствие любви указывают 25,2% мужчин и 15,2% женщин. Далее следуют такие причины, как алкоголизм и наркомания (17,1%), измены (17,6%) (Тарасова Е.О., 2015).

Индивидуально-личностные характеристики партнеров в высококонфликтном бракоразводном процессе выявлены с использованием методик ММРІ, «Индекс жизненного стиля», «Опросник Шмишека». Обследовано 10 семей (10 мужчин и 10 женщин в возрасте от 30 до 45 лет), имеющих от одного до трех детей. Время пребывания в браке разнородно, в среднем более одного года. Отмечается преобладание у мужчин шкалы сверхконтроля, ипохондрии (Hs), шкалы психастении, тревожности (Pt), шкалы шизоидности, индивидуальности (Sc), что определяет у подэкспертных психастенический тип реагирования, преобладание тревожности, беспокойства, неуверенности в себе, ригидности мышления, эмоциональной отчужденности и холодности. У женщин преобладают шкала эмоциональной лабильности, истерии (Hy), шкала мужественности-женственности (Mf), шкала импульсивности, психопатии (Pd), шкала гипомании, оптимистичности (Ma), свидетельствующие о высокой активности и склонности к доминантности, демонстративности, недостаточной личностной зрелости и мотивационного контроля над эмоциями и поведением; импульсивности, эксплозивности.

В качестве механизмов психологической защиты у мужчин преобладают «интеллектуализация» и «компенсация», у женщин – «отрицание», «реактивные образования». Для мужчин наиболее характерно рациональное решение проблемы, во всех конфликтных ситуациях они стараются видеть логические последовательности, установить причинно-следственные связи. Женщинам наиболее присуща реакция отрицания, с помощью которой они отрицают фрустрирующие для них факторы, не воспринимают информацию, которая вызывает тревогу и страх. Отрицание довольно часто сопровождается искаженным восприятием действительности.

Проблема бракоразводных процессов в целом проработана только с юридической и социологической точек зрения. Психологическое же состояние и индивидуально-личностные особенности участников бракоразводных процессов изучены недостаточно, что затрудняет разработку методов работы для практических психологов.

Литература

1. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В., Кожевников В.Н., Костарев В.В., Кожевникова Т.А. Патодинамическая характеристика психологических параметров у мужчин и женщин, находящихся в бракоразводном процессе с позиции их ролевых ожиданий в браке // Сибирский психологический журнал 2014. № 51. С.110-119.
2. Лагойда Н.Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе // Вестник Бурятского государственного университета, 2017. № 2. С. 86-96.
3. Тарасова Е.О. Проблемы развода в современной семье // Власть. 2015. Т. 23. № 1. С. 141-145.

Роль психотравмирующих факторов в генезе шизофрении и их значение для судебно-психологической практики

Бобровникова А.С., Тарасова С.Ю.

ГБОУ ВО МО «Университет «Дубна» (г. Дубна, Россия),
ФГБНУ Психологический институт РАО (г. Москва, Россия)

Шизофрения – распространенное психическое заболевание. Около половины подэкспертных, признанных невменяемыми, в судебно-психиатрической практике составляют страдающие шизофренией (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Большакова Н.Б., 2012). Судебно-психиатрическое и судебно-психологическое значение этого расстройства очень велико.

Нами было проведено исследование взрослых лиц, имеющих диагноз «шизофрения» (F20) (Бобровникова А.С., Тарасова С.Ю., Бродников А.Ю., 2018). Цель исследования – изучение у больных шизофренией роли психотравмирующей ситуации в развитии заболевания, ее взаимосвязей в более широком контексте клинических симптомов. Обращали внимание на сексуальную тематику фантазий и бреда.

Материалы и методы исследования. Развернутая клиническая беседа с использованием life-line, методики неоконченных предложений и генограммы. Патопсихологическое обследование. Исследование проводилось на базе Московской областной психиатрической больницы № 14. Было обследовано 62 больных: 31 мужчина и 31 женщина.

По результатам исследования, большинство больных выросли в полной семье (67% мужчин и 60% женщин), в которой преобладали амбивалентный (46% – у мужчин и 60% – у женщин) и попустительский стили воспитания (33% – у мужчин и 27% – у женщин). Активная социальная позиция, по результатам исследования, отмечена у женщин в 62% случаев, тогда как у мужчин – лишь в 38% случаев. Сходные показатели получены по фактору критичности больного к своему состоянию и сохранности у него ориентировки в собственной личности. 56% женщин

относительно критичны к своему дефектному состоянию. У мужчин эта доля составляет 37%. Сходные результаты получены другими исследователями (Montemagni С., Frieri Т., Blandamura А., Villari V., Rocca Р, 2015). Пусковым механизмом начала заболевания у женщин чаще становилась психотравмирующая ситуация, связанная с неудачным любовным опытом: смерть мужа, развод, физическое насилие, аборт, невозможность иметь детей (69% случаев).

Анализируя роль психотравмирующей ситуации в генезе заболевания, можно провести параллель с рассмотрением аномального сексуального поведения как предиктора эндогенного процесса (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2014). Остановимся подробнее на феномене патологического фантазирования при шизоидной личностной организации. При патологическом характере фантазий вымыслы приобретают большую субъективную значимость, чем реальная жизнь. Фантазии часто имеют сексуальный смысл. Воплощение фантазии в жизнь становится своего рода копингом, стратегией совладания со стрессом. Так пациентка тайно влюблена в известного певца, считает, что и он к ней неравнодушен и на концертах посылает «знаки».

По всей вероятности патологическое фантазирование может выполнять функцию личностных защит. Можно предположить, что такая особенность шизоидной личности как патологическое фантазирование взаимосвязана с повышенной уязвимостью к стрессовым воздействиям.

Выводы:

1. Роль психотравмирующей ситуации в генезе шизофрении значительна как у женщин, так и у мужчин. Общим весомым психотравмирующим фактором можно назвать неудачный любовный и сексуальный опыт. Но удельный вес данного фактора больше у женщин.

2. Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что у женщин уровень дезадаптации при шизофрении ниже, чем у мужчин. Женщины более критичны к своему дефектному состоянию, у них более сохранна ориентировка в собственной личности, чем у мужчин (56% случаев и 37% случаев соответственно).

Литература

1. Бобровникова А.С., Тарасова С.Ю., Бродников А.Ю. Роль психотравмирующих факторов в генезе шизофрении / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Поляковские чтения (к 90-летию Ю.Ф. Полякова)» 2018. С. 78-81.
2. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Большакова Н.Б. Первичная диагностика шизофрении у обвиняемых с аномальным сексуальным поведением. Методические рекомендации. Москва: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России; 2012. 23 с.
3. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. Москва: Издательство БИНОМ; 2014. 648 с.

4. Montemagni C., Frieri T., Blandamura A., Villari V., Rocca P. Gender differences in 353 inpatients with acute psychosis: The experience of one Psychiatric Emergency Service of Turin. *Psychiatry Res.* 2015; 227(2-3):192-197.

Суицидальность среди матерей детей с расстройствами аутистического спектра

Бородина Л.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Воспитание ребёнка с детским аутизмом – тяжелым, в большинстве случаев инвалидизирующим, расстройством развития, порой является непосильной психологической нагрузкой для родителей. В зарубежных СМИ неоднократно встречались сообщения о постгомицидных суицидах родителей аутичных детей, не справившихся со сложившейся ситуацией.

Целью исследования было выявление и анализ особенностей суицидальности среди матерей детей с аутизмом. Был проведен анонимный интернет-опрос 84 матерей детей с аутизмом на предмет наличия или отсутствия у них суицидальных мыслей, намерений и истории совершенных суицидальных попыток в связи с болезнью ребенка, с последующим более детальным очным или заочным знакомством и обследованием желающих. Средний возраст опрошенных составил 32,4 года. Каждая мать имела хотя бы одного ребёнка с диагнозом «Детский аутизм», «Атипичный аутизм», «синдром Аспергера». Предложенная анкета содержала 8 вопросов, касающихся антивитаальных мыслей, суицидальных мыслей и намерений, совершенных суицидальных попыток и факторов, провоцировавших суицидальные настроения и способствовавших их преодолению. После заполнения анкеты большинство участников вступили в переписку, комментировали и дополняли свои ответы.

Анализ результатов показал, что у 72,6% опрошенных в тот или иной период жизни с аутичным ребенком возникали мысли о нежелании жить, часто носившие характер пассивного антивитаального фона настроения с ангедонией. У 55% матерей такой эмоциональный фон присутствовал и на момент опроса.

Почти в половине случаев (48,3 %) мысли о нежелании жить следовали за размышлением о будущем себя и ребёнка: неизбежное помещение выросшего ребёнка в психоневрологический интернат и созерцание тяжелого психического состояния сына/дочери после смерти родителей делали будущее в представлении матерей наполненным невыносимой психалгией.

В 38,1% случаев суицидальные мысли возникали в состоянии истощения и усталости, в 26,4% – при осознании отсутствия ожидавшегося улучшения состояния ребенка, в 25,3% – на фоне постоянного крика ребенка, в 19,5% – после неэтичных высказываний специалистов, в 13,8% – на фоне переживания стыда перед

окружающими за неадекватное поведение ребёнка, в 3,6% случаев – после диагностирования аутизма и у второго ребёнка.

46,9% матерей обдумывали способ самоубийства, при этом обдумывавшийся способ практически всегда был суицидом с вовлечением ребёнка или постгомицидным суицидом: автоцид, отравление ребенка с самоотравлением, совместное падение с высоты, убийство и самоубийство с помощью огнестрельного оружия. Мощным антисуицидальным фактором, вступавшим в конфликт с суицидальными мыслями, выступала забота и желание сохранить жизнь ребёнку.

25% матерей оценили своё состояние в прошлом как «нахождение на грани» самоубийства, при этом двое из них описали начатые, но прерванные, суицидальные попытки.

8,4% матерей совершили неудавшиеся суицидальные попытки, при этом две респондентки согласились рассказать о них: это было самоповешение в одном случае и самоотравление в другом, без вовлечения ребенка.

Среди факторов, способствовавших преодолению суицидальных мыслей, наиболее часто были указаны: поддержка близких (27,8%), работа (27,6%), прогресс у ребёнка (23%), лекарственная терапия и религия (по 17,2%).

Таким образом, матери детей с аутизмом представляют собой группу повышенного суицидального риска. Создание телефонов доверия, доступной психотерапевтической помощи, финансируемых государством кризисных центров для родителей и обеспечение так называемых «социальных передышек» могло бы снизить эмоциональную нагрузку на семьи и напряженность депрессивно окрашенных переживаний.

Роль эмоциональной регуляции и стиля вождения в деятельности водителей автотранспортного средства

Васильченко А.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Водительская деятельность связана с обработкой информации относительно возникающих дорожных ситуаций, управлением динамикой транспортного средства и его местоположением в дорожной среде и в транспортном потоке. Поведение проявляется в выборе более или менее опасных, разрешенных или запрещенных маневров (Лобанова Ю.И., 2014, 2015). Стилем вождения в концептуальном плане занимаются В. Elander, G. Miller, D. Yehiel, O. Taubman-Ben-Ary. Последний автор дает определение стиля вождения, типологию стилей и типичных эмоциональных переживаний, характерных для водителей с тем или иным стилем (Лобанова Ю.И., 2014). В советско-российской научной психологической школе с позиций типологического подхода принято говорить о стилях деятельности. При этом индивидуальный стиль деятельности традиционно понимается как обусловленная

типологическими особенностями устойчивая система способов деятельности, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему осуществлению своей деятельности совокупность способов (совокупность средств) осуществления деятельности, сознательно или бессознательно избираемых человеком, которые могут способствовать достижению эффективности. Большое значение в диагностике стиля придается соотношению ориентировочного, исполнительского и контролирующего этапов деятельности (Лобанова Ю.И., 2014).

Деятельность человека всегда сопровождается определёнными эмоциями и эмоциональными состояниями различной степени выраженности. Вплетаясь во все остальные психические процессы, эмоции выполняют функции связи между действительностью и потребностями организма и человека. Регулирующая функция сводится к изменению тактики поведения в зависимости от переживания успеха-неуспеха при еще незавершенном действии. На основе эмоциональных оценок индивидуум или завершает его, или отказывается от него и приступает к иному действию. Выделяют две группы функциональных психических состояний, негативно влияющих на деятельность человека – стресс и утомление (Сергеев С.Ф., 2011). Психический стресс сопровождается изменениями функций внимания, памяти, логического мышления, психомоторики. Наблюдается избирательное перераспределение ресурсов организма – те функции, значение которых для деятельности велико, сохраняются и поддерживаются за счет менее важных. В стрессе по мере его развития страдают, прежде всего, более поздние по времени формирования психические структуры человека, связанные с интеллектуальными функциями, мышлением и принятием решения (Сергеев С.Ф., 2011).

Все вышесказанное подчеркивает актуальность исследования взаимосвязи эмоциональной регуляции и стиля вождения для разработки эффективных методов диагностики и коррекции высоко рискованного поведения у кандидатов в водители, а также водителей, и планирования психологической работы с водителями.

Литература

1. Лобанова Ю.И. Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №4. С. 97-107.
2. Лобанова Ю.И. Стилль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации // Российский гуманитарный журнал. 2015. №1 С.76-84.
3. Сергеев С.Ф. Инженерная психология и эргономика: механизмы регуляции деятельности человека // Образовательные технологии. 2011. № 3. С. 64–73.

Возможность рекомендации патронажа больным шизофренией

Васянина В.И.

ФГБУ «Национальный исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия),

Гуськова М.Г.

КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница им. Ю.К. Эрдмана» (г. Барнаул, Россия)

Опека, попечительство, патронаж являются различными формами социальной защиты лиц с психическими расстройствами. Степень отклонения психической деятельности лица от нормы влияет на объем необходимой ему помощи и, следовательно, на объем полномочий опекуна и попечителя. Опека устанавливается над гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства. Попечительство устанавливается над гражданами, ограниченными судом в дееспособности, роль попечителя сводится только к контролю за юридическими действиями подопечного, совершенные сделки считаются действительными только с разрешения попечителя. При патронаже юридические действия, совершаются помощником в соответствии с собственной волей находящегося под патронажем гражданина, который полностью дееспособен (ст. 41 ГК РФ). Назначение патронажа как одной из форм социального сопровождения больного – мера более динамическая и эффективная, чем лишение и ограничение дееспособности, направлена на защиту прав лиц с психическими расстройствами (Гуськова М.Г., Харитоновна Н.К., Васянина В.И., 2016). Данная форма социальной защиты психически больных может быть применена органами опеки и попечительства по рекомендации психиатрической службы в случае необходимости решения больным, дееспособность которого не вызывает сомнения, имущественных вопросов (участие в приватизации, продажи, покупки жилья, принятии и оформлении наследства, заключение ренты и т.п.) и при условии самостоятельного волеизъявления пациента в запросе на помощь в решении указанных имущественных вопросов. Существенным преимуществом патронажа является то, что органы опеки и попечительства осуществляют контроль за исполнением помощником своих обязанностей, а кроме того, организация патронажа не требует обращения в суд.

Было проведено обследование 105 пациентов, находящихся на диспансерном наблюдении у психиатра с диагнозом: «Шизофрения». На основании сравнения клинико-социальных характеристик обследуемых в сопоставлении с результатами применения психометрических шкал, установлена зависимость между формой, типом течения шизофренического процесса, структурой и выраженностью психопатологических расстройств, соотношением психического состояния с уровнем социального функционирования, критических способностей, определяющих дальнейший прогноз заболевания (Харитоновна Н.К., Гуськова М.Г., Васянина В.И., Королева Е.В., 2018). На основании проведенного исследования предложены

следующие критерии рекомендации патронажа в отношении пациентов, страдающих шизофренией:

- эпизодический тип течения заболевания;
- отсутствие нарушений психотического уровня;
- отсутствие в клинической картине психических нарушений, достигающих степени деменции;
- ведущие нарушения в клинической картине: аутизм, эмоциональное оскудение с нерезкими нарушениями мышления, неврозоподобными или психопатоподобными состояниями с преобладанием эмоциональных расстройств (аффективно-лабильные с циркулярными колебаниями аффекта), тревоги;
- постшизофреническая депрессия;
- готовность к сотрудничеству с врачом и социальными работниками, посещение психиатра и регулярный прием терапии;
- наличие критического отношения к заболеванию;
- достаточная продуктивность в установлении межличностных и социальных контактов;
- сохранность способности заботиться о себе и обслуживать себя, организовывать быт повседневной жизни, осуществлять самостоятельное проживание;
- достаточный уровень социальной адаптации, критическое отношение к планируемым правовым актам, но имеющиеся сложности в реализации гражданином своих гражданских прав и исполнении обязанностей в силу имеющихся психических нарушений.

Литература

1. Гуськова М.Г., Харитоновна Н.К., Васянина В.И. Патронаж как форма социальной защиты лиц с психическими расстройствами // Психическое здоровье. 2016. №12. С. 47-52.
2. Харитоновна Н.К., Гуськова М.Г., Васянина В.И., Королева Е.В. Клинико-социальные критерии назначения патронажа (ст. 41 ГК РФ) больным шизофренией в условиях диспансерного наблюдения. Методические рекомендации, ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. 2018. 26 с.

К вопросу о модели профилактики аддиктивного поведения

Власова Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема аддиктивного, как одного из видов девиантного поведения, является в последнее время наиболее актуальной в науке и практике современной психологии. Довольно большой потенциал наработок в области превентивных мер по

преодолению зависимого поведения, который существует в настоящее время, все же не дает возможности качественно и эффективно проводить такую работу с потенциально либо уже зависимыми клиентами. Большая часть методов и технологий рассчитана на профилактическую работу по предупреждению употребления наркотиков, алкоголизма, вторичную профилактику имеющими опыт употребления различных видов психоактивных веществ. В меньшей степени разработаны подходы в оказании помощи и профилактики лицам, склонным или страдающим другими видами аддикции – компьютерная, игровая, пищевая, любовная и т.д.

Основой современных концепций профилактики зависимого поведения выступает принцип: Знания – Отношение – Поведение. (Буслаева Е.Л., Михалкин Н.В., 2005). Последнее время, методы профилактики в рамках данной концепции, определяются причинами, способствующими возникновению зависимости. Чаще всего их делят на социальные и внутриличностные традиционные технологии в способах определения цели профилактического воздействия. Что приводит лишь к профилактике отдельного симптоматического характера, но к отсутствию общей концепции в выстраивании превентивных мер в преодолении аддикции.

По словам С.В. Березина, «для эффективной профилактики вредных привычек необходимо создание новой методологии, основанной на принципах системности и конструктивного альтернативизма», а значит, является необходимым определить комплексную, вариативную модель профилактики, объединяющую как детерминанты социального, личностного, психолого-педагогического и культурного характера, так и возможности целенаправленных мер по регулированию поведения в преодолении склонности к зависимости в любых ее проявлениях. (Власова Н.В., 2005)

Как считают многие авторы, профилактика аддиктивного поведения должна начинаться с самого младшего возраста – дошкольников, и постоянно проводиться с вариативной направленностью в течение последующих возрастных периодов. (Валентик Ю. В., Вострокнутов Н. В., Гериш А. А., Дудко Т. Н., Тростанецкая Г. Н., 2002) Анализируя данную проблему, Н.С. Видерман, приходит к выводу, что «проводимые профилактические мероприятия по предупреждению зависимых форм поведения должны сочетаться с целенаправленным обучением здоровому образу жизни, формированием высокой степени стрессоустойчивости, актуализации конструктивных личностных ресурсов, навыков адаптивного поведения, способствующих преодолению стресса». (Видерман Н.С., 2004) Так же, важная роль в профилактике аддиктивных форм поведения, которую, как правило, осуществляют социальные институты, отводится СМИ, сети Интернет, роль которых в современных условиях становится все более значимой, и, следовательно, специальные профилактические меры должны реализовываться именно в этом направлении. При этом тактика запретов, искажение и фальсификация информации является наименее успешной. Немаловажным в выработке новой модели профилактики является и процесс обучения задействованных в этой области специалистов – психологов, социальных педагогов, учителей, медицинских работников и юристов.

Литература

1. Бушлаева Е.Л., Михалкин Н.В. Ценности современного российского общества: философско-психологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. 2005. №1. С.62
2. Валентик Ю.В., Вострокнутов Н.В., Гериш А.А., Дудко Т.Н., Тростанецкая Г.Н. Концептуальные основы реабилитации несовершеннолетних, злоупотребляющих психоактивными веществами // Наркология. 2002. №1. С. 23-32.
3. Видерман Н.С. Социальный педагог в сфере профилактики наркомании // Психологическая наука и образование. 2004. № 4. С. 80-84.
4. Власова Н.В. Психологическая диагностика и коррекция склонности подростков к употреблению наркотиков. Междунар. акад. акмеол. наук, Моск. открытый социал. ун-т. Москва, 2005, 135 с.

Психологическая экспертная оценка материалов, содержащих сцены травли подростков

Гурина О.Д.

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

В последние годы востребованным видом судебной психологической экспертизы стало психологическое исследование информационных материалов. Эксперты-психологи в рамках комплексной экспертизы совместно с лингвистами проводят исследования письменных объектов, видео- и аудиозаписей, поликодовых текстов. Большая часть подобных материалов размещено в сети Интернет.

Предоставляемые на исследование материалы интересуют следствие по разным категориям дел: по экстремизму, терроризму, порнографии, по защите чести, достоинства, деловой репутации, распространении информации, причиняющей вред здоровью несовершеннолетних и пр., в связи с чем, у эксперта увеличивается круг задач, требующих решения.

В качестве примера проанализированы психолого-лингвистические исследования видеозаписей в рамках дела о деятельности движения «Оккупай-Геронтофиляй», имевшей общественный резонанс. Материалом для анализа стали 13 исследований видеозаписей, содержащих сцены травли подростков в связи с их гомосексуальной ориентацией. Сцены на видеозаписях не являлись постановочными (известно из материалов проверки).

В результате проведенного психологического экспертного исследования установлено, что на видеозаписях зафиксированы приемы негативного психологического воздействия участников движения на потерпевших подростков, а именно в форме оказания психологического давления (насилия). Участники движения на камеру принуждали подростков к совершению унижительных действий, в том числе сексуального характера (к оральному сексу); угрожали им, в том числе

распространением личной информации, причинением вреда здоровью, оскорбляли; высмеивали и осуждали поступки подростков; публично обсуждали интимную, частную жизнь подростков путем принуждения признаться в сексуальных предпочтениях. Описанные действия происходили с элементами физического насилия: подростков удерживали, чтобы они не ушли; обыскивали, изымали личные вещи. В дальнейшем видеозаписи монтировались, редактировались и размещались в публичном доступе в сети Интернет (в настоящее время видеоролики также находятся в свободном доступе). Можно выделить несколько коммуникативных целей исследованных видеозаписей – распространить информацию о деятельности движения «Оккупай-Геронтофилай»; развлечь адресата, представив ситуации как комичные; убедить адресата в том, что лица, в отношении которых совершаются уничижительные действия, заслуживают их в связи с тем, что являются гомосексуалистами. Данные действия для адресата были представлены как нормальные, приемлемые.

Таким образом, в действиях участников движения «Оккупай-Геронтофилай», зафиксированных на видеозаписях, были выявлены признаки психологического насилия по отношению к подросткам в связи с их гомосексуальной ориентацией. Установленные признаки в рамках комплексной психолого-лингвистической экспертизы могут быть использованы следствием для доказывания обстоятельств различных преступлений, имеющих в своем составе факт психологического насилия [например, ст. 282. УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства); ст. 133. УК РФ (понуждение к действиям сексуального характера); ст. 117 УК РФ (истязание); ст. 5.61. КоАП РФ (оскорбление) и др.].

Стоит отметить, что в зависимости от состава преступления необходимо также исследование психического состояния пострадавшего лица в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Генотип-средовое взаимодействие и антисоциальное поведение

Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,

Виноградова Е.П.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

(г. Санкт-Петербург, Россия),

Макеев М.К.

ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им.

И.М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Актуальной проблемой современной психологии является изучение природы индивидуальных различий и особенностей поведения для корректной оценки индивидуально-психологических особенностей личности.

Безусловно изучение клинико-психопатологических особенностей подростков, совершающих особо тяжкие правонарушения с немотивированной, неадекватной жестокостью, должно проводиться специалистами системно, с учетом психического статуса, отягощенности наследственности, уровня развития, условий жизни, воспитания, ситуации совершения преступления и т.д. Однако хотелось бы обратить внимание на такой возможный вариант анализа при условии психиатрической нормы здоровья, который обусловлен спецификой взаимодействия генов и среды (G×E), несмотря на то, что связь генетических полиморфизмов и психологических признаков не столь однозначна из-за многих факторов (Пломин Р., 1994; Янковский Н.К., Боринская С.А., 2009). Тем не менее А. Каспи в одной из самых цитируемых по данной теме работ, сообщил, что риск антисоциального поведения повышается среди людей с «низкоактивной» MAOA (моноаминоксидаза), регулирующей уровень серотонина в синапсах, если с ними плохо обращались в раннем возрасте, причем, чем раньше, тем хуже последствия (Caspi A., 2003).

Нам хотелось бы еще раз подчеркнуть, что данный пример с MAOA демонстрирует неоднозначное влияние средовых факторов на «проблемный» вариант гена: при благоприятной обстановке в детстве особи с «неудачным» геном MAOA в ряде исследований показывали более положительные адаптивные результаты в сравнении с «высокоактивным» вариантом, хотя повторим, что при трудных (стрессорирующих) условиях детства уровень антисоциального поведения был у группы с «низкоактивной» MAOA значимо выше. Поэтому ученые пришли к выводу, что корректной интерпретацией в приведенном примере будет формулировка: люди с вариантом «низкоактивной» MAOA обладают большей восприимчивостью к средовому воздействию, чем более «спокойный» аллель (Belsky et al., 2009; Caspi A., 2003).

Концепция «пластичности» находит всё большее применение в отношении генов, связанных с поведением, то есть необходимо подбирать благоприятную среду, эффективные методы и условия воспитания в зависимости от индивидуальной генетики (безусловно, благоприятные социально-экономические условия развития ребенка в идеале должны быть у всех детей, современное общество должно к этому стремиться) (Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б., 2018; Малых С.Б., Ковас Ю.В., Гайсиной Д.А., 2016). А в случае необходимости психологической помощи – в зависимости от генетических особенностей показаны специальные приемы и методики коррекции и психотерапии.

Таким образом, современные генетические анализы и последующая их интерпретация более точно и тонко помогут отразить предрасположенности, болезни, психологические особенности, чем многие известные на сегодняшний день исследования. Результаты секвенирования и GWAS (полногеномный поиск ассоциаций) – фантастический по возможностям вектор развития диагностики: подробнейшая инструкция (для врача, для психолога, для педагога, для родителей) (Bush W.S., Moore J.H., 2012). Уже сейчас в практике психологического консультирования используется комплексное сочетание генетических анализов,

психологических тестов, картирования мозга («neuroimaging») (ДГКБ №13 им. Филатова Н.Ф., Морозовская б-ца, Genotek, тесты 23andMe и т.д.).

В то же время очень трудно достоверно спрогнозировать поведение индивида, предсказать его реакцию на какое-либо событие в разных ситуациях без долгого и скрупулезного изучения, сбора психологического «анамнеза», записанного в психологическую «историю болезни» клиента, без проведения максимально всесторонних исследований, как в медицине. Авторы тезисов хотели бы обратить внимание на необходимость учета различий в индивидуальной генетике, эпигенетических закономерностей при изучении асоциального, антисоциального поведения для разработки мер профилактики, превенции и в экспертизе (Боринская С.А., Рогаев Е.И., 2000; Caspi A., 2003).

И, безусловно, создание максимально благоприятных условий для развития детей позволит сократить риск их криминального поведения вне зависимости от, выражаясь образно, «рискованных генов» (наследственной предрасположенности).

Литература

1. Боринская С.А., Рогаев Е.И. Гены и поведение. / В сб.: Российская наука: грани творчества на грани веков. Научный мир-Природа, М., 2000. С. 280-289 [Электронный ресурс]. URL: <http://vigg.ru/institute/biblioteka/nauchno-populjarnye-stati/> (дата обращения 10.03.2018).
2. Геномика поведения: детское развитие и образование / под ред. С.Б. Малых, Ю.В. Ковас, Д.А. Гайсиной. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 442 с.
3. Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б. Влияние низкого социально-экономической статуса семьи на психическое здоровье детей // Поляковские чтения 2018: Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии (к 90-летию Ю.Ф. Полякова): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участие 15-16 марта 2018 г. М.: МГППУ, 2018. С. 158-162 [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournals.ru/polyakovthesis2018/issue/> (дата обращения 17.08.2018).
4. Пломин Р. Наследственность и воспитание [Электронный ресурс] // Детство идеальное и настоящее: сборник работ современных западных ученых / Отв. ред. Е.Р. Слободская. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994. Часть 2. С. 71-109. URL: <https://refdb.ru/look/1277183.html> (дата обращения: 20.07.2018).
5. Янковский Н.К., Боринская С.А. Генетические исследования как основа интеграции наук о жизни и человеке // Вестник ВОГиС, 2009. Том 13. № 2. С. 384-389 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bionet.nsc.ru/vogis/vestnik.php?f=2009&p=t13_2_cont (дата обращения: 17.08.2018).
6. Bush W.S., Moore J.H. (2012) Chapter 11: Genome-Wide Association Studies // PLoS Comput Biol 8(12): e1002822. <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1002822>.

7. Influence of life stress on depression: moderation by a polymorphism in the 5-HTT gene. Caspi A., et al. // Science. 18 Jul 2003: Vol. 301, Issue 5631, pp. 386-389 DOI: 10.1126/science.1083968.
8. Vulnerability genes or plasticity genes? Belsky et al. // Molecular Psychiatry volume 14, pages 746–754 (2009). doi:10.1038/mp.2009.44.

Интернет-аддикция: зависимость от «чего»?

Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
Макеев М.К.

ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им.
И.М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Польза и необходимость интернет-пространства, как формата современной жизни, несомненна, так же, как и вред от превращения любой формы поведения при избыточной фиксации на ней в зависимость (Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б., 2017; Weinstein A., Lejoyeux M., 2010). Но существует ли «интернет-аддикция» со строго научной точки зрения, какого уровня нарушения психики и социальная дезадаптация должны наступить вследствие погружения в интернет-среду, чтобы приравнять интернет-аддикцию к другим аддиктивным нарушениям, входящим в МКБ-11?

Интернет – развивающаяся технологическая среда с огромными возможностями, всеобщая технологическая «зависимость» – является показателем современных достижений НТП и, более вероятно, что основная причина проблем кроется не в использовании технических ресурсов (Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б., 2017; Pies R., 2009; Weinstein A., Lejoyeux M., 2010). Э. Хоффман выразила одну из важнейших причин возникновения аддиктивного поведения, практически, применив деятельностный подход культурно-исторической концепции развития психики: «Когда мы говорим о зависимости – мы говорим не о том, что люди делают, а о том, чего они не делают, замещая неделание зависимым поведением» (<https://lenta.ru/columns/2010/08/11/games/>). Любая аддикция возникает из-за объективных причин: особенностей возрастного развития, личностного неблагополучия, связанного с социализацией, неблагоприятных социальных условий и нередко сочетается с предрасположенностью, акцентуацией, пограничными состояниями и разного уровня психопатологией (Малыгин, Меркурьева, Краснов, 2015; Холмогорова, Клименкова, 2016; Pies R., 2009). Неслучайно, анализ аддиктивного поведения в интернете специалистами формулируется как: «Интернет-зависимость при обсессивно-компульсивном расстройстве» (Bipeta R. et al., 2015 (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4420165/>)); «...о высокой коморбидности ИА и разных психических заболеваний» (Floros G. et al., 2014 (<https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2014.07.031>)); «Изучение возможной связи геномных ассоциаций и патологического увлечения играми» (Lang M. et al., 2016)

<https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2016.04.001>)); «...индивидуальные особенности личности, родительские и семейные отношения, употребление алкоголя, социальная тревожность тоже предсказывают проблематичное использование Интернета» (Weinstein A., Lejoyeux M., 2010). Риск формирования интернет-зависимого поведения от любого контента (игры, порно, шопинг, соцсети) рассматривается системно, как динамическое взаимодействие биологических, психологических и социальных факторов (генотип-средовая ковариация) (Pies R., 2009; Younes F. et al., 2016 (doi.org/10.1371/journal.pone.0161126)). Результаты на выборках большого объема, сходятся в следующем: «Опросы в США и Европе показали, что уровень распространенности ИА составляет от 1,5% до 8,2%...» (Weinstein A., Lejoyeux M., 2010). Исследования свидетельствуют о неслучайности нарушений, связанных между собой единым патогенетическим механизмом, т.е. о высокой коморбидности интернет-аддикции с психическими расстройствами: тревожными, аффективными (включая депрессию), с СГДВ (Yen J.Y. et al., 2007) ([doi: 10.1016/j.jadohealth.2007.02.002](https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2007.02.002)).

Удивленный «размахом» публикаций на данную тему И. Голдберг, автор термина интернет-аддикция, не считает её «настоящей зависимостью» (Dalal P.K., Basu D., 2016). Т.к. аддиктивными являются, вследствие изменений в мозге, психике, обсессивно-компульсивные признаки поведения в зависимости от содержания аддикции (химическая, поведенческая), а не сама интернет-среда, которая во всех других случаях представляет собой социотехнический ресурс современного мира (Weinstein A., 2015). Авторитетный аддиктолог С. Гитлоу (S. Gitlow) более категоричен: «... медицинская термин «аддикция» не должен применяться ни к чему, кроме привыкания к употреблению наркотиков (наркозависимости) и гемблингу». «Создание отдельной категории для интернет-аддикции откроет двери для всех видов новых категорий «болезней», поскольку технологии постоянно и быстро развиваются...» (Pies R., 2009). Возможно, рано считать интернет-аддикцию полноценным и дискретным психическим расстройством. Это должно сопровождаться быстрым развитием единых диагностических критериев, исследовательской работой, направленной на понимание био-социокультурной природы этого состояния, пока не будет достигнут профессиональный консенсус.

Выводы. Так как молодое поколение «с пеленок» учится использованию гаджетов, является «уверенным пользователем» и со-создателем интернет-ресурсов, методологически более правильным можно считать подход, направленный на просвещение, профилактику использования цифровых технологий, т.к. дети и молодежь более импульсивны, доверчивы и склонны к новизне и риску, и на решение социальных проблем, касающихся улучшения условий жизни, как предикторов любого неблагополучия (Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б., 2017).

Литература

1. Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б. Сетевое интернет-общение, как новая форма организации коммуникативного процесса в современном обществе

[Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 56–65. doi:10.17759/jmfp.2017060406

2. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России. 2015. №1 (30).
3. Dalal P.K., Basu D. Twenty years of Internet addiction ... Quo Vadis? // Indian Journal of Psychiatry. 2016;58(1):6-11. doi:10.4103/0019-5545.174354.
4. Pies R. Should DSM-V Designate «Internet Addiction» a Mental Disorder? Psychiatry (Edgmont). 2009;6(2):31–7.
5. Weinstein A., Lejoyeux M. Internet addiction or excessive internet use // Am J Drug Alcohol Abuse. 2010 Sep; 36(5):277-83.

Правоприменение заключений СПЭ в гражданских делах о воспитании детей родителями, страдающими психическими расстройствами

Журавлева Е.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
Русаковская О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

Интересы ребенка – одна из важнейших категорий семейного права, которой в последнее время уделяется все больше внимания, и которая лежит в основе рассмотрения всех судебных дел, связанных с воспитанием детей. При этом судом определяется степень соотношения и соответствия интересов ребенка интересам родителей (Ильина О.Ю., 2015). По зарубежным данным, решения судов в спорах о воспитании детей в 85% соответствуют заключению специалистов в области психического здоровья (Русаковская О.А., 2011). В нашей стране подобных исследований правоприменения заключений судебно-психиатрической (СПЭ) и комплексной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) не проводилось.

Цель исследования: анализ правоприменения заключений СПЭ и КСППЭ в гражданских делах о воспитании детей родителями, страдающими психическим расстройством.

Проанализированы судебные решения по 32 гражданским делам, в которых при проведении СПЭ или КСППЭ было дано заключение о наличии у родителя психического расстройства (экспертизы проводились в 2011-2017 гг.). Исковыми требованиями в 10 случаях было ограничение родительских прав, в 7 случаях отмена ограничения родительских прав, в 2 – лишение родительских прав, в 9 – определение

места жительства ребенка, в 4 – определение порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно. Среди подэкспертных было 9 отцов (28%) и 23 матери (72%). У 18-ти из родителей имелось расстройство шизофренического спектра, у 3 – умственная отсталость, у 11 – расстройство личности различной этиологии.

Результаты. В 21 случаях (65,6%) судебное решение полностью соответствовало заключению экспертов. В 3 случаях дело было оставлено без рассмотрения. В 8 случаях (25%) судебное решение не соответствовало экспертному заключению. Из них в 6 случаях судебное решение оказалось «строже» заключения экспертов, а в 2 случаях «мягче». В 2 случаях родитель, страдавший психическим расстройством, был ограничен в родительских правах при заключении экспертов об отсутствии опасности оставления ребенка с данным родителем. В 2 случаях родителям было отказано в отмене ограничения родительских прав. В 2 случаях было отказано в определении места жительства ребенка с данным родителем, несмотря на заключение об отсутствии опасности и об отсутствии негативного влияния на психическое здоровье и развитие ребенка. Анализ заключений СПЭ по данным делам позволяет предположить, что в основу данных решений была положена комплексная оценка всех обстоятельств, в том числе фактов, свидетельствующих о социальном неблагополучии родителя (привлечение в прошлом к уголовной ответственности, низкий социально-экономический статус), о привязанности ребенка к другому родителю или опекунам, отсутствие условий для оказания семье социальной поддержки в форме пролонгированного медико-психолого-педагогического сопровождения, которая была рекомендована экспертами. Хочется отметить, что в двух случаях, когда экспертами давалось заключение об отсутствии опасности оставления ребенка с родителем, но о негативном влиянии родителя на психическое здоровье и развитие ребенка, родители были ограничены в родительских правах.

Таким образом, заключения экспертов в гражданских делах о воспитании детей оцениваются судьями в комплексе с другими доказательствами. При рассмотрении дел по искам об ограничении родительских прав судьями принимается во внимание не только сделанный экспертами вывод о наличии или отсутствии опасности оставления ребенка с родителем, но и вывод о наличии негативного влияния на психическое здоровье ребенка в случае передачи его на воспитание данному родителю, а также исследовательская часть заключения.

Литература

1. Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Науч. школа докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Ильиной: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 431 с.
2. Русаковская О.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в судебных спорах о воспитании и месте проживания ребенка. Дисс. ... канд. мед. наук / ФГУ «ГНЦ социальной и судебной психиатрии». Москва, 2011. 205 с.

Психолингвистический анализ агрессивности у лиц, страдающих эпилепсией

Иванова Л.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
Калашникова А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и
наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Большая частота встречаемости агрессивного поведения среди лиц с психическими заболеваниями определяет необходимость более точной диагностики наличия данных форм поведения в виду высокой общественной опасности данного контингента. Среди прочих больные эпилепсией заслуживают большего внимания, так как в характерологическом плане у них происходит формирование специфических эпилептических изменений психики, носящих характер эгоцентризма, злобности, обидчивости. Частота агрессивных форм поведения у лиц, страдающих эпилепсией, по данным разных авторов, колеблется в широком диапазоне, однако, реальная распространенность агрессивного поведения у данных больных остается пока величиной неутонченной (Корнилова С.В., 2007). Причем ряд авторов указывает на наличие у данной категории пациентов скрытой или латентной агрессивности (Болдырев А.И., 1984; Киссин М.Я., Незнанов Н.Г., 2007), которую не всегда можно выявить с помощью традиционных психодиагностических процедур. В то же время набирают популярность психолингвистические методы анализа как письменной, так и устной продукции в рамках диагностики психических нарушений, в том числе патохарактерологических проявлений агрессивности.

Целью данной работы явилось исследование возможности применения психолингвистического анализа текстов для выявления агрессивности у лиц, страдающих эпилепсией.

Исследование проводилось на базах Психиатрической клинической больницы им. П.Б. Ганнушкина и Психоневрологического интерната №30. Объектом исследования явилась письменная продукция 16 пациентов (9 мужчин и 7 женщин) с диагнозом «эпилепсия» со стажем заболевания от 9 до 40 лет (средний – 23 года) в возрасте от 23 до 60 лет (средний – 35 лет).

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что в текстах больных эпилепсией на уровне сюжета будут проявляться признаки враждебного взаимодействия, как проявления личностной агрессивности.

Использовались опросник диагностики агрессии Басса и Дарки (адаптация Ениколопова С.Н.), а также текстовые методики «Мой главный поступок» и «Моя самая большая обида» (Новикова-Грунд М.В., 2014).

По результатам проведения опросника Басса-Дарки у 62 % показатели общей агрессивности были в пределах нормы, однако индекс враждебности ее существенно превышал у всех испытуемых (ср. = 13, 4). Анализ текстов лиц, больных эпилепсией,

обнаружил явную специфику по отношению к текстам, написанным здоровыми людьми (Новикова-Грунд М.В., 2014). Так, в первую очередь, обратило на себя внимание игнорирование инструкций (явное несоответствие текста тематике сочинения при нежелании объяснить свой выбор и доступности инструкции на интеллектуальном уровне) и «нежелание раскрываться», что проявилось в объеме текстов (в среднем – 1 предложение, часто состоявшее из 2 слов); наличии супернеагенсных конструкций – за исключением редких случаев в текстах не было упоминания автора о себе самом. Помимо этого, при анализе «сочинений» у пациентов либо вовсе отсутствовали, либо имели место только в одной из форм – морфологической или лексической, пространственно-временные элементы. Пациентами использовались внешние предикаты, описывающие событие, но не мысли/чувства автора (внутренние предикаты). Данные особенности в совокупности свидетельствуют о формальном отношении пациентов с эпилепсией к написанию текстов, сопротивлению межличностному контакту, что может в свою очередь быть признаком скрытой агрессивности (при наличии высоких показателей враждебности в виде эмоциональных переживаний гневливой направленности, однако зачастую не реализуемых в агрессивных действиях).

Литература

1. Болдырев А.И. Эпилепсия у взрослых. Москва: Медицина, 1984. 288 с.
2. Киссин М.Я., Незнанов Н.Г. Особенности клиники эпилепсии у больных с простыми парциальными «психическими» припадками // Российский психиатрический журнал. М., 2007. № 2. С. 33-36.
3. Корнилова С.В. Агрессивное поведение и общественная опасность лиц, страдающих эпилепсией (судебно-психиатрический аспект): дисс. ... канд. мед. наук. Москва, 2007. 233 с.
4. Новикова-Грунд М.В. Уникальная картина мира индивида и её отображение на тексты: на примере текстов людей, совершивших ряд суицидальных попыток. Москва: Левь, 2014. 188 с.

Психологические факторы оценки риска опасного поведения у лиц с пограничными психическими расстройствами в рамках КСПЭ

Калашникова А.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

С момента вступления в силу действующего УК РФ (1997 г.) остается неразрешенной проблема судебно-психологических экспертных критериев ограниченной вменяемости. Лежащая в ее основе оценка меры влияния психических расстройств на осознанно-волевою регуляцию противоправного поведения у обвиняемых, позволяет не только индивидуализировать в суде избранную в

отношении них меру наказания, но и быть основанием назначения медицинских мер принудительного характера, сопряженных с мерой наказания, в т. ч. в целях третичной профилактики совершения криминальных действий. Таким образом, в основе экспертного вывода об ограниченной вменяемости лежат как ретроспективная оценка, так и проспективный анализ имеющихся индивидуально-психологических особенностей обвиняемого, обусловленных имеющимся психическим расстройством. Несмотря на то, что при определении ограниченной вменяемости обязательно наличие медицинского критерия, т. е. психического расстройства, существенным является вклад личностных факторов, особенно при оценке общественной опасности, который однако не всегда учитывается специалистами-психиатрами. Вместе с тем, как показали последние исследования, среди таких факторов, как «синдром», «личность», «ситуация», традиционно рассматриваемых экспертами психиатрами и психологами при квалификации ст. 22 УК РФ (норма «ограниченной вменяемости») (Вандыш-Бубко В.В., 2004), в генезе противоправного поведения лиц с пограничными психическими расстройствами ведущая роль принадлежит не столько высокой агрессивности, обусловленной психической патологией, сколько недостаточной регуляции поведения, т.е. личностным структурам, оказывающим преградное воздействие на агрессивные импульсы, или так называемым ингибиторам агрессии (Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Царьков А.Е., 2017).

Цель исследования: анализ личностных структур, ингибирующих проявления агрессии, у лиц с психическими расстройствами, не исключая вменяемости, в зависимости от экспертных оценок.

Материал исследования: 72 подэкспертных, совершивших агрессивные правонарушения, направленные против жизни и здоровья других лиц (ст.ст. 105, 111, 112, 131, 132, 162, 167 УК РФ), с пограничной психической патологией (преимущественно: органическое психическое расстройство, умственная отсталость, расстройство зрелой личности) в возрасте от 20 до 59 лет, среди которых 44 мужчины и 25 женщин. Решение об «ограниченной вменяемости» было вынесено в отношении 22 человек, 18-ти из них были рекомендованы принудительные меры медицинского характера.

Методы исследования: изучение объективизированных источников информации: материалов уголовного дела, медицинской документации, результатов клинико-психологического обследования (беседа, наблюдение, данные патопсихологических методик, опросников, проективных методов и пр.), заключений экспертных комиссий.

Результаты исследования: личностная структура обследованных лиц характеризуется сочетанием диспозиционной и реактивной агрессивности и недостаточной сформированностью структур, тормозящих проявления агрессии. При этом по выраженности проагрессивных личностных структур лица с психическими расстройствами, признанные комиссией экспертов вменяемыми, не обнаруживают статистически значимых отличий от тех, кто был признан ограниченно вменяемым. Однако основные различия между лицами с психическими аномалиями, но разными

экспертными выводами выявляются в уровне выраженности личностных структур, отвечающих за регуляцию и контроль агрессивных тенденций. Так, лица с органическим психическим расстройством и с расстройством личности, признанные ограниченно вменяемыми, в целом, по сравнению с лицами, признанными полностью вменяемыми, несмотря на наличие психических отклонений, обнаруживают менее развитые личностные ингибиторы агрессии, причем у ограниченно вменяемых лиц с расстройством личности (преимущественно эмоционально-неустойчивого типа) защитных факторов меньше, чем у ограниченно вменяемых лиц с органическим психическим расстройством. Последнее обстоятельство существенно рассогласовывается с данными статистики (Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации за 2016 год, 2017) и позволяет заключить, что в настоящее время в практике КСППЭ недостаточно применяется норма ограниченной вменяемости в отношении лиц с расстройством зрелой личности.

Таким образом, можно заключить, что при оценке общественной опасности и даже в большей мере прогноза криминального рецидива при производстве КСППЭ в недостаточной мере учитываются ингибирующие агрессию личностные факторы, которые в свою очередь могут существенно повысить точность оценки степени риска совершения повторных общественно опасных деяний.

Литература

1. Вандыш-Бубко В.В. Ограниченная вменяемость: принципы судебно-психиатрической оценки // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004. С. 141-161.
2. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации за 2016 год: Аналитический обзор / Под ред. Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2017. Вып. 25. 216 с.
3. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Царьков А.Е. Клинико-психологические факторы криминальной агрессии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 44–58. doi:10.17759/psylaw.2017070405.

Индивидуально-типологические особенности лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних

Корчагин Н.Ю.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Большинство исследований, посвященных преступлениям сексуальной направленности против несовершеннолетних, сосредоточены на лицах с диагнозом

педофилия (Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В., 2014; Р.Ф. Крафт-Эббинг, 1866; Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2015; A.N. Groth, 1982 и др.), однако, в настоящий момент редки работы, посвященные правонарушителям, совершающим преступления в отношении несовершеннолетних, без диагноза педофилия.

Целью данного исследования является составление типологии лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних, с использованием телекоммуникационной сети Интернет.

В выборку данного исследования вошли 34 обвинительных заключения, составленных на осужденных по ст.135 УК РФ в возрасте от 18 до 56 лет, с образованием не ниже среднего.

Были выделены следующие типы:

1. По наличию диагноза педофилия: возраст потерпевших, предпочитаемых лицами с диагнозом педофилия, имел нижнюю границу в 7 лет, а верхнюю в 13 лет, в то время как нижняя граница возраста потерпевшего от действий лица, не имеющего данного диагноза, составляет 12 лет, а верхняя 15 лет. Так же для лиц, с клинически достоверным диагнозом педофилия, в 80% случаев характерна серийность данного преступления со средней продолжительностью 11 эпизодов. В противовес этому лица, не имеющие педофилии, демонстрировали серийность в 31% случаев, со средней продолжительностью в 2 эпизода.

2. По цели коммуникации с потерпевшим и типу психологического воздействия:

А) «Манипуляторы»: Для данного типа лиц, характерно введение в заблуждение потерпевшего, посредством искажения собственного возраста, имени и фамилии, пола. Основной целью, которую они пытаются добиться при коммуникации с потерпевшим, является побуждение к изготовлению материалов порнографического характера с собственным участием последнего. Побуждение осуществляется посредством обещаний вознаграждения различного характера. Для представителей данного подтипа характерен возраст от 18 до 36 лет, наличие высшего или средне-специального образования.

Б) «Растлители»: Данный подтип характеризуется стремлением к личной встрече с потерпевшим, совершению с потерпевшим действий сексуального характера. Воздействие оказываемого на потерпевшего, заключается в демонстрации последнему изображений порнографического характера, ведения беседы с несовершеннолетним на темы сексуального характера, с целью склонения к совершению полового акта. К данному подтипу были отнесены все лица, имеющие психические расстройства, не ограничивающие вменяемость. Для представителей данного подтипа характерно наличие среднего оконченого образования, возраст от 18 до 36 лет.

В) «Смешанный тип»: Для данного подтипа присущи особенности двух предыдущих, однако конечной целью является половой акт с потерпевшим. Для представителей данного подтипа характерен возраст от 36 до 56 лет.

Таким образом, были выявлены существенные различия между разными подтипами, как по признаку наличия педофилии, так и по цели коммуникации с потерпевшим, типам психологического воздействия.

Литература

1. Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В. Типологические и интегративные модели сексуального злоупотребления [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. № 3. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/3/Demidova_Dvoryanchikov.phtml (дата обращения: 21.02.2016).
2. Введенский Г.Е., Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М: Бинум, 2015. 684 с.
3. Крафт-Эбинг Р.Ф. Половая психопатия. М.: Республика, 1996. 592 с.
4. Groth, A.N., Hobson, W.F., Gary, T.S. The child molester: Clinical observations // In J. Conte, D.A. Shore (Eds.). Social Work and Child Abuse. New York, NY: Naworth, 1982. P. 129-144.

Оценка участковыми врачами-психиатрами способности выполнять родительские обязанности лицами, находящимися под диспансерным наблюдением

Костюк Г.П.,

ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №1 им. Н.А. Алексеева»
Департамента здравоохранения Москвы,
Русаковская О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и
наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России,
Голубев С.А., Дрыкина Л.Л., Галкина А.О.

ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №1 им. Н.А. Алексеева»
Департамента здравоохранения Москвы (г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

В мировой литературе появляются все новые данные об эффективности комплексной медико-психолого-социальной поддержки семей, в которых один или оба родителя страдают психическим расстройством. Такая поддержка во многих случаях позволяет компенсировать факторы риска, характерные для развития ребенка в таких семьях (Llewellyn G. et al., 2010). В нашей стране технология такой, предусмотренной Федеральным законом №442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», формы социального сопровождения не разработана. Родители, страдающие психическими расстройствами, подвергаются социальной дискриминации как со стороны

социальных служб (Русаковская О.А., Фастовцов Г.А., 2017) так и судебной системы (Комментарий к Семейному кодексу РФ, 2011). Отсутствие в нашей стране исследований, направленных на качественную оценку воспитания детей в таких семьях, ограничивает возможности разработки технологии их медико-психолого-социального сопровождения.

Целью нашего исследования было изучение оценки участковыми врачами-психиатрами способности выполнять родительские обязанности лицами, страдающими хроническими психическими расстройствами.

Материалы и методы. Исследование проводилось на базе Психоневрологического диспансера (ПНД) 1 г. Москвы, к которому прикреплены жители 5 округов города. На основании анкетирования участковых врачей-психиатров из лиц, находящихся под диспансерным наблюдением (чуть более 2,5 тыс. чел.), было выявлено 200 человек, имеющих детей (7,72%). Из них 62 человека (31%) имели детей от 0 до 18 лет. Результаты анкетирования врачей в отношении этих пациентов и медицинские данные анализировались в программе Statistica 10.0. Анкета, помимо вопросов, направленных на выявление клинико-психопатологических и социальных характеристик, освещенных в предыдущих работах (Galkina A. et al., 2018; Ныркова А.А. с соавт., 2018), включала вопросы, требующие от врачей-психиатров качественной оценки способности воспитывать детей.

Результаты. По мнению участковых врачей-психиатров, 40,3% родителей полностью справлялись с родительскими обязанностями, 40,3% справлялись достаточно при поддержке других членов семьи, 19,4% с родительскими обязанностями не справлялись. По оценке врачей, 79% родителей относились к детям тепло, заботливо; отношение 12% родителей к детям оценивалось как дистанцированное, формальное; 6% – как гиперопекающее, авторитарное; 2% – как безответственное; 1% – как негативное. Из родителей, которых врачи оценивали как полностью или достаточно справляющихся с родительскими обязанностями, 46 жили в семье и имели такую поддержку, лишь 4 были одинокими родителями. Из родителей, не справляющихся с воспитанием, 7 жили в семье, 5 были одиноки (скорректированный хи-квадрат Йейтса = 6,33; $p = 0,012$).

Литература

1. Llewellyn G, Traustadóttir R, Mcconnell D, Sigurjónsdóttir B. Parents With Intellectual Disabilities. Past, Present And Futures. Wiley, London 2010, Str. 290 (ISBN 978-0-470-77294-2).
2. Русаковская О.А., Фастовцов Г.А. Социальное сопровождение родителей, страдающих умственной отсталостью, как альтернатива ограничения родительских прав // Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сборник № 54 / под ред. Г.А.Фастовцова. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2017. С. 17-33.

3. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт; Юрайт-Издат, 2011. 559 с.
4. Galkina A., Kostjuk G., Golubev S., Rusakovskaya O., Drykina L. Parenthood of patients with mental disorders under long-term follow-up observation // 23 World Congress of the International Association For Child and Adolescent Psychiatry and Allied Professions Abstract Book. 23-27 July 2018 Prague Czech Republic. P. 15
5. Ныркова А.А., Русаковская О.А., Голубев С.А., Дрыкина Л.Л. Оценка участковыми врачами-психиатрами способности выполнять родительские обязанности лицами, страдающими психическими расстройствами // Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии - 2018 [Электронный ресурс] <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?board==46.0>

Анализ эффективности групповых занятий английским языком с пациентами, страдающими биполярным аффективным расстройством и расстройствами шизофренического спектра

Круглякова Е.Г.

ГБУ Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина ДЗМ
(г. Москва, Россия)

Данное исследование проводилось в рамках психосоциальной терапии и реабилитации пациентов (Биполярное аффективное расстройство: диагностика и терапия, 2008; Карвасарский Б.Д., 1985), находящихся на лечении в ПКБ №4 им Ганнушкина, г. Москва. Посещение группы занятий английским языком открытого формата предлагалось пациентам обоего пола, в возрасте 19-70 лет, после прохождения 2-х недельного лечения, один раз в неделю в течение астрономического часа, количество пациентов в открытой группе 4-12 человек, максимально пациент имел возможность посетить 4 занятия. В тезисах представлена описательная структура исследования, поскольку применение измерительных инструментов на настоящий момент в рамках существующих условий не представляется возможным из-за ограниченного времени нахождения пациентов в стационаре.

Основными психотерапевтическими мишенями данной групповой работы является поддержание и развитие социального интеллекта, мотивации, эмоционального интеллекта, коммуникативных навыков.

Английский язык – прекрасный инструмент, активизирующий высшие психические функции, обеспечивающий сохранность имеющегося уровня ВПФ и процессов у пациентов, а также развивающий этот уровень за счет активности ВПФ в процессе групповой работы (по Выготский Л.С., 2006). Пациентам предлагалось пытаться формулировать информацию о себе, выражать свои мысли, чувства, эмоции,

воспринимать рассказы других участников группы, вступать в диалог друг с другом, выстраивая коммуникацию в группе.

Пытаясь выразить мысль на английском языке, пациент решает сразу три задачи: мотивационную, когнитивную, коммуникативную. В качестве дополнительного эффекта отмечается выраженное улучшение эмоционального состояния и дальнейшее развитие эмоционального интеллекта. Английский язык является уникальным инструментом, так как выступает в роли своеобразного посредника. Пациент, фокусируясь на языке, смещает акцент внимания непосредственно с эмоции, тем самым снижая тревожность и преодолевая защиты.

Пациенты, изучавшие английский язык в средней школе и утверждающие, что забыли его, на занятиях вспоминали приобретенные знания и навыки и успешно их применяли.

Пациент в рамках своего диагноза сталкивается с такими проблемами, как страдание, бессмысленность существования, потеря себя здорового, стигматизация. Можно утверждать, что человек способен противостоять этому через наполнение жизни смыслом посредством маленьких достижений, возвращая себе ощущение ценности существования. Это происходит за счет фокусирования на способности пациента видеть свои свободные зоны – области, не затронутые заболеванием. Пациент начинает воспринимать себя не через призму собственного диагноза, а ощущать себя личностью, возвращая себе достоинство, уникальность, высокую самооценку.

Пациенты начинают говорить о продолжении личной и социальной жизни, о трудоустройстве, то есть актуализируют свою ресурсную часть, дистанцируясь от себя больного. Ориентируясь на группу, на ведущего, они получают возможность быть собой здоровыми, и им есть что сказать вне рамок своего заболевания.

Выводы. Навык языка, приобретенный в юности, остается сохранным: то есть мнестические и языковые функции не страдают в результате диагноза; невозможно разучиться говорить на английском языке. Английский язык для пациента – это инструмент для актуализации новых смыслов, внешняя точка опоры, меняющая не только когнитивное, но и психоэмоциональное состояние. Этическая сфера пациентов остается сохранной, используя данный инструмент, можно противостоять заболеванию через эту сферу. Цели данной терапевтической работы не относятся к разряду досуговых. Они превосходят досуговые, так как это труд, в результате которого формируется выраженный терапевтический эффект.

Литература

1. Биполярное аффективное расстройство: диагностика и терапия / Под ред. С.Н. Мосолова. М. Медпрессинформ, 2008. 384 с.
2. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. М., Медицина, 1985. 304 с.
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Эксмо, 2006.

Зависимость структуры семейного конфликта от индивидуально-психологических особенностей (личностных типов) родителей, участников споров о воспитании и месте жительства детей

Кулаков С.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

В комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе (КСППЭ) по судебным спорам о воспитании и определении места жительства детей основная задача, стоящая перед экспертами, состоит в диагностике семейных отношений. Анализ индивидуально-психологических особенностей родителей выступает как в качестве предпосылки для реконструкции системы семейных отношений, так и в качестве фактора возможного негативного влияния родителей на динамику семейного конфликта, а также на психическое состояние и возрастно-психологическое развитие ребенка. Относительно влияния индивидуально-психологических особенностей родителей в ряде зарубежных исследований указывается, что в когорте родителей участников высококонфликтных разводов чаще всего выявляется заострение личностных особенностей, которые в ряде случаев достигают степени эмоциональных расстройств и расстройств личности. Отечественные исследования, посвященных данной тематике, носят крайне ограниченный характер.

Целью настоящего исследования было выявление роли индивидуально-психологических особенностей родителей в структуре семейного конфликта, в контексте КСПЭ по спорам об определении места жительства и порядка общения с отдельно проживающим родителем.

Методом ретроспективного психологического анализа была проведена оценка 102 гражданских дел родителей (53 отцов и 49 матерей) по спорам о воспитании ребенка. Родители оценивались с помощью стандартизированной карты обследования, включавшей как параметры личностных опросников («ММИЛ», «16-PF»), так и показатели поведения родителей в ситуации проведения экспертного исследования.

Результаты. Личностная зрелость, как у мужчин, так и у женщин, оказывала тормозящее влияние на уровень супружеского конфликта, отмечался гармоничный характер детско-родительских отношений. Мужчины с аффективной ригидностью обнаруживали высокий уровень конфликта и дисгармонию в детско-родительских отношениях – авторитарность их стиля воспитания сочеталась с нарастанием сверхценного характера отношения к детям, которое, впрочем, сталкивалось с нарастанием негативного и амбивалентного отношения детей к ригидным отцам и увеличением числа дисгармоничных типов взаимодействия с ними. У мужчин демонстративного типа отмечалась стойкая эмоциональная охваченность конфликтной ситуацией, однако в рамках детско-родительских отношений, у них выявлялось позитивное отношение к детям, протекавшее в продуктивном ключе, а их родительская позиция носила, в целом, адекватный характер. Для демонстративных

женщин выявляется существенное влияние эмоциональной напряженности на характер и динамику течения семейного конфликта, а также своеобразие типов отклоняющихся стилей воспитания – потворствующего, попустительского, неустойчивого. Как мужчины, так и для женщины с личностной незрелостью проявляли взаимно позитивное детско-родительское отношение. Однако у незрелых мужчин в большинстве случаев отмечался попустительствующий стиль воспитания, а у незрелых женщин – директивность воспитательных методов, недостаточность оценки возрастно-психологических особенностей детей.

Выводы. Позитивными и прогностически благоприятными выступили черты личностной зрелости у представителей обоих полов. К негативным и прогностически неблагоприятным predispositionам можно отнести черты демонстративности у представителей обоих полов, а также ведущую тенденцию в виде фактора аффективной ригидности у мужчин. Родители с чертами личностной незрелости составили отдельную обособленную группу, не пересекавшуюся с носителями иных личностных черт, и в целом отражали проблему неготовности к брачно-семейным отношениям.

Компетентность специалиста при подготовке заключений для судебных споров о воспитании ребенка: как быть?

Латышева А.А, Скупова А.М.

ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Данные Росстата свидетельствует о большом количестве разводов в стране (608 336 разводов на 985 836 браков, 2016 г.), при этом имеющие детей семьи все чаще обращаются в суд с исками об определении места жительства и порядка общения с детьми.

По рекомендации адвоката или по собственной инициативе еще на досудебной стадии или непосредственно во время судебного процесса стороны обращаются к психологам за подготовкой заключений с их последующим приобщением в суде к материалам дела. Анализ подобных «заключений специалиста» указывает на то, что психологи ставят вопросы, применяют методы и методики, формулируют выводы или дают на поставленные вопросы ответы, которые имеют юридически значимые последствия. В ч. 3 ст. 188 ГПК РФ указано, что специалист дает консультации «без проведения специальных исследований». Однако на прошедшей 20–21 июня 2018 г. Всероссийской конференции «Психолого-правовые аспекты семейных споров о воспитании ребенка: от судебного процесса к исполнению» представители высших судов различных субъектов РФ высказали свою позицию о том, что в гражданском процессе действует принцип состязательности сторон: каждая сторона самостоятельно доказывает обстоятельства, на которые ссылается; если при этом вторая сторона не оспаривает подобное «заключение», то основания у суда не

приобщать данный документ отсутствуют. Отсюда возникает актуальный вопрос о компетентности специалиста, готовящего заключение для судебного спора о воспитании ребенка, и о наиболее типичных ошибках при подготовке.

Согласно Ф.С. Сафуанову, «любые профессиональные знания формулируются в законодательстве как «специальные» применительно к целям судопроизводства» (Сафуанов Ф.С., 2014). При разрешении семейных споров суду необходимо устанавливать ряд правовых категорий (представленных в ст. 57, 65 СК РФ), которые по своему содержанию пересекаются с психологическими категориями. В судебной психологии разработаны научно-методологические принципы, которые позволяют эксперту провести специальное исследование и дать ответы на поставленные судом вопросы при производстве экспертизы.

Что же происходит на практике при подготовке заключения «специалистом» с непроцессуальным применением специальных знаний? Во-первых, зачастую поставленные стороной или адвокатом вопросы совершенно не пересекаются с содержанием тех самых категорий, которые должны устанавливаться судом. Во-вторых, часто специалист выходит за пределы профессиональной компетенции в выводах о негативном влиянии на ребенка отдельно проживающего родителя, когда второй родитель в психологическом обследовании участия не принимал. Далее, при подготовке «заключения» психологи игнорируют необходимость приглашения второго родителя к участию в обследовании, в результате чего картина становится заведомо «однобокой» в интересах обратившейся стороны. Описание ситуации причин и динамики предшествующего судебному процессу семейного конфликта осуществляется со слов обратившейся стороны, что уже не обеспечивает соответствия в полной мере критерию объективности подготовленного документа. В судебной экспертизе применяется метод ретроспективного анализа материалов гражданского дела, при подготовке «заключения» психолог в лучшем случае может ознакомиться с копиями документов, представленными обратившейся стороной. В ряде случаев психологи игнорируют имеющиеся научные данные о необходимости для гармоничного развития ребенка сохранения у него положительной привязанности к обоим родителям и рекомендуют ограничить контакты ребенка с одним из родителей. К выходу за пределы профессиональной компетенции можно отнести такие случаи, когда психологи дают ответы о том, с кем лучше проживать ребенку или как по дням и часам следует выстраивать общения ребенка с отдельно проживающим родителем; разрешение данных вопросов является исключительно компетенцией суда. Все указанные ошибки указывают на отсутствие необходимых компетенций для подготовки заключений для судебных споров у специалистов, стремительно наводнивших рынок профессиональных услуг в сфере психологии.

Таким образом, в России имеется необходимость в законодательном урегулировании данной услуги, которую оказывают практически все психологические центры. Правоприменительная практика с приобщением «заключений специалиста» судами указывает на необходимость разработки стандарта для проведения психодиагностического обследования, добровольной сертификации

специалистов с включением их в реестр, введения ответственности по отношению к специалисту за заведомо необъективные «заключения» или нарушение стандарта с последующим исключением из реестра. В противном случае сколько бы стороны не ссылались на ч. 3 ст. 188 ГПК РФ с попыткой признать документ ничтожным, все же оспаривать подобное «заключение» в судебном процессе приходится именно по аналогии с заключением эксперта путем оценивания на соответствие критериям объективности, полноты, всесторонности и научной обоснованности.

Литература

1. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 421 с.
2. Данные Росстата: браки и разводы в Российской Федерации [Электронный ресурс] // gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения: 10.10.2018).

Проблема ВИЧ-инфекции у пациентов наркологической клиники

Левин Л.М.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России,

Романяк Е.В.

АНО КИУ «Экспертный институт» (г. Москва, Россия)

Данный опрос проведен на базе филиала ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России. Анкета заполнялась пациентами в ходе тренинга на анонимной основе, включая в себя основные социально-демографические данные, а также уровень информированности о собственном диагнозе (алкоголизм, наркомания, полинаркомания), а также о социально значимых болезнях (ВИЧ, гепатит и др.).

Выборку составили 159 человек, из них 115 мужчин (72,3%) и 44 женщины (27,7%). Возраст респондентов: от 21 года до 69 лет. Семейное положение респондентов: 32 мужчины (27,8%) состоят в официальном браке, 49 (42,6%) – холосты, 26 (22,6%) находятся в разводе, 8 (7%) состоят в гражданском браке. В то время как 12 женщин (27,3%) холосты, 17 (38,6%) – состоят в официальном браке, 12 (27,3%) – в разводе, 2 женщины (4,5%) – вдовы, а 1 (2,3%) состоит в гражданском браке. Среди мужчин 45 человек (39,1%) имеют среднее образование, 44 (38,2%) – высшее образование, 21 (18,3%) – незаконченное высшее, 5 (4,4%) – неполное среднее. В то время как в группе женщин 14 человек (31,8%) имеют высшее образование, 16 (36,4%) – среднее, 10 (22,7%) – незаконченное высшее, 4 (9,1%) – неполное среднее. При этом 34 мужчины (29,5%) имеют постоянную работу, 21 (18,3%) – временную работу, а 60 (52,2%) – не работают. Среди женщин 28 человек не работают, 12 – имеют постоянную работу, 4 – временную работу. Диагноз

«алкоголизм» стоит у 64 мужчин (55,6%) и 36 женщин (81,8%), «наркомания» – у 24 мужчин (20,8%) и 6 женщин (13,6%); «полинаркомания» – у остальных респондентов.

В группе мужчин обследование на наличие ВИЧ-инфекции проходило 99 человек (86,1%), из них – 17 (17,1%) проходили обследование в нескольких учреждениях; 9 (7,8%) не обследовались; 7 (6,1%) не знают, обследовались ли они. В группе женщин обследование проходило 39 человек (88,6%), из них – 9 (20,5%) проходили обследование в нескольких учреждениях; 5 (11,4%) не обследовались. Консультацию о ВИЧ-инфекции получило 35 мужчин (30,4%) и 13 женщин (29,5%). Знают свой результат обследования 64 мужчины (55,6%) и 40 женщин (90,1%).

Не имеют знакомых с ВИЧ-инфекцией 84 мужчин (73%) и 30 женщин (68,1%). При этом до 10 знакомых с ВИЧ-инфекцией имеют 22 мужчины (19,1%) и 5 женщин (11,4%). Остальные респонденты отметили, что имеют «много» или «большинство» знакомых с ВИЧ-инфекцией. При этом у 75 мужчин (65,2%) статус партнера является отрицательным, 24 респондента (20,9%) не знают статус своего партнера, а 16 (13,9%) – не живут половой жизнью. При этом у 32 женщин (72,7%) статус партнера является отрицательным, 10 респондентов (22,8%) данной группы не живут половой жизнью, а 2 человека (4,5%) не знают статус своего партнера.

Страх инфицирования социально значимым заболеванием в результате половых контактов, при получении медицинской помощи, из-за употребления алкоголя или наркотиков, бытовым путем и пр. присутствует у 99 мужчин (86%) и 42 женщины (95,4%). Остальные респонденты отметили отсутствие такого страха. Потребность в дополнительной информации о данных заболеваниях отметили у себя 64 мужчины (55,6%) и 29 женщин (65,9%).

Результаты опроса свидетельствуют о присутствии иррационального страха и беспокойства у пациентов. Необходимо уделять внимание данному факту при профилактической работе. Большинство респондентов знают свой ВИЧ-статус, а также информированы относительно возможных путей передачи ВИЧ-инфекции. Для профилактической работы необходимо два важных компонента: изменение рискованного поведения на безопасное и информированность о ВИЧ-инфекции. В свете растущей эпидемии ВИЧ в РФ необходимо продолжать профилактическую работу с ключевыми группами населения на регулярной основе, а также включать различные методы работы, учитывая специфику целевых групп.

Индивидуально-типологические факторы насильственных ООД психически здоровых и психически больных мужчин

Лысенко Н.Е., Ковалева М.Е.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Выработка критериев оценки общественной опасности психически здоровых и психически больных лиц остается одной из актуальных проблем судебной

психиатрии. По официальным данным в 2017 году в РФ было совершено более 150 тыс. насильственных преступлений, из них 137,7 тыс. лицами мужского пола.

Роль индивидуально-типологических особенностей в криминальном поведении изучалась в отечественных и зарубежных исследованиях. В качестве предикторов насильственного поведения отмечены импульсивность, сензитивность, эмоциональность, ригидность, тревожность, нарушения самоконтроля (Айзенк Г., 2000; Змановская Е.В., 2003; Булыгина В.Г., Абдраязкова А.М., Коваленко И., 2008; Ениколопов С.Н., 2010).

Ценность отдельных индивидуально-типологических показателей в предсказании насильственных форм поведения не высока, т.к. повышение по одному параметру еще не гарантирует совершение агрессивного поступка. Существует мнение, что риск насилия обусловлен не выраженностью отдельных черт, а взаимосвязями между индивидуальными характеристиками, формирующими механизм криминального поведения (Менделевич В.Д., 2016; Wright J.P. 2008). Цель исследования – выделение индивидуально-типологических механизмов агрессивно-насильственного поведения у психически здоровых и психически больных мужчин.

Обследовано 69 мужчин (из них 45 психически больных) в возрасте от 17 до 64 лет, которые совершили агрессивно-насильственные общественно опасные деяния. Нозологический состав группы следующий: шизофрения – 16 человек, органическое психическое расстройство – 12 случаев; расстройство личности – 7 случаев; психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя и связанные с употреблением психоактивных веществ – 11. Решение судебно-психиатрической комиссии о невменяемости было вынесено в отношении 18 обследуемых.

Использованы опросники: самоконтроля Г. Грасмика, PEN Г. Айзенка; активации и торможения поведения Кавера-Уайта; Басса и Перри; ОФДСИ В.М. Русалова, Шкала тревоги Спилбергера – Ханина.

По результатам сравнительного анализа (t-критерий Стьюдента) выявлены значимые различия между группами психически здоровых и психически больных мужчин. У психически здоровых мужчин преобладали экстраверсия, коммуникативная скорость, психомоторная и коммуникативная эргичность. У психически больных мужчин отмечалась высокая враждебность, коммуникативная эмоциональность, личностная тревожность, а также нарушения самоконтроля в виде эгоцентричности, трудности удержания аффекта раздражения и предпочтения простых задач.

По результатам факторного анализа в группе психически здоровых мужчин выделено 4 фактора, объясняющих 63,06% общей дисперсии. Первый механизм криминальной агрессии представлен высокой активацией, физической агрессией и нарушениями самоконтроля в виде импульсивности и поиска риска. Второй – высокой коммуникабельностью с повышенной чувствительностью к негативному аспекту ситуаций. Третий – низкой вовлеченностью в интеллектуальную

деятельность, враждебностью, предпочтением простых задач и высокой физической активностью. Четвертый – психотизмом и эмоциональной реактивностью.

В группе психически больных мужчин (4 фактора, 62,98% дисперсии) первый механизм поведения включает дефицит интеллектуальных и коммуникативных способностей в сочетании с низкой чувствительностью к негативному аспекту ситуаций. Второй – склонность к риску и повышенный уровень активации. Третий – эмоциональную реактивность в коммуникативной и предметной деятельности. Четвертый – ожидание поощрения.

Таким образом, результаты подтверждают, что, во-первых, индивидуально-типологические механизмы совершения агрессивно-насильственных ООД в группах психически здоровых и психически больных мужчин различаются. Во-вторых, механизмы агрессивно-насильственного поведения представляют собой комплекс взаимосвязанных характеристик, включающих формально-динамические особенности в интеллектуальной и коммуникативной сфере, уровень активации и торможения поведения, а также нарушения самоконтроля.

Литература

1. Айзенк Г., Айзенк М. Исследование человеческой психики. М.; Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 480 с.
2. Булыгина В.Г., Абдраязова А.М., Коваленко И.В. Методика оценки самоконтроля у несовершеннолетних // Судебная психиатрия. Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних / Под ред. акад. РАМН Т.Б. Дмитриевой. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2008. Вып.5. С.14-28.
3. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. №2. С. 37-47.
4. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.
5. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. М.: ИД «Городец», 2016. 386 с.
6. Wright J. P., Tibbetts S. G., Daigle L. E. Criminals in the Making: Criminality Across the Life Course. – Los Angeles [etc.]: SAGE Publications, 2008. P. 311.

Применение когнитивно-поведенческой психотерапии для предотвращения суицидального поведения в пожилом возрасте

Мелёхин А.И.

Российский геронтологический научно-клинический центр (г. Москва, Россия)

За последние несколько лет наблюдается рост самоубийств среди людей пожилого возраста (65-70 лет и старше). Больше женщин, чем мужчин совершают суицидальное поведение, однако последние более «успешны» в этих попытках (Bhara, Brown, 2012; Conell, Lewitzka, 2018).

В геронтопсихиатрической практике мы сталкиваемся с следующими факторами, провоцирующими суицидальное поведение:

- *Феномен сниженного чувства принадлежности* (thwarted belongingness): ощущение малоценности, ненужности, что обременят своих детей и внуков, занимают много жилплощади, объедают их (Conell, Lewitzka, 2018);

- *Функциональная ограниченность из-за соматических проблем.* Появление страха стать обузой порождает частые межличностные, семейные конфликты. Усиливается ощущение, что жизнь — это борьба с болезнями и не имеет никакой больше цели.

Говоря о немедикаментозных подходах минимизации суицидального поведения в позднем возрасте показана эффективность *терапии решения проблемных ситуаций* (Gustavson, Alexopoulos, 2016), *интерперсональной психотерапии*, адаптированной для гериатрических пациентов (Heisel, Talbot, 2015) в отличии от психодинамической психотерапии (Lindner, Sandner, 2015).

Мишени когнитивно-поведенческой психотерапии (КПП) суицидального поведения в позднем возрасте (Bhara, Brown, 2012; Conell, Lewitzka, 2018; Coon, DeVries, 2004; Laidlaw, Thompson, 2003):

- Ощущение безнадежности и отчаяние с когнитивным обитанием в собственном прошлом. Нетерпимость к собственному прошлому. Негативные ожидания о будущем;

- Пассивно-депрессивное поведение;

- Суицидальные идеации. Когнитивная ригидность. Упрямство. Негибкость.

- Суицидальное поведение;

- Сниженный когнитивный контроль, т.е. «нормальные» проблемы быстро воспринимаются катастрофа;

- Социальная изоляция;

- Дефицит навыков решения проблем. Непереносимость стресса.

- Истощение копинг-ресурсов совладания с физическими недугами.

Структура КПП суицидального поведения в позднем возрасте.

В геронтопсихиатрической практике мы применяется несколько протоколов:

I. Протокол Л. Томпсона и Д. Соона (Thompson, Coon, 2001) основанный на когнитивной модели суицидального поведения А. Эллиса включает методы снижения симптомов и стабилизация суицидального кризиса; поведенческий модуль; когнитивный модуль; Ситуационный модуль

II. Протокол С. Бхара и Г. Броуни (Bhara, Brown, 2012). Этот протокол основан на общей модели проведения КПП с людьми пожилого возраста описанный К. Лайдлоу (Laidlaw, Thompson, 2003) и рекомендациями по психотерапевтической тактике снижения суицидального поведения у гериатрических пациентов Д. Соона (Coon, DeVries, 2004). Выделяют раннюю, среднюю и поздние фазы данного протокола.

- *Первичный этап лечения* (1-4 сессии) формируется терапевтический альянс врач-пациент, проводится комплексная оценка суицидального риска, концептуализация проблемы, психообразование о тактике лечения, минимизация барьеров, построение плана психологической безопасности и усиление чувства надежды, причин чтобы жить. На основе данного протокола гериатрическим пациентам говорится, что целью лечения является решение проблем, минимизация негативных эмоций и мыслей, способствующих их стремлению к самоубийству.

- *Средняя стадия лечения* (5-9 сессия) фокусируется на разработке поведенческих и когнитивных навыков реагирования на стрессовые ситуации. Когнитивная реструктуризация убеждений, связанных с желанием самоубийства. Разрабатываются способы совладания с этими мыслями. Усиливаются социальные ресурсы и навыки решения проблем, приверженность к лечению. При обучении когнитивным техникам обязательно следует учитывать физическое, социальные и экономические проблемы пациента. От специалиста требуется более внимательно следить за балансом объективной реальности пациента и его субъективной интерпретацией.

- *Заключительная стадия* (10-12 сессия) заключается в оценке того, может ли гериатрический пациент применять освоенные навыки для совладания со стрессовыми ситуациями.

Регламент. 12 сессий, 1-3 раза в неделю, не стоит настаивать строго на 50 минутной сессии, учитывать гериатрический статус состояния здоровья пожилого человека (Coon, DeVries, 2004).

Формы. Индивидуальный или групповой формат (Bhara, Brown, 2012_ . Очный или дистанционный (d/eCBT-I) в формат телемедицины (Thompson, Coon, 2001).

Эффективность. На данный момент только начинают проводиться рандомизированно-контролируемые исследования по эффективности данных протоколов КПП для минимизации суицидального поведения у гериатрических пациентов (Bhara, Brown, 2012; Conell, Lewitzka, 2018; Coon, DeVries, 2004)

Литература

1. Bhara S., Brown G. Cognitive and Behavioral Practice Treatment of Depression and Suicide in Older Adults//Cognitive and Behavioral Practice. 2012. № 1. Vol. 19. P. 116-125. <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2010.12.005>.
2. Conell J., Lewitzka U. Adapted psychotherapy for suicidal geriatric patients with depression // BMC Psychiatry 2018. Vol. 18. doi: <http://doi.org/10.1186/s12888-018-1775-y>.
3. Coon D.W., DeVries H.M. Cognitive behavioral therapy with suicidal older adults. //Behavioural and Cognitive Psychotherapy. 2004. Vol. 32. P. 481–493.
4. Gustavson K.A., Alexopoulos G.S. Problem-solving therapy reduces suicidal ideation in depressed older adults with executive dysfunction //Am J Geriatr Psychiatry. 2016. Vol. 24. № 1. P. 11–17. doi: 10.1016/j.jagp.2015.07.010.

5. Heisel M.J., Talbot N.L. Adapting interpersonal psychotherapy for older adults at risk for suicide //Am J Geriatr Psychiatry. 2015. Vol. 23. № 1. P. 87–98. doi: 10.1016/j.jagp.2014.03.010.
6. Laidlaw K., Thompson L.W. Cognitive behaviour therapy with older people. Chichester: John Wiley. 2003. 213 p.
7. Lindner R., Sandner M. Psychotherapy on the domestic couch.// Psychother Psychosom Med Psychol. 2015. Vol. 65. № 6. P. 204–212. doi: 10.1055/s-0034-1396804.
8. Thompson I.W., Coon D.W. Comparison of desipramine and cognitive/behavioral therapy in the treatment of elderly outpatients with mild-to-moderate depression.// American Journal of Geriatric Psychiatry. 2001. Vol. 9. P. 225–240.

Проблемные зоны взаимодействия с работниками судебно-следственных органов в экспертной практике

Морозова М.В., Савина О.Ф.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Как показывает анализ экспертной практики, включая допросы экспертов-психологов на этапе следствия и суда, до сих пор, несмотря на значительное количество методической и методологической литературы (Кудрявцев, 1999; Сафуанов Ф.С., 2004, 2014; Морозова М.В., Савина О.Ф., 2006 и др.), сохраняются проблемы в понимании следователями, прокурорами, судьями и адвокатами сущности экспертизы, ее возможностей, целесообразности назначения, адекватности задач, поставленных перед экспертом, а также и трактовки его заключения. Обращает на себя внимание отсутствие дифференцированного подхода к экспертному заданию, в том числе в зависимости от состава предъявляемого обвинения, процессуального статуса подэкспертного, вида экспертизы. Наиболее часто встречается неуместная постановка вопроса о наличии состояний аффекта или эмоциональной напряженности, вызванной психотравмирующей ситуацией, когда в криминальных событиях отсутствует даже предрасположенность для этого.

По-прежнему сохраняются ожидания, что экспертное исследование позволит разрешить проблемы следственного процесса: определить причины и мотивацию совершения преступного деяния, установить наступила ли смерть субъекта вследствие суицида либо убийства, выяснить являются ли показания достоверными, представляют собой фантазийную продукцию или даны под воздействием иных лиц и др. В целом понимая компетенции психолога, стороны обвинения и защиты, тем не менее, нередко, варьируя формулировки вопросов, меняя тактику их постановки, стремятся получить от него не столько экспертные, сколько правовые оценки. Это

влечет за собой возможность совершения судебной ошибки, если рассуждениям и предположениям в ходе допроса психолога (носящим хотя и рациональный, но по сути обывательский характер), будет придан статус экспертного суждения лица, обладающего специальными познаниями в данной области.

Нередко возникают и сложности в понимании юридически значимых моментов в текстах заключения и выводах психолога, несмотря на предложенную Ф.С. Сафуановым (2004, 2014) систему экспертных понятий, которая служит опосредующим звеном между психологическими и юридическими категориями. Данная система понятий интериоризирована экспертной практикой, но, к сожалению, как показывает опыт, не в полной мере используется правоприменителями, что становится проблемой для эксперта, поскольку даже при допросе его ответы либо не принимаются, либо интерпретируются в соответствии с ожиданиями спрашиваемого. Обозначим наиболее распространенные практически тупиковые ситуации.

На первом месте стоят трудности дифференциации экспертного понятия «аффект», с одной стороны, от бытового и юридического – с другой, что обусловлено размытостью представлений о данном состоянии, в том числе смешением аффекта с аффективными реакциями либо исключением его наличия в связи с предшествующими гетероагрессивными мыслями и переживаниями, а также оценка фазы кумуляции напряжения как предопределяющей квалификацию аффекта в случае протрагированности ситуации. Значимым является и недопонимание юристами важности анализа психологом субъективной стороны происходящего, информация о которой часто отсутствует в материалах уголовного дела. Недостаточным пониманием сути экспертизы выступает и тот факт, что она, как правило, назначается на начальных этапах следственного процесса, в то время как для доказательного вывода психолога требуется более полная и всесторонняя информация об обстоятельствах дела. Предпочтительным для проведения КСППЭ является этап перехода от следственных действий к судебному разбирательству.

Таким образом, актуальная проблема взаимодействия экспертов с правоприменителями требует своего разрешения, в том числе за счет расширения профессиональной коммуникативной компетентности и возможного введения практических обучающих модулей.

Литература

1. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: МГУ, 1999. 495 с.
2. Морозова М.В., Савина О.Ф. Определение целесообразности и необходимости назначения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз: информационное письмо. М.: ФГУ «ГНЦССП Росздрава», 2006. 12 с.
3. Сафуанов Ф.С. Общие проблемы судебных психолого-психиатрических экспертных исследований // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004. С. 339-410.

4. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 421 с.

Любовь – понятие формализуемое: перспективы использования психосемиотических методов для оценки психологического отношения родителя к ребенку

Новикова-Грунд М.В.

АНО ВО Московский международный университет
(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

1. Есть ли связь между человеком и его текстами, то есть тем, что и как он говорит и пишет? Этот вопрос представляется настолько тривиальным, что системного ответа на него искать не принято. Любой психолог или психотерапевт опирается в своей деятельности на то, что слышит от испытуемого/ клиента/ пациента. Однако при постановке этого вопроса в абстрактной, не связанной с конкретным индивидом форме легко можно сделать контринтуитивное предположение: эта связь в общем виде не доказана. Теоретически любой человек может произнести любые высказывания.

Однако из бесконечных возможностей, которые предоставляет человеку его родной язык и его собственное воображение, он выбирает лишь небольшое число вариантов, выбирает неосознанно, и выбор этот неслучаен и структурирован.

2. Остановимся на ключевых словах: неосознаваемые действия, случайные выборы. Они интуитивно понятны, но требуют определений. Что такое неосознанность и случайные выборы из множества потенциально допустимых вариантов? Под неосознаваемым будем понимать такие действия и решения, которые, в отличие от бессознательных, не запрещены цензурой *superego*, по Фрейдю, не совершаются нашим *Id*, а не регистрируются сознанием в силу частой повторяемости и автоматизации, по Бернштейну. Неосознаваемые действия и решения значительно легче обнаружить и исследовать, чем глубоко скрытые и сопротивляющиеся изучению бессознательные. Достаточно лишь замедлить и деавтоматизировать их. Случайные выборы, бесчисленное множество раз совершаемые человеком в процессе говорения или письма, совершаются именно неосознаваемым образом. Они автоматизированы в силу частой повторяемости. Они представляют собой идеальный объект для исследования: они минуют сознание говорящего, как и продукция бессознательного, и, следовательно, правдивы в том смысле, что не корректируются намеренно; они «неподвижны» и оформлены, в отличие от постоянно меняющихся облик фантазий и сновидений; они «счетны» и доступны верификации: нельзя посчитать количество мыслей, но количество суффиксов будущего времени счетно.

3. Интуитивное понимание и верификация – это вторая пара ключевых понятий, на которых базируется данное исследование. Обычно обсуждение интуитивного понимания переносится в область философии или психотерапевтических подходов, приобретая глубину, но утрачивая доказательность. В разговоре о любви, страхе, амбивалентности нормальным считается обсуждение их проявлений и их особенностей, но не задаются вопросы: Откуда нам известно, что это именно любовь/ страх/ амбивалентность? Откуда нам известно, что, обсуждая любовь, страх, амбивалентность, мы – люди с различным жизненным и эмоциональным опытом, говорим об одном и том же? И следовательно, как можно верифицировать и «посчитать» то, о чем мы говорим – другими словами, как преобразовать «мнение» в «факт»? В экспертной практике ответы на эти вопросы, особенно на последний, являются решающими.

4. Внутри размытых и сложно организованных границ психолингвистики есть область, выделенная четко и однозначно благодаря специфике метода. Это психосемиотика. Задачи собственно-психологического направления решаются в ней семиотическими способами: объект исследования представляется как последовательность знаков, к которой применяются стандартные способы декодирования и комбинаторные методы и методы дискретной математики для верификации. Задача точного понимания индивидуальных особенностей того, как устроена уникальная картина мира человека и какое место в ней занимают другие люди, имеет вполне точное и содержательное решение с помощью психосемиотических методик, позволяя опираться не на мнения, пусть даже экспертные мнения, а на факты.

5. В работе (Новикова-Грунд, 2014) была доказана гипотеза о системности неосознаваемых выборов и выделен набор параметров, из которых конструируется модель индивидуальной картины мира. Параметры имеют строго формальный характер, а собранные в систему, демонстрируют стратегии избегания, притяжения и пр.

Система формальных параметров была использована в числе других методов для оценки психологического отношения родителя к ребенку. В качестве базы для анализа использовались тексты испытуемых, обработанные по общей формальной схеме. На этой основе восстанавливались модели родительно-детских отношений. Параметры были формальны и бинарны, что полностью нейтрализовало возможности субъективных интерпретаций.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ:

1. Экспликация интуиции возможна; эксплицированная интуиция даёт дополнительную информацию, которая недоступна при непосредственно-интуитивном восприятию.

2. Информация, получаемая с помощью экспликации интуиции и другого психосемиотического инструментария, достаточно надёжна, так как всегда возможно рассчитать вероятность случайного совпадения параметров и оценить результат бинарно: вероятность случайного совпадения имеется/ отсутствует. Более тонкая, небинарная оценка также возможна.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ВЫВОД:

Наличие/отсутствие любви, понимания, привязанности в родительско-детских отношениях в каждом конкретном случае можно однозначно определить с помощью психосемиотического инструментария по системным неосознаваемым выборам формальных элементов в родительских текстах, конкретизировав отношения как близкие/отчужденные; эмоционально значимые/эмоционально пустые; эгоцентрические/направленные на другого, взаимные/однаправленные.

Литература

1. Новикова-Грунд М.В. Психолингвистические методы в свете неклассической психологии Л. С. Выготского. Вестник РГГУ. N1, 2017.
2. Новикова-Грунд М. В. Уникальная картина мира индивида и её отображение на тексты: на примере текстов людей, совершивших ряд суицидальных попыток. М.: Левь, 2014. 188 с.
3. Фейгенберг И. М. Николай Бернштейн: от рефлекса к модели будущего. М., 2004.

Анализ судебной практики по делам об ограничении родительских прав в 2016 – 2017 гг.

Ныркова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
Русаковская О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и
наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

Ограничение родительских прав одного из родителей (ст.73 СК РФ) – предупредительная мера, которая применяется для обеспечения безопасности ребенка в отношении родителей, когда оставление ребенка с родителями является опасным, если «не установлены достаточные основания для лишения родителей родительских прав», или если оставление ребенка с родителем является опасным по обстоятельствам, от родителей не зависящим. Во втором случае, с точки зрения закона, у родителя отсутствуют объективные возможности выполнения родительских обязанностей, а его поведение не является виновным. Российское семейное законодательство не кодифицирует требования к объективным условиям, необходимым для воспитания ребенка. В то же время в Великобритании, например, такие требования кодифицированы Министерством здравоохранения и включают удовлетворение физических потребностей ребенка, включая необходимую медицинскую и стоматологическую помощь, обеспечение безопасности ребенка,

удовлетворение его эмоциональных потребностей, создание благоприятной для развития ребенка среды (Jones D.P.H., 2009; Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А., 2018). Большое количество зарубежных исследований посвящено выделению социальных, психологических и клинических факторов риска неблагоприятного родительства, основными среди которых являются бедность и низкий социо-экономический статус, употребление ПАВ, соматическое нездоровье, собственный опыт жестокого обращения (Cicchetti D., Carlson V., 1989.) Согласно результатам проведенного ранее исследования судебных решений, психическое расстройство родителя, во-первых, является редким основанием для ограничения родительских прав. Во-вторых, при наличии у родителя психического расстройства судебное решение об ограничении его в родительских правах в большинстве случаев выносится без назначения судебно-психиатрической экспертизы (Русаковская О.А., 2018).

Уточнение этих данных, а также оценка оснований, в связи с которым ограничивались родительские права граждан было целью настоящего исследования.

Методы: анализ судебных решений, вынесенных в период с 06.08.2016 г. по 06.08.2017 г. по гражданским делам об ограничении родительских прав и размещенных на сайте sudact.ru (N=80).

Результаты: Психическое расстройство одного из родителей являлось одним из оснований для ограничения родительских прав в 22,5% случаев. Из них в 78% родитель, страдающий психическим расстройством, не участвовал в воспитании и содержании ребенка. В 7,4% основанием являлось иное хроническое заболевание родителя. В 63% основанием для ограничения родительских прав было уклонение психически здоровых родителей от исполнения родительских обязанностей. Из лиц, страдающих психическим расстройством, чьи родительские права были ограничены, спиртными напитками злоупотребляло 39%, наркотиками – 6%. Из ограниченных в родительских правах граждан, не страдающих психическим расстройством, злоупотребляли алкоголем 60%, наркотиками – 5%. Из 18 гражданских дел по ограничению родительских прав в связи с психическим расстройством, СПЭ назначалась один раз, родителю был установлен диагноз шизофреноподобный психоз. При наличии психического расстройства у одного из родителей в одном случае основанием ограничения родительских прав было наличие у ребенка хронического заболевания и необеспечение ребенка медицинской помощью. В 2 случаях данное основание определяло решение об ограничении родительских прав родителей, не страдающих психическим расстройством. 39% родителей, страдающих психическим расстройством, привлекались к административной ответственности (ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, употребление спиртных напитков в общественных местах), 17% – привлекались к уголовной ответственности (кражи, хищения). 39% родителей, ограниченных в родительских правах, страдающих психическим расстройством, вели аморальный образ жизни.

Таким образом, анализ судебных решений по делам об ограничении родительских прав за 2016 – 2017 гг. подтверждает полученные ранее результаты и

позволяет выделить социально-психологические факторы риска неблагоприятного родительства.

Литература

1. Русаковская О.А. Ограничение родительских прав. Анализ судебной практики // Судебная психиатрия: современные проблемы теории и практики (диагностика, экспертиза, профилактика): материалы научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 18-20 сентября 2018 года)/ Под ред. Е.В. Макушкина, Г.А. Фастовцова. Издательство ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, М., 2018, С. 132–133 [Электронный ресурс].
2. Сафуанов Ф.С., Русаковская О.А. Категория воспитания в семейном праве: культурно-исторический анализ // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 6—15. doi:10.17759/chp.2017130302.
3. Cicchetti D., Carlson V. Child maltreatment: Theory and research on the causes and consequences of child abuse and neglect. New York: Cambridge University Press. 1989.
4. Jones D.P.H. Assessment of parenting / in Horwath J. (ed.) The Child's World: The Comprehensive Guide to Assessing Children in Need. 2nd edition. London. 2009.

Некоторые психологические вопросы экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых

Ошевский Д.С., Терехина С.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Анализ экспертной практики свидетельствует о том, что на протяжении последних лет судебными органами наряду с традиционным вопросом о способности несовершеннолетнего обвиняемого давать показания перед экспертами ставится задача по оценке его уголовно-процессуальной дееспособности в целом, включая и другие ее компоненты (далее УПД). Сохранная УПД предполагает наличие у подростка-правонарушителя определенного уровня развития когнитивных, эмоционально-волевых, индивидуально-психологических особенностей, позволяющих ему правильно понимать свое процессуальное положение, занимать активную позицию в судопроизводстве, последовательно и целенаправленно защищать собственные интересы и реализовывать свои права, продуктивно взаимодействовать с защитником, предоставлять полную и адекватную информацию по делу, соблюдать правила поведения в судебном заседании. Наряду с клиническими аспектами в последнее время интенсивно разрабатываются и психологические критерии оценки УПД, однако они касаются преимущественно совершеннолетних правонарушителей. В связи с этим разработка психологических критериев оценки

УПД несовершеннолетних обвиняемых приобретает не только теоретическую, но и практическую значимость.

Цель исследования – выделение психологических параметров оценки УПД несовершеннолетних обвиняемых с целью повышения обоснованности и доказательности экспертных исследований детей и подростков в практике уголовного процесса.

Проанализированы материалы заключений 100 несовершеннолетних обвиняемых мужского пола, проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ) в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России в период с 2009 по 2017 гг. В результате предварительного анализа были выделены 228 клинико-психологических параметров, которые в дальнейшем подверглись статистической обработке.

Вся выборка испытуемых была разделена на две группы. В первую вошли несовершеннолетние обвиняемые, которых по решению экспертной комиссии было рекомендовано в дальнейшем исключить из участия в судопроизводстве («уголовно процессуально недееспособные»), (n=32). Их средний возраст на момент совершения правонарушения составил $16,18 \pm 0,95$ лет. Во вторую группу были включены «уголовно процессуально дееспособные» несовершеннолетние, (n=68). Их средний возраст на момент совершения правонарушения составил $16,19 \pm 1,27$ лет. Исследуемые группы не различались по характеру совершенного правонарушения.

Результаты исследования. Определены статистически значимые параметры психической деятельности, позволяющие дифференцировать группы обвиняемых подростков с сохранной и нарушенной УПД. Выделены 3 блока параметров психологической экспертной оценки УПД. Первый блок связан с низкой продуктивностью психических процессов и дефицитностью операциональной сферы мышления. Второй блок отвечает за адекватность понимания социальных значений и способность строить на их основе умозаключения. К третьему блоку относится способность к социальной регуляции поведения. Обобщающим контролирующим компонентом системы является критичность. Выделены конкретные эмпирические патопсихологические показатели этих параметров.

Заключение. При оценке УПД несовершеннолетних обвиняемых наряду с клинической квалификацией психического расстройства важная роль должна отводиться психологической диагностике нарушений психической деятельности подростков-правонарушителей. Она позволяет выявить конкретные механизмы функционирования нарушенных звеньев когнитивной сферы, которые препятствуют возможности несовершеннолетних обвиняемых принимать активное участие в уголовном судопроизводстве, осуществлять адекватную продуктивную коммуникацию с участниками уголовного процесса, отстаивать собственные права, предусмотренные современным законодательством.

Адаптация к группе психосоциальной реабилитации пациентов с коморбидностью психических расстройств и зависимости от ПАВ
Палин А.В., Рычкова О.В., Дозорцев В.А., Сячина О.В., Бондаренко В.А.
ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина
Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Проблема коморбидности химических зависимостей и психических заболеваний является актуальной в силу широкой распространенности в психиатрической практике. Люди со склонностью к употреблению ПАВ в большей степени подвержены развитию сопутствующих психических расстройств, в то же время разные авторы говорят о том, что около трети лиц с психическим расстройством злоупотребляют ПАВ (Бузик О.Ж., Агибалова Т.В., 2008; Сиволап Ю.П., Янушкевич М.В., Савченков В.А., 2017; Шитов Е.А., Киселев Д.Н., Шустов Д.И., 2009). В условиях психиатрических стационаров именно пациенты с коморбидностью психических расстройств и зависимости от ПАВ дают наиболее частые регоспитализации, а также обладают сниженным реабилитационным потенциалом в силу склонности к асоциальному поведению (по данным официальной статистики МВД за 2017 год, более трети преступлений было совершено лицами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения) (сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации). Поэтому подходить к психосоциальной реабилитации таких пациентов следует, учитывая последствия обоих заболеваний.

В группу психосоциальной реабилитации пациентов коморбидных с зависимостями от ПАВ включаются пациенты с основным психиатрическим диагнозом, а также сопутствующими проблемами, связанными со злоупотреблением от ПАВ. Это могут быть как проблемы с конкретным веществом (алкоголь, наркотики или немедицинское употребление психотропных препаратов), так и смешанные формы употребления у лиц на разных стадиях развития психического заболевания. Показанием к назначению на тренинг является либо длительный опыт употребления химических веществ, либо поступление в психиатрический стационар в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Противопоказаниями выступают наличие у пациента продуктивной симптоматики, признаки выраженного интеллектуально-мнестического снижения, а также резко негативное отношение пациента к посещению групповых программ.

В качестве основного подхода к групповой работе с пациентами, коморбидно зависимыми от ПАВ выступает направление психосоциальной терапии и реабилитации, основной целью которой является повышение уровня комплаенса пациентов в отношении лечения (Гурович И.Я., Шмуклер А.Б., Сторожакова Я.А., 2004). Работа по повышению комплаентного отношения к лечению достигается путем образовательного блока, преодоления анозогнозии по отношению к синдрому зависимости, а также обучению навыкам эмоциональной регуляции и стрессоустойчивости. В качестве основных техник используются навыки диалектической поведенческой терапии, доказавшей свою эффективность в рамках

работы с проблемами эмоциональной регуляции, а также мотивационное интервью, разработанное прицельно для работы с амбивалентностью в отношении изменений (Миллер У. Р., Роллник С., 2017).

Полный цикл состоит из четырех занятий по 45 минут с понедельника по четверг. В группу включаются от четырех до десяти человек. Пациенты из разных отделений приглашаются в отдельную комнату, где в кругу обсуждаются вопросы, связанные с причинами и последствиями злоупотребления, симптомы на разных стадиях зависимости, механизмы формирования химической зависимости, связь с психическими расстройствами и проблемы реабилитации.

Основными трудностями в работе с пациентами, коморбидными с употреблением ПАВ в рамках их пребывания в стационаре являются:

1. Короткие сроки госпитализации, не позволяющие построить программу на основе более подробного обсуждения заявленных тем, а также более индивидуального подхода к каждому пациенту;
2. Отсутствие возможности сопровождения пациентов на дальнейших этапах реабилитации в стационар замещающих условиях;
3. Наличие высокого уровня сопротивления у участников, как следствие наличия анозогнозии, что требует отдельного внимания в ущерб времени на обсуждение непосредственных материалов тренинга;

Актуальность проведения данного направления реабилитации ставит в качестве дальнейшего вектора исследований вопросы о выделении критериев оценки эффективности проведения данной программы в условиях краткосрочного пребывания пациентов в рамках стационара. Также, открытым остается вопрос о преобладании степени анозогнозии пациентов в отношении как основного заболевания, так и сопутствующего, решение которого позволит более сбалансировано выстроить мотивационную работу.

Литература

1. Бузик О.Ж., Агибалова Т.В. Коморбидные расстройства у больных с зависимостью от алкоголя // Рос. мед.-биол. вестн. им. акад. И.П. Павлова. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komorbidnye-rasstroystva-u-bolnyh-s-zavisimostyu-ot-alkogolya>.
2. Гурович И.Я., Шмуклер А.Б., Сторожакова Я.А. Психосоциальная терапия и психосоциальная реабилитация в психиатрии. М.: ИД Медпрактика-М. 2004. 492 с.
3. Миллер У. Р., Роллник С. Мотивационное консультирование: как помочь людям измениться / Пер. с англ. Ю.М. Сусоевой, Д.М. Вершининой. М.: Издательство «Э», 2017. 544 с.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2017 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987/?print=1> (дата обращения: 20.09.2018).

5. Сиволап Ю.П., Янушкевич М.В., Савченков В.А. Двойной диагноз: шизофрения и злоупотребление психоактивными веществами // Неврологический вестник. 2017. Т. XLIX, вып. 2. С. 57-60.
6. Шитов Е.А., Киселев Д.Н., Шустов Д.И. Краткий обзор проблемы «Двойного диагноза» (сочетание психических расстройств и расстройств зависимости от психоактивных веществ) // Рос. мед.-биол. вестн. им. акад. И.П. Павлова. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-obzor-problemy-dvoynogo-diagnoza-sochetanie-psihicheskikh-rasstroystv-i-rasstroystv-zavisimosti-ot-psihoaktivnyh-veschestv>.

Специфика экспериментально-психологического исследования при оценке делкоспособности

Переpravina Ю.О.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Роль экспериментально-психологического исследования в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы и судебно-психиатрической экспертизы в гражданском судопроизводстве с каждым годом подчеркивается новыми исследованиями. Отмечена выраженная актуальность судебных дел в гражданском процессе в отношении лиц, совершивших сделку. Известно, что на период 2014-2016 гг. в Москве и Севастополе каждая третья СПЭ из числа гражданских освидетельствований проводилось по делкоспособности, а каждая четвертая - в Санкт-Петербурге. Обнаружено, что не проводились такого рода освидетельствования лишь в 8 субъектах РФ.

Традиционно основной задачей экспертного судебно-психологического исследования является установление влияния особенностей психического состояния и личности на качество отражения и регуляции юридически значимого поведения подэкспертного в интересующей суд ситуации. При проведении экспертизы по оценке делкоспособности для выявления юридически значимой способности медицинский психолог решает две задачи: 1) дифференциально-диагностическую; 2) оценку структуры и глубины нарушений психической деятельности. При решении этих задач классически используется базовый комплект базовых патопсихологических методик. Нами проводятся исследования, которые показывают важность использования нейропсихологических методов, а также Мельбурнского опросника принятия решений, в рамках экспертиз по оценке делкоспособности; отмечается влияние данных методов на экспертное решение.

Нами было обследовано 66 подэкспертных, 31 из которых – были признаны несделкоспособными, 31 – могли понимать значение своих действий и руководить ими на момент совершения сделки, 4 – не были экспертно решены. Целью нашего исследования являлось выявление пато- и нейропсихологических профилей

подэкспертных, проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу по оценке сделкоспособности.

По предварительным результатам отмечается следующее. У большинства подэкспертных, проходивших судебную экспертизу по оценке сделкоспособности, обнаруживается органический патопсихологический симптомокомплекс. В противоположность данной группе у подэкспертных, которым в ходе экспертизы по оценке дееспособности комиссией было рекомендовано ограничение дееспособности, преимущественно отмечается шизофренический патопсихологический симптомокомплекс.

Данная патопсихологическая специфика экспертиз по оценке сделкоспособности подкрепляется также и статистикой за 2014-2016 гг. Было отмечено, что подэкспертные, которые по результатам экспертизы не могли понимать значение своих действий и руководить ими на момент совершения сделки (ст.177 ГК РФ), относятся к следующим нозологическим группам: органические психические расстройства – 66, 2%; расстройства шизофренического спектра – 17, 1%; умственная отсталость – 6, 6%.

По результатам нейропсихологического обследования в группе подэкспертных, которые были признаны несделкоспособными, отмечается доминирование симптомов, приближающихся к синдрому нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности при поражении префронтальных отделов головного мозга.

Нами было обнаружено, что для подэкспертных, признанных несделкоспособными, характерны такие индивидуально-психологические особенности, как инертность личности, склонность к зависимому поведению в межличностных отношениях и ориентация на мнение значимого окружения, преобладание пассивной поведенческой стратегии совладания со стрессом, импульсивность, снижение способности к созданию алгоритма.

Литература

1. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2016 году: Аналитический обзор / Под ред. Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» Минздрава России, 2017. Вып. 25. 216 с.

Социально-психологические особенности приобщения молодых людей к наркопотреблению

Романова Н.М., Киселев К.А., Ярошенко Е.И., Экедегва Р.О.
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Наркопотребление – один из факторов дальнейшего вхождения индивида в противоправную среду, усвоения им негативных социальных ценностей, дальнейшей криминализации личности (вовлечение в наркоторговлю, совершение корыстных и

корыстно-насильственных преступлений с целью получения материальных средств для приобретения наркотических препаратов).

Исследование социально-психологических особенностей приобщения молодежи к наркопотреблению особенно значимо в связи с интенсивным проникновением наркогенного фактора во все слои общества.

Эмпирическая выборка: молодые люди (15-35 лет), находящиеся, на стационаре в реабилитационных кабинетах сети медицинских центров «Здоровое поколение» (N=24; 91,7% – мужского пола, 8,3% – женского).

Методы исследования: анкетирование, кластерный анализ.

С целью выявления социально-психологических особенностей приобщения молодых людей к потреблению наркотических веществ был применен кластерный анализ. В результате были выделены три симптомокомплекса (кластера), связанных с приобщением молодых людей к наркопотреблению.

1. В первый кластер входят такие параметры, как: мотив улучшения коммуникативной активности, мотив релаксации, мотив избавления от беспокойства и чувства одиночества, потребление наркотических веществ в группе сверстников, приобщение к наркотикам через друзей; социальные характеристики: наличие работы, средне-специальное образование. Таким образом, данный симптомокомплекс описывает причины наркопотребления, связанные с реализацией социально-коммуникативных потребностей индивида, в рамках референтной группы сверстников, с одной стороны, и психологическим воздействием других на личность этого человека, с другой. Данный кластер является, преимущественно, внешне детерминированным и связан с приобщением личности к наркопотреблению посредством социальной группы.

2. Второй кластер отражает такие составляющие, как мотивы избавления от негативных эмоций (грусти, скуки, злости, беспокойства), улучшения психических процессов (внимание, мышление), усиление эмпатийного контакта («употребляю наркотики, чтобы лучше чувствовать эмоции других людей»), наличие незаконченного высшего либо начального образования. Таким образом, в данный кластер входит внутренняя система самомотивации, связанная с потребностью в оптимизации своих психических процессов и состояний. Данный кластер является преимущественно внутренне детерминированным и связан с собственной активностью личности, не имеющей достаточных ресурсов для реализации своих потребностей.

3. В третий кластер входят следующие составляющие: пренебрежение родителями наркопотребителя обязанностями по воспитанию (отсутствие любви, безучастность либо издевательства с их стороны), отсутствие наркопотребителей среди друзей, при наличии среднего либо высшего образования. Данный кластер связан с дефектами семейного воспитания и отражает глубинные социально-психологические проблемы личности, уходящие в деструктивные взаимоотношения с родителями. Данный кластер является, преимущественно, внешне детерминированным и связан с дефектами родительского воспитания как

самостоятельным фактором при отсутствии влияния со стороны сверстников-наркопотребителей.

Выводы: установлены три базовых фактора социально-психологического приобщения к наркопотреблению: а) групповой, связанный с влиянием членов значимой группы в связи с потребностью личности в общении; б) внутренний, связанный с потребностью в оптимизации своих психических процессов и эмоционального состояния; в) семейный, связанный с проблемами воспитания и взаимодействия с родителями в детстве, при отсутствии влияния со стороны друзей-наркопотребителей.

Полученные данные помогут созданию в дальнейшем социально-психологических методов профилактики наркопотребления среди молодежи.

Социологический портрет молодых людей, употребляющих психоактивные вещества

Романяк Е.В.

Автономная некоммерческая организация консультационных и информационных услуг «Экспертный институт»,

Левин Л.М.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

В планировании профилактической работы, цель которой направлена на снижение уровня рискованного поведения и девиантного поведения, важно учитывать особенности молодых людей, имеющих установленный диагноз зависимости от психоактивных веществ (далее – ПАВ), а также молодых людей, входящих в «группу риска». Под ПАВ понимаются такие вещества, которые при приеме или введении в организм человека воздействуют на психические процессы.

В нашем исследовании, которое проводилось на базе Фонда «Гуманитарное действие» приняло участие 111 человек, из них 70 мужчин (63,1%) и 41 женщина (36,9%). Возраст респондентов от 17 до 21 лет. Данный возрастной период сопровождается кризисом юности, когда молодые люди впервые сталкиваются с экзистенциальным кризисом – кризисом смысла жизни. Актуальны вопросы о смысле жизни вообще и смысле своей жизни, о назначении человека, о собственном Я. Отсутствие внутренних средств разрешения кризиса приводит к таким негативным вариантам развития, как наркомания, алкоголизм. Крайняя форма неспособности справиться с кризисом приводит к суициду (Носко И.В., 2003).

Среди опрошенных в программах реабилитации зависимости от ПАВ участвуют 60 человек: 34 мужчины (56,7%) и 26 женщин (43,3%). Состоят на учете у социальных служб 17 человек: 13 мужчин (76,5%) и 4 женщины (23,5%). Являются учащимися ССУЗов 34 человека: 23 мужчины (67,6%) и 11 женщин (32,4%).

Только начальное школьное образование имеют 10 человек (9%), основное школьное – 52 человека (46,8%), среднее школьное – 28 человек (25,2%), среднее специальное – 15 человек (13,5%), незаконченное высшее – 6 человек (5,4%). Холостыми являются 91 человек (82%), состоят в гражданском браке – 13 человек (11,7%), в официальном браке – 7 человек (6,3%). В родительской семье воспитывались 96 человек (86,5%), в семье родственников – 6 человек (5,4%), в неродной семье – 4 человек (3,6%), в гос. учреждении – 1 человек (0,9%), при разных обстоятельствах – 4 человека (3,6%).

В настоящее время курит 82 человек (73%), при этом курят каждый день – 80 человек (98,8%). В первые 5 минут после пробуждения сигарету употребляют 49 человек (60,5%). Трудности в воздержании от курения в запрещенных местах испытывают 55 человек (67,9%). От 11 до 20 сигарет курят 56 человек (69,1%). Все респонденты употребляли алкогольные напитки, при этом впервые в возрасте от 11 до 13 лет. Большинство испытуемых отмечают, что из-за алкоголя у них не возникало трудностей, в то время как Индекс алкоголизма определил алкогольную зависимость у 56 человек (50,5%). При этом 104 респондента (93,7%) получали предложения попробовать ПАВ. Также 86 респондентов (77,5%) принимали ПАВ, не назначенные врачом. Первый опыт употребления ПАВ в возрасте 12-16 лет. В то время как большинство респондентов отмечало у себя негативные чувства к последствиям употребления ПАВ, Индекс Наркозависимости определил наркотическую зависимость у 59 человек (68,6%).

Возвращаясь к общепринятым характеристикам поздней юности в науке, этот период считается устремленным в будущее. Но при этом мы наблюдаем у большинства респондентов уже сформировавшиеся модели поведения, которые могут отрицательно повлиять не только на здоровье, но и на процесс социализации, самоопределения.

На основе результатов исследования мы предлагаем развивать систему первичной профилактики, направленной не только на изменение отношения к употреблению ПАВ, но и на изменение поведения. Вместе с государственными мерами по запрету алкоголя и табачных изделий предлагать в сотрудничестве с некоммерческими организациями и научным сообществом программы профориентации, индивидуальное консультирование, а также психологическую помощь.

К проблеме изучения особенностей ценностно-смысловой сферы лиц с органическими психическими расстройствами

Румянцев В.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Проблема личностных детерминант при психических расстройствах является традиционной для исследований в медицинской психологии и психиатрии. Вопрос о

соотношении психических расстройств, личностных факторов и криминального поведения остаётся актуальным на протяжении многих лет в связи с высоким риском совершения лицами с психическими расстройствами общественно опасных действий, в том числе тяжких насильственных. Патологическое формирование вследствие и её функционирование, которое может нарушаться вследствие часто встречается у лиц с органической психической патологией. У них же наблюдается высокий риск совершения повторных общественно-опасных действий. Наличие психического расстройства само по себе не определяет склонность к противоправному поведению, но способствуют ему, поскольку создаёт препятствия в получении образования, а следовательно ограничивает в возможности выполнения высоко квалифицированного труда, а так же в обеспечении постоянной трудовой занятости. В связи с этим данный контингент лиц в большой степени испытывают затруднения в общении, усвоении социальных норм и адаптивных форм поведения (Макушкина О.А., 2015). Такое положение дел ведёт к ограничению спектра реакций в сложных, значимых ситуациях и агрессивному поведению (как более простой формой реагирования и приводит к попаданию в поле зрения правоохранительных органов). В дальнейшем такое поведение становится наиболее предпочтительным. Это определяет актуальность поиска маркеров, которые способствуют адаптивному или дезадаптивному функционированию пациентов и помогали бы решать актуальные вопросы по предоставлению им специализированной помощи и определения форм её оказания. Одним из направлений поиска таких маркеров может служить ценностно-смысловая сфера. Особое внимание к этой теме обусловлено теоретической и практической значимостью, сложностью, многоаспектностью вопроса и её опосредующем влиянием на деятельность человека (Леонтьев Д.А., 2007). Ценностные ориентации реализуют дифференциацию объектов по степени их значимости, таким образом, определяя отношения личности с объективной действительностью. Они формируются и изменяются в деятельности, образуя сложные индивидуальные системы и оказывают влияние на планирование, моделирование, программирование, оценку её (деятельности) результатов. Формирование этой сферы и её развитие, изменение происходит постоянно в результате столкновений с действительностью и тем самым способствует самоопределению личности, выработке определённого стиля жизни и поведения.

В дальнейшем авторам предстоит изучить различные психологические аспекты ценностно-смысловой сферы у лиц с органическими психическими расстройствами, совершивших общественно-опасные деяния и выделить их специфические особенности.

Литература

1. Макушкина О.А. Прогнозирование риска общественной опасности у лиц с психическими расстройствами: проблемы, отраслевые задачи // Российский психиатрический журнал. 2015. №4. С. 56-65
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смисл, 2007. 511 с.

Понимание «привязанности» наивными носителями языка, судьями и судебно-психологическими экспертами

Русаковская О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и
наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия),

Ильина О.Ю.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, Россия)

Концептуальная валидность судебно-психологической оценки зависит от точности определения экспертологических понятий, которые должны соответствовать правовым конструктам, корреспондируясь с общенаучным психологическим знанием (Grisso T., 2003; Сафуанов Ф.С., 2014). Одним из важнейших обстоятельств, которое должно быть учтено судом при разрешении споров о воспитании является привязанность (Русаковская О.А., 2011). В русском языке слово «привязанность» имеет два значения. Во-первых, это «чувство близости, основанное на преданности, симпатии к кому-чему-нибудь». Во-вторых, это психологическое понятие, появившееся и развивающееся в рамках психологической теории привязанности Дж.Боулби. Теория концептуализирует склонности людей устанавливать сильные нежные привязанности с выделенными людьми на основании биологически обусловленной потребности новорожденного в эмоциональной близости с ухаживающим взрослым и раннего опыта взаимодействия ребенка с этим взрослым. По нашему мнению, понятие «привязанность» в семейном законодательстве используется в первом из указанных значений (Харитоновна Н.К., 2017).

Цель исследования: уточнение семантического значения понятия «привязанность» у наивных испытуемых и в профессиональных сообществах.

В исследовании приняли участие три группы испытуемых: учащиеся 6 класса (27 человек) – наивные носители языка; судебные психологи, принимающие участие в комплексных психолого-психиатрических экспертизах по спорам о воспитании детей, со стажем работы в качестве эксперта более 10 лет (20 человек); федеральные судьи, имевшие опыт рассмотрения соответствующих гражданских споров (30 человек). Испытуемых просили 5 раз закончить фразу: «Я понимаю, что ребенок привязан к родителю, если...», а затем написать определение понятия «привязанность».

Для обработки результатов использовался контент-анализ. Выделено 115 первичных семантических конструктов в группе шестиклассников, 98 конструктов в группе экспертов, 105 конструктов в группе судей. Строилась частотная матрица семантических конструктов. Сравнивались семантические матрицы трех групп.

Результаты. 21 шестиклассник (17,5% от всех конструктов этой группы) обозначал «привязанность» как «плохо без». С большой частотой встречались такие конструкты, как «любить» (12,5%), «понимать чувства» (13,3%), «часть мира, необходимость» (6,7%).

Судьи наиболее часто обозначали привязанность как «совместную деятельность», «отсутствие тревоги в присутствии родителя», «доверие», «авторитет», необходимость участия в бытовых вопросах.

У экспертов 36,5% конструкторов определяли привязанность как варианты поведения ребенка в ходе экспериментально-психологического исследования, например: «рисует родителя яркими цветами», «бежит к нему с улыбкой после проведения обследования», «не хочет оставаться с психологом без родителя»; 13% конструкторов определяли «привязанность» как «говорит о своем хорошем отношении к родителю».

Вывод: семантическое значение понятия «привязанность» различается у «наивных испытуемых» и представителей двух профессиональных сообществ: судей и экспертов-психологов. Очень велики различия в значении, которое вкладывают в это понятие судьи и эксперты-психологи, при этом значение, которое вкладывают в него психологи не соответствует ни правовому, ни общепсихологическому. Результаты заставляют поднимать вопрос о подмене правового концепта «привязанность» в ходе судебно-психологического исследования и о недостоверности экспертных заключений.

Литература

1. Grisso T., Vorum R., Edens J., Moye J., Otto R. Evaluating Competencies. Boston, MA: Springer Science, Business Media, Inc.. 2003. Pp.553.
2. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2014.
3. Русаковская О.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в судебных спорах о воспитании и месте проживания ребенка: дис. ... канд.мед.наук. М, 2011.
4. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза по спорам о порядке воспитания детей родителями, проживающими отдельно // Судебно-психиатрическая диагностика / Под редакцией Е.В. Макушкина, А.А. Ткаченко. Москва. 2017. С. 601-625.

Симулянт VS эксперт:

психологический анализ социальной перцепции

Сафуанов Ф.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России,

ФБГОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
(г. Москва, Россия)

Проблема распознавания симуляции психического расстройства в судебной психиатрии является актуальной, однако работ, посвященных этому вопросу, не так много. Практически во всех исследованиях симуляции такой фактор, как

компетентность психиатра в распознавании симуляциине рассматривается. Внимание уделяется только объективным трудностям диагностики и приемам определения вариантов притворного поведения.

Социально-психологический подход к процессу распознавания притворного поведения может быть реализован в виде структурного анализа социальной перцепции при взаимодействии врача и подэкспертного.

Поскольку симуляция предполагает осознанное предъявление симптоматики, не существующей в действительности, с намерением ввести в заблуждение судебно-психиатрического эксперта, притворное поведение подэкспертного лица неизбежно должно сопровождаться рефлексией как самооценкой (включающей разные уровни критичности и искажения внутренней картины болезни) и как объективизацией знаний о себе через другого человека (коммуникативной рефлексией). Коммуникацию эксперта (Э) и подэкспертного (П) можно представить в следующем виде. И у эксперта, и у подэкспертного существует представление о самом себе (Э1 и П1). Кроме того, у них есть представление о партнере по взаимодействию (Э2 и П2). При взаимодействии П общается в качестве П1, обращаясь к Э2, а Э реагирует в качестве Э1 на П2.

При анализе ситуации симуляции психически здорового вектор П2 – Э2 можно интерпретировать как деятельность подэкспертного по формированию образа психически больного человека в глазах эксперта, а линию П1 – П2 – как его целевую установку.

В случае симуляции на патологической почве (агравации, мета- и сюрсимуляции) структура взаимодействия усложняется. Задачей эксперта является правильное определение психического состояния подэкспертного (Э – П) с учетом предъявляемой симптоматики (Э – П2). Для этого необходима диагностика внутренней картины болезни, наличия анозогнозии (Э – П1-П). Важнейшим аспектом распознавания притворного поведения лица с психическим расстройством, является анализ его способности реализовать целевую установку представить себя психически больным человеком (П1-П2) в поведении и высказываниях, во взаимодействии с экспертом (П2 – Э2). Анализ особенностей реализации установки на симуляцию психического расстройства (Э – П2-Э2) служит не только диагностике самой симуляции, но и определению степени сохранности критичности, опосредованности и произвольности интеллектуальной деятельности, или, в целом, способности к саморегуляции. При распознавании различных форм симуляции психически больных, и особенно при диагностике диссимуляции анализу подлежит еще одна линия взаимодействия – соотношение рефлексивного Я пациента (П1) с его представлением о враче (Э2). К примеру, в условиях принудительного лечения в коммуникативной ситуации лицо с психическим расстройством в силу своей анозогнозии полагает, что он здоров (П1 – П), но думает, что психиатр считает его психически больным (Э2 – П1), в результате чего предъявляет врачу картину отсутствия заболевания (П2 – Э2).

Анализ рефлексивной структуры распознавания симуляции (и вероятное развитие предложенной линии исследований или альтернативных вариантов) дает возможность работать над формированием определенных компетенций судебно-психиатрического врача-эксперта и повышением его общей профессиональной компетентности. По аналогии с давно разрабатываемыми в социальной психологии тренингами повышения перцептивной компетентности, точности восприятия, можно разработать систему тренингов в виде усовершенствования традиционно используемых в психиатрии разборов клинических случаев.

Диагностика информированности личности о расследуемом событии методами судебной психологической экспертизы

Свободный Ф.К.

ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»
(г. Москва, Россия)

Наличие сведений, знаний о чем-либо называется осведомленностью, а хорошая осведомленность – информированностью (Ефремова Т.Ф., 2000).

Лицо, совершившее преступление, наиболее полно информировано о преступном событии и обладает, так называемой, «виновной осведомленностью» (Мозяков В.В., 2005) – т.е. знает такие обстоятельства совершения преступления, которые неизвестны, например, потерпевшему и свидетелям.

Термин «виновная осведомленность» больше подходит преступнику, а относительно свидетеля и потерпевшего более корректным будет говорить об их информированности о конкретных обстоятельствах расследуемого события.

«Информированность личности о расследуемом событии» – это составляющая опыта личности, выражающаяся в наличии у человека относительно устойчивой системы объективных знаний и субъективных представлений о конкретном событии его жизни, обстоятельства которого сейчас расследуются правоохранительными органами (Свободный Ф.К., 2015).

В процессе психологической диагностики информированности личности о расследуемом событии необходимо сосредоточится на решении следующих задач:

1. Определение особенностей информированности обследуемого лица об обстоятельствах получения им самой первой информации о расследуемом событии, таких как: дата, время, место, источники получения информации.

2. Определение особенностей информированности обследуемого лица об общих обстоятельствах расследуемого события, таких как: характер события, общее количество участников события; действия участников события; роль обследуемого лица в событии; дата, время, место происхождения события и т.д.

3. Определение особенностей информированности обследуемого лица о частных обстоятельствах расследуемого события, например, таких как: реакции

участников события на действия других участников события; характеристики внешности участников события; одежда участников события и т.д.

Для полной и качественной психологической диагностики информированности личности о расследуемом событии необходимо использование комплекса обще- и частно- научных методов, в том числе методов, хорошо зарекомендовавших себя при производстве судебной психологической экспертизе.

В первую очередь – это метод анализа материалов уголовного дела (Сафуанов Ф.С., 2014), позволяющий сопоставить показания обследуемого с показаниями других лиц, выявить имеющиеся неточности и противоречия.

Во-вторых, это метод беседы, позволяющий уточнить показания обследуемого, выявить некоторые индивидуально-психологические особенности личности обследуемого; сформулировать предположения относительно истинной информированности обследуемого относительно расследуемого события.

В третьих, это метод психологического эксперимента (например, ассоциативного эксперимента, сопряженной моторной методики, эксперимента с использованием полиграфа), позволяющий на основе выявленной субъективной значимости для обследуемого стимулов, несущих информацию о деталях расследуемого события, сформулировать вероятностный вывод о конкретных особенностях информированности обследуемого лица о данном событии.

В четвертых, это метод анализа видеозаписи процедур психологической диагностики, позволяющий получить ту информацию о личности и поведении обследуемого, которая, в виду непосредственного участия специалиста в беседе, была им не замечена (Багмет А.М., 2017).

Профессионально-грамотное, методически адекватное и честное применение данных методов способствует решению вышеобозначенных задач по определению особенностей информированности обследуемого лица об обстоятельствах расследуемого события и положительно сказывается на качестве расследования преступлений, о чем, в частности, свидетельствует и личный опыт автора по производству более 400 судебных психологических экспертиз информированности личности расследуемом событии (Свободный Ф.К., 2015).

Литература

1. Видеозапись следственных действий: учеб. пособие / под ред. А.М. Багмета. М., 2017. 215 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М., 2000. 1209 с.
3. Мозяков В.В. Руководство для следователей. М., 2005. 415 с.
4. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М., 2014. 421 с.
5. Свободный Ф.К. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: учеб. пособие. Барнаул, 2015. 180 с.

Новые направления судебной психологической экспертизы

Секераж Т.Н.

ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (г. Москва, Россия)

В нашей стране судебные экспертизы с применением психологических знаний проводятся уже около 45 лет. Система судебной психологической экспертизы была создана М.М. Коченовым, начиная с работ по исследованию возможности производства судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе до работ, «предопределивших развитие судебных экспертиз с участием психолога на много десятилетий вперед». По образному выражению Ф.С. Сафуанова все последующие работы в области судебно-психологической экспертизы генетически связаны с идеями М.М. Коченова и так или иначе опираются на его основополагающие теоретические и методологические разработки. Сегодня появляются новые виды судебно-психологической экспертизы, которые строятся на единых методологических принципах и теоретическом и практическом наследии М.М. Коченова.

Любая судебная экспертиза классифицируется по объекту, предмету и методу исследования. Судебно-психологическая экспертиза традиционно разделяемая на экспертизу в отношении живых лиц (очную) и экспертизу посмертную (или заочную), имеет дело с психической деятельностью человека в юридически значимой ситуации, когда на исследование в качестве источников информации эксперту представляются помимо самого лица письменные и изобразительные вещественные доказательства (продукты творчества, дневниковые записи, письма и др.).

В последние десять лет со стороны правоохранительных органов и судов активно поступают запросы на психологическое исследование и экспертную оценку материалов дела (документов и иных доказательств) вне традиционного судебно-психологического исследования подэкспертного лица и без решения традиционных вопросов об особенностях его психической деятельности. Такие исследования отличаются от экспертизы по материалам дела, когда эксперту при отсутствии возможности обследования лица требуется решать вопросы, относящиеся к его психической деятельности, и когда основным методом исследования является ретроспективный психологический анализ материалов дела. Специфичность психологического исследования информационных материалов заключается в объекте исследования (информационный материал, коммуникативная деятельность участников коммуникации), предмете (социально-психологическая и коммуникативная направленность материала) и методах (психологические методы исследования речи и коммуникативной деятельности).

Под информационными материалами мы понимаем тексты (письменные, звучащие, электронные), изображения (статичные и динамичные – графические, фотографические, видеоизображения) и комбинированные объекты (поликодовые, или креолизованные тексты). Такие материалы включены в обмен информацией между коммуникантами, партнерами по общению, в коммуникативную и социальную

деятельность субъектов. С этой точки зрения информационный материал является коммуникативной единицей, исследованию подлежит заложенное в нем сообщение. Основными характеристиками информационных материалов являются форма, содержание и направленность.

В настоящее время потребность в психологическом исследовании информационных материалов возникает по различным категориям дел, основными из которых являются дела о преступлениях экстремистской направленности (ст.280, 282 УК РФ), дела о совершении действий сексуального характера и развратных действий с помощью Интернета (ст.132, 135 УК РФ), склонении к совершению самоубийства или содействию в его совершении (ст.110.1 УК РФ), а также организации деятельности, направленной на побуждение граждан к совершению самоубийства (ст.110.2 УК РФ), склонения к самоубийству, распространении информации, причиняющей вред здоровью несовершеннолетних Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»). Потребность в экспертной психологической оценки информационных материалов обусловила становление в системе федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России новой экспертной специальности в рамках судебной психологической экспертизы – «20.2. Психологическое исследование информационных материалов», которая включена в перечень экспертных специальностей, по которым одушевляется дополнительная профессиональная переподготовка экспертов и аттестация на право самостоятельного производства экспертиз.

Роль пограничных психических расстройств в генезе криминальной агрессии

Соковец А.К.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Ф.С. Сафуанов

Целью нашего исследования было выявление роли психических аномалий в генезе криминальной агрессии. Мы использовали клинико-психологический анализ, который реализуется посредством получения объективных данных из материалов уголовного дела, а также путем исследования индивидуально-психологических особенностей и механизмов криминальной агрессии подэкспертного. Достоверность результатов обеспечена большим объемом выборки (227 человек, проходивших экспертизу в институте им. Сербского), а также тем, что оценки формировались в составе экспертной комиссий психологов и психиатров (от 4х человек и более). Данные обработаны при помощи программы IBM SPSS Statistics. Проведен корреляционный анализ, при помощи критерия χ^2 -Пирсона.

Лица с расстройством личности в целом, независимо от формы расстройства, имеют высокий уровень агрессивности, как особенности характера, так

и реактивной. Они антисоциальны, регулируют свое поведение на уровне диспозиций. Для них не важны групповые ценности, одобрение социума. Они активно используют психологические защиты для борьбы с фрустрирующими их обстоятельствами. Они склонны к доминированию, авторитарны (фактор «е» в методике «16-факторный личностный опросник Кеттелла»), независимы от мнения большинства, т.е. противопоставляют себя группе («q2», «f4»), им сложно контролировать себя, свои эмоции или свое поведение («q3»). Были обнаружены положительные корреляции с такими чертами характера, как демонстративность, возбудимость, эгоцентризм, самовзвинчивание.

Люди, совершившие агрессивное преступление, и страдающие *органическим психическим расстройством*, имеют следующие личностные особенности: они не агрессивные, не регулируют свое поведение на уровне диспозиций, они регулируют свое поведение на уровне реакций. У них развиты личностные структуры, блокирующие проявление агрессии: для них важно мнение широких социальных групп, они способны к эмпатии, у них развиты такие черты характера, как экстернальный локус контроля, тревожность, склонность к чувству вины, – это все блокирует проявление агрессии. У них слабо развита система защитных механизмов. Они сдержанные («f»), робкие («h»), мечтательные («m»), не склонны к прямолинейности и откровенности, скорее дипломатичные, эмоционально выдержанные («n»), консервативные, ценят традиции («q1»), конформные, зависимы от мнения большинства («q2»), у них высокий уровень самоконтроля («q3+»). Им не свойственно демонстративное поведение, эгоцентризм, самовзвинчивание.

Лица, страдающие *хроническим алкоголизмом*, не регулируют свое поведение на уровне реакций, они общительны, готовы к сотрудничеству («a»).

При *умственной отсталости* обнаруживается низкий уровень агрессии (реактивной), невысокий интеллект («b»), доверчивость, открытость («l»), практичность, прозаичность, ориентация на внешнюю реальность («m»), спокойствие, беспечность, не тревожность («o», «f1»), расслабленность, вялость, апатичность («q4»), незрелость.

Люди, страдающие *эпилепсией*, имеют низкий уровень самоконтроля («q3»).

Среди прочих пограничных психических расстройств, была также рассмотрена *устойчивая ремиссия при шизофрении*. Такие люди мечтательны («m»), радикальны в своих суждениях, не доверяют авторитетам («q1»).

При *ПТСР* обнаружено лишь то, что они спокойные, беспечные («o-»).

Стандартизированное интервью: «Способность решать проблемные ситуации»

Сорокина А.В., Сундикова Е.Е.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
Русаковская О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

При проведении судебно-психиатрических экспертиз в гражданских делах в связи с признанием гражданина недееспособным, ограничением дееспособности в связи с психическим расстройством, восстановлением дееспособности экспертной оценке подлежит способность гражданина понимать значение своих действий и руководить ими самостоятельно или лишь с помощью других лиц. Основным методом исследования при проведении подобных экспертиз является клинко-психопатологический, дополнительными – клинко-психологический и экспериментально-психологический. Однако ни стандартное психиатрическое, ни психологическое исследования не ориентированы на функциональную оценку уровня социального функционирования пациента и его способностей к автономному существованию в социуме. Как указывал 87-летний доктор философских наук, профессор В.Н. Царегородцев, «в программе обследования практически отсутствуют конкретные проблемы (бытовые, культурные, научные), обсуждение которых выявляло бы умение рассуждать, давать ответы на решение конкретных проблем и вопросов, выявляющих уровень сообразительности, умение предвидеть и прогнозировать последствия определенных событий, давать нравственную оценку тех или иных вопросов, хотя такого рода беседы давали бы больше оснований для ответа на вопрос, дееспособен пациент или нет» (Харитоновна Н.К., Русаковская О.А., 2018).

В то же время, подобный функциональный подход лежит в основе многих стандартизированных и полустандартизированных методик судебно-психиатрического исследования, используемых в зарубежной практике при оценке способностей гражданина проживать самостоятельно и распоряжаться финансами (Харитоновна Н.К., Русаковская О.А., 2018).

По аналогии с методикой Decision-Making Instrument for Guardianship (DIG) (Anderer S.J., 1997), нами было разработано 14 проблемных ситуаций, относящихся к распоряжению имуществом, исполнению финансовых обязательств, безопасности, ведению домашнего хозяйства, заботе о здоровье, поддержке социальных контактов.

В ходе проведения методики испытуемому зачитываются проблемные ситуации, по каждой из которых предлагается стандартизированный набор вопросов.

Использовались две группы критериев оценки ответов.

В *первую группу* вошли критерии, касающиеся содержательной стороны ответов: понимание ситуации, способность спрогнозировать ее последствия, способность предложить альтернативные варианты решения проблемы, адекватность предлагаемых вариантов решения проблемы, способность оценить возможные риски

предлагаемых вариантов решения проблемы. *Вторая группа* критериев позволяет охарактеризовать общие особенности, выявленные в ходе работы: соответствие ответов поставленным вопросам, отвлекаемость на побочные (незначительные) элементы в ситуации, особенности речевого высказывания, способность использовать помощь, способность поставить себя на место участника ситуации.

По каждому из критериев выставялась одна из трех возможных оценок – 0, 1, 2.

В ходе первого этапа апробации методики на выборке лиц, страдающих хроническими психическими расстройствами и проживающих в психоневрологическом интернате, установлено, что способность анализировать проблемные ситуации и предлагать варианты их решения зависит не только от характера и степени выраженности психических нарушений, но и от наличия или отсутствия опыта самостоятельного проживания.

Литература

1. Сорокина А.В. Способность к решению проблемных задач у лиц, проживающих в психоневрологическом интернате // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (21-24 мая 2018 года). М.: МГППУ, 2018. С. 113-118.
2. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Вопросы недееспособности и ограничения дееспособности лиц пожилого и старческого возраста // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы / Под ред. профессора В.В. Вандыша. – М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П.Сербского» Минздрава России, 2018. Вып. 15. С. 234-244.
3. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Психометрические методики зарубежной судебно-психиатрической практики и их теоретическая основа // Российский психиатрический журнал. 2018. № 5. С. 33-43.
4. Anderer S.J. Developing an instrument to evaluate the capacity of elderly persons to make personal care and financial decisions. Unpublished doctoral dissertation, Allegheny University of health Sciences, 1997.

Методика оценки способности распоряжаться финансами

Сундикова Е.Е., Сорокина А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
Русаковская О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

В настоящее время одним из перспективных направлений в российской судебной психиатрии является разработка структурированных и полуструктурированных методик, предназначенных для оценки юридически

значимых способностей (Харитоновна Н.К., Русаковская О.А., 2018). При проведении судебно-психиатрических экспертиз в гражданских делах по искам о признании сделки недействительной, а также по заявлениям об изменении правового статуса гражданина (признание гражданина недееспособным, ограничение дееспособности в связи с психическим расстройством, признание гражданина дееспособным) одной из юридически значимых способностей является способность распоряжаться финансами.

На основании теоретической модели финансовой компетентности Дэниела Марсона и его соавторов, включающей такие компоненты, как знания, умения и суждения (Marson D., 2000; Харитоновна Н.К., 2016; Харитоновна Н.К., 2016) разработана методика оценки способности лиц, страдающих психическими расстройствами, распоряжаться финансами. В основу методики положены Financial Capacity Instrument (FCI) и его модификации (Marson D., 2000, 2007), а также полуструктурированное клиническое интервью, разработанное теми же авторами Clinical Interview Assessment of Financial Capacity (SCIFC) (Marson D., 2009).

Методика состоит из 7 блоков вопросов и заданий.

Первый блок методики состоит из 4 заданий, направленных на определение способностей испытуемого пользоваться наличными. Для этого испытуемому предлагается определить номинал купюр и монет; пересчитать наличные; определить, какая сумма потребуется для покупки 3 товаров с указанной на них ценой; определить, какие из предложенных товаров можно купить за конкретную сумму.

Второй блок выявляет осведомленность испытуемого в основных финансовых понятиях, которым он должен дать определение.

Третий блок направлен на оценку способности делать мелкие покупки и ориентироваться по чеку. Испытуемому предлагается чек из продуктового магазина. Нужно определить цену некоторых товаров, итоговую сумму покупки, сумму сдачи.

Четвертый блок направлен на оценку умения пользоваться банковской картой. Он состоит из вопросов, связанных с использованием банковских карточек и терминалов, а также с правилами безопасности при проведении безналичных расчетов.

Пятый блок направлен на оценку способности противостоять мошенничеству. Дается распечатка смс-сообщения мошеннического характера. Задаются вопросы о безопасности при общении в сети и по мобильному телефону.

Шестой блок оценивает способность понимать информацию в выставленном счете. Респонденту предлагается несколько квитанций и задаются вопросы, с ними связанные.

Седьмой блок состоит из вопросов, которые позволяют оценить осведомленность респондента в вопросах принадлежащего ему имущества.

Формулировки вопросов и стимульный материал, необходимый для выполнения практических заданий (денежные купюры, монеты, чек из магазина, счета за коммунальные услуги, распечатка смс-сообщения) выбирался методом экспертной оценки.

Разработаны критерии оценки ответов испытуемого, основанные на полноте ответа, адекватности его содержания, возможности коррекции.

Первый этап апробации методики был проведен на выборке лиц, страдающих хроническими психическими расстройствами и проживающих в психоневрологическом интернате. Успешность выполнения заданий зависела от выраженности у респондента интеллектуальных нарушений, полученного образования, наличия или отсутствия опыта проживания вне интерната. В настоящее время ведется апробация методики на репрезентативной выборке.

Литература

1. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А., Королева Е.В. и др. Проблема ограниченной дееспособности в России и за рубежом. Аналитический обзор. М., 2016. 96 с.
2. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Методологические подходы к определению недееспособности в зарубежной судебной-психиатрической практике // Российский психиатрический журнал. 2016. № 5. С. 33–43.
3. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Психометрические методики зарубежной судебной-психиатрической практики и их теоретическая основа // Российский психиатрический журнал. 2018. № 5. С. 33–43.
4. Moye J, Marson D. Assessment of decision-making capacity in older adults: an emerging area of practice and research. *The Journals of Gerontology: Series B*. 2007;62(1):3–11. DOI: 10.1093/geronb/62.1.p3
5. Marson D, Sawrie S, Snyder S, et al. Assessing financial capacity in patients with Alzheimer disease. *Arch Neurol*. 2000;57(6):877–84. DOI: 10.1001/archneur.57.6.877.
6. Marson D., Martin R., Wadley V. et al. Clinical Interview Assessment of Financial Capacity in Older Adults with Mild Cognitive Impairment and Alzheimer's Disease // *Journal of the American Geriatrics Society*. 2009. Vol. 57, № 5. P. 806–814.

Посмертный психологический анализ состояния суицидента: к истории вопроса Сыроквашина К.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Проблемы диагностики и терапии суицидального поведения всегда являлись вызовом для специалистов, однако за последнее время они привлекают повышенное внимание со стороны социума, судебной-следственных органов и профильных специалистов. Одним из видов изучения механизмов суицидального поведения является посмертный психологический анализ личности и состояния погибшего или «психологическая аутопсия».

Э. Шнейдман, один из основателей суицидологии, предложивший теорию «психической боли» и разработавший психологическую концепцию суицидального поведения, сделал свой вклад и в разработку метода посмертного анализа состояния суицидента. Совместно с коллегами Э. Шнейдман анализировал предсмертные записки суицидентов в конце 1950-х, а далее, применяя психологический анализ в случаях смертей по неясным причинам в 1960-х и 1970-х гг., разработал и ввёл понятие «психологической аутопсии» в современную судебную психологию (Litman R.E., Curphey T., Shneidman E.S., Farberow N.L., Tabachnick N., 1963; Shneidman E., 1981). «Психологическую аутопсию» Э. Шнейдман понимал как средство изучения содержания сознания человека перед смертью, которое позволяет исследовать психологические и мотивационные аспекты. Метод «психологической аутопсии» включает в себя беседу с теми, кто знал погибшего, исследование имеющихся документов, а также анализ результатов собственно аутопсии и расследования, которые имеют отношение к формированию психологической оценки роли умершего в его смерти. Предполагая изначально возможность использования данных «психологической аутопсии» для оценки «неясных» смертей, Э. Шнейдман подчеркивал необходимость профессионализма в интерпретации полученной таким образом информации, предостерегая от поверхностных, субъективных или тенденциозных трактовок (Shneidman E.S., 1994).

В отечественной парадигме оценка психического состояния суицидента производилась в контексте уголовного права в рамках посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. В 1929 году в монографии А.Е. Брусиловского приводился пример возможности посмертной оценки документов в рамках криминального процесса из европейской практики (Брусиловский А.Е., 1929). При этом рамки уголовного процесса диктуют определённые ограничения. В частности, опрос родственников проводится следователем, а не специалистом по психическому здоровью, при этом есть и ряд преимуществ, в том числе, возможность запроса различных документов. М.В. Костицкий указывал, что, несмотря на «вероятностный» характер заключений, без результатов психолого-психиатрической экспертизы выяснение обстоятельств, причин и мотивов самоубийства будет неполным (Костицкий М.В., 1987).

Метод «психологической аутопсии», несмотря на ограничения, остается одним из важнейших при исследовании факторов, способствующих совершению суицида, и обстоятельств, непосредственно ему предшествующих. За рубежом «психологическая аутопсия» является практикой, изначально связанной с определением типа смерти, однако в настоящее время она представляет собой основу для исследований и выполняется с самостоятельным сбором и анализом материала самим исследователем. Отечественный подход сконцентрирован на прикладном экспертном значении посмертного ретроспективного исследования для характеристики психического состояния суицидента на основе материалов уголовных дел, и способен, кроме того, дать ценный материал о клинико-психологических причинах и факторах.

Литература

1. Litman R.E., Curphey T., Shneidman E.S., Farberow N.L., Tabachnick N. Investigations of Equivocal Suicides // The Journal of the American Medical Association. 1963; 184(12). P. 924–929.
2. Shneidman E. The psychological autopsy // Suicide and Life-Threatening Behavior. 1981; 11. P. 325–340.
3. Shneidman E.S. Comment: The psychological autopsy // American Psychologist. 1994; 39(1). P. 75-76.
4. Брусиловский А.Е. Судебно-психологическая экспертиза: ее предмет, методика и пределы. Харьков, 1929. 107 с.
5. Костицкий М.В. Судебно-психологическая экспертиза. Львов: Вища школа, 1987. 142 с.

Особенности типов отношения к болезни и копинг-стратегий у мужчин с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния

Токарева Г.М.

ГБУЗ МО «Центральная клиническая психиатрическая больница»

(г. Москва, Россия)

Концепции и эмпирические исследования социальной опасности психически больных подчеркивают значимость в генезе криминализации как клинко-социальных, так и психологических факторов, в том числе копинг-стратегий и типов отношения к болезни (Сирота Н.А., Ялтонский В.М., 1994, Кабанова Т.Н., 2012, Булыгина В.Г., 2016, Кудряшова В.Ю., 2017).

Нами было проведено исследование, направленное на определение особенностей типов отношения к болезни и копинг-стратегий у мужчин с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния. Было обследовано 102 пациента с криминальным анамнезом и 34 пациента с нормосообразным поведением. В каждой группе обследованных 50% состояли под наблюдением у врача-психиатра с органическим психическим расстройством и 50% имели диагноз шизофрения.

Копинги изучались с помощью методики «Индикатор копинг-стратегий». Для изучения типов отношения к болезни применялась методика «Личностный Опросник Бехтеревского института» (ЛОБИ).

Статистическая обработка данных проводилась с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Использовались специализированные пакеты прикладных программ для исследований «SPSS-21.0».

Выявлено, что группу пациентов, не совершавших ООД, с диагнозом шизофрения значимо отличают гармоничный ($p=0,021$) и сенситивный ($p=0,019$) типы отношения к болезни.

Пациентов, не совершавших ООД, с диагнозом ОПР отличают копинг-стратегии по типу «избегание проблем» ($p=0,026$) и «поиск социальной поддержки» ($p=0,016$).

Пациентов с диагнозом шизофрения, совершавших правонарушения, значимо отличают гармоничный ($p=0,041$) и сенситивный ($p=0,048$) типы отношения к болезни.

Для пациентов с ОПР, совершавших ООД, характерно копинг-поведение по типу «избегание проблем» ($p=0,010$).

Таким образом, внутри группы пациентов с диагнозом шизофрения копинги и тип отношения к болезни не обладают специфичностью по фактору криминализации. В то же время как тип отношения к болезни обладает нозоспецифичностью. Больных шизофренией значимо отличает преобладание гармоничного и сенситивного типа отношения к болезни. У пациентов с ОПР копинги обладают специфичностью по фактору криминализации. У пациентов, совершивших ООД преобладает копинг механизм по типу «избегание проблем», у пациентов с нормосообразным поведением – «избегание проблем» и «поиск социальной поддержки».

Таким образом, было показано, что внутри группы пациентов с диагнозом шизофрения копинги и тип отношения к болезни не обладают специфичностью по фактору криминализации. В то время как тип отношения к болезни обладает нозоспецифичностью. Больных шизофренией значимо отличает преобладание гармоничного и сенситивного типа отношения к болезни. У пациентов с ОПР копинги обладают специфичностью по фактору криминализации. У пациентов, совершивших ООД преобладает копинг механизм по типу «избегание проблем», у пациентов с нормосообразным поведением – «избегание проблем» и «поиск социальной поддержки».

Литература

1. Булыгина, В.Г. Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.04 / Булыгина Вера Геннадьевна. СПб, 2016. 393 с.
2. Булыгина В.Г. и др. Патопсихологические факторы риска внутрибольничной агрессии у психически больных лиц женского пола //Методические рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦ ССП им. ВП Сербского» МЗ РФ, 2012. 20 с.
3. Кудряшова В.Ю. и др. Копинг-стратегии и саморегуляция поведения у больных шизофренией и аффективными расстройствами // Психотерапия, психофармакотерапия, психологическое консультирование грани исследуемого (Материалы Международного конгресса). СПб., 2017. С.84-91.
4. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 1994. № 1. С. 63-74.

Диагностическая информативность патопсихологического исследования при судебном-экспертном определении способности к совершению сделки лиц с психическими расстройствами

Черненко А.Д.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Патопсихологическое экспериментальное исследование в соответствии с п. 9 Приказа от 12 января 2017 г. № 3н «Об утверждении порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы» Минздрава России является обязательной и неотъемлемой частью производства судебно-психиатрической экспертизы.

Для более полного и эффективного использования данных экспериментально-психологического исследования необходимо иметь представление о диагностической информативности особенностей и нарушений познавательной деятельности подэкспертных при решении задач не только дифференциальной диагностики психических расстройств, но и при определении судебно-экспертных вопросов о способности к совершению сделки (ст. 177 ГК РФ). Наличие того или иного диагноза еще не определяет однозначную диагностику сделкоспособности или несделкоспособности – в отношении больных в однородной, с точки зрения нозологии, группе возможны противоположные экспертные решения.

Целью настоящего исследования является определение диагностической информативности отдельных патопсихологических показателей и построение на их основе диагностических таблиц, которые могут служить дополнительным инструментом для определения способности или неспособности к совершению сделки у лиц с синдромом зависимости от алкоголя (СЗА) и органическим расстройством личности (ОРЛ).

Материал исследования составили патопсихологические заключения в отношении 94 подэкспертных, проходивших экспертизу по делам о признании сделок недействительными в Центре им. В.П. Сербского. Выборка подэкспертных была разделена на 4 группы в соответствии с диагнозом и экспертным решением: страдающие ОРЛ, признанные сделкоспособными – 19 чел., несделкоспособными – 32; страдающие СЗА, признанные сделкоспособными – 15, несделкоспособными – 28. Отобранные 94 заключения были формализованы на основе специально созданного реестра из 47 признаков, характеризующих познавательную сферу (а также эмоциональную регуляцию), выявляемых с помощью классических патопсихологических методик. С целью дать точную количественную оценку дифференциальной информативности каждого признака вычислялась информационная мера Кульбака.

В результате были созданы диагностические таблицы, содержащие диагностические коэффициенты патопсихологических признаков, ранжированные в порядке убывания их диагностической информативности. Ранжирование патопсихологических показателей по их диагностической значимости, а также

вынесение диагностического суждения только при условии достижения суммы диагностических коэффициентов определенного порогового уровня – позволяет совместить количественное измерение показателей с качественным анализом структуры нарушений, и в целом снизить вероятность диагностической экспертной ошибки.

Испытание и проверка точности данного метода на той же выборке показали следующее. В группе больных СЗА правильный ответ (когда вывод табличной диагностики совпадал с заключением экспертной комиссии) был получен при определении сделкоспособности в 60 % случаев с вероятностью ошибки 6 %, а при определении несделкоспособности – соответственно в 42 % и 3 %. В группе больных ОРЛ вероятность правильного решения при определении сделкоспособности составила 52 %, ошибочного – 15%, а определении несделкоспособности – 62% и 3 %. Таким образом, применение диагностических таблиц для оценки результатов экспериментально-психологического исследования применительно к экспертным задачам обнаруживает достаточную эффективность.

Нарушения принятия решений и саморегуляции у обвиняемых с расстройством личности

Шеховцова Е.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Актуальность изучения нарушений принятия решений и саморегуляции и их связи с криминальным поведением у лиц с расстройствами личности (РЛ) обусловлена высокой долей данной нозологии (15,1% подэкспертных за 2015 г.) в судебно-психиатрической экспертной практике (Основные показатели деятельности..., 2016). В рамках судебных психиатрических и психологических экспертиз ведущую роль играет определение степени дизрегуляции поведения в юридически значимой ситуации, а также оценка влияния личностных регулятивных особенностей на возможность выбора моделей поведения и их экстраполяция на криминальную ситуацию (Савина О.Ф., Макушкин Е.В., Морозова М.В., 2018).

Большинство исследований, посвященных теме нарушений саморегуляции поведения при РЛ, уделяет особое внимание изучению смыслового уровня саморегуляции, т.е. интенциональной стороне деятельности. Целью нашего исследования выступило установление индивидуально-психологических особенностей, связанных с процессом принятия решений и операционально-техническим уровнем саморегуляции у обвиняемых с РЛ.

Было обследовано 106 мужчин в возрасте от 18 до 66 лет, проходивших судебно-психиатрическую экспертизу. Основную группу составили 43 мужчины с установленным диагнозом РЛ (F60, F61). В качестве групп сравнения выступали подэкспертные с расстройствами шизофренического спектра (F20-F29),

органическими психическими расстройствами (F07) и 23 мужчины без криминального анамнеза и психической патологии в возрасте от 19 до 59 лет. Диагностический комплекс включал в себя методики «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа, «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана, «Выявление осознанности мотивов» А.В. Ермолина и Б.П. Ильина, «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, Новый опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой, «Ситуационный анализ» В.Г. Булыгиной.

Было установлено, что лицам с РЛ (по сравнению с другими формами психической патологии) характерны достаточный уровень толерантности к неопределенности, гибкость когнитивного контроля, способность учитывать значимые для достижения целей условия, в том числе социальный контекст ситуации выбора. В условиях недостатка информации прогностическая способность и возможность учета социального контекста снижается. Однако при наличии сенсорных помех отмечалось увеличение детализации ответов и количества альтернатив.

Лица с РЛ по сравнению с группой условной нормы характеризует меньшая способность к саморегуляции своего поведения, более низкие показатели планирования деятельности, изменения поведения и переключения с одного вида деятельности на другой, что приводит к большому количеству ошибок при принятии решения. При принятии решений лица с РЛ в большей степени опираются на собственные потребности, в то время как лица условной нормы прогнозируют последствия и опираются на ценностные и социальные установки. В рамках ситуативного анализа лица с РЛ выдвигают меньшее количество альтернатив, которые носят в большей степени агрессивный характер, учет эмоционального и социального контекста ситуации снижен.

Полученные данные расширяют представления об особенностях принятия решений и саморегуляции у лиц с РЛ и могут учитываться при решении экспертных задач по оценке степени дизрегуляции поведения.

Литература

1. Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н. Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных деяний // Российский психиатрический журнал. 2008. № 3. С. 29-35.
2. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2015 году: Аналитический обзор / Е.В. Макушкина, А.Р. Мохонько, Л.А. Муганцева. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П.Сербского» Минздрава России, 2016. Вып.24. 212 с.

Проблемы судебно-психологической экспертизы по делам о терроризме

Шипшин С.С.

ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Расследование преступлений по делам о радикальном экстремизме и терроризме бывает эффективным в тех случаях, когда имеется достаточный объем и качество информации психологического характера о террористе (его индивидуально-психологических и личностных особенностях), его социально-психологическом статусе, психологическом «анамнезе» (истории формирования личности) и «криминальном анамнезе» (истории формирования криминальной направленности, действий, поступков и правонарушений). При этом актуальными являются вопросы источников такой информации и методов ее оценки.

Одним из важных источников психологической информации о личности террориста является судебная экспертиза. Несмотря на то, что потребность в психологических знаниях при изучении личности террориста, как показывает ряд исследований, при расследовании данных преступлений отмечается, с одной стороны, недостаточность использования возможностей судебной психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз, с другой, отмечают дефицит научных исследований, в том числе экспертологических, посвященных изучению личности террориста, социально-психологическим проблемам ее формирования, особенностям групповой криминальной активности.

Одной из главных задач, стоящих перед следствием, является оценка способности обвиняемого к осознанно-волевой регуляции своего поведения в криминальной ситуации, т.е. способность осознавать фактический характер и последствия своих противоправных действий и руководить ими. При этом данная способность будет зависеть от взаимодействия внутренних факторов (состояния психического здоровья, уровня интеллектуального развития, индивидуально-типологических и личностных особенностей, системы ценностей, эмоционального состояния) и внешних, ситуативных факторов (не только криминальной ситуации, но той, что привела к формированию радикального мировоззрения, отторжения от просоциальных ценностей). Выявление потенциальной и ситуационной способности к осознанно-волевой регуляции поведения обвиняемого в терроризме, а также установление юридически значимых его индивидуально-психологических особенностей является задачей судебной экспертизы с участием психолога (СПЭ или КСПЭ). Решение этой задачи в настоящее время осуществляется в рамках СПЭ индивидуально-психологических особенностей обвиняемого; в тех случаях, если преступление террористической направленности совершено группой возможно назначение психологической экспертизы постоянных и переменных ролей в преступной группе.

При производстве экспертизы индивидуально-психологических особенностей обвиняемого, помимо установления способности к осознанно-волевой регуляции

поведения в криминальной ситуации, решается задача по установлению влияния индивидуально-психологических особенностей подэкспертного на принятие им решения о совершении противоправных действий и его поведение в криминальной ситуации. При этом данный вид экспертизы предусматривает также оценку вероятности рецидива совершения преступления. В случаях группового преступления исследованию подлежат факторы, повлиявшие на формирование группы, идентификацию ее членов, а также внутригрупповая динамика. Однако следует отметить, что специфика преступлений террористической направленности требует разработки специфической методики экспертного исследования, как личности террориста, так и террористической группы, которые должны базироваться на фундаментальных и прикладных исследованиях психологических проблем терроризма, с учетом предмета судебной экспертизы.

Для этого следует обозначить решения ряда проблем. Первая связана с необходимостью учета данных о личности террориста, полученных при проведении научных исследований, и имеющих значение для СПЭ, притом, что отмечается недостаток такого рода исследований. Большое значение приобретает изучение личностных особенностей, таких как система отношений подэкспертного, направленность личности, ее интересы, склонности, убеждения, идеалы, мировоззрение. Вторая проблема связана со специфическими изменения мышления и личности в условиях радикальной группы. Третья обусловлена недостаточной разработанностью судебной психологической экспертизы переменных и постоянных ролей в криминальной группе.

Нами был разработан методический подход к экспертному исследованию террористической группы, который успешно реализован при расследовании ряда уголовных дел о терроризме. В настоящее время проводятся исследования, которые позволят в дальнейшем разработать экспертную методику.

Опыт развития психологической экспертизы в рамках судебно-экспертной службы МЮ ПМР

Шитов Ю.В., Бондаренко Н.В.

Управление судебных экспертиз Министерства юстиции ПМР
(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)

На процесс формирования и развития экспертологической службы в Приднестровской Молдавской республике большую роль оказали политические процессы и социально-экономические условия, сложившиеся в этом регионе в начале 1990-х гг.. В советское время на этой территории не существовало специализированных экспертных учреждений, а функционировали лишь отдельные экспертные подразделения в райотделах МВД МССР, в которых выполнялся ограниченный круг традиционных криминалистических экспертиз

Летом 1992 г. была образована Приднестровская Молдавская республика, не входящая в состав МССР, были созданы органы власти и соответствующие министерства, однако еще долго – до начала 2000-х годов, законодательная база оставалась прежняя – законы и кодексы МССР. К тому же экспертные подразделения ближайших соседей – Украины и Молдавии перестали принимать к производству постановления и определения о назначении экспертиз от структур непризнанной ПМР. Эти обстоятельства требовали создания своих экспертных подразделений и подготовку экспертов. Так, 5 мая 1993 г. Распоряжением Президента ПМР (№81-РП от 05.05.1993 г.) было создано Бюро судебных экспертиз (БСЭ), как отдельное подразделение Министерства юстиции ПМР. В его составе было 3 эксперта, которые выполняли криминалистические и строительно-технические экспертизы.

В развитии судебно-психологической экспертизы (далее СПЭ) в нашем регионе можно выделить 3 этапа: 1) до 2008 г.; 2) 2008-2012 гг.; 3) 2013-2018 гг.. До 2008 г. СПЭ в нашем регионе проводились редко, эпизодически, специалистами психологами, работающими на кафедрах психологии и педагогики вузов города Тирасполя. Выбор эксперта определялся информированностью и личными контактами лица, назначающего СПЭ, при этом не всегда были соблюдены все требования и нормы, предусмотренные процессуальным законодательством. В этот период СПЭ проводились лишь по уголовным делам, преимущественно с целью квалификации аффекта, или иного юридически значимого эмоционального состояния, у обвиняемого. Также психологи привлекались для участия в комплексных психолого-психиатрических экспертизах обвиняемых и потерпевших, обнаруживающих признаки психической патологии, чаще всего по инициативе экспертов-психиатров. К этому времени ни суды, ни психологи не имели опыта назначения и проведения СПЭ в гражданском судопроизводстве. **Второй этап** (2008-2012 гг.). В 2008 г. в БСЭ была проведена впервые СПЭ по гражданскому делу по иску по определению места жительства ребенка. В этом же году впервые психолог прошел аттестацию в МЮ ПМР и получил право самостоятельного проведения СПЭ, в штатном составе БСЭ появился эксперт-психолог, при этом суды ПМР были широко информированы о возможности назначения СПЭ в государственном экспертном учреждении. Статистический анализ показывает, что в этот период происходит стабильный рост, как поступления так и выполнения СПЭ, также выработана форма экспертного заключения, определен круг диагностических методик, используемых при экспертном исследовании. **Третий этап** (2013-2018 гг.). К 2018 году в штатном составе УСЭ работают 2 эксперта-психолога (занимают 1,5 ставки). Выполняется 35-40 экспертных исследований в год, как по уголовным, так и по гражданским делам. Разработаны и внедрены «Инструкция по организации производства СПЭ в Управлении судебных экспертиз МЮ ПМР» и «Методические рекомендации по проведению исследования и составлению заключения судебно-психологических экспертиз» (с грифом «для служебного пользования»). Отмечается увеличение выполнения комплексных психолого-психиатрических экспертиз. Сотрудничество психолога с экспертами-психиатрами оказалось продуктивным

благодаря его достаточной компетенции как в области возрастной и детской психологии, так и в области клинической психологии и патопсихологии в частности. Это позволяет выполнять разные предметные виды экспертных исследований на высоком уровне.

К вопросу выделения лингвopsихологических признаков фантазирования

Штеба А.А.

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», НП «Южный экспертный центр» (г. Волгоград, Россия)

С лингвистической точки зрения фантазирование соотносится с понятием вымысла на основе общего смыслового компонента *'неправдоподобие'*. Под вымыслом следует понимать речемыслительную деятельность, основанную на намеренном искажении истины (правды), в первую очередь, с целью ввести в заблуждение, дезинформировать адресата. Вымысел (фантазирование) интенционален и, как следствие, планируется на когнитивном (ментальном) и реализуется на дискурсивном (речь) уровнях. Но элементы фантазийной действительности сравнительно менее рационализированы, что сопровождается импровизированием говорящего, нарушением им логико-смысловых норм построения повествования, приводящих к разорванности нарратива, отсутствию в нем связности и последовательности. Следует отметить, что, бесспорно, речь идет не столько о синтаксической, сколько о предметно-референциальной связности продуцируемого текста.

Фантазия не лишена элементов логического, когда основным принципом фантазийного текста становится принцип универсальной связи всех вещей и явлений, соответствующий формуле $A=B$. Поэтому к признакам фантазийности можно относить нетождественность, противоречивость (пространственная, временная (время может ускоряться и замедляться), объектная, субъектная, допустимость исключенного третьего, отсутствие достаточных оснований, бесследное творение и создание из ничего.

Выявление наличия/отсутствия признаков фантазирования (вымысла) целесообразно проводить на текстовом и композиционном уровнях в следующих аспектах: синтез чувственного и рационального; отсутствие или недостаточная представленность эмоциональной либо рациональной информации о событии; избыток рациональной информации (вымысел вторичен, поэтому при описании фантазийной, вымышленной ситуации субъект «отсекает» избыточную, т.е., как правило, эмоциональную информацию, концентрирует внимание только на сущностных характеристиках объекта, ситуации); алгоритмизированность речемыслительных действий; несоответствие между характерными признаками реального объекта и признаками аналогичного объекта, описываемого говорящим; относительная тождественность признаков (подвижность набора признаков объекта);

отсутствие категоричности при описании событий (как правило, выражается в вероятностной форме повествования); отсутствие предельности в концептуализации объекта или нечеткость концептуальных границ; использование приемов индуктивного мышления; метод аналогии, если подобная ситуация уже решалась в прошлом, говорящий описывает ее характерные признаки, а не признаки исследуемой ситуации; отсутствие логических переходов (аддитивность моделируемого объекта), когда имеется представление о ключевых элементах объекта, т.е. в сознании говорящего наличествует четкий алгоритм действий, а связь между ними не учтена; нечеткая референция как соотнесенность речевого высказывания с объектом (ситуацией) объективной реальности (центральная процедура доказательства истинности субъекта состоит в отнесенности имени или его эквивалента к свойствам, характеристикам объекта действительности).

Таким образом, к лингвистическим признакам фантазийной или имагинативной действительности можно отнести неопределенность хронологических и топографических формул, обобщенность, апеллирование к опыту, отсутствие планирования, фикциональность описываемой ситуации, маркеры частичного правдоподобия.

Влияние табачной аддикции на межличностные отношения курильщика

Щукина Е.С.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Межличностные отношения – это субъективно переживаемая в разной степени осознаваемая, многообразная и относительно устойчивая система избирательных и эмоционально переживаемых связей между членами контактной группы, через которых отражается сущность самой личности (Андреева Г.М., 2007). Дисгармоничные межличностные отношения могут привести к деструктивным их формам, что может стать одним из факторов аддиктивного поведения (Фурманов И.А., 2011).

Любопытным представляется рассмотрение такой аддикции как табакокурение по той причине, что при ней психические нарушения и изменения личности не ярко выражены, а тяжкие последствия развиваются постепенно и незаметно для самого курильщика. Развитие табачной зависимости связано с характером курения, особенностями организма и характера курильщика. Часто эти люди могут испытывать значительные трудности в регуляции психоэмоционального тонуса и установлении коммуникаций (Гоголева А.В., 2003; Змановская Е.В., 2004).

В нашем исследовании особенностей межличностных отношений у лиц с аддиктивным поведением приняли участие 44 жителя г. Москвы в возрасте от 20 до 50 лет. С помощью анкетирования было выявлено, что причиной начала курения

чаще всего становится курение с друзьями «за компанию», реже – из-за личных причин, например, стресс, переживания. Также выявлено, что причинами продолжения курения чаще всего является желание расслабиться, отвлечься, успокоиться, отдохнуть.

Нельзя дать однозначную оценку особенностям межличностных отношений у лиц с аддиктивным поведением. Так, например, будучи одиноким или недостаточно социализированным, с помощью аддикции человек может найти свой круг общения, однако его образуют люди с такой же зависимостью, что лишь укрепляет желание поддерживать свое пристрастие. Так же и человек, ранее общительный, может отдалиться от старых связей или разрушить их (Добрович А.Б., 2003).

По результатам анкетирования в нашем исследовании в группе с табачной аддикцией можно заключить, что большая часть лиц с данной зависимостью по субъективному ощущению испытывают повышение уровня общительности, спокойствия, уверенности в себе, коммуникабельности в связи с курением. Остальная часть той же группы не отмечает никаких изменений, и только в единичных случаях респонденты связывают с курением понижение уровня общительности и повышение уровня раздражительности, агрессивности, замкнутости.

Как следствие, можно заключить, что табачная аддикция на уровне субъективных ощущений может иметь позитивное влияние на индивида. Однако это делает данную зависимость еще более опасной для общества, т.к. человек может посредством курения переживать улучшение в своих межличностных связях, но вредное влияние данной аддикции никуда не пропадает. Человек перестает контролировать собственное поведение, и, попадая в зависимость, которая еще и, по его субъективному мнению, оказала на него положительный эффект, перестает видеть альтернативы тому, как иначе можно справляться со своими коммуникативными проблемами.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. 363 с.
2. Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика. 2-е изд., стер. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 240 с. (Серия «Библиотека психолога».)
3. Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М.: Академический проект, 2003. 311 с.
4. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд. испр. М.: Академия, 2004. 288 с.
5. Фурманов И.А. Профилактика нарушений поведения в учреждениях образования: учеб.-метод. пособие / И.А. Фурманов, А.Н. Сизанов, В.А. Хриптович. Минск: РИВШ, 2011. 250 с.

Манипуляция как один из видов психологического воздействия на несовершеннолетнего

Юшина Н.Н.

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр»

(г. Москва, Россия)

В рамках проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы на предмет содержания признаков побуждения к действиям сексуального характера перед экспертом-психологом может стоять вопрос о наличии признаков психологического воздействия на несовершеннолетнего. Решение данного вопроса позволяет детально описать, с помощью каких тактик и приемов действия в отношении несовершеннолетнего реализуются. В рамках производства указанного вида экспертизы объектом исследования выступает визуальная и/или вербальная информация, зафиксированная в видео-, аудиозаписи, переписке в социальной сети, изображении, тексте печатного издания.

Один из видов психологического воздействия – манипуляция. В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова и В.Н. Погольша (Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М., 2001) выделяют три основных показателя манипуляции: скрытность намерений, стремление получить односторонний «выигрыш» и разрушающий личность эффект воздействия. Однако наличие третьего показателя манипуляции установить в рамках психолого-лингвистической экспертизы не представляется возможным. Оценка последствий оказанного воздействия на несовершеннолетнего возможно установить только при проведении очной экспертизы.

Стоит отметить, что для установления в исследуемых материалах (видеоролике, переписке в социальной сети) признаков психологического воздействия, эксперт-психолог устанавливает первые два показателя.

Так, например, скрытность намерений может быть выражена в представлении цели реализуемых действий как учебной, воспитательной, лечебной, научной и т.д. Для этого взрослым может использоваться социальный статус (например, учитель, родитель). Формирование доверительных отношений может базироваться на представлении несовершеннолетнего о том, что совершаемые в отношении него действия являются обоснованными, соответствующими социальному статусу, предписываемому взрослому. При этом сам социальный статус не является определяющим, но он оказывает влияние на создание доброжелательной, положительной атмосферы, выстраивание доверительных отношений.

Второй показатель – стремление получить односторонний «выигрыш». Указанный показатель стоит рассматривать в совокупности со стремлением продемонстрировать ребенку его «выигрыш» от взаимодействия. Например, получение финансового вознаграждения, возможность принять участие в модельной съемке, улучшить оценки по учебному предмету. Тем самым представить взаимодействие как желательную для ребенка деятельность, как действия, которые приятны и соответствуют его желаниям. При этом истинный «выигрыш» взрослого

заключается в стремлении получить сексуальное возбуждение и удовлетворение своих половых потребностей.

Таким образом, оценка психологического воздействия на несовершеннолетнего позволяет более детально квалифицировать совершаемые в отношении ребенка действия.

Литература

1. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

Индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы

Алексеева П.С., Егоров С.Н.

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный Университет им. М.К. Аммосова»
(г. Якутск, Россия)

Как отмечают многие авторы, правонарушения, влекущие за собой уголовную ответственность увеличивается в пубертатный период, а после 18 лет снижается (Змановская Е.В., Рыбников В.Ю., 2010). Судебные решения большинства стран учитывают, что личность несовершеннолетнего еще находится в динамичном процессе формирования и чаще им определяют отбывание наказания в условиях, не связанных с лишением свободы и проведением специальных форм работы с подростками-правонарушителями (Дозорцева Е.Г., Федонкина А.А., 2013).

В отчете Министерства МВД РС(Я) за 2017 год отмечается рост на 5,7% преступлений, совершенных несовершеннолетними (Аналитическая справка МВД РС(Я), 2017). По сравнению с 2016 годом, наблюдается тенденция к снижению в совершении вымогательств и краж чужого имущества, но эти деяния занимают большую долю среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

В данной статье мы приводим результаты сравнительного анализа с помощью 14-факторного личностного опросника Р.Б. Кетелла для подростков личностного профиля подростков, осужденных за кражи и их сверстников, с нормативным поведением.

На высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0, 01$) наблюдаются различия по факторам G (степень принятия моральных норм), O (самоуверенность-склонность к чувству вины), Q3 (степень самоконтроля), J (неврастения, фактор Гамлета), E (подчиненность-доминирование).

В отличие, от ровесников с нормативным поведением, которых характеризует преобладание сниженного настроения, тревожности, осужденные подростки демонстрируют спокойное настроения, невозмутимость, безмятежность, доверчивость, уверенность в себе и своих близких, притупленное восприятие чувства опасности.

Низкие значения по фактору Q3 свидетельствуют о том, что подростки, отбывающие наказание, не связанное с лишением свободы, в своем поведении не обращают внимание на социальные требования, характеризуются низким волевым контролем. Характерна низкая интегрированность в общество. Не слишком чувствительны, но импульсивны в своем поведении и, следовательно, совершают необдуманные поступки, ошибки. Данная группа подростков часто чувствуют себя неприспособленным к жизни.

Показатель E у делинквентных подростков является более низким, чем у подростков с нормативным поведением, что свидетельствует об уступчивости и навязчивости в поведении. Подростки же с нормативным поведением по отношению к другим могут выступать как руководители и имеют высокую степень сопротивляемости от групповых норм или установок, то есть склонны к сохранению собственных убеждений. Это может быть связано с тем, что подростковое воровство, часто является результатом навязывания или внушения со стороны ближайшей микрогруппы.

Мы остановились только на факторах с высоким уровнем достоверности различий в двух группах. Подростков, отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы характеризует повышенная потребность во внимании, эгоцентризм, энергичность, ориентировка на нормы и оценки ближайшей группы. И если, в рамках профилактической работы удастся создать целостность группы, то можно во многом увеличить эффективность профилактической работы с подростками.

Литература

1. Дозорцева Е.Г., Федонкина А.А. Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62522.shtml (дата обращения: 14.09.2018).
2. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2010. С. 99–108.
3. Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел по Республике Саха (Якутия) за январь-декабрь 2017 года. URL: https://14.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Otchjoti_dolznhnostnih_lic/item/12652083.

Взаимосвязь отчуждения и антивитального поведения у подростков с асоциальным поведением

Алексеева П.С.

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный Университет им. М.К. Аммосова»,
Семенова Д.М.

Специальная коррекционная основная общеобразовательная школа № 22 VII вида
(г. Якутск, Россия)

Развитие общества в целом, порождает также массу социальных девиаций, среди которых лидируют антивитальные действия, наносящие вред как физическому, так и психическому здоровью личности. Асоциальное поведение характеризуется субъективно-деструктивной активностью человека, которая направлена на удовлетворение потребностей социально-неприемлемым путем их достижения. По

данным МВД РС(Я) с января по декабрь 2017 года наблюдается тенденция к увеличению преступлений, совершенных несовершеннолетними по статьям «Грабеж» и «Угон транспортных средств» (Аналитическая справка МВД РС(Я), 2017).

Как отмечают большинство исследователей (В.А. Абраменкова (1989), А.Е. Горбушин (1993), Леонтьев Д.А. (2007), Е.Н. Осин (2007) и др.) нет единства в трактовке понятия «отчуждение», но объединены общей проблемой, которая может быть обозначена как проблема сущности человека, нереализованных возможностей его развития(бытия).

В исследовании приняли участие две группы подростков (70). В первую группу вошли подростки с асоциальным поведением, которые состоят на учете, вторую группу составили социально-нормативным поведением. Нами было сформулировано предположение о том, что подростки с асоциальным поведением будут отличаться от сверстников с социально-нормативным поведением по уровню социальной отчужденности и выраженности антивиталяного поведения.

У подростков с асоциальным поведением выявлена обратная корреляционная связь между отчуждением от семьи и шкалами одиночества ($r=-0,342$, $p<0,05$) и импульсивности ($r=-0,354$, $p<0,05$), между отчуждением от отношений и беспомощностью ($r=-0,342$, $p<0,05$).

Результаты полученные в выборке подростков с социально-нормативным поведением показывают связь между отчуждением от общества и тревожностью ($r=-0,444$, $p<0,01$), конфликтом в семье ($r=-0,341$, $p<0,05$), антивиталяными мыслями и действиями ($r=0,045$, $p<0,05$), импульсивным поведением ($r=-0,350$, $r<0,05$), непосредственностью эмоций ($r=-0,438$, $p<0,05$), дисморфобией ($r=-0,341$, $p<0,05$) и гелотофобией ($r=-0,455$, $r<0,01$) и негативным образом будущего ($r=-0,438$, $p<0,01$).

Также, достоверно значимая корреляционная связь обнаружена между показателями отчуждения от себя и конфликтом со сверстниками ($r=0,352$, $r<0,05$) и микросоциальными конфликтами в целом ($r=0,361$, $p<0,05$).

Полученные данные позволяют констатировать следующее:

1. социальное отчуждение у подростков с асоциальным поведением выше, чем у подростков с социально-нормативным поведением.
2. импульсивность и низкая саморегуляция являются одним из характерных черт асоциальной личности.
3. у подростков с асоциальным поведением обнаружен высокий уровень склонности к антивиталяным тенденциям;
4. уровень жизнестойкости у асоциальных подростков ниже, чем у подростков с социально-нормативным поведением.
5. высокий уровень социальной отчужденности у подростков с асоциальным поведением коррелирует с высокой выраженностью антивиталяности.

Эти статистические выводы могут свидетельствовать о том, что высокий уровень отчужденности является причиной дезадаптации личности.

Подростки с высоким отчуждением от семьи не доверяют взрослым, и в силу каких-либо обстоятельств не придут к ним за помощью, а предпочтут решить проблему в одиночку. Склонность действовать в одиночку наряду с переживанием одиночества может служить предиктором антивитаальных действий.

Существует связь между уровнями социальной отчужденности и антивитаальностью. У подростков с асоциальным поведением ресурсы жизнестойкости, сдерживающие антивитаальные тенденции находятся на низком уровне, по сравнению с подростками с социально-нормативным поведением.

Литература

1. Абраменкова В.В. Проблема отчуждения в психологии // Вопросы психологии. 1989. №6.
2. Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел по Республике Саха (Якутия) за январь-декабрь 2017 года. URL: https://14.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Otchjoti_dolzhnostnih_lic/item/12652083.
3. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Отчуждение // Культурология. 2007. №4.
4. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 68–77.

К вопросу о разработке российских антибуллинговых программ

Андреева А.А., Бусарова О.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема буллинга среди подростков в школьной среде – одна из самых актуальных в детской практической психологии. У подростка, находящегося в ситуации буллинга, искажается формирование личности, происходит усвоение им негативных паттернов поведения, ведь «агрессор», «жертва», «наблюдатель» – не просто роли в буллинге, но и подчас роли, которые люди используют всю свою дальнейшую жизнь.

Исполняя любую роль в процессе буллинга, даже роль наблюдателя, подросток буквально «калечит» свою жизнь. Ведь буллинг имеет серьезные последствия психологического и даже физического характера: дезадаптация, тревожность, ПТСР, а также параноидальные реакции и развитие суицидальных тенденций (Бердышев И.С., Нечаева М.Г., 2005).

В нашем исследовании мы выявили психологические особенности буллинга и определили психологические особенности участников этого процесса, а также проанализировали существующие программы по психологической работе с буллингом и определили, насколько данные программы учитывают специфику данного явления.

Для более точного анализа современных антибуллинговых программ, применяющихся в России, мы использовали программу Д. Ольвеуса (Olweus D., 2014), получившую мировое признание. Определив основные направления и инструментарий данной программы, мы привлекли эти данные для анализа двух современных российских антибуллинговых программ для подростков (Истомина С.В., Быкова Е.А., 2016; Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Черкасова С.А., 2014), показавшихся нам наиболее интересными.

Проведённый анализ позволил выделить плюсы и минусы обеих программ, провести их сравнение и сделать следующие выводы:

1. Программы, разработанные для конкретного региона – объективно лучше, нежели те, что пытаются охватить несколько.

2. При коррекции и профилактике необходимо работать не только с буллерами и жертвами, но и с наблюдателями.

3. Важно приобщать к решению проблемы не только педагогический состав и родителей, но и иной персонал школы: работники сферы питания, медицинские работники и т.д.

4. Современные школьные программы коррекции и профилактики буллинг-поведения среди подростков хотя и имеют некоторые недочеты, на данный момент достаточно быстро развиваются в лучшую сторону. Растёт качество разработки теоретической и диагностической составляющих, есть движение вперёд и в практическом блоке.

На основании проведённого анализа и сделанных выводов мы пришли к заключению, что отечественные антибуллинговые программы интенсивно развиваются. Но нельзя останавливаться на достигнутом: ведь данная проблема достаточно обширна и нуждается в дальнейших исследованиях.

Литература

1. Бердышев И.С., Нечаева М.Г. Медико-психологические последствия жестокого обращения в детской среде. Вопросы диагностики и профилактики: Практическое пособие для врачей и социальных работников / Санкт-Петербургское государственное учреждение социальной помощи семьям и детям «Региональный центр «Семья». [Электронный ресурс]. URL: <http://old.homekid.ru/bullying/contens.html> (дата обращения: 27.09.2018).
2. Истомина С.В., Быкова Е.А. Буллинг в школе: выявление, устранение и профилактика: Методические рекомендации для педагогов образовательных организаций / ФГБОУ ВО «Шадринский Государственный Педагогический Институт» [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/mod_files/additions_1/fle_file_additions_1_4788.pdf (дата обращения: 27.09.2018).
3. Шалагинова К.С., Куликова Т.И., Черкасова С.А. Теоретико-методические основы деятельности педагога-психолога по предотвращению буллинга в

школах Тульского региона: гендерно – возрастной аспект. Издательство «ГРИФ и К», 2014. 237 с.

4. Olweus D. The Olweus Bullying Prevention Program (OBPP) [Электронный ресурс] / Olweus D. Режим доступа: <http://www.episcenter.psu.edu/sites/default/files/ebp/OBPP%20Implementation%20Manual%20Aug2013edit%20-%20tl-rls.pdf> (дата обращения: 27.09.2018).

Концепция самостоятельности в организации работы интернатов с низким социальным порогом для подростков и молодых людей с миграционными корнями

Аруин С.Е.

Akzeptanz, Vertrauen, Perspektive – AVP e.V. (г. Дюссельдорф, Германия)

Название нашей организации переводится как «Доверие, Принятие, Перспектива». AVP – одна из крупнейших некоммерческих организаций Земли Северный Рейн-Вестфалия, основанная в 2002 для содействия воспитанию, образованию и интеграции детей, подростков и молодёжи из числа мигрантов. Основными направлениями работы организации являются программы помощи семьям, испытывающим трудности осуществлении родительских функций, такие как амбулаторная семейная консультация, социально-педагогические услуги, информационные мероприятия для взрослых (компетентность в вопросах воспитания и др.), мероприятия по арт-терапии и отдыху для детей и молодых людей. Наша работу по интеграции молодёжи направлена на повышение межкультурной компетентности, предотвращение жестокости, профессиональную ориентацию, медиа-образование, развитие гражданской активности и др. Мы работаем в тесном взаимодействии с муниципальными и коммунальными учреждениями и гражданскими инициативами по работе с молодым поколением.

Основными концептуальными принципами нашей работы являются ориентация на потребности подростков и молодежи, уважение человеческого достоинства, соблюдение прав, а главное, создание условий для развития самостоятельности отдельной личности и групп. Мы интенсивно развиваем сильные стороны и возможности наших клиентов и улучшаем каждый из аспектов их жизни. Мы работаем согласно признанным профессиональным стандартам. Качество наших услуг измеряется их влиянием и пользой для наших подопечных, а также регулярно проверяется на предмет соответствия социальному и индивидуальному запросу. В нашей организации мы создаём атмосферу для доверительного коллегиального сотрудничества, при котором руководители организации сами принимают непосредственное участие в рабочем процессе. Большинство наших сотрудников – молодые люди, которые привносят в рабочий процесс энтузиазм, креативность, ответственное отношение и конструктивную критику. Мы поощряем и поддерживаем их инициативность и мотивированность, а также вовлекаем их в самостоятельное

решение проблем и достижение поставленных целей в их направлениях работы. Описание задачи вкупе с делегированием компетентности и ответственности повышают самостоятельность и обязательность сотрудников. Имея условием способность к развитию и автономность, мы хотим помогать семьям с детьми, подросткам и молодым людям улучшать собственные возможности к самостоятельному удовлетворению своих жизненных требований в обществе. Поэтому физическое и умственное благосостояние детей и молодёжи – центральный аспект нашей работы

В последнее время в фокусе внимания молодежных организаций оказались тысячи несовершеннолетних беженцев (в основном это юноши 14-18 лет), которые распределяются по федеральным землям и коммунам Германии в соответствии с законом «Königssteiner Schlüssel». Как правило, юные беженцы попадают в семьи или помещаются в интернатные учреждения (социальные квартиры), где им создаются хорошие условия для дальнейшего развития и адаптации. AVP также получила запрос на предоставление такой услуги, как стационарное сопровождение молодых беженцев и мигрантов из различных этно-культурных групп, признанных нуждающимися в опеке и дальнейшей интеграции в европейское общество. В настоящее время мы обеспечиваем работу двух низкопороговых интернатов в Дуйсбурге и Берлине. Программы работы в этих интернатах направлены, в первую очередь, на развитие большей самостоятельности у молодых людей посредством их участия в программах адаптации и обучения, а также благодаря их вовлечению в решение ежедневных насущных бытовых и социальных задач. Они имеют возможность сами определять план и распорядок дня, несут ответственность за поддержание чистоты и порядка в квартире, осваивают навыки самообслуживания. Дальнейшему получению большей самостоятельности способствует консультирование по вопросам обучения и занятости, поддержка их участия в учебных или профессиональных мероприятиях с учетом их интересов и предпочтений.

Интернаты предлагают молодым людям укрытие, в котором они могут успокоиться, освободиться от переживаний, проработать работу над своими страхами и болью от потерь. Психологическая и социально-педагогическая помощь способствует стабилизации личности, повышению рефлексивного потенциала, поддерживает, развивает их жизненные и профессиональные цели, что в целом позволяет предупредить такие негативные и характерные для подростков и молодежи из числа мигрантов негативные явления, как дезадаптация, правонарушения, намеренное нанесение ущерба себе и другим, наркотическая зависимость и др.

Профилактика как направление деятельности психологов

Богданович Н.В., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время система образования (в том числе конкретные образовательные учреждения) и социальная практика в широком смысле ставят перед специалистом целый ряд задач, предполагающих, что психолог способен и готов работать с разными категориями клиентов, включая так называемых «трудных» клиентов – несовершеннолетних и семей, находящихся в трудной жизненной или юридически значимой ситуации, детей и подростков с девиантным поведением, а также умеет разрабатывать концептуальные (ориентированные на конкретное образовательное учреждение) программы профилактики отклоняющегося поведения и адресные (ориентированные на конкретную клиентскую группу) профилактические программы.

Для выполнения данной задачи необходимо понять особенности профилактической деятельности. На современном этапе преобладают формальные определения психопрофилактики как совокупности мероприятий, позволяющих сохранить психическое или психологическое здоровье. В области юридической психологии, когда речь идет о предупреждении девиантного или виктимного поведения, важно дать более содержательное определение. Поэтому было разработано и предложено более адекватное контексту определение профилактики как «направление деятельности психолога, целью которого является создание ресурсных условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам» (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2017).

В реализации профилактической работы перед психологом стоят несколько проблем. Во-первых, это парадоксальная ситуация: клиент не имеет запроса, он еще не имеет проблемы и, возможно, такой проблемы у него никогда не будет. А психологу нужно уже работать с ним. Во-вторых, профилактика должна охватывать всю совокупность клиентов. Конечно, предполагается выделить группу риска - тех, у кого прогноз более неблагоприятный, чем у других. Однако нет никаких гарантий, что проблемы не появятся у клиентов с благоприятным прогнозом. В-третьих, очень часто профилактика сводится к просвещению, что иногда только усугубляет проблему.

Чтобы преодолеть эти сложности необходимо учитывать несколько важных аспектов профилактики. Во-первых, нужно очень четко понимать предмет профилактики. Нельзя бороться с тенью или против всего. Предупреждать нужно определенные феномены: зависимость, насилие и т.д. В психологии уже есть определенные подходы к этим феноменам и можно найти подходящую

теоретическую модель, чтобы понять основные индикаторы появления данного явления.

Во-вторых, важно выделить субъектов профилактики. Обычно это определенного рода специалисты – психологи, педагоги, медики. Однако важно, что клиент и его окружение тоже могут (и должны!) принимать сознательное участие в профилактике.

В-третьих, психолог может разработать программу мониторинга, в соответствии с теми индикаторами, о которых говорилось в первом пункте. И свою часть в сбор информации могут внести различные субъекты профилактики.

При выявлении индикаторов риска необходимо реагировать через применение различных программ коррекции, а также проводить развивающие программы, которые позволяют развить ресурсы для преодоления трудных ситуаций.

Особую роль необходимо определить просвещению. Но не как единственному методу воздействия, а как виду деятельности, отвечающему за развитие психологической компетенции. То есть клиенты и их окружение обучаются осознавать риски и им противостоять, в том числе обращаясь за помощью к специалистам.

Важной особенностью профилактики является то, что психолог должен грамотно осуществлять диспетчерскую деятельность, когда клиент не просто отправлен к другому специалисту, а осуществляется сотрудничество между профессионалами в рамках помощи клиенту.

Актуальной проблемой профилактики является оценка эффективности. С одной стороны, возникновение проблем – это показатель неэффективности профилактики, с другой – нет никаких гарантий того, что различные факторы приведут к прогнозируемым проблемам, а, следовательно, нужна ли профилактика?

Сложные ситуации возникают постоянно. И если клиент с ними справляется - значит, профилактика прошла успешно. Но это лишь один из возможных ответов. Снижение процента зависимых, пострадавших от насилия и т.д. - это уже показатель того, что психологи нужны и полезны.

Литература

1. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Специфика основных направлений деятельности психологов в системе профилактики правонарушений и защиты интересов детей [Электронный ресурс] // Итоги и перспективы реализации важнейших положений национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы: Сборник материалов конференции / Под ред. З.Ф. Драгункиной, В.В. Рубцова, Г.В. Семьи, А.С. Дубовик, А.А. Шведовской. М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. С. 84—85. URL: http://psyjournals.ru/files/79192/sbornik_itogi_realizatsii_natsionalnoy_strategii.pdf (Дата обращения: 13.10.2018).

Факторы развития склонности к побегам из дома детей и подростков

Буслаева Е.Л.

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
(г. Москва, Россия)

Побег детей и подростков из дома является протестной формой поведения, сущностью которой является эмоциональное неблагополучие ребенка. Классификация побегов детей и подростков из дома, разработанная американским психиатром Г. Штутте (H. Stutte, 1960), включает побег детей, являющиеся следствием недостаточного надзора и контроля с целью развлечения и удовольствия, побег в виде ответного протестного действия на чрезмерные требования родителей, побег для избегания наказания, побег вследствие мечтательности и романтики и другие. Причины первых побегов детей из дома чаще всего вызваны страхом наказания и протестными реакциями (Абдурахманов Р.А., 2007).

Мотивированные побег подростков вытекают из самой сложившейся для подростка ситуации. Они могут быть ответной реакцией на незаслуженное, с точки зрения ребенка, наказание, на деспотизм и авторитарность родителей, могут быть вызваны асоциальным поведением родителей, особенно страдающих алкоголизмом или наркоманией (Власова Н.В., 2004). Мотивированные побег детей и подростков в таких ситуациях можно рассматривать как следствие того, что подросток не знаком с другими способами решения сложившейся проблемы и побег из дома является для него чуть не единственным выходом из ситуации. В связи этим взрослым необходимо научить ребенка применять другие стратегии поведения в проблемных ситуациях.

Немотивированные побег детей и подростков могут не иметь связи с ситуацией, в которой подросток пребывал перед побегом. Немотивированные побег являются патологией, возникающей на фоне каких-либо психических расстройств. Они происходят не только в социально неблагополучных семьях, но и в эмоционально неблагополучных семьях. Это семьи, которые могут не испытывать материальных проблем, ведущие социально приемлемый образ жизни, но в которых нет доверия, тепла, взаимопонимания, искренности, сопереживания и поддержки. В таких семьях подростки испытывают эмоциональное одиночество, им кажется, что они никому не нужны и их никто не понимает. Побег из дома становится поиском той среды, в которой его поймут и поддержат (Буслаева Е.Л., 2014).

В нашем исследовании была предпринята попытка изучения личностных качеств и характеристик подростков и особенностей микросоциальной среды, как факторов развития склонности к побегам из дома детей и подростков.

Среди наиболее часто встречающихся характеристик оказались такие личностные свойства и качества, как завышенная самооценка, обидчивость, обостренное отношение к социальной несправедливости, высокий уровень конфликтности, агрессивность, враждебность. В то же время были выявлены индивидуальные особенности проявления и взаимодействия личностных характеристик и негативных социальных условий.

К факторам социальной среды, влияющим на развитие склонности к побегам из дома детей и подростков, можно отнести неблагополучие семейных отношений, вследствие которых создается неблагоприятный социально-психологический климат в семье; непринятие подростка сверстниками.

Данная проблема не может быть решена в рамках одного подхода. Необходимо изучение всего комплекса взаимосвязанных и взаимозависимых факторов, которые оказывают влияние на возникновение данной девиации. В решении проблемы побегов детей и подростков необходимо комплексное участие различных специалистов в области психологии, педагогики, юриспруденции и других направлений.

Литература

1. Абдурахманов Р.А. Социальная психология // Модуль 3. Психология общения. М.: РосНОУ, 2007. 96 с.
2. Буслаева Е.Л. Социально-психологические аспекты проблемы побегов детей из семьи // Материалы Международной научно-практической конференции «Психология трудного детства», посвященной 15-летию научной школы доктора психологических наук, профессора, академика АПСН и РАЕ, заслуженного деятеля науки и образования, заслуженного работника высшей школы РФ Р.В. Овчаровой (Курган, 18 марта 2014 г.). Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2014. 225-228 с.
3. Власова Н.В. Психологическая феноменология современных подростков группы риска наркотизации: Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2004. 71 с.

Особенности смысловой сферы подростков, воспитывающихся в детских домах

Вакуленко А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Актуальность нашей работы обоснована отсутствием научных исследований после реформирования структуры детских домов, затрагивающих особенности смысловой сферы подростков, которые там воспитываются. Результаты исследования могут быть использованы для разработки развивающих и коррекционно-развивающих программ, в консультативной практике работы с подростками, воспитывающимися в детских домах и интернатах.

Первого сентября 2015 года правительство Российской Федерации приняло постановление № 481, которое говорит о репрофилировании детских домов. Мы считаем важным изучить особенности смысловой сферы подростков, которые воспитываются в таких учреждениях после их реорганизации. Ведь выстроенная

система личностных смыслов и мотивов является внутренним регулятором поведения человека. «Проблема смысла, – писал Леонтьев А.Н., – это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике, так же, как понятие личности венчает всю систему психологии».

Данное понятие трактуется в разных гуманитарных науках, так как играет важную роль для каждой из них. Мы понимаем смысл как индивидуально-психологическое образование сознания, что формирует отношение к любым другим сферам жизни человека. Смысловая же сфера личности – это набор смыслов, организованных в единую систему и выполняет регулирующую функцию других фактов психической жизни человека. В период подросткового возраста впервые появляется такая цель перед личностью как личностное означивание мира, то есть очень происходит активное выстраивание смыслов в свою индивидуальную и неповторимую систему, которая подчеркивает направленность подростка и его уникальность, так как здесь перестраивается система «Я и Общество». От того, как выстроена система в этот возрастной период, будет зависеть дальнейшее различие личности. Нам важно знать, как происходит данный процесс у подростков, воспитывающихся в условиях детского дома.

Выборку составили 17 подростков, учащиеся 7-8 классов, жители поселения Внуково. В экспериментальную группу вошли восемь воспитанников детского дома «Молодая гвардия». Данные воспитанники являются социальными сиротами, так как их родителей или одного из них лишили прав. В контрольную вошло девять подростков, которые воспитываются в семьях, из них 4 девочки и 5 мальчиков. Подростки из полных семей, в большинстве случаев имеются братья (сестры). Возрастной диапазон испытуемых 14-15 лет. Методы исследования: Эмпирические методы (анкетирование, тестирование.). Методы математической статистики (описательная статистика, критерий Манна-Уитни). Методики исследования: Авторская анкета, включающая в себя вопросы, касающиеся личных сведений испытуемых и вопросы для установления контакта; «Тест смысложизненных ориентаций» (адаптированная Д.А. Леонтьевым), направленный на диагностику смысложизненных ориентаций, определяемых как переживание индивидом значимости жизни. Индивидуально-типологический детский опросник, в основе которого лежит теория ведущих тенденций Собчик Л.Н. и предназначен для оценки преобладающих свойств личности.

Основными результатами стало следующее: осмысленность жизни *подросткам из детского дома* придает «Процесс жизни». «Источник» смысла жизни лежит в настоящем, но никак не в прошлом и будущем, т.е. смысл состоит в том, чтобы жить. Они не верят в то, что могут контролировать события, которые случаются с ними в жизни. Подростки, *воспитывающиеся в семьях*, находят такой источник в будущем, у них есть четкие планы и цели на будущее. Они имеют планы, на которые опираются и имеют некую ответственность, чувствуют себя сильными и имеющими свободой выбора, они имеют цели на будущее и могут контролировать происходящее. Таким

образом, содержание смысловой сфер у подростков, воспитывающихся в детских домах качественно отлично от подростков, воспитывающихся в семьях.

Изменение представлений о «другом» посредством рисования историй в профилактических проектах образовательных учреждений

Воронкова А.А., Чиркина Р.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Представления подростка о себе и о тех, кто не такой как он, определяет характер его взаимоотношений со сверстниками. Возникновение межличностных конфликтов в подростковой среде, как правило, связано со спецификой представлений, часто стереотипичных, о «другом». Изменение и коррекция негативных представлений о других помогает снизить вероятность возникновения конфликтов подростка с представителями других социальных групп, предотвратить его участие в экстремальных молодежных группировках, способствуют лучшей его социализации (Гулевич, О.А., 2008, Хализова, Л.В., 2014). Многие специалисты и организации во всем мире используют рисованные истории в социально-профилактических проектах, адресованных детям и молодежи. Одним из таких можно назвать комикс-проект «Респект – комиксы за уважение к людям разных культур и ценностей» (Проект Респект, 2018), в котором авторы работали с подростками из разных регионов России, в т.ч. в воспитательных колониях, детских домах (Изотекст, 2016). Однако в проекте не была предусмотрена система оценки эффективности использования рисованных историй. В процессе подготовки диссертации по магистерской программе «Доказательное проектирование и оценка программ в области управления социальными рисками в сфере детства» МГППУ нами был проведен формирующий эксперимент, имеющий целью показать эффективность использования рисованных историй в работе с представлениями ребят о других, «не таких, как я». Мы намеренно планировали эксперимент, как единичное занятие в восьмых классах (на базе ГБОУ «Школа Интеграл», г. Москва при участии 42 подростков возраста 13-14 лет) с замером представлений подростков до и после его проведения, так как мы были ограничены школьным расписанием классных часов, посвященных профилактике ксенофобии.

Мы ставили перед собой две основные задачи:

1. Исследовать эмпирические представления подростков о «другом» в системе представлений о себе, окружающих близких, «таких как я», «не таких как я», системе оценок и социальных ролей.

2. Зафиксировать изменения представлений о «другом» у подростков в процессе работы с разными инструментами профилактического воздействия (рисованные истории и дидактические беседы в рамках школьного плана профилактики).

В исследовании были использованы методы теоретического анализа, формирующий эксперимент, контент-анализ, интервью, проективный метод ЦТО и методы математической статистики (описательная статистика, критерий Манна-Уитни, корреляционный анализ по критерию Спирмена, метод иерархического кластерного анализа). Участникам предлагалось заполнить анкеты, соотнеся понятия с цветом (методика цветового теста отношений Лутошина с использованием самооценочных понятий Дембо-Рубинштейна в модификации автора) и вписав 3 определения того, кто и какие «не такие как я».

Полученные результаты подтвердили нашу гипотезу об эффективности применения интерактивной методики использования рисованных историй, где в создании истории задействованы сами подростки, в отличие от чтения назидательных текстов о толерантности в рамках классного часа.

После проведения интерактивного занятия по рисованию комиксов, направленных на снижение агрессии к «другому», развитие эмпатии, рефлексии, расширение кругозора, содержание и оценка понятий «не такие как я», «другие» изменилось. Человек, которого подростки изначально относили к «не таким как я» с негативной коннотацией, перестал быть врагом, сократилась дистанция между собой и другими. Противопоставление «я» – «они» уступило место противопоставлению «я такой» – «люди, обладающие характеристиками, которых у меня нет». Эксперимент показал, что изменения представлений происходят даже после однократного применения метода рисованных историй. Поэтому для получения длительных и устойчивых результатов необходимо осознанно подходить к выбору средств профилактики и методов оценки изменений.

Литература

1. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений: учебное пособие. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2008. 432 с.
2. Изотекст. Сборник материалов конференции исследователей комиксов 2016г. Москва: Российская государственная библиотека для молодежи, 2016. 118с.
3. Проект Респект [Электронный ресурс]. URL: www.respect.com.mx (дата обращения: 10.03.2018).
4. Хализова Л.В. Агрессивность и стратегии поведения в конфликте подростков, находящихся в разных социально-психологических условиях: [Электронный ресурс] : магистерской диссертации. Москва: Московский городской психолого-педагогический университет, 2014. 19 с. URL: psychlib.ru/mgppu/studworks/HalizovaLV_2014/HAi-ma-019.htm (дата обращения: 10.05.2018).

Психологические особенности репутационно-правовых рисков потенциального саморазрушения обучающихся в киберпространстве

Гаврина Е.Е., Симакова Т.А.

ФКОУ ВО «Академия права и управления» (Академия ФСИН России)

(г. Рязань, Россия)

Инновационные процессы современного образования включают в себя киберсоциализацию в качестве устойчивого и необратимого социального явления. При этом рост численности позитивных возможностей субъектов образовательного пространства находится в прямо пропорциональной зависимости от увеличения киберрисков, проявляющихся в основных сферах жизнедеятельности пользователей интернет-среды. Несформированность навыков обеспечения своей безопасности в киберпространстве у обучающихся способствует возникновению у них репутационно-правовых потерь как в ближайшем будущем профессионального становления, так и в удаленном профессиональном будущем.

Выделяемые в настоящее время риски он-лайн среды, в основном, связаны с внешним влиянием, то есть наступают вне зависимости от человека. Чаще всего к ним относят потребительские риски (интернет-игры, шопоголизм), коммуникативные (кибер-буллинг, моббинг, троллинг, сексуальные домогательства), электронные (бизнес- и профессиональные риски, отсутствие информационной цензуры) и аккаунтные (вскрытие аккаунтов).

Внутренние риски возникают в киберпространстве вследствие деятельности самого человека. Внешние и внутренние риски для него, возникающие в киберпространстве, могут приводить к репутационно-правовым потерям, что в последующем негативно отразится на реализации данного лица в обществе. Особенно печально, когда человек сам является источником возникновения репутационно-правовых рисков для себя в киберпространстве. И это касается не только работающих граждан, но и обучающихся в вузах, которые, еще не начав своего профессионального становления, уже имеют негативную информацию о себе в интернет-пространстве.

Именно поэтому в данной работе мы выделяем особую категорию риска для человека, связанную с нанесением себе психологического вреда путем репутационно-правового саморазрушения в киберпространстве. Основными причинами этого становятся когнитивные, рефлексивные, мотивационные и регулятивно-волевые детерминанты.

К когнитивным детерминантам можно отнести отсутствие интернет-грамотности.

Рефлексивными детерминантами являются неадекватные действия в киберпространстве, когда человек выкладывает информацию о себе, не задумываясь о последствиях этого поступка в будущем.

Мотивационными детерминантами, способствующими репутационно-правовому саморазрушению в киберпространстве, стали два вида мотивации, и

первый из них – осознанные мотивы, потребности, интересы. Это стремление человека к осознанному риску в киберпространстве, общение в котором позволяет ему совершать аморальные и даже противоправные поступки, оставаясь инкогнито или, напротив, широко прославиться в интернет-сообществах, приобретя сомнительную репутацию. Вторым видом мотивации являются иррациональные интенции, стремления подсознательно наносить себе вред в киберпространстве, связанные с дезинтеграцией теневых сторон личности.

В качестве регулятивных детерминант выступает дефицитарный характер волевых качеств личности, лежащих в основе самоконтроля и саморегуляции.

Психологические аспекты проверки показаний малолетних детей по половым преступлениям

Горьковая И.А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»; ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный Педиатрический медицинский университет» Минздрава России
(г. Санкт-Петербург, Россия)

В последние годы растет число обвинений близких родственников в иных действиях сексуального характера против малолетних детей в ситуации высококонфликтного развода. Несомненно, пресекать сексуальное злоупотребление несовершеннолетних необходимо, но растет количество оговоров отцов (отчимов) со стороны матерей и/или бабушек. Естественно, наряду с правдивыми и ложными показаниями, могут быть искренние заблуждения.

Здесь возникает вопрос о психологическом анализе показаний малолетнего ребенка 3-8 лет в совершенных против них иных действий сексуального характера. Обобщая многолетний опыт работы специалистом и экспертом в области психологических знаний представляется необходимым отдельно анализировать соответствие возрасту содержания обвинительных показаний детей. Например, отмечается употребление слов «влагалище», «анус» и т.п. или затруднения ребенка в вербализации событий. Иными словами, соотносится ли содержание показаний, словоупотребление со словарным запасом, характерным для детей данного возраста, и насколько это связано с пониманием характера совершаемых действий. В некоторых случаях выявленное несоответствие может быть одним из признаков подготовки ребенка к даче определенных показаний.

Отдельно необходимо рассматривать социальную оценку событий ребенком в случае ее озвучивания. Так, девочка 7 лет, давая показания против отца заявляет об осознании предательства с его стороны с беспокойством о своей дальнейшей судьбе и сможет ли она когда-нибудь полюбить мужчину, создать семью или придется жить с подругами и т.д. Подобное заявление ребенка свидетельствует о том, что девочка якобы не только понимает характер, совершенных с ней действий, но и понимает их

значение, то есть дает причинно-следственные связи, что свидетельствует о своеобразном обсуждении событий с матерью и ее влиянии на показания девочки.

Также представляется продуктивным сопоставлять показания ребенка при объяснении на стадии проверки показаний, при первом и дополнительных допросах. Например, появление все больше не только деталей, но количество эпизодов и степень их тяжести. Может быть противоположная ситуация, когда ребенок отказывается от показаний с утверждением их ложности, что может быть следствием давления на ребенка со стороны близких значимых для него лиц. В любом случае, описание психологического механизма усугубления тяжести деяния или отказа от дачи показаний ребенком является юридически значимым.

Принципиальным является сопоставление детализации показаний с временным промежутком между совершением деликта и дачи показаний с учетом возраста ребенка. Так, деликт со слов ребенка произошел полгода назад, когда ему было 4,5 года. Представляется адекватным исчисление давности с позиций ребенка, у которого давность составляет одну девятую его жизни. То есть, если бы показания давал 27-летний человек, то давность в сопоставлении с продолжительностью его жизни составила бы 3 года. В соответствии с этим и индивидуальными особенностями психических процессов (восприятия, внимания, памяти и т.д.) рассматриваются возможности давать показания ребенком и их адекватность.

Итак, при психологическом анализе показаний малолетних детей по иным действиям сексуального характера представляется целесообразным обращать внимание на их содержание с оценкой соответствия возраста с возможностью понимать характер и значение этих действий; описывать психологический механизм возможного последовательного изменения показаний с увеличением тяжести деликта в показаниях или отказ от них; исчислять давность события при даче показаний относительно возраста ребенка и, как следствие, в соответствии с этим рассматривать возможность полноты и детализации полученных показаний.

Стигматизация девиантных подростков в школе

Гриненко У.Б., Богданович Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Девиантное поведение оказывает определяющее влияние на формирование стигмы, в том числе являясь ответной реакцией на клеймение (Липай Т.П., 2009). С другой стороны, процесс стигматизации является фактором развития девиантного поведения.

В соответствии с анализом базы данных PsychInfo в период с 2013 по 2018 гг. число публикаций, в центре внимания которых стоит проблема стигмы, возросло с 7,674 до 10,495.

Стигматизация или «клеймение» – это негативное выделение по какому-либо признаку с последующим стереотипным набором социальных реакций на данного индивидуума (Коцюбинский А.П. и соавт., 1999).

Первичная девиация исследуемого подростка была зафиксирована, когда ученик нарушал нормы поведения в предыдущей школе. Согласно данным о причине перевода и соответствующим отношением окружающих (санкции, негативные оценки) подросток начал использовать роль девианта (вторичная девиация), адаптируясь к социальной реакции и принимая сформированный ярлык.

Согласно реакции общества, происходит постепенный переход из определения действий как «зла» в определение индивида, который совершил подобные действия. Для формирования противоправного поведения важную роль играет первичная «драматизация зла, в соответствии с этим подросток становится таким, каким его определяет общество, в котором он постоянно пребывает. В данном случае – это окружение учителей и сотрудников образовательной школы.

Нередко неплановые «педагогические воздействия» в отношении нарушителей дисциплины характеризуются неопределенностью и излишней эмоциональностью. Педагогам не всегда ясен мотив отклоняющегося поведения и также непонятно, какие меры должны быть предприняты в подобных ситуациях.

Чаще всего учитель типологизирует обучающихся по успеваемости, отношению к учебе, школьной жизни на основе собственных требований и ценностей, возводимые в ранг общезначимых, которые определяются образовательной общностью как норма. Любые отклонения от заданных параметров, стигматизируются.

Стигматизированные подростки отвержены сверстниками в связи с тем, что общество использует разные виды дискриминации по отношению к индивиду (Goffman E., 1963). Нехватка приветственного подбадривания, обычного в повседневном социальном взаимодействии с другими людьми, может превратить оказавшегося в изоляции подростка в мнительного, подавленного, враждебно настроенного, беспокойного и растерянного. Подобное отношение противоречит ведущей деятельности в младшем подростковом возрасте – интимно-личностному общению со сверстниками – в котором в практической форме осваиваются нормы социального поведения.

Низкий социометрический статус подростка, неприязнь, негативное оценивание педагогами и одноклассниками, неприятие и пренебрежение могут формировать отклоняющееся поведения индивида (Гриненко У.Б., 2018). Из этого следует то, что девиантное поведение подростков является косвенной ответной реакцией на стигматизацию.

Литература

1. Гриненко У.Б. Особенности стигматизации подростков в школе // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (21-24 мая 2018 года). Москва: МГППУ, 2018. С. 153-156.

2. Коцюбинский А.П., Бутома Б.Г., Зайцев В.В. Стигматизация и дестигматизация при психических заболеваниях // Социальная и клиническая психиатрия. 1999. № 1. С. 9–13.
3. Липай Т.П. Стигматизация в практике образовательных школ // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 142-144.
4. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York: Prentice Hall, 1963. 147 p.
5. PsycINFO – American Psychological Association [Электронный ресурс]. URL: <http://psycnet.apa.org/search> (дата обращения: 10.10.2018).

Народные игры как ресурс в работе с девиантным поведением

Гриненко У.Б., Чернушевич В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Игра, выступая важнейшей формой общения и влияя на становление личности ребенка, в настоящее время редуцируется (из интервью с Е.О. Смирновой). Смирнова Е.О. указывает на отсутствие свободной игры в системе дошкольного образования. Вытеснение игры из жизни детей может являться одной из причин растущей проблемы в общении дошкольников со сверстниками, нарушений произвольности поведения, несформированной готовности к школе. Ведь, по мысли Выготского Л.С, в школьном возрасте игра не умирает, а проникает в отношение к действительности. Она имеет свое внутреннее продолжение в школьном обучении и труде (Глаголева К.С., 2017).

Многие дети дошкольного возраста испытывают проблемы в общении со сверстниками, выражающиеся в неспособности поиска подхода к партнеру, в неумении поддерживать социальные контакты, выражать симпатию и поддержку. В совместной игре могут формироваться коммуникативные навыки и корректироваться различные проблемы в общении. У подростка, наблюдающего за естественными отношениями в народной игре и переживающего их в игре, может быть сформирован образ нормальных взаимоотношений между людьми, принимаемый им за образец (Гриненко У.Б., 2017).

Проведенные серии народных игр с осужденными подростками в Можайской и Алексинской воспитательных колониях позволили нам обнаружить в процессе игрового взаимодействия возникший у воспитанников интерес к соблюдению правил. В игре подросток научается управлять собственным поведением и регулировать его в соответствии с общепринятыми правилами. Из этого следует предположение о том, что игра способствует развитию произвольного поведения (Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И., 2016).

Мы также предполагаем, что народная игра может способствовать снижению уровня стигматизации, наличие которой ведет к различным препятствиям во

взаимоотношениях с ближайшим окружением (Гриненко У.Б., 2018), и ресоциализации отдельных воспитанников исправительного учреждения, учитывая цикличность смены ролей в игровом процессе.

Обладая высокой ресурсностью, народная игра создает возможности альтернативного поведения, позволяющие индивиду освоить разные модели поведения и обрести опыт определения индивидуальной стратегии в различных ситуациях (Теплова А.Б., Чернушевич В.А, 2017).

Литература

1. Глаголева К.С. Л.С. Выготский о роли игры в психическом развитии ребенка // Молодой ученый. 2017. №4. С. 324-326. URL <https://moluch.ru/archive/138/38773/> (дата обращения: 25.03.2018).
2. Гриненко У.Б. Народная игра как средство профилактики девиантного поведения в учреждениях закрытого типа // Молодые исследователи образования. XVI Всероссийская научно-практическая конференция. Том I. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. С. 386
3. Гриненко У.Б. Особенности стигматизации подростков в школе // Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (21-24 мая 2018 года). Москва: МГППУ, 2018. С. 153-156.
4. Игра – это всегда какая-то загадка, импровизация, неожиданность, сюрприз / Интервью с Е.О. Смирновой [Электронный ресурс] // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2013. №2. С.8–11. URL: <https://sdo-journal.ru/journalnumbers/igra-eto-vsegda-kakaja-to-zagadka.html> (дата обращения: 24.09.2018)
5. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Ресурсы народной игры как социокультурного средства профилактики девиантного поведения // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. №3. С.51–59. doi:10.17759/chp.2017130307 (дата обращения: 24.09.2018).
6. Чернушевич, В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И. Народная игровая культура как средство формирования норм общения в детском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С.93-106. doi: 10.17759/psylaw.2016060207 (дата обращения: 24.09.2018).

К вопросу о разработке модели профилактики правонарушений и сопровождения несовершеннолетних в ситуациях риска в условиях современного детства

Дворянчиков Н.В., Чиркина Р.В., Богданович Н.В., Делибалт В.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Современное детство разворачивается в новой социальной ситуации развития. С одной стороны, мы живем в эпоху появления новых технологий и научных

открытий, сложных систем общественного устройства и взаимодействия. Детство и взросление современного человека происходит на фоне стремительного развития цифровых технологий. Виртуальная реальность стала частью нашей жизни и новой средой общения, которая предоставляет широкие возможности для развития юного человека. С другой стороны, эта эпоха включает в себя различные социальные риски, которые могут приводить к психологическим проблемам в правовом контексте. И главная проблема – это готовность современного общества к этим вызовам, поиск адекватных ответов на них.

Развитие цифровых технологий влияет на жизнь современного ребёнка. Можно выделить несколько ключевых аспектов:

- появление новой активности в виде онлайн-поведения и онлайн - общения модифицируя традиционные формы активности
- большой поток разнообразной информации, с которой ребенку непросто разобраться, и как следствие высокие риски столкнуться с опасным контентом,
- мы живем в эпоху гибридных войн, волны которых доходят до наших детей, в виде экстремистских сообществ и интернет сообществ с антивитаальным содержанием;
- анонимизация и проблема манипулирования в сети интернет (секстинг, кибербуллинг);
- возникновение новых молодежных криминальных субкультур;
- трансформация девиантных форм поведения в интернет-пространстве, в том числе появление новых форм зависимостей и др.

Вместе с тем, современные социальные риски не исчерпываются вышеперечисленными проблемами, оказывающими негативное влияние на развитие современных детей и приводящих к социально-психологической дезадаптации.

Поэтому перед специалистами системы образования стоит задача разработки эффективной модели профилактики правонарушений и сопровождения несовершеннолетних в ситуациях риска на основе междисциплинарного подхода.

Следует также наполнить новым содержанием понимание профилактики, сопровождения и реабилитации, не ограничиваясь лишь определением через перечисление мероприятий. На факультете Юридической психологии МГППУ уже на протяжении нескольких лет ведутся данные разработки.

Под профилактикой мы понимаем направление деятельности специалиста, целью которого является создание ресурсных условий для успешного формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам.

Данное направление состоит из системы мер, направленных, во-первых, на предупреждение возникновения и воздействия факторов риска, во-вторых – на устранение выраженных факторов риска при условии рецидива, в-третьих – на ресоциализацию.

Сюда же относятся меры по созданию условий, способствующих закреплению положительных эффектов.

Профилактика как направление деятельности предполагает мониторинг и выделение группы риска, с которой и будет проводиться дальнейшая работа.

Сопровождение определяется как направление деятельности психолога, целью которого является создание адекватных и психологически благоприятных условий для участников какой-либо определенной деятельности.

В свою очередь реабилитация – это направление деятельности психолога в междисциплинарном контексте работы специалистов с клиентом и его социальным окружением, целью которого является создание замещающей социальной ситуации развития, отслеживание динамики изменений. Реабилитация обеспечивает клиента ресурсами (внутренними и внешними), позволяющими переносить (в том числе – сохранять и поддерживать) изменения в другие жизненные ситуации

В настоящее время специалисты факультета Юридической психологии МГППУ разрабатывают актуализированную модель профилактики и сопровождения несовершеннолетних в ситуациях риска (буллинга, аутоагрессивного и агрессивного, преступного поведения).

Цель проекта – разработка оснований для создания устойчивой и эффективной системы профилактики и сопровождения несовершеннолетних в ситуациях социального риска и их последствий.

Разработка проекта строится на методологии юридической психологии детства и разработках кафедры юридической психологии и права факультета Юридической психологии.

Были выделены Уровни планирования в рамках проекта:

- Концептуальный, стратегический уровень
- Уровень реализации направлений деятельности субъектов в системе профилактики

1. Концептуальный, стратегический уровень включает следующие задачи:

— Разработка подходов и методологии организации системы профилактики и сопровождения. Внедрение восстановительного подхода, принципов культурно-исторической психологии и деятельностного подхода.

— Системный подход к построению меж- и надведомственных механизмов обеспечения преемственности и непрерывности ведения случаев и организации условий для нормального и безопасного развития детей и защиты их прав.

— Новые принципы оценки программ в сфере детства, в т.ч. с участием самих детей.

2. Уровень реализации направлений деятельности субъектов в системе профилактики подразумевает такие задачи как:

— Исследования и мониторинг. Популяционные исследования в области детства. Изучение феноменологии девиантного поведения несовершеннолетних. Мониторинг и анализ результатов профилактических программ в регионах.

Выявление дефицитов профессиональных компетенций специалистов системы образования. Исследование международного опыта. Межведомственная экспертиза программ и проектов профилактики и сопровождения.

— Научное обоснование и разработка программ обучения специалистов. Развитие ресурсной сети поддержки специалистов в регионах на базе вузов и ресурсных центров.

— Разработка нормативно-правовой базы, согласование понятийного аппарата, процедур и протоколов оказания профессиональной помощи детям и семьям в различных ситуациях (внутриведомственных и межведомственных).

В рамках проекта планируется апробация актуализированной модели профилактики правонарушений и сопровождения несовершеннолетних в ситуациях риска в условиях современного детства.

Планируемые результаты проекта разработки актуализированной модели профилактики и сопровождения несовершеннолетних в ситуациях риска:

- организационная модель деятельности системы субъектов профилактики модель специалиста по профилактике и сопровождению социальных рисков вариативные модели деятельности специалистов и модели многопрофильной психологической службы в образовательных организациях;

- модель взаимодействия специалистов и субъектов профилактики, в т.ч. пакет документов и регламентов;

- инструмент оценки эффективности деятельности специалистов по профилактике и сопровождению рисков, а также деятельности субъектов и организаций системы профилактики;

- создание системы опорных пунктов сопровождения реализации модели по работе с социальными рисками на основе сотрудничества с региональными ВУЗами (в том числе готовящих специалистов по ФГОС 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения»).

Сама актуализированная модель строится на идее командной работы специалистов, межведомственного взаимодействия и построения профилактической среды. Последнее предполагает разработку регламентов работы и взаимодействия специалистов.

Эти новые модели должны стать по-настоящему системными, целостными, функциональными, вариативными, интегрирующими лучшие практики и продуктивные ресурсы регионов и предусматривающими активное участие самих детей в решении существенных вопросов их жизни через создание условий для их смыслообразующей деятельности, активной позитивной социализации и инкультурации.

В мае-июне 2018 года в рамках реализации Плана первоочередных мер по повышению эффективности профилактики правонарушений обучающихся и обеспечению безопасности образовательных организаций от 19 апреля 2018 года Министерства образования и науки Российской Федерации коллективом специалистов факультета Юридической психологии и ЦЭПП МГППУ для педагогов,

классных руководителей и других специалистов образовательных организаций разработаны навигатор профилактики и памятки по различным видам девиантного поведения, включающие различные алгоритмы действий педагогических работников в процессе работы с детьми и подростками.

Пакет разработок включает в себя:

1. Инструкция к Навигатору профилактики и памяткам по различным видам девиантного поведения.
2. Навигатор профилактики.
3. Памятка по социально-психологической дезадаптации.
4. Памятка по раннему проблемному (отклоняющемуся) поведению.
5. Памятка по рискованному поведению.
6. Памятка по суицидальному, самоповреждающему поведению.
7. Памятка по аддиктивному (зависимому) поведению.
8. Памятка по агрессивному поведению.
9. Памятка по делинквентному поведению.

Данные разработки рекомендованы Министерством просвещения РФ всем педагогическим работникам системы образования для использования в практической деятельности. Мы получаем много положительных откликов от педагогов и психологов, отмечающих важность и актуальность данного материала.

Кроме того, в рамках реализации Плана первоочередных мер по повышению эффективности профилактики правонарушений обучающихся и обеспечению безопасности образовательных организаций от 19 апреля 2018 года Министерства образования и науки Российской Федерации коллективом факультета Юридической психологии и ЦЭПП МГППУ в июне 2018 года разработаны Методические рекомендации по организации и проведению просветительской работы с родителями в системе дошкольного образования, начальной, средней и старшей школы, СПО, СУВУ ОТ и СУВУ ЗТ по проблемам отклоняющегося (девиантного) поведения детей, подростков и юношей.

Также специалисты факультета разработали Программу повышения квалификации педагогов-психологов всех уровней образования «Профилактика девиантного поведения обучающихся в образовательной среде» в рамках:

- выполнения работы по организации общественно-значимых мероприятий в сфере образования, науки и молодежной политики в целях проведения оптимизационных мероприятий, направленных на совершенствование управленческой системы в 2018 году
- реализации Плана первоочередных мер по повышению эффективности профилактики правонарушений обучающихся и обеспечению безопасности образовательных организаций от 19 апреля 2018 года Министерства образования и науки Российской Федерации

Актуальность программы повышения квалификации можно определить следующим образом. В настоящее время система образования (в том числе конкретные образовательные учреждения) и социальная практика в широком смысле

ставят перед специалистом целый ряд задач, предполагающих, что специалист-психолог:

- способен и готов работать с разными категориями клиентов (включая так называемых «трудных» клиентов – несовершеннолетних и семей, находящихся в трудной жизненной или юридически значимой ситуации, детей и подростков с девиантным поведением),
- умеет разрабатывать концептуальные (ориентированных на конкретное образовательное учреждение) программы профилактики отклоняющегося поведения и адресные (ориентированных на конкретную клиентскую группу) профилактические программы

Цель Программы повышения квалификации педагогов-психологов всех уровней образования «Профилактика девиантного поведения обучающихся в образовательной среде» – повышение профессиональной компетенции педагогов-психологов в области профилактики социальных рисков, правонарушений несовершеннолетних, психолого-педагогической помощи детям и подросткам с девиантным и делинквентным поведением, организации профилактической работы в образовательных учреждениях.

Программа курсов носит практикоориентированный характер, реализуется в системе смешанного обучения, где в очная часть сочетается с дистанционной работой слушателей в электронной среде Moodle, предусматривает проведение лекционных и практических занятий, мастер-классов.

Слушателями программы являются педагоги-психологи образовательных организаций всех уровней образования (детских садов, школ, колледжей, центров психолого-педагогической медицинской и социальной помощи).

В настоящее время идет этап апробации комплекта программ повышения квалификации (включая учебно-методический комплекс) для педагогов-психологов образовательных организаций всех уровней образования

- Апробация программы охватывает все субъекты РФ, включая исследование и анализ компетенций специалистов, организацию и реализацию подготовки специалистов в рамках повышения квалификации
- В программе участвует более 600 слушателей – педагогов-психологов образовательных организаций
- Очные мастер-классы проведены во всех Федеральных округах РФ: Владивостоке (Дальневосточный федеральный округ), Кемерово (СФО), Челябинске (УФО), Перми (ПФО), Волгограде (ЮФО), Санкт-Петербурге (СЗФО), Москве (ЦФО и СКФО)
- Очные лекции проведены в Москве для слушателей из всех регионов РФ, участвующих в программе
- Планируется проведение очной части в Симферополе (Республика Крым)

Программа обучения включает в себя такие темы как:

- Специфика ситуаций и профессиональная деятельность педагога-психолога с несовершеннолетними с проблемным поведением
- Методы и технологии психологической профилактики девиантного поведения
- Нормативно-правовая база деятельности педагога-психолога
- Межведомственное взаимодействие в работе педагога-психолога
- Разработка программ психологической профилактики для образовательного учреждения

Слушателям предоставляется возможность:

- повысить свою компетентность в области девиантологии и получить супервизии по трудным ситуациям;
- получить комплект информационно-методических материалов;
- принять участие в работе в очных лекциях, вебинарах по работе с отклоняющимся поведением несовершеннолетних и мастер-классах «Кейс-менеджмент в работе практического психолога»;
- пообщаться с коллегами педагогами-психологами, обменяться опытом и ознакомиться с реальными практиками работы с девиантным поведением обучающихся.

Планируемые результаты:

- комплект программ повышения квалификации (включая учебно-методический комплекс) для педагогов-психологов образовательных организаций всех уровней образования по вопросам профилактики девиантного поведения обучающихся в образовательной среде
- организация профессионального сообщества педагогов-психологов образовательных организаций и пространства для взаимодействия специалистов

Литература

1. Богданович Н.В. Анализ основных профессиональных стандартов, предполагающих работу психологов в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. 1–12 с. – URL: http://psyjournals.ru/files/81663/psyandlaw_2016_2_Bogdanovich.pdf
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Определение понятия «психологическое сопровождение несовершеннолетних в суде» // Ананьевские чтения 2015: Фундаментальные проблемы психологии: материалы научной конференции, 20-22 октября 2015 г. / отв. ред. В.М. Аллахвердов. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2015. С. 207-208.
3. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Спектр технологий помощи несовершеннолетним с проблемным и девиантным поведением в контексте юридически значимых ситуаций [Электронный ресурс] // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с

- международным участием. (Сборник тезисов). 2016. С. 122-123. URL: http://psyjournals.ru/files/83497/sbornik_modern_psy_and_law.pdf
4. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Специфика основных направлений деятельности психологов в системе профилактики правонарушений и защиты интересов детей // Итоги и перспективы реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Сборник материалов конференции. 2015. С. 84-85. URL: http://psyjournals.ru/files/79192/sbornik_itogi_realizatsii_natsionalnoy_strategii.pdf
 5. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В. К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml
 6. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В. К проблеме психологического определения понятия «Юридически значимые ситуации» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Т.5. №3. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2015050303>
 7. Делибалт В.В., Богданович Н.В. Психосоциальная реабилитация несовершеннолетних, попавших в юридически значимые ситуации, как задача культурно-исторической психологии [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 41–50. URL: http://psyjournals.ru/files/87611/kpip_2017_n3_Delibalt_Bogdanovich.pdf
 8. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся [Электронный ресурс] М: МГППУ, 2018 г. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour
 9. Организация просветительской работы с родителями по вопросам профилактики девиантного поведения. Методические рекомендации для руководителей образовательных организаций / Дворянчиков Н.В., Делибалт В.В., Казина А.О., Лаврешкин Н.В., Вихристюк О.В., Гаязова Л.А., Власова Н.В., Богданович Н.В., Чернушевич В.А., Чиркина Р.В., Банников Г.С. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. 112 с.

Апробация авторской типологии жизненных стратегий личности

Добрякова А.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

В современном информационном обществе возрастает потребность в социальной активности людей. Ведь жизненные стратегии индивидов во многом

определяют характер самого общества. Для его продуктивного развития всегда будет особенно актуальным изучение формирования жизненных стратегий, создание наиболее успешных и эффективных позиций.

«Стратегия жизни в широком ее понимании — это принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию» (Абульханова-Славская К.А., 1991).

На данный момент в психологии существует несколько различных типологий жизненных стратегий, которые дают слишком общее и неоднозначное представление об этом понятии. Поэтому представляется важным разработать и апробировать более структурированную на наш взгляд классификацию.

Типология жизненных стратегий была нами разработана на основе критериев, выделенных К.А. Абульхановой-Славской в своей книге «Стратегия жизни»:

- активное/пассивное поведение индивида
- саморегуляция (высокий\низкий уровень)
- уровень притязаний (адекватный\неадекватный)
- удовлетворенность\неудовлетворенность личности

Различное сочетание вышеперечисленных критериев дает нам следующие стратегии:

1. Под **эффективными** жизненными стратегиями мы понимаем такие стратегии, которые могут способствовать личностному росту индивида, раскрытию заложенных в нем способностей, реализации долгосрочных целей (Продуктивная личность, Импульсивный деятель, Хороший исполнитель, Преобразователь, Альтруист, Провокатор, Обломов, Довольствуется малым).

Например, «Продуктивной личности» свойственен адекватный уровень притязаний, хороший самоконтроль, активность, удовлетворенность. Она направлена на саморазвитие, творческую деятельность.

2. **Неэффективные** жизненные стратегии наоборот препятствуют личностному развитию, тормозят и блокируют изменения. Это некий «закостеневший», ригидный тип (стиль) поведения, который не соответствует изменяющейся внешней ситуации (Затворник, Критик, Самообвинитель, Тусовщик, Вечный странник, И так сойдет, Все против меня, Офисный планктон) .

Например, для стратегии «Самообвинитель» характерна пассивность, высокая саморегуляция, адекватный уровень притязаний, неудовлетворенность. Человек считает себя виноватым в любых неудачах, склонен к рефлексии, ограничивает свои желания.

В марте 2018 года было проведено исследование в рамках апробация данной типологии, в котором приняли участие студенты, обучающиеся на очном отделении в различных московских ВУЗах (54% женщин, 46% мужчин). Из 16 заявленных нами типов жизненных стратегий (8 эффективных и 8 неэффективных) в исследовании удалось выявить 12. Из всех выявленных стратегий наиболее часто встречающаяся – «Затворник» (21% испытуемых), которая характеризуется

пассивным поведением индивида, неудовлетворенностью жизнью, низким самоконтролем и неадекватным уровнем притязаний, а также относится к неэффективным стратегиям. Из общего числа стратегий, выявленных в выборке, количество эффективных составляет 54%, а неэффективных – 46%.

Было установлено, что причинами выбора неэффективной стратегии может являться неумение или нежелание выстраивать контакты с другими людьми, неуверенность в своих силах, недовольство собой и как следствие самоограничение своей активности. Для получения более объективных данных целесообразно повторить данное исследование с большим количеством респондентов.

В дальнейшем разработанная нами типология может помочь людям в осознании своей жизненной стратегии, понимании того, из каких компонентов она складывается, и как они могут изменить ее, если испытывают в этом потребность.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 158 с.

Современные риски подросткового возраста (взгляд судебного эксперта)

Дозорцева Е.Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России,

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В своей профессиональной деятельности судебный эксперт-психолог, работающий с уголовными делами несовершеннолетних обвиняемых, потерпевших, свидетелей, сталкивается с феноменами, которые, порой в заостренном виде, демонстрируют новые тенденции, характерные для подростковой популяции в целом. При этом одна из острых проблем современной судебной психологии детства состоит в том, что, оценивая важные для следствия и суда параметры – состояние психического развития детей и подростков, их индивидуальные характеристики – психолог должен опираться на представления о возрастных нормах. Однако бурное развитие цифровых технологий и связанных с ними возможностей обучения, общения, развлечения в сети Интернет создало особую новую социокультурную ситуацию, существенно изменило структуру деятельности детей и подростков, социализация которых во многом проходит в киберпространстве. Скорость происходящих изменений не позволяет пока охватить все их многообразные психологические эффекты, однако помимо, безусловно, позитивных влияний, Интернет-среда создает пространство и для многочисленных рисков, которым особенно подвержены подростки.

Один из положительно оцениваемых социальных феноменов настоящего времени, характерный как для России, так и для других стран, состоит в существенном сокращении преступности несовершеннолетних. За последние 15 лет

число преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, сократилось более чем в 3 раза, а количество несовершеннолетних, получивших наказание в виде лишения свободы за прошедшие 10 лет, – более чем в 6 раз. Вместе с тем поведенческие девиации подростков, в том числе агрессия, не исчезли, а переместились в виртуальное пространство. Распространенным явлением стал кибербуллинг, с которым, по данным наших исследований, сталкивалось абсолютное большинство учеников 7 – 9 классов, причем более половины из них вначале выступали в качестве пострадавших, а затем сами становились кибербуллерами. Материалы уголовных дел также нередко демонстрируют траекторию движения подростка от положения пострадавшего (например, от секстинга, либо шантажа с угрозой публикации нежелательных фотографий в Интернете) к обвиняемому в подобных преступлениях.

Аналогичную тенденцию превращения жертв в агрессоров, мы обнаруживаем в крайней форме в серии нападений на школы подростков, пострадавших от школьной травли. Как правило, они имитировали действия, совершенные двумя учениками школы Колумбайн в США, и, как и те, собирались затем покончить с собой. Информацию о «колумбайнерах» они получали из Интернета и специальных групп, которые в своих обсуждениях героизировали американских подростков и их поступок.

Появление в сети Интернет особых тематических групп, участники которых создают определенные негативные установки и провоцируют друг друга на девиантные агрессивные и аутоагрессивные действия – явление, заслуживающее особого внимания. Примером могут служить «группы смерти», или группы суицидальной направленности, в которых подростков путем определенных психологических технологий доводили до совершения самоубийства. Следует отметить, что часть «кураторов», которые вели работу с потенциальными юными суицидентами, также составляли подростки из числа тех, кто вначале собирался покончить с собой.

Риски, связанные с Интернет-средой, и их последствия невозможно устранить или уменьшить только запретами и ограничениями. Следует предупреждать возможности виктимизации детей в реальной жизни, а также формировать правила поведения в виртуальной среде, помогающие избегать неприятных ситуаций. В реальной жизни, в реальном общении необходимо вырабатывать у детей и подростков критическое мышление, позитивные установки и ценности, развивать эмпатию по отношению к другому человеку, внутреннюю моральную регуляцию, способности прогнозировать последствия своих поступков и реально осознанно регулировать свои действия, – те свойства, которые формируют личность, способную противостоять рискам в любых условиях.

Правосознание личности в раннем юношеском возрасте

Евстафеева Е.А., Воронина Н.В., Подольская М.В.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

Одним из перспективных современных подходов к коррекции деструктивного поведения в раннем юношеском возрасте выступает работа по формированию и развитию правового сознания личности (Дейнека О.С., Забарин А.В., 2014). В психологии правосознание рассматривается как сфера сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний и умений, оценочных отношений к праву и практике его применения, ценностных ориентаций и правовых установок, регулирующих человеческое поведение (Ратинов А.Р., 1981). Правосознание закладывается в процессе правовой социализации (Гулевич О.А., Голыничик Е.О., Ратинов А.Р., Ясюкова Л.А. и др.). В раннем юношеском возрасте в правовой социализации особое место занимают социальные институты, в которые включена личность. Структура правосознания представляет собой множество сложных образований, которые находятся в тесной взаимосвязи, и выполняют определенные функции: познавательную, оценочную и регулятивную (Ratinov, 1988). Когнитивный компонент представляет совокупность юридических знаний, эмоциональный компонент выражается в деятельности оценочными мнениями к праву и практике его использования. Волевой компонент характеризуют правовые установки и ориентации в поведении. Структура правосознания может быть внутренне противоречива (Ясюкова Л.А., 2000). Рассматривают правосознание через аттитюды к закону, преступлениям и преступникам, наказанию и работникам профессиональных правовых институтов. Каждый из них включает в себя три компонента – когнитивный (юридические знания и оценочный), аффективный (чувства по отношению к объекту восприятия), поведенческий (правовые намерения вести себя определенным образом в правовой ситуации) (Гулевич О.А., 2004). Д.С. Безносков отмечает в структуре правосознания познавательный, эмоциональный, поведенческий и оценочный компонент (Безносков Д.С., 2008). Молодой человек способен стать активным носителем идей прав и свобод, участвовать в укреплении законности, обладая сформированным правосознанием. Сформированное правосознание характеризуется познавательной активностью, юридическими знаниями, умениями, позволяющими адекватно воспринимать и воспроизводить юридически значимую ситуацию, преобладанием положительных переживаний по отношению к праву, нормативному регулированию, активной реализацией правовых норм (Евстафеева Е.А., 2015).

Литература

1. Безносков Д.С. Правовое сознание: структура, содержание, виды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 2. С. 59-70.

2. Гулевич О.А. Поведение в правовой сфере и социальные установки (на примере участия в работе коллегии присяжных) // Психология: журн. Высш. шк. экономики. 2004. № 3. С. 129-136.
3. Дейнека О.С., Забарин А.В. Психолого-политические основания группового деструктивного поведения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С.1525.
4. Евстафеева Е.А. Правосознание сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2015. 195 с.
5. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии, 1981. С. 201-214.
6. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2000. № 4. С. 1-13.

Субъектность ребенка в судебном разбирательстве. Роль адвоката

Жаров А.А.

«Команда адвоката Жарова» (АК), Адвокатская палата города Москвы
(г. Москва, Россия)

Сегодня оказание юридической помощи ребёнку предусмотрено только в одном случае: ребёнок совершил преступление (ст. 51 УПК РФ). В остальных случаях, максимум «представляются интересы» ребёнка.

Семейные споры – всегда конфликт родителей, и в них, чаще всего, позиция ребёнка отличается от позиции каждого из родителей. Также интересы ребёнка, как минимум не полностью совпадают с родительскими. Тем не менее, ребёнка представляет в процессе, как правило, один из родителей (и без участия самого ребёнка).

Не обеспечивается субъектность ребёнка в гражданском процессе (Шолгина О.И., 2011). Максимум выслушивается мнение. Однако, защита интересов ребёнка может требовать и юридических действий, в которых иные участники дела будут не заинтересованы (например, назначение экспертиз, предъявление требований об организации общения с отдельно проживающим родителем и т.п.).

Личное участие ребёнка в судебном процессе обеспечивается только с 14 лет и весьма ограничено (ст. 37 ГПК РФ). При этом ребёнок не вправе выдвинуть никакие свои предложения по разрешению ситуации, а может лишь ответить на вопросы.

Существует представление, что орган опеки и попечительства (ООП) должен представлять интересы ребёнка, но у него для этого нет ни юридических, ни ресурсных предпосылок: орган опеки должен выполнить 4 разные функции в одном процессе, причём оказание юридической помощи ребёнку не входит ни в одну из функций (Жаров А.А.).

а) ООП должен провести «обследование жилищно-бытовых условий» и составить акт;

б) ООП должен опросить ребёнка, выяснив его мнение;

в) ООП должен принять участие в судебном заседании, имеет право задавать вопросы, заявлять ходатайства, и пользоваться иными процессуальными правами;

г) ООП должен дать заключение по заявленным требованиям (при этом закон не ограничивает основания, по которым ООП приходит к тому или иному выводу в этом заключении).

Таким образом, единственное, что остаётся ребёнку — «выражать мнение», когда (и если) спросят.

Мнение ребёнка, априори, не является тайной, и все сведения, полученные от него, будут обнародованы в судебном заседании. Ребёнок не может рассчитывать на конфиденциальность. При данных обстоятельствах ребёнок старается не говорить ничего такого, что будет «неприятно» родителям. Отсутствие возможности конфиденциально, без фиксации и «опубликования», обсудить свою ситуацию, в значительной степени лишает ребёнка возможности выразить свои интересы, если они не совпадают с родительскими.

При таких обстоятельствах отсутствует лицо, представляющее интересы ребёнка и не имеющее при этом конфликта интересов, отсутствует кто-либо, кто оказывает ребёнку помощь, консультирует его и при этом сохраняет тайну такой консультации.

Единственное профессиональное сообщество, обязанное сохранять профессиональную тайну и при этом имеющее возможность оказать квалифицированную юридическую помощь – адвокатура (Пилипенко Ю.С., 2016). Остальные профессиональные группы либо не имеют защищённой тайны (психологи, соцработники), либо не могут оказать помощь в судебном деле (врачи, священники).

Существующая система подготовки юристов даёт лишь самые общие знания о психологии, и, тем более о возрастной психологии. Адвокатов, представляющих детей в суде необходимо готовить, давая им знания и навыки из области возрастной психологии. Данный аспект требует теоретического осмысления со стороны профессионального психологического сообщества.

Общемировые тенденции:

- строгое разделение функций для избежания конфликта интересов;
- субъектность (международные конвенции признают субъектность даже самых маленьких детей);
- гуманизация и разновариантность уклада жизни;
- состязательность и примирительный характер процедур, связанных с межличностными отношениями.

Необходимо: разделить функции органа опеки, оставив за чиновниками лишь описание социально-бытовых условий жизни, а также ликвидировать институт «заклучений» органа опеки, передав функцию принятия решения целиком суду.

У каждого ребёнка, чьи права затронуты гражданским иском, должен быть адвокат – профессиональный советник по правовым вопросам, а у самого ребёнка – правосубъектность в этом процессе.

Литература

1. Шолгина О.И. Интересы ребенка как объект семейно-правового спора: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. Москва, 2011.
2. Жаров А. Участие представителей органа опеки и попечительства в судебных заседаниях по гражданским делам. [Электронный ресурс.] // URL: <http://zharov.info/zashhita-prav-detej/uchastie-predstavitelej-organa-opeki-i-porechitelstva-v-sudebnyx-zasedaniyah-po-grazhdanskim-delam> (дата обращения: 18.06.2018).
3. Пилипенко Ю.С. Научно-практический комментарий к Кодексу профессиональной этики адвоката [Текст] / Ю. С. Пилипенко ; Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Московский гос. юридический ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : НОРМА, 2016. С. 72–96.

Проблема определения интересов несовершеннолетних родителей при рассмотрении споров, связанных с установлением и осуществлением родительских прав

Замрий О.Н.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (г. Тверь, Россия)

Несовершеннолетние родители, правовой статус которых определен в ст.62 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), по достижении установленного законом возраста могут самостоятельно заявлять требования по установлению (оспариванию) отцовства в отношении своих детей, а также осуществлять родительские права. Законодатель допускает некоторую непоследовательность в регулировании соответствующих семейных отношений, вследствие чего при рассмотрении судами дел названной категории возникает ряд проблем.

Согласно п.2 ст.62 СК РФ несовершеннолетние родители имеют право не только на общих основаниях признавать и оспаривать свое отцовство и материнство, но и, достигнув возраста 14 лет, требовать в судебном порядке установления отцовства в отношении своих детей. Казалось бы, законодатель предлагает норму, позволяющую несовершеннолетним пока еще родителям совершить достаточно ответственный и, как подразумевается, осознанный, поступок, влекущий возникновение родительского правоотношения.

Однако там же императивно установлен возраст – 16 лет, по достижении которого несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, могут самостоятельно

осуществлять свои родительские права. Буквальное толкование позволяет однозначно заключить: несовершеннолетние родители, которые не достигли возраста шестнадцати лет и не состоят в браке, не могут самостоятельно осуществлять свои родительские права и обязанности.

Вышеизложенное, в свою очередь, порождает вопрос о формах, способах и критериях установления понимания несовершеннолетним родителем, находящимся в возрасте от 14 до 16 лет, хотя бы факта возложения на него указанных прав и обязанностей. Поскольку речь идет об установлении отцовства в судебном порядке, следовательно, суд должен установить, прежде всего, истинные цель и намерения несовершеннолетнего родителя. Нельзя оставлять также за пределами внимания интересы ребенка, в отношении которого заявлен иск об установлении отцовства, его право знать своих родителей, жить и воспитываться в семье (ст.54 СК РФ).

Специфика рассмотрения судами дел об установлении отцовства (материнства), если иск был подан несовершеннолетним родителем, не состоящим в браке, заключается в необходимости обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи (ст.1 СК РФ), коими являются и истец, и ребенок, в отношении которого устанавливается отцовство.

Полагаем важным отметить также, что даже при установлении отцовства (материнства) по иску несовершеннолетнего родителя его права и обязанности по отношению к ребенку не могут быть реализованы самостоятельно в полном объеме. Согласно п.2 ст.62 СК РФ до достижения несовершеннолетними родителями возраста шестнадцати лет их ребенку назначается опекун, который осуществляет его воспитание совместно с несовершеннолетними родителями ребенка.

Налицо коллизия: предоставляя несовершеннолетнему, достигшему возраста четырнадцати лет, право самостоятельно устанавливать свое отцовство (материнство) в судебном порядке, законодатель в то же время ограничивает права и обязанности несовершеннолетнего родителя по отношению к ребенку. Закон прямо предусматривает механизм разрешения разногласий между назначенным опекуном и несовершеннолетним родителем – это сфера полномочий органа опеки и попечительства, не исключены и судебные споры, связанные с воспитанием ребенка несовершеннолетних родителей.

Полагаем, что предложенные варианты ситуаций отличаются от «стандартных», при разрешении которых суд обязан руководствоваться интересами ребенка, поскольку формально речь идет о двух, как минимум, несовершеннолетних, при этом обеспечение интересов каждого из них находится в приоритете. Таким образом, перед судом поставлена достаточно сложная задача, для разрешения которой целесообразным видится назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Литература

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // «Российская газета». N 17. 27.01.1996.

Взаимосвязь стратегий совладания со стрессом подростков и их матерей

Иванова О.И., Бусарова О.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Становление и активное развитие совладающего поведения происходит в подростковом и юношеском возрасте в условиях детско-родительских взаимоотношений и общения со сверстниками (выступает в качестве ведущей деятельности подростков) (Хазова С.А., 2002).

Опубликованные исследования российских ученых демонстрируют, что детско-родительские отношения влияют на выбор подростками копинг-стратегий (Сапоровская М.В., 2013). Чаще всего за помощью они обращаются к родителям (копинг поиска социальной поддержки), наиболее часто – к матери (Овсянникова Е.А., 2014; Дружинина Ю.А., 2012). Также существуют различия и корреляционные связи между копингом подростков и их матерей (Дружинина Ю.А., 2012). Как матери, так и их дети-подростки одинаково часто в стрессовых ситуациях используют такой копинг как «поиск активной общественной поддержки», т.е. стараются вырасти как личность. Подростки значительно чаще, чем их родители используют юмор в трудных ситуациях. Такие копинги матерей как планирование решения проблемы или отказ от попыток ее разрешить положительно коррелируют с обращением к религии их детей. Использование матерями алкоголя и наркотиков в трудных жизненных ситуациях неоднозначно связано с использованием юмора подростками: последнее имеет место при отказе матерей от этого копинга или же, наоборот, усиленном его использовании. Выявлена прямая взаимосвязь между ментальным отстранением матерей и той же стратегией их детей-подростков в стрессовой ситуации. А вот выражение эмоций матерями или сдерживание своей активности отрицательно коррелирует с концентрацией внимания подростка на решении проблемы, при этом подростки отвлекаются на посторонние дела.

Проанализированы данные по исследованию адаптивных и неадаптивных копинг-стратегий у подростков (Онуфриева В.В., 2016). Утверждается, что использование неадаптивных и относительно адаптивных копингов подростками, находящимися в стрессовой ситуации, отрицательно сказывается на качестве их социального взаимодействия и, как следствие, ограничивается возможность регуляции психоэмоционального состояния.

Копинги подростков, воспитывающихся только матерями, пока широко не изучены (в исследованиях неполных семей нет деления на семьи матерей-одиночек и разведённых или овдовевших женщин) и остается пласт вопросов для исследовательской работы. Интерес представляет изучение копингов старших подростков из неполных семей, где отсутствует пример брачных отношений, что в дальнейшем оказывает влияние на становление и развитие личности подростка, а так же на выбор способа совладания со стрессом (Хломов К.Д., 2016). Изучение специфики копинг-стратегий подростков в условиях неполной семьи позволит

увидеть ресурсы детско-родительских отношений, и в дальнейшем поможет сформировать у ребенка эффективные модели копингов, что послужит целям профилактики девиантных проявлений подростничества.

Литература

1. Дружинина Ю.А. Особенности совладающего поведения в подростковом возрасте // Омский научный вестник. 2012. №5 (112). С. 172-176.
2. Овсянникова Е.А., Ткаченко Н.С.. Влияние детско-родительских отношений на выбор подростками копинг-стратегий // Научные ведомости. Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). Выпуск 24.
3. Онуфриева В.В., Константинова А.С. Особенности копинг-поведения в подростковом возрасте // Молодой ученый. 2016. №6. С. 701-703.
4. Сапоровская М.В. Стрессы межпоколенного взаимодействия: развод как предиктор защитного и совладающего поведения подростков // Психологическая наука и образование. 2013. №1. С. 65-72.
5. Хазова С.А. Совладающее поведение одаренных старшеклассников: Дисс. ... канд. психолог. наук. Кострома, 2002.
6. Хломов К.Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016. Т.7. №2 с. 109-125. doi:10.17759/sps.201607028/

Сексуализированное поведение у несовершеннолетних потерпевших по делам о преступлениях по половой неприкосновенности

Карпова А.В.

Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

В следственной практике при работе с преступлениями против половой неприкосновенности следователи сталкиваются с несовершеннолетними потерпевшими, демонстрирующими сексуализированное поведение. Такие дети проявляют преждевременную осведомленность в вопросах секса, уделяют им чрезмерное внимание и проявляют к ним навязчивый интерес, нехарактерный для их сверстников, приписывают различным ситуациям сексуальный «оттенок» (Райкус Дж.С., Хьюз Р.С., 2010), в общении с окружающими могут кокетничать, флиртовать, их слова могут содержать сексуальный подтекст, поведение может быть направлено на пробуждение сексуального интереса (Гил, 1993). В зависимости от возраста ребенка, степени выраженности и табуированности проявляемого поведения социальная реакция на него разнится, но чаще такое поведение вызывает осуждение и может оцениваться как развратное. Развратное поведение предполагает наличие у ребенка осознанного желания и стремления соблазнить объект, на который направлено его внимание. Однако термин «сексуализированное поведение» в первую очередь относится к детям допубертатного возраста, которые не располагают

достаточными психическими ресурсами и социальными навыками для регуляции и ограничения преждевременной сексуальности, а самое главное – не способны понимать смысл и социальное значение действий сексуального характера.

Как и многие другие виды аномального поведения, сексуализированное поведение – это симптом неблагополучия. Оно является следствием, а не причиной, по которой ребенок оказывается в центре внимания следствия. Однако, стоит отметить, что такое поведение часто оценивается следователями как провоцирующее, что приводит к потере нейтральности в расследовании.

Несомненно, сексуализированное поведение – неспецифический симптом. Он может быть как проявлением аномального психического развития, сексуальной расторможенности, регрессии, так и результатом совершенного сексуального насилия в отношении ребенка.

Также следует подчеркнуть, что дети с задержками или нарушениями психического развития являются наиболее уязвимой группой для сексуального абьюза. В силу индивидуальных психологических особенностей такие дети не могут оказывать сопротивление, оценить опасности предкриминальной ситуации, не способны к произвольной регуляции поведения.

Особую трудность при расследовании уголовных дел и рассмотрении материалов доследственной проверки по фактам насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних, имеющих нарушения или задержки психического развития, представляет то, что показания таких детей могут быть дискредитированы. К примеру, из-за тяжелых нарушений речи ребенку может быть недоступен свободный рассказ о происшествии, уровень интеллектуального развития или недостаточность бытовых знаний затрудняет или делает невозможным описание деталей обстоятельств криминальной ситуации, при поведенческих нарушениях может произойти наложение симптомов аномального развития и проявлений травматизации. В таких случаях необходимы не только дополнительное психологическое обследование ребенка в рамках экспертизы, но и качественное сопровождение следственных мероприятий специалистом-психологом, психологический анализ показаний ребенка и законных представителей, а также материалов уголовного дела. Схожие трудности могут возникнуть и при работе с детьми младшего возраста.

Надо понимать, что сексуализированное поведение – это неестественная поведенческая надстройка, которая может развиваться при пролонгированном сексуальном злоупотреблении несовершеннолетним. В случае длительного влияния растлителя на ребенка формируются дисфункциональные отношения, в которых взрослый жестко закрепляет за сексуальными формами взаимодействия функции привязанности и эмоциональной близости. При естественном для детей младшего возраста непонимании характера и значения совершаемых с ними действий сексуального характера вероятность формирования сексуализированного поведения выше, так как сексуальные формы поведения оказывают генерализованное

патологическое воздействие на развитие коммуникативной сферы и не могут быть встроены в другие виды поведения и символически переработаны.

Во взаимодействии с близким взрослым ребенок присваивает его эмоциональную оценку собственного поведения, на основе которой строится базовый понятийный аппарат, включающий себя такие оценочные категории как «хорошо-плохо» и «стыдно» (Бардышевская М.К., Лебединский В.В., 2003). Сексуальная эксплуатация искажает механизмы социализации ребенка, формируя, поддерживая и подкрепляя паттерны поведения, направленные на обслуживание сексуальных желаний взрослого. Сочетание эмоциональных манипуляций, сексуально окрашенного физического контакта и тактильной стимуляции создает сильную аффективную нагрузку на ребенка. Такая чрезмерная нагрузка может привести как к регрессу к уровню стереотипов, так и перегрузить его психику сенсорными воздействиями. В поведении это может проявляться навязчивым интересом к сексуальной и репродуктивной сфере, чрезмерной мастурбацией, сексуализированными формами установления контакта (коккетство, флирт, прикосновения к интимным частям тела другого человека и т.п.).

В более старшем возрасте развитие сексуализированного поведения во многом зависит от способности психики символически переработать травматический опыт. Преждевременная сексуализация в подростковом возрасте при низком уровне символизации может привести к подмене понятия эмоциональной близости на интимную.

Неготовность к отношениям, предполагающим интимную близость, эмоциональная незрелость и сексуальная травматизация могут приводить к искажению осмысления ситуации, ее романтизации и постоянном ее повторении. Циантис вслед за Фюрстом подчеркивает, что непрерывные изменения психики в подростковом возрасте обуславливают отреагирование как превалирующий механизм защиты. «Подросток, переживший травму, как правило, прибегает к отреагированию вместо того, чтобы вспоминать произошедшее с ним и стараться постепенно справиться с травмой, внутренне прорабатывая ее» (Фюрст, 1986, цит. По Циантис Дж. и соавт., 2005).

Ранняя сексуализация может произойти также из-за попустительского отношения родителей к своим обязанностям, слабой дифференциации личностных границ и нарушений привязанности. Депривация потребности в эмоциональном контакте может приводить к поиску ощущений удовольствия в других сферах и способствовать развитию и закреплению сексуализированного поведения, при этом другие способы установления контакта становятся недоступны.

При длительном внутрисемейном насилии по мере естественного созревания и формирование психологических структур способность к пониманию смысла и социального значения совершаемых с жертвами действий сексуального характера формируется и развивается внутри смешанной в данном случае предкриминальной, посткриминальной и непосредственно криминальной ситуации. Поэтому к подростковому возрасту жертвы пролонгированного внутрисемейного насилия

крайне неохотно идут на сотрудничество со следствием из-за чувства стыда и ощущений себя «плохими». Вследствие чего они нередко склонны к промискуитету или занимаются проституцией (Васкэ Е.В., 2014).

Довольно часто несовершеннолетние, в отношении которых было совершено сексуальное насилие, отождествляют себя с агрессором, принимая на себя чужое чувство вины и стараясь вернуть ощущение контроля над своей жизнью. Вследствие чего у детей и подростков, перенесших сексуальное насилие, наблюдается тенденция осуществлять те же самые действия в отношении других лиц (Циантис Дж. и соавт., 2005).

При проведении следственных мероприятий с участием несовершеннолетних с сексуализированным поведением следователь и специалист-психолог сталкиваются с рядом практических трудностей. Сексуализированное поведение провоцирует сильную эмоциональную реакцию, потому что оно искажает сложившиеся социальные представления о ролевом поведении. Неподготовленному специалисту сложно адекватно реагировать на провокационные формы сексуализированного поведения и отказаться от оценочной позиции. Эмоциональное восприятие сексуализированного поведения, сознательно или бессознательно рассматриваемое с морально-этической точки зрения, приводит к предвзятому отношению не только к ребенку, но и к его показаниям. Довольно часто следователи, наблюдая проявления сексуализированного поведения у потерпевших, склоняются к мнению, что действия сексуального характера являются фантазией ребенка, который слишком фиксирован на сексуальной теме. Чтобы не попасть в ловушку предубеждений, следователям необходимо знать психологию возникновения сексуализированного поведения.

Для построения контакта и продуктивной работы с несовершеннолетними, демонстрирующими сексуализированное поведение, в процессе следствия в первую очередь необходимо безоценочное отношение. Крайне важно помнить, что сексуализированное поведение – это всегда следствие, а не причина, а значит, в окружении ребенка можно найти факторы формирования и развития таких нездоровых поведенческих паттернов. Зачастую сексуализированное поведение – это попытка удержать контроль над ситуацией. Снижение тревоги от неопределенности ситуации происходит за счет сведения формата общения к закрепленным стереотипам и паттернам или приведения к ситуации, соответствующей внутреннему ощущению собственной «никчемности». Джон Циантис описывает поведение своей несовершеннолетней пациентки, которая подвергалась сексуальному насилию: «Депрессивные чувства сменялись раздражением и стремлением привлечь к себе внимание. Например, пациентка провоцировала мальчиков из группы «трогать» ее и отпускать в ее адрес разные непристойные высказывания» (Циантис Дж. и соавт., 2005).

Во-вторых, необходимо твердо и спокойно удерживать личностные границы. При работе с детьми младшего возраста нужно постоянно возвращать ребенка к сути взаимодействия, пресекать попытки физического контакта (взобраться на колени следователя, объятия, прикосновения и т.п.). В работе с более старшими детьми

следует также поддерживать личностную дистанцию (обращение на «вы», избегание панибратства, игнорирование провокаций и т.п.) и апеллировать к целям и задачам следственных или непроцессуальных действий.

В-третьих, следует соблюдать нейтральность. Опрос, допрос и иные следственные или непроцессуальные действия направлены на получение как можно более точной и подробной информации об обстоятельствах, напрямую или косвенно касающихся криминальной ситуации. Выдвигая гипотезы о тех или иных причинно-следственных связях, важно не принимать чью-либо сторону или делать поспешные выводы о правдивости или ложности показаний, а собрать сведения, которые подтвердят или опровергнут предположения.

Проведение как следственных, так и непроцессуальных действий с детьми, демонстрирующими сексуализированное поведение, требует терпения и сосредоточенности. Безусловно, сексуализированное поведение как явление – это в некотором роде атака на социальные и моральные ценности, и этим оно может провоцировать такие защитные реакции как осуждение, отторжение и другие виды предвзятости, значительно снижающие эффективность следственного процесса.

Литература

1. Бардышевская М.К., Лебединский В.В. Диагностика эмоциональных нарушений у детей. М.: УМК Психология, 2003. 276 с.
2. Васько Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 301с.
3. Райкус Дж.С., Хьюз Р.С. Социально-психологическая помощь семьям и детям группы риска. Т.1. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, М., 2010. С. 7-37, с. 125-139.
4. Циантис Дж., Сандлер А.-М., Анастасопулос Д., Мартиндейл Б. Контрперенос в психоаналитической психотерапии детей и подростков. М.: Когито-Центр, 2005. 139 с.

Установка родителей на применение физического наказания детей

Кондаурова О.П.

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, Россия)

Проявление жестокого отношения к детям, применение физических наказаний к ним является очень сложной проблемой во всех его проявлениях. Проведенный нами опрос среди 300 родителей детей дошкольного возраста различных регионов России (матери и отцы в данной выборке были представлены по 150 человек) показал, что 87 % родителей для поддержания дисциплины устанавливают в рамках своей семьи особые запреты, правила поведения. При этом отцы в большей степени (75%), чем матери (43 %), считают, необходимыми дисциплинарные воздействия с применением физических наказаний для ребенка, в связи с чем, идентификация

физических наказаний, ими не воспринимается и не считается, как преднамеренное нанесение вреда ребенку. Однако, по мнению самих же опрошенных, оказалось, что в реальной жизни матери чаще (69 %), чем отцы (51 %) используют в качестве дисциплинарных мер различные виды физического наказания. Также кроме физических наказаний 83 % матерей и 71 % отцов проявляют и различные формы психологической агрессии (крик, гнев, обзывание), направленные на причинение ребенку психологической боли.

Одновременно с этим, многие матери (72 %) и некоторые отцы (30%) осознают вред физических наказаний для ребенка, но несмотря на это все равно оказывают физическое воздействие по отношению к детям. При этом многие родители (61%) оправдывают свое жестокое поведение, и считают, что ребенок это заслужил, справедливо. Возможно, что родители, таким образом, пытаются не только исправить поведение ребенка, но и эмоционально разряжаются, избавляются от отрицательных эмоций. Не способность формировать и проявлять эффективные детско-родительские отношения, вызывает напряженность, отсутствие доверия в семье, но самое главное не позволяет ребенку эффективно выстраивать отношения с окружающим миром. Сложившаяся ситуация, свидетельствует о том, что деструктивные и авторитарные стратегии взаимодействия с детьми зачастую выходят на первый план, и родителям не хватает знаний о различных эффективных средствах воспитания и воздействия на детей.

Можно предположить, что с появлением нового поколения, с развитием российского общества отношение к физическим наказаниям в семьях изменится, и молодые современные родители будут применять эффективные и гуманные дисциплинарные практики. Однако, как показал опрос 270 студентов гуманитарного профиля, 60% из них считают допустимым применение физического наказания родителями по отношению к детям. Также хотелось бы отметить, что обнаружена положительная связь между показателем допустимости применения физических наказаний родителями к детям и показателем того, что в отношении самих студентов в детстве применялись физические наказания ($p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что оказывается сложно отказаться от устойчивых представлений и традиций воспитания. И, дисциплинарные практики, которые применяют родители по отношению к детям, потом становятся допустимыми и желательными в применении в будущем ими по отношению уже к своим детям. Тем самым можно сказать, что родители, применяющие физические наказания к детям, показывают пример и формируют у своих детей установку, снимая барьер на возможность в будущем применения физического наказания по отношению к детям.

Таким образом, необходимо вести активную просветительскую работу не только с реально-действующими родителями, но и с будущим поколением родителей по вопросам влияния на психическое развитие детей различных стилей воспитания, взаимодействия, дисциплинарных практик, применяемых по отношению к детям. Каждому родителю необходимо знать и всегда помнить, что бывает очень легко перейти от физических наказаний к насилию, поэтому необходимо сделать все

возможное, чтобы жестокое обращение к детям свелось к минимуму и не присутствовало в жизни следующих поколений. Снижение применения родителями физических воздействий по отношению к детям, начинается с изменения установок допустимости физического наказания детей родителями в нашем обществе. Родителям также очень важно научиться рефлексировать, и критически оценивать свое поведение, меняться, если это необходимо для того, чтобы оказывать благоприятное воздействие на развитие ребенка.

Психологические особенности аутоагрессивного поведения лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детском возрасте

Кузнецова С.О., Абрамова А.А., Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г.

ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

В настоящее время научный интерес к изучению психологических аспектов аутоагрессии достаточно высок. В России, как и в большинстве ведущих стран, возрастает частота использования среди населения различных видов аутоагрессивного поведения (Попов Ю.В., Бруг А.В., 2005). Аутоагрессия осуществляется через действия, намерения, высказывания, угрозы и даже внешнее бездействие.

Цель нашего исследования – изучение аутоагрессивных поведенческих актов и нарушения пищевого поведения у лиц, переживших в детстве сексуальное злоупотребление.

Выборка испытуемых включала в себя 113 человек (средний возраст составил 19,9 лет, ст.откл. = 5,2). Из них 104 человека – девушки (средний возраст = 19,8 лет, ст.откл. = 5,1) и 9 человек – юноши (средний возраст = 18,6; ст. откл.= 4,1).

Методики исследования: краткая методика фиксации нарушений пищевого поведения (The SCOFF Questionnaire), шкала измерения степени неудовлетворенности имиджем тела (The Body Satisfaction Scale), шкала фиксации пережитых травм детства (короткая форма) (The Childhood Trauma Questionnaire: Short form), оценка частоты появления суицидальных мыслей (The Positive and Negative Suicide Ideation Inventory).

В результате проведенного исследования было получено, что аутоагрессоры, пережившие сексуальное злоупотребление в детстве, статистически существенно чаще, чем аутоагрессоры без истории сексуального злоупотребления, сообщают и о других пережитых негативных опытах. Результаты указывают на непосредственное и прямое влияние пережитого в детстве сексуального злоупотребления не только на возникновение поведения с аутоагрессивным самоповреждением в более старшем возрасте, но и рассматривает пережитое сексуальное злоупотребление как фактор риска возникновения целого ряда других негативных поведенческих проявлений, сопутствующих аутоагрессии. Наиболее значимые результаты были выявлены при анализе взаимных связей самого факта сексуального злоупотребления в детстве с

другими формами злоупотреблений: эмоциональное злоупотребление ребенком старшими; эмоциональное пренебрежение ребенком со стороны значимых взрослых; физическое (несексуальное) насилие со стороны более старших; физическое пренебрежение (заброшенность ребенка).

Кроме этого, были установлены зависимости между показателями пережитого в детстве сексуального злоупотребления с последующими расстройствами пищевого поведения и неудовлетворенностью имиджем тела в более старшем возрасте у лиц с аутоагрессивным поведением. Аутоагрессоры, пережившие в детстве сексуальное злоупотребление, сообщают о более высоких уровнях суицидальных мыслей и неудовлетворенности собственной фигурой, чем аутоагрессоры без истории насилия. Что может проявляться в ощущении постоянной «войны» со своим собственным телом; скрытности как центральном принципе организации своей жизни; постоянном попадании в опасные или оскорбительные для себя ситуации, неспособности избегать их; установлении таких межличностных отношений, в которых на первый план выходят борьба за контроль и управление.

Таким образом, пережитое сексуальное злоупотребление является сильным фактором риска провоцирования именно суицидального поведения, начиная от его идеаторной разработки и до конкретных попыток исполнения.

Литература

1. Попов Ю.В., Бруг А.В. Аддиктивное суицидальное поведение подростков // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2005. Т.2. №1. С.24-26.

Студенческое самоуправление как метод коррекции девиантного поведения

Кулакина А.С.

СПб ГБПОУ «Невский колледж имени А.Г. Неболсина»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Различные формы девиантного поведения подростков на сегодняшний день являются одной из серьезных проблем, в том числе в системе среднего профессионального образования. Мы можем долго рассуждать, по каким причинам подросток ведет себя таким образом, что его поведение попадает в разряд девиантного. И это, несомненно, важно – понимать, почему он предпочитает решиться на кражу, разбой, распространение наркотиков и т.д. менее опасным формам времяпрепровождения. Тем не менее, в настоящее время количество подростков с девиантным поведением настолько возросло, что, на наш взгляд, гораздо важнее предложить методы решения данной проблемы, не разбираясь глубоко в причинах, насколько это возможно.

Целью данной работы является снижение количества подростков, склонных к девиантным проявлениям, на базе СПб ГБ ПОУ НК им. А.Г. Неболсина.

Гипотеза: привлечение студентов к студенческому самоуправлению и волонтерскому движению способствует снижению склонности к девиантному поведению.

Методики исследования:

1. Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел);
2. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова);
3. Тест эмоционального интеллекта EQ (Н. Холл).

Для коррекции девиантного поведения мы использовали привлечение подростков к студенческому самоуправлению и волонтерскому движению. За два года работы силами студенческого совета проведено десятки мероприятий для студентов колледжа, несколько экологических и благотворительных акций. Члены студенческого самоуправления встречали и сопровождали гостей колледжа, проводили социально-направленные игры для слабослышащих, посещали ветеранов, помогали им по дому. В прошлом учебном году мы получили награду от Комитета по образованию г. Санкт-Петербурга за первое место в фестивале социальных роликов.

Основным результатом нашей работы стало снижение количества студентов, состоящих на учете в КДН и внутриколледжном учете.

Также студенты, участвовавшие в данной программе, переориентировались на социально-приемлемые формы поведения. У них возрос уровень эмоционального интеллекта. В частности, мы получили хорошие показатели по шкале Эмпатии. У испытуемых повысился уровень самостоятельности и общий уровень саморегуляции поведения.

Данная программа в настоящее время находится на стадии оформления в социальный проект, с целью репликации и внедрения в другие колледжи нашего города.

Методики песочной терапии в судебной психологической экспертизе несовершеннолетних

Кулькова Ж.Г.

Центр психологической диагностики и консультирования (г. Челябинск, Россия)

На протяжении последних лет существенно растет активность органов следствия, судебно-исполнительной системы и органов опеки и попечительства по привлечению психологов к оказанию психологической помощи несовершеннолетним. К категории нуждающихся в психологической помощи относятся как несовершеннолетние, интересы которых затронуты в семейных спорах, так и дети, подростки, привлеченные в качестве подозреваемых, обвиняемых, потерпевших или свидетелей.

Психологическая помощь несовершеннолетним в ходе мероприятий в рамках уголовных или гражданских дел включает психодиагностическую работу и

психотерапевтическую поддержку. Психолог, решающий психодиагностические задачи в отношении несовершеннолетних, может быть привлечен в статусе специалиста или эксперта. И в том, и в другом случае остро стоит вопрос применяемого психодиагностического инструментария. Методы и методики исследования психологического статуса несовершеннолетних и значимых для рассмотрения поставленных перед психологом вопросов должны отвечать ряду требований. Во-первых, обеспечивать психологическую безопасность и исключать дополнительную психотравматизацию несовершеннолетних в происходящих досудебных, судебных и пост-судебных процессах. Во-вторых, быть энергономичными, дающими результат при сообразных затратах (временных, трудовых, материальных и пр.). В-третьих, анализ и интерпретация результатов психодиагностической работы должны быть доступны не только для запрашивающей инстанции (заказчика), но и для самого респондента, что важно в контексте обеспечения наилучших интересов ребенка и реализации восстановительных технологий. Тем самым психолог не загромождает процессы, в которых участвует, и не делает их еще более сложными, трудными для несовершеннолетних.

Технология, методы и методики песочной терапии в настоящее время достаточно широко описаны в ракурсе психокоррекционного, терапевтического воздействия. Функция психодиагностики песочной терапии представлена фрагментарно, в малом объеме и недостаточно структурирована. Это представляет проблему использования методик песочной терапии как психодиагностического инструментария. Вместе с тем, методики песочной терапии могут быть эффективно использованы и включены в арсенал проективных методов исследования психологических характеристик личности, социально-психологических компетенций, уровня развития основных познавательных психических процессов несовершеннолетних.

Судебная психологическая экспертиза в отношении несовершеннолетних осуществляется нами на протяжении более 11 лет. Центр имеет помещение, оборудованное системой он-лайн видеонаблюдения. Психологом Центра проведено более 400 психологических обследований детей и подростков в возрасте от 9 месяцев и старше. При этом более 80% составляет работа с детьми в возрасте от 5 до 9 лет. Для решения поставленных перед психологами Центра вопросов при разрешении семейных споров в гражданском судопроизводстве используется методика Эйдемиллера Э.Г. и Юстицкиса В.В. «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ), метод комплексной экспресс-диагностики Р.В. Овчаровой (МЭДОС), методика Г.Мюррея (САТ), методика Рене Жилия, методика «Эмоциональные выборы» Э.Г. Эйдемиллера, проективные рисуночные методики («Моя семья», «Кинетический рисунок семьи», «Моя семья в образах животных», «Моя семья в образах растений» и пр.). Помимо классических методик психологи Центра активно используют методики песочной терапии: «Моя волшебная страна», «Путешествие героя», «Вчера, сегодня, завтра», др. Данные методики доказали свою эффективность в решении задач судебной психологической экспертизы.

Катамнестическое исследование юношей и девушек переживших развод родителей

Лапинова А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Результаты ряда зарубежных исследований показывают, что пережитый в детстве развод родителей оставляет отпечаток как на эмоциональном состоянии ребенка, так и на выстраивании отношений с каждым из родителей. По мнению ряда авторов, психологические последствия развода сохраняются на протяжении всей последующей жизни ребенка, сказываясь на его социальной успешности, взаимоотношениях с другими людьми, собственной семейной жизни (Русаковская О.А., 2011).

Целью проведенного исследования является изучение влияния пережитого в детстве развода на психологическое состояние юношей и девушек.

Выборка: В исследовании приняло участие 15 человек, переживших в детстве развод родителей – трое юношей и 12 девушек – студентов МГППУ (8 человек) и членов клуба исторической реконструкции «Гонзага» (7 человек). В связи с тем, что исследование требовало высокого уровня откровенности испытуемых, а многие вопросы, которые мы планировали задавать, носили глубоко личный характер, выборка набиралась методом «снежного кома», что ограничивает достоверность полученных нами результатов и возможность их переноса на генеральную совокупность молодых людей, переживших развод родителей.

Методы исследования: Методика Parental Bonding Instrument (PBI) (Parker G. et al., 1979), переведенная и апробируемая в рамках научного проекта РФФИ № 18-013-00921А, и разработанный нами опросник, который включал как вопросы, касающиеся особенностей семейной ситуации до, во время и после развода, так и вопросы, касающиеся взаимоотношений с родителями в разные периоды жизни. Последний из вопросов требовал написания текста из 6-7 предложений на тему: «Я помню, что когда мои родители развелись...».

Результаты.

Для девушек опыт развода родителей оказался эмоционально более значимым. Они чаще говорили о пережитом в детстве разводе как о значимом психотравмирующем событии, сохраняющем свою важность до настоящего времени. Юноши не были склонны оценивать развод родителей как событие, оказывающее влияние на их жизнь. В методиках данная тенденция проявилась в объеме и эмоциональном содержании мини-сочинения.

Сопоставление результатов опросника и методики PBI показало, что субъективная тяжесть психотравмы зависит от отношений с родителем, проживающим отдельно. Чем лучше были эти отношения (регулярное общение, проходившее в позитивной эмоциональной атмосфере; эмоциональная поддержка), тем менее болезненны были переживания в связи с разводом родителей.

Литература

1. Русаковская О.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в судебных спорах о воспитании и месте проживания ребенка. Дисс. ... канд. мед. наук / ФГУ "ГНЦ социальной и судебной психиатрии". Москва, 2011. 205 с.
2. Parker, G., Tupling, H., and Brown, L.B. (1979) A Parental Bonding Instrument. *British Journal of Medical Psychology*, 1979, 52, 1-10.

Особенности привязанности и детско-родительских отношений у несовершеннолетних беременных и юных матерей

Ларина Е.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Не смотря на общую тенденцию к увеличению среднего возраста женщины к моменту рождения первенца, проблема ранней подростковой беременности и раннего материнства не теряет своей актуальности. Ранее начало половой жизни зачастую приводит к ранней беременности и материнству. По причине несоответствия возраста половой и социальной зрелости, девушки зачастую не готовы выполнять материнские функции, что приводит к отказам от ребенка, способствуя росту социального сиротства. При этом, на наш взгляд, проблема беременностей среди подростков может находить свое отражение в семейном контексте и в детско-родительских отношениях.

Целью исследования является определение особенностей привязанности и детско-родительских отношений у несовершеннолетних беременных и юных матерей.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что особенности проявления привязанности и детско-родительских отношений у несовершеннолетних беременных и юных матерей имеют свою специфику.

Методологической основой исследования стала теория привязанности Дж. Боулби и М. Эйнсворт. М. Эйнсворт были выделены три поведенческих паттерна привязанности: надежная, неуверенно-амбивалентная, неуверенно-избегающая привязанность (Боулби Дж., 2003).

В исследовании использовались следующие методы и методики: теоретический анализ; эмпирические: интервью, «Индивидуально-типологический детский опросник» Л.Н. Собчик, «Опросник на привязанность к родителям для старших подростков» М.В. Яремчук, Методика «Поведение родителей и отношение подростков к ним»; качественный анализ.

В исследовании приняли участие 6 молодых мам возрастом от 13 до 17 лет. Все девушки имеют родителей (или опекунов), то есть воспитывались преимущественно в семье.

Согласно результатам исследования у всех девушек выявлено положительное, внимательное отношение к своему собственному ребенку. Отношения к родителям разделились на два противоположных поля: в половине случаев родители идеализировались, в другой половине описывались крайне негативные отношения с родителями. У части испытуемых преобладали низкие показатели по шкале позитивное отношение, но высокие по шкалам враждебность и директивность, у девушек же с показателем позитивного восприятия выше среднего, наблюдался также высокий показатель автономности, что свидетельствует о недостаточном родительском контроле в последнем случае и конфликтных отчужденных отношениях в первом. По результатам опросника на привязанность наблюдаются все три классические типа привязанностей. Причем высокий показатель позитивного отношения в предыдущей методике был продемонстрирован как надежная или амбивалентная привязанность, низкий показатель позитивного отношения соотносился с избегающим типом привязанности.

Таким образом, особенности проявления привязанности и детско-родительских отношений у несовершеннолетних беременных и юных матерей имеют свою специфику, которая заключается в сложных отягощенных конфликтами детско-родительских отношениях, лишенных принятия и поддержки. На наш взгляд, первое с чего должна начинаться работа в разрешении проблемы ювенильного материнства – это здоровые детско-родительские отношения, которые в свою очередь берут свое начало с формирования надежной привязанности в раннем детстве. Результаты данной работы позволяют говорить о необходимости продолжения исследования данной темы с целью разработки рекомендаций по организации и содержанию индивидуальной психологической работы и программы групповой коррекционно-развивающей работы с несовершеннолетними беременными и юными матерями, а также психологической коррекционно-развивающей работе с детьми юных матерей.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность. М., 2003.

Психологическое содержание юридического понятия «интересы ребенка»

Макаревская Ю.Э.

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет» (г. Сочи, Россия)

Интересы ребёнка – одна из важнейших юридических категорий, относящихся к семейному праву, не имеющая единого толкования и определения в законе. Статья 64 СК РФ содержит информацию о правах и обязанности родителей по защите прав и интересов детей. Что именно подразумевается под «интересами детей» СК не раскрывает.

В литературе встречаются такие определения «интересов ребенка»: «создание условий для его содержания и благополучного развития» (Сологуб А.Ю., 2013), оценка возможностей для нравственного, духовного, физического развития ребёнка

«служит первым шагом в определении его истинных интересов как развивающейся личности» (Нечаева А.М., 2012), «охраняемые законом потребности ребёнка в материальных и духовных благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие, либо (в зависимости от степени осознания) стремление к достижению этих благ, служащее регулятором деятельности ребёнка, его родителей, законных представителей, иных субъектов, уполномоченных государственных органов, а также критерием осуществления и защиты прав» (Миролюбова О.Г., 2012).

То есть, можно говорить, что реализация потребностей ребёнка в нравственном, духовном, физическом развитии с целью его гармоничного личностного развития и есть «интересы ребёнка».

Понятно, что дети нуждаются в особой защите своих интересов и во многих юридически значимых случаях не могут сами выступать в защиту своих прав, поэтому именно родителям предписано (ст.65 п.2 СК РФ) осуществлять все заботы по воспитанию, образованию детей исходя из их интересов.

В юридически значимых случаях при которых стоит вопрос соблюдения интересов детей оказывается, что, либо семья в целом, либо один из родителей (законных представителей) не понимают, что именно подразумевается под интересами ребёнка, и, соответственно, не осуществляют свои родительские обязанности. В случае, если родители не могут договориться мирно, то вопросы о соблюдении интересов детей решаются в суде. И перед судом стоит задача максимально учесть интересы детей в ходе судебного разбирательства и в процессе принятия решения. Кроме обязательных процедур исследования условий проживания ребёнка и получения необходимых характеристик его ближайшего окружения, у суда часто возникает необходимость в специальных психологических познаниях, которые могут внести существенные пояснения по вопросу развития личности ребёнка и удовлетворения родителями его потребностей в гармоничном развитии.

С точки зрения психологии соблюдение интересов ребёнка родителями – это обеспечение таких условий, при которых ребёнок может полноценно развиваться, то есть решать значимые для его возраста задачи, а также воспитываться в комфортных для него условиях в кругу лиц, к которым он испытывает привязанность.

В соответствии с возрастными периодизациями (Эльконин Д.Б., 1971; Выготский Л.С., 1984; Слободчиков В.И., 1996 и др.) интересы ребёнка как значимые задачи возрастного развития могут существенно различаться.

Так, например, основная потребность ребенка в возрасте 3-7 лет – это общественно значимая деятельность. Задача родителей – обеспечить максимально возможность общения ребёнка со сверстниками, начало освоения социальных ролей, морально-нравственных ориентиров. В 7-11 лет начинается дифференциация внутренней и внешней жизни ребёнка. Родители должны максимально стимулировать самостоятельность ребёнка, расширять круг его социальных контактов. У ребёнка этого возраста в норме развития появляется самооценка, повышается интеллектуальная и познавательная активность, растёт ориентация на социально полезные виды деятельности.

Таким образом, понятно, что, ссылаясь на периодизации психического развития, возрастные нормы и новообразования психики появляется возможность сформулировать конкретный перечень критериев, необходимых для оценки интересов детей в разных возрастных периодах. Основной задачей родителей при этом остаётся максимальное обеспечение его интересов на каждом этапе возрастного развития.

Литература

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1984. т. 4. Детская психология. Проблема возраста. С. 244-256
2. Миролубова О.Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребёнка» // Вестник ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. №4/1. С. 57-58.
3. Нечаева А.М. Защита интересов ребёнка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2012. №6. С. 62.
4. Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. 1996. № 5. с. 39-50.
5. Сологуб А.Ю. Категория «законный интерес» как элемент правового статуса ребёнка // Вопросы современной юриспруденции. 2013. №29. С.142.
6. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4.

Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних при расследовании уголовных дел и проведении доследственных проверок в практике Следственного комитета Российской Федерации

Михайлова Ю.А., Чижова Д.С.

Главное управление криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Психологический анализ показаний несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства является на сегодняшний день одним из наиболее востребованных практических направлений психологии показаний.

В следственной практике данный вид анализа наиболее актуален в следующих случаях:

- расследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, где единственным доказательством являются их показания;
- когда ключевые показания по уголовному делу вынужден давать малолетний с ограниченными способностями давать показания;
- когда несовершеннолетние дают показания по уголовным делам, вызвавшим большой общественный резонанс в качестве «посторонних» свидетелей (эффект «помощника следствия»), например, по делам о безвестном исчезновении малолетнего.

За рубежом разработка схем психологического анализа показаний несовершеннолетних восходит к «гипотезе Ундойча», сформулированной U. Undeutsch, в соответствии с которой свидетельские показания, основанные на реально пережитом опыте, качественно и по содержанию отличаются от сфабрикованных или основанных на заблуждении. Впоследствии M. Steller и G. Köhnken, систематизировав проведенные исследования, сформировали список из 19 «признаков реальности», которые легли в основу исследовательской оценочной процедуры «Criteria Based Content Analysis» (CBCA, «критериальный контент-анализ»), являющейся центральной в методе оценки валидности утверждений (ОВУ). Наиболее развернутая схема анализа показаний несовершеннолетних представлена в работах швейцарских авторов (R. Ludewig, S. Baumer, D. Tavor) В отечественной юридической психологии также проводились исследования направленные на выделение критериев психологической достоверности показаний (Ситковская О.Д. и др.).

Практика психологического сопровождения следственных действий с участием несовершеннолетних показала, что наиболее эффективным в вопросах оценки качества показаний является комплексный подход, включающий анализ материалов уголовного дела (доследственной проверки), очное психологическое обследование ребенка, а также дополнительный сбор информации от законных представителей и других лиц.

В зависимости от задач анализа используемая схема может варьироваться, включая в себя основные блоки:

- анализ индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, оценка «потенциала воображения свидетеля»;
- анализ показаний на основе признаков реальности;
- структурное сравнение, сравнение качества показаний по существу уголовного дела и по нейтральным аспектам;
- анализ постоянства показаний;
- выявление возможных источников ошибок, анализ возникновения показаний и их развитие;
- мотивационный анализ (выявление мотивации оговора).

В практике специалистов-психологов СК РФ психологический анализ показаний осуществляется в рамках исследования, а полученная информация является ориентирующей для следствия.

Данная практика является новым направлением в отечественном уголовном судопроизводстве, но зарекомендовала себя как крайне востребованная следствием. При проведении доследственной проверки психологический анализ показаний несовершеннолетнего дает следователю возможность принять обоснованное решение об отказе либо в возбуждении уголовного дела. При расследовании уголовных дел, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних, выделение показаний, заслуживающих доверие, позволяет следствию сконцентрироваться на приоритетной версии.

Литература

1. Дозорцева Е.Г., Афанасьева А.Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 47-56. doi: 10.17759/jmfp.2015040306
2. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016 г. 328 с.
3. Ситковская О.Д., Конышева Л.П.. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе. Научно-методическое пособие. М., 2001. 72 с.
4. Ludwig R., Baumer S., Tavor D. Aussagepsychologie für die Rechtspraxis «Zwischen Wahrheit und Lüge». Z.: Dike Verlag AG, 2017.

Социально-педагогическое обеспечение реализации системы принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних

с делинквентным поведением

Никитская Е.А., Никитина Е.О.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

Проводимая работа по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в целом по стране дает положительные результаты, однако при анализе статистических данных в ряде регионов можно увидеть обратную, негативную ситуацию.

Можно сделать вывод, что при применении ст. 90 (Применение принудительных мер воспитательного воздействия) Уголовного кодекса Российской Федерации очень низкий результат по социализации несовершеннолетних преступивших закон. Для того, чтобы данные меры были эффективны необходимо совершенствовать профилактическую работу всех субъектов ее осуществляющих, работа должна содержать в себе три составляющих: 1) Профессиональная подготовка, переподготовка кадров и повышение квалификации субъектов профилактики делинквентного поведения; 2) Координации межведомственного взаимодействия субъектов профилактики делинквентного поведения; 3) Система принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних с делинквентным поведением.

В связи с тем, что пп. б) ч. 2 ст. 90 УК РФ предусматривает принудительную меру воспитательного воздействия: передача несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, то для повышения эффективности данной меры необходимо реализовать **первую**

составляющую (Профессиональная подготовка, переподготовка кадров и повышение квалификации субъектов профилактики делинквентного поведения), которая будет содержать два направления: 1. Профессиональная подготовка кадров (Профильные образовательные организации (например: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя; МПГУ; МГППУ и т.д.);

2. Переподготовка кадров и повышение квалификации (например, ВИПК МВД России; научно-исследовательские лаборатории; ФПиПК МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя; ресурсные центры и т.д.)

Вторая составляющая обеспечение реализации системы принудительных мер воспитательного воздействия (Координации межведомственного взаимодействия субъектов профилактики делинквентного поведения).

Зачастую вопрос ресоциализации подростков с делинквентным поведением решается только на уровне образовательного учреждения и круг специалистов, подключенных к данной проблеме, ограничивается сугубо педагогическим коллективом и инспектором ПДН. Решение задач межведомственного взаимодействия с организационно и методически подготовленными учреждениями позволит в более полном объеме работать по ресоциализации несовершеннолетних с делинквентным поведением.

Третья составляющая (Система принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних с делинквентным поведением)

Реализация исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия станет более эффективной, если:

1. На государственном уровне воссоздать специальные школы открытого типа и начать их планомерное комплектование;

2. Оптимизировать функционал КДНиЗП и использовать компетентностный подход к включению лиц в состав КДНиЗП;

3. Внести в порядке законодательной инициативы пункта по принудительному посещению социально-психологических тренингов, профилактических бесед и других коррекционных мероприятий как родителями (опекунам, чьи дети получили статус девиантных или делинквентных), так и самими несовершеннолетними в установленные судом и/или ПДН сроки и количество часов;

4. Разработать и внедрить типовой регламент взаимодействия инспекторов ОДН и образовательных организаций;

5. Создать детские городские оздоровительные лагеря, в которых несовершеннолетние с делинквентным поведением будут проводить свои каникулы на протяжении всего периода применения по отношению к ним принудительных мер;

6. Ввести на законодательном уровне возможность использовать труд, как средство воспитания несовершеннолетних в отношении которых применяются принудительные меры воспитательного характера, обязать родителей и детей к совместному интеллектуальному труду (посещение тренингов, экскурсий, экспедиций и т.д.) в период применения принудительных мер воспитательного характера.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
2. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ от 27 июня 2016 г. N 26 (часть I) ст. 3851.

Буллинг как форма проявления агрессии в подростковом возрасте

Николаева Г.И.

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им.М.К. Аммосова»

(г. Якутск, Россия)

Научный руководитель – Ким К.В.

В настоящее время проблема буллинга (насилия) как проявления агрессии в подростков образовательной среде становится все более актуальной. Полноценное развитие и реализация личностного потенциала ребенка в школе возможно только в комфортных психолого-педагогических условиях.

Агрессивное поведение в подростковом возрасте давно стало предметом изучения психологов и получило название буллинг (травля, преследование). Буллинг определяют, как физическую, вербальную или психологическую агрессию с целью нанести вред жертве, запугать ее или подчинить (Бутовская М.Л. и др, 2012).

Целью данного исследования является: изучение буллинга как формы проявления агрессии в подростковом возрасте

Объект: учащиеся 6-8 классов

Предмет: буллинг как форма проявления агрессии в подростковом возрасте

Гипотеза: существует взаимосвязь между показателями агрессии и риска буллинга.

Методы исследования:

- Опросник риска буллинга (ОРБ) Бочавер А.А. и др.;
- Опросник агрессивности Басса – Дарки (Долгова А. Г., 2009).

В результате исследования, выявлено, что преобладающей формой агрессивного поведения подростков в данной выборке является склонность к физической агрессии. По всем остальным имеющимся в тесте Басса – Дарки показателям у подростков большинство не превышает статистическую норму, в том числе и по индексу агрессивности и индексу враждебности. Имеющиеся незначительные превышения значений показателей по отдельным формам агрессивного поведения у учащихся, компенсируются наличием механизма нормативного контроля в виде чувства вины, можно предположить, что другие агрессивные реакции сдерживаются этим чувством.

По опроснику риска буллинга мы получили следующие результаты. По шкале небезопасности высокие показатели в сочетании с высокими показателями по шкале

благополучия говорят о том, что ведущей деятельностью подростков является общение со сверстниками, желание найти себя, свое место в коллективе. Основная потребность быть частью группы, получать её поддержку, чувствовать единство, в связи с чем пробуют разные, в том числе агрессивные способы поведения и активно собирают обратную связь.

Средние показатели по шкале равноправия, могут распределении в группе ролей, отрефлексированной социальная определенность и диалогичных отношениях, что снижает тревогу и защищает группу от риска разворачивания травли на фоне выстраивания системы социальных статусов.

Для проверки выдвинутой гипотезы, проведен корреляционный анализ уровня агрессивности подростков и риска буллинга, при помощи коэффициента корреляции Пирсона.

- Шкала «небезопасности» и раздражение – $r=0,308$, при $p < 0,01$
- Шкала «благополучия» и подозрительность – $r=-0,258$, при $p < 0,05$
- Шкала «равноправия» и:
 - косвенная агрессия – $r=0,334$, при $p < 0,01$
 - раздражение – $r=0,403$, при $p < 0,01$
 - негативизм – $r=0,336$, при $p < 0,01$
 - подозрительность – $r=0,374$, при $p < 0,01$
 - вербальная агрессия – $r=0,290$, при $p < 0,05$

Таким образом, анализ результатов, полученных нами в ходе проведенного нами исследования, позволяет нам заключить, что выдвинутую нами в начале исследования гипотезу, что «существует взаимосвязь между показателями агрессии и риска буллинга» можно считать подтвержденной.

Литература

1. Бутовская М.Л., Луценко Е.Л., Ткачук К.Е. Буллинг как социокультурный феномен и его связь с чертами личности у младших школьников // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 139-150.
2. Долгова А.Г. Агрессия в школьном возрасте. Диагностика и коррекция. М.: Генезис, 2009.

Ценностные ориентации подростков с аддиктивным поведением

Новокрещенова Г.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Власова Н.В.

В отечественных исследованиях аддиктивное поведение рассматривают как форму девиантного поведения, которая характеризуется формированием зависимости от объекта, условий или отношений.

Целью нашего исследования являлось рассмотрение специфических искажений ценностных ориентаций у подростков, склонных к аддиктивному поведению.

Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных преобразований, выражают сознательное отношение человека к окружающей действительности и определяют мотивацию в его поведении и влияют на все стороны действительности.

В исследовании проанализированы эмпирические данные о распространенности различных форм аддиктивного поведения среди лиц подросткового возраста, описаны особенности ценностных ориентаций у подростков с аддиктивным поведением и рассмотрены факторы психологической готовности для формирования аддиктивного поведения.

Данные проведенного исследования показали, что подростковому возрасту характерно формирование таких видов аддикции как: интернет-зависимость, адрениномания, пищевая аддикция, аддикция отношений и наиболее опасные химические виды аддикций. Ценностные ориентации у подростков с разными видами аддиктивного поведения имеют схожие черты. Прежде всего для них характерна направленность на гедонистические ценности, стремление получать как можно больше сиюминутных удовольствий, ничего не планируя на будущее. Аддиктивные подростки низко оценивают свои возможности, ценность и потенциал своей жизни. (Ошевский Д.С., Балашова Е.О., 2012)

Для зависимых подростков характерна пониженная стрессоустойчивость, страх перед жизненными трудностями, нежелание ждать и терпеть, непреодолимая жажда немедленного исполнения желаемого. (Менделевич В.Д., 2007)

При формировании аддиктивного поведения значительно страдают социальные и духовные потребности, а основополагающими формами поведения становятся материальные, направленные только на удовольствие, потребности. Устанавливаются эмоциональные отношения с неодушевленными предметами, а отношения с окружающими людьми теряют свою значимость, становятся поверхностными. Аддиктивная направленность постепенно искажает и вытесняет истинные человеческие ценности. (Власова Н.В., 2014.)

Таким образом, можно сказать, что ценностные ориентации подростков с разными видами аддиктивного поведения имеют схожие черты. А именно, для них характерна направленность на гедонистические ценности, они стремятся получать как можно больше сиюминутных удовольствий, ничего не планируя на будущее. Подростки низко оценивают свои возможности, ценность и потенциал своей жизни. Они характеризуются как люди, живущие сегодняшним или вчерашним днем, при этом у них наблюдаются признаки неудовлетворенности своей жизнью как в настоящем, так и прошлом. Кроме того, отсутствие реальных планов в достижении целей и ответственности за свои действия, убежденностью в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо планировать, ведь, по их убеждению, все зависит от судьбы. И именно в уходе от реальной действительности, путем изменения своего сознания, подростки находят единственный выход.

Литература

1. Власова Н.В. Психологический аспект исследования интернет-зависимого поведения подростков // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2014. №1. С. 49-54.
2. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
3. Ошевский Д.С., Балашова Е.О. Искажение ценностных ориентаций как фактор риска употребления подростками психоактивных веществ [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52031.shtml> (дата обращения: 01.05.2018).

Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних Нуцкова Е.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

На современном этапе развития юридической психологии одним из ведущих направлений становится изучение личностных особенностей жертвы и преступника, криминальной и посткриминальной ситуации, особенностей реагирования потерпевшего на ситуацию преступного посягательства. Рост количества случаев криминального насилия в отношении детей и подростков, тяжесть возникающих последствий, а также недостаточная методологическая разработанность критериев оценки таких последствий определило цель исследования.

Цель исследования – выявление и описание психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления (СНЗ) по отношению к несовершеннолетним для разработки критериев их диагностической и экспертной оценки. **Материалом исследования** стала сплошная выборка из 200 девочек-потерпевших, экспериментально-психологическое исследование которых было выполнено в Лаборатории психологии детского и подросткового возраста в рамках производства судебных экспертиз в 2010 – 2016 годах. Возраст потерпевших от 3 до 17 лет.

На первом этапе исследования ставилась задача изучить распределение потерпевших по психическому состоянию. Из 200 потерпевших у 29 человек были диагностированы психогенные состояния в форме расстройства, у 15 человек – в форме реакции. 156 человек были признаны психически здоровыми. Психическое состояние 79 здоровых потерпевших позволяло им участвовать в судебно-следственных действиях, а 66 рекомендовалось в дальнейшем не участвовать в судебно-следственных действиях вследствие высокого риска ухудшения их

состояния. Полученные результаты позволили предположить, что психические состояния потерпевших не ограничиваются констатацией психического здоровья или психического расстройства. С учетом психического состояния все потерпевшие были разделены на две категории: проявляющие последствия сексуального насилия и злоупотребления на клиническом и на психологическом уровнях. Это позволило выделить 4 группы последствий, различающихся по степени выраженности: минимально неблагоприятное психологическое состояние (1), неблагоприятное психологическое состояние (2) (психологический уровень), психогенное состояние в форме реакции (3) и психогенное состояние в форме расстройства (4) (клинический уровень).

На втором этапе в соответствии с выделенными четырьмя группами последствий были рассмотрены характеристики качества жизни и адаптации потерпевших девочек. Актуальное состояние 1-ой группы характеризуется переживанием одной сильной эмоции или/и чувством. Данное состояние является преходящим и не приводит к понижению качества жизни или нарушению адаптации. Потерпевшие 2-ой группы демонстрировали связанное с эмоциональным состоянием понижение такого показателя качества жизни, как ролевое функционирование. Обнаруженные у них психологические последствия понижали качество их жизни, но не оказывали существенного влияния на адаптацию. У 3-ей группы потерпевших наблюдаются выраженные нарушения адаптации и понижение качества жизни, касающиеся показателей ролевого и социального функционирования. Психологические последствия СНЗ 4-ой группы потерпевших приводили к стойким нарушениям сферы самосознания и психосексуальной сфер, дисгармоничному развитию. Все эти факторы сказывались на общем состоянии здоровья и психологическом благополучии, резко нарушая качество жизни и социальную адаптацию потерпевших.

Полученные данные позволили предложить рекомендации по использованию выделенных уровней реагирования для уточнения критериев оценки тяжести вреда здоровью и полученного морального вреда. Кроме того, показатели уровня качества жизни и выраженности дезадаптации у потерпевших могут быть использованы в определении динамических изменений психических состояний, возникающих у несовершеннолетних потерпевших.

Психологические особенности материнства в ситуации установления инвалидности у ребенка раннего возраста

Орлова К.С., Делибалт В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время в России проводится политика повышения демографии и идет активное развитие перинатальной медицины, в связи с этим актуализируются

исследования материнства. Вместе с тем, растет численность детей инвалидов: согласно Федеральной службе государственной статистики, каждый год детская инвалидность в возрасте от 0 до 7 лет растет: на 1 января 2014 года – 210 тыс. чел.; на 1 января 2015 года – 212 тыс. чел.; на 1 января 2016 года – 217 тыс. чел. (Федеральная служба государственной статистики, 2018). На 1 января 2018 года детей-инвалидов в возрасте от 0 до 7 лет было зарегистрировано 219 тыс. человек.

В психологии не выделяется единого определения феномена «материнства». Лоренц К. изучал материнство в контексте биологической обусловленности, перенося феномен импринтинга с животных на людей. Психоаналитики рассматривали мать как источник формирования привязанности, обуславливающей гармоничное развитие личности (Боулби Дж., Винникот Д.В., др.). Также существует ряд социокультурных исследований феномена материнства, показывающих влияние общества на материнское самосознание.

Целью нашего исследования являлось обобщение и систематизация психологических особенностей материнства в ситуации установления инвалидности у ребенка раннего возраста. Гипотезой исследования послужило предположение о том, что ситуация установления инвалидности у ребенка раннего возраста оказывает влияние на психологическое состояние матери. А именно: матери, чьи дети имеют ОВЗ, в большей степени подвержены депрессивности и тревожности, и используют копинг-стратегии, связанные с избеганием, по сравнению с матерями, имеющих детей с нормальным психическим развитием.

Выборку составили 8 испытуемых женского пола в возрасте от 23 до 38 лет, являющиеся пользователями социальной сети «ВКонтакте». Из них 3 испытуемые являются матерями детей с ОВЗ и состоят в тематических группах, посвященных данной проблематике, 5 испытуемых - женщины, имеющие детей с нормативным психическим развитием. Средний возраст детей – 18 месяцев. Всем женщинам были предложены следующие методики: Тест родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин); Методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний Зунге в адаптации Т.И. Балашовой; Опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса в адаптации Т. Л.Крюковой, Е. В. Куфтяк; Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик; Опросник «Актуальное состояние» Л.В. Куликов.

В результате выдвинутая нами гипотеза была подтверждена частично: ситуация тяжелого заболевания ребенка действительно оказывает влияние на психологическое состояние матери. Однако, по отношению к матерям здоровых детей, матери, имеющие детей с ОВЗ, оказались более собранными, ресурсными, они ощущают больше энергии, сил действовать. Таким образом, являясь одной из ключевой проблем для понимания психического развития ребенка, тема материнства остается актуальной в контексте культурно-исторических изменений.

Литература

1. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 06.10.2018).

Склонность к риску как фактор генеза девиантного поведения подростков и юношей

Печерский А.В., Панкратова М.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Подростковый возраст – этап взросления, когда ребенок перестает быть ребенком и через колоссальный по росту энергетике, интенсивности развития и количеству преобразований скачок переходит во взрослость, принимая на себя ответственность за собственную жизнь и развитие.

Вместе с тем подростковый возраст является чрезвычайно уязвимым периодом развития, когда чувствительность психики к внешним воздействиям со стороны различных институтов социализации многократно усиливается, преломляясь внутренними процессами, меняющимися представлениями о себе, становлением целостной идентичности и поиском своего места в окружающем мире. В связи с этим знания о механизмах взросления, факторах риска и факторах поддержки психического развития подростков, представления об условиях развития во многом определяют возможность влиять на направленность личности и траектории жизненного пути подростка.

Склонность к риску является личностным, возрастным и социальным явлением, проявления которого взаимосвязаны с определенными типологическими особенностями. Активность данного явления неизбежно растет в подростковом возрасте и юности, и также трансформируется в зависимости от социальной среды и обстоятельств социализации. Наряду с этим, риск может стать подростковой формой самопознания через внешнее поведение и острые телесные ощущения, так как подлинное самопознание для незрелой личности носит субъективный характер и оказывается еще большим риском, чем опасность для здоровья или для жизни.

В современных научных работах склонность к риску рассматривается с различных сторон.

В статье Лакреева А. В. и Варуха Л. В. «Склонность к риску как фактор девиантного поведения подростков» говорится о том, что девиантное поведение зачастую сопровождается желанием подростка рисковать, испытать острые ощущения и оказаться в ситуации выбора, что подкрепляется неустойчивостью гормональной системы и внешними факторами. Авторы на основе теоретического и эмпирического исследования сделали вывод, что склонность к риску является фактором девиантного поведения подростков (Лакреева А.В., Варуха Л.В., 2016).

В статье Розанова В.А. и Рахимкулова А.С. «Суицидальность и склонность к риску у подростков: биопсихосоциальный синтез» рассматривается взаимосвязь между проявлением рискованного поведения и суицидальностью. По мнению авторов, подростки, демонстрирующие склонность к рисковому поведению – особая группа риска, когда речь заходит о возможной суицидальной активности. Даже вполне здоровый и благополучный подросток, чье нестабильное эмоциональное состояние

обусловлено естественными биологическими, психологическими и социальными факторами, подвержен в этот период расстройствам настроения, депрессии и импульсивности в принятии решений, что может стимулировать начало суицидальной активности на уровне суицидальных мыслей. У склонного к риску подростка все это переживается еще более остро, уровень эмоциональной реактивности его еще более высок, а контроль за своими действиями еще более низок, что может усилить суицидальную активность и ускорить переход от стадии суицидальных мыслей к стадии планирования и совершения суицида (Розанов В.А., Рахимкулова А.С., 2013).

В работе Пекарь И.В. «Отношение к риску подростков, проявляющих склонность к правонарушениям, в норме и умственной отсталости» рассматривается отношения к риску несовершеннолетних проявляющих склонность к правонарушениям с нормальными интеллектуальным развитием и при умственной отсталости. По результатам исследования автором был сделан вывод, что независимо от интеллектуального развития, все несовершеннолетние преступники склонны к риску, однако он утверждает, что интеллект оказывает влияние на проявление социально опасного поведения и склонность к риску у несовершеннолетних с умственной отсталостью выше, чем у подростков с нормальным интеллектуальным развитием. (Пекарь И.В, 2013)

Таким образом, рисковое поведение действительно выступает как многогранный феномен, в котором теснейшим образом переплетены нейробиологические, личностно-психологические, социальные и экзистенциальные факторы, сложная система взаимодействий которых не позволяет свести риск только к какой-либо одной из этих составляющих. Также данный феномен очень часто стоит в основах генеза девиантного поведения.

Литература

1. Гуляева Ю.Е. Эмпирическое исследование склонности к риску у подростков с разным уровнем тревожности // Наука и общество в современных условиях. 2015. №1 (3). С.40-42.
2. Лакреева А.В., Варуха Л.В. Склонность к риску как фактор девиантного поведения подростков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 24. С. 141–146.
3. Пекарь И.В. Отношение к риску подростков, проявляющих склонность к правонарушениям, в норме и умственной отсталости // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. Издательство: ООО «Центр развития научного сотрудничества». 2013. С. 92-97.
4. Розанов В.А., Рахимкулов А.С. Суицидальность и склонность к риску у подростков: биопсихосоциальный синтез // Суицидология. 2013. №2. С. 7-24.

Проблемы профилактики правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних на современном этапе: тезисы к размышлению

Пимонов В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Под профилактикой правонарушений (включая преступления) и антиобщественных действий понимается такое воздействие институтов социального контроля на девиантогенные и криминогенные факторы, которое приводит к сокращению или даже к несовершению противоправных и антиобщественных действий (Гишинский Я.И., 2014).

По терминологии ст. 1 Федерального закона от 24.06.1999 N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних - система социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних.

Насколько эффективна современная система профилактики правонарушений несовершеннолетних?

К сожалению, все мероприятия, направленные на существенное ограничение негативных девиаций несовершеннолетних оканчивались провалом.

Не претендуя на истину, обозначим наиболее весомые (с криминологической точки зрения) тенденции девиантных проявлений современности:

Кибердевиантность. Консюмеризация общественного сознания (когда жизнь без Интернета, смартфонов и планшетов не мыслится) и связанная с этим феноменом виртуализация жизнедеятельности. Большинство современных подростков живет (шизофренически) не только в реальном, но и киберпространстве.

Рост социально-экономического неравенства и, как следствие, повышение агрессии (Ядов В.А., 2009), ретристских форм девиантных проявлений в том числе несовершеннолетних (наркотизация, самоубийства, алкоголизация).

Обществом и правительством, не осознается, что мы живем в стремительно меняющемся мире «понятиями прошлого» (Ядов В.А., 2009), стремясь к запрету «негативного», не осознавая, что запретить ничего нельзя (учитывая киберпространство).

Современная система профилактики не учитывает все эти тенденции, а потому отличается архаичностью.

Профилактика предполагает поиск криминогенных и девиантогенных факторов, а также воздействие на эти факторы.

Действующая же система профилактики – это система межведомственного взаимодействия различных субъектов (субъектов профилактики). Из этой модели совершенно неясно кто же конкретно, какой орган осуществляет работу по

отысканию причин (факторов), способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних. Да и вряд ли под силу ли кому-то похвалиться тем, что он знает эти причины.

Возможно, именно поэтому нет достоверных данных об эффективности той или иной модели профилактики, не смотря на то, что над их созданием ломают голову множество ученых разных государств мира.

Между тем, все эти обстоятельства вовсе не исключают разработку новых моделей профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Созданию же устойчивой и эффективной системы профилактики правонарушений и последствий ситуаций социального риска среди несовершеннолетних необходимы определенные предпосылки.

Во-первых, необходимо сосредоточить усилия на поиск эффективных некарательных (находящихся за рамками уголовно-правового поля) мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Во-вторых, требуется формирование «восстановительной» юстиции, альтернативной уголовному правосудию, обеспечивающей права и интересы потерпевших.

В-третьих, необходимы программы, направленные на воспитание либерально-демократического правосознания населения (с помощью СМИ, включая Интернет-ресурсы, в образовательных учреждениях).

Литература

1. Гишинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2014. № 7. С. 42-58.
2. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. 2-е изд., исправл. и доп. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Функциональная дефицитарность первого блока мозга как один из факторов формирования девиантного поведения в детско-подростковом возрасте

Рыжая Я.И., Луковцева З.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Факторы девиантного поведения различны по степени сложности и времени воздействия, не последнюю роль играет и нейропсихологический статус (Москвина Н.В., 2011; Полунина А.Г., Брюн Е.А., 2013; Рахимкулова А.С., 2017). Можно выделить синдромы дефицитарности и несформированности различных мозговых структур, значимые для объяснения причин и механизмов девиантного поведения. Особый интерес представляет функциональная дефицитарность (ФД) первого блока

мозга, изменяющая нейродинамическую основу психической деятельности. Специфика соответствующих синдромов состоит в том, что они имеют широкий спектр проявлений и зачастую сохраняют свое остаточное влияние за порогом детства и даже подросткового периода.

Различают синдромы ФД стволовых и подкорковых структур (Семенович А.В., 2005). По происхождению оба синдрома связаны как с накоплением «генетического груза», так и с воздействием очень ранних, внутриутробных и/или перинатальных вредностей. Наблюдаются разнообразные нарушения соматовегетативной регуляции, что может выражаться как в общей недостаточности нейродинамики и иммунитета, так и в нарушениях работы внутренних органов, эндокринной и гормональной систем. Важным признаком выступает накопление дизэмбриогенетических стигм. Обладатели названных синдромов традиционно попадают в категорию «часто болеющих», имеют хронические соматические и неврологические заболевания.

Дети и подростки с *ФД стволовых структур* имеют проблемы с иммунитетом, утомляемы, фон их настроения чаще снижен. Первичный дефект образует нейродинамическая недостаточность, вызывающая вторичное энергетическое обкрадывание вышележащих структур мозга. Даже при отсутствии выраженных вторичных нарушений «стволовая» астенизация делает ребенка внушаемым, поддающимся негативному средовому влиянию. Если вторичное обкрадывание касается правого полушария, можно ожидать проблем с охватом социальной ситуации в целом, трудностей чувствования сложившихся «правил игры». Если же недостаточное снабжение затрагивает префронтальную кору, формируется «лобный фасад» с грубыми нарушениями саморегуляции, неспособностью организовать собственную активность сообразно социальным нормам.

Основой синдрома *ФД подкорковых образований* является нарушение фазической активации от соматовегетативного до эмоционально-поведенческого уровня. Возникает картина эмоциональной лабильности, необычности эмоциональных реакций и влечений, непредсказуемости поведения; эти проявления усугубляются в подростковом возрасте на фоне гормональной перестройки. Налицо вопрос не столько проблем с управлением эмоциями и поступками, сколько их неадекватности, связанной с высвобождением, растормаживанием примитивных влечений, а подчас и возникновением влечений извращенных.

Приведенные соображения показывают, что каждый из синдромов ФД первого блока мозга образует специфическую основу для формирования девиантного поведения и определяет качественный характер последнего.

Литература

1. Москвина Н.В. Нейропсихологическая диагностика аддиктивного поведения и регулятивных способностей // Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения: материалы всероссийской юбилейной научно-практической конференции: к 100-летию С.Я. Рубинштейн / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рошиной. М.: МГППУ, 2011. С. 108-111.

2. Полунина А.Г., Брюн Е.А. Антисоциальное поведение: нейропсихологические корреляты и роль нейробиологических факторов // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. Т. 23. Вып. 4. С. 83-90.
3. Рахимкулова А.С. Нейропсихологические особенности подросткового возраста, влияющие на склонность к рисковому и суицидальному поведению // Суицидология. 2017. № 1 (26). С. 52-62.
4. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста: Учебное пособие. М.: Генезис, 2005. 319 с.

Гражданский процесс по спорам о воспитании детей: непроцессуальное заключение специалиста-психолога и состязательность сторон

Савельева А.Ю.

ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России,
АНО ДПО «Академия прикладной психологии и психотерапии»
(г. Москва, Россия)

По спорам о воспитании ребенка существуют случаи приобщения к материалам гражданского дела т.н. «заключений специалиста», в которых психологи или лица, позиционирующие себя как психологи, пытаются проводить специальные исследования и формулируют выводы, имеющие юридические последствия. Например, о негативном влиянии отдельно проживающего родителя (не лишенного и не ограниченного в родительских правах) на психологическое состояние и благополучие ребенка без обследования такого родителя и в отсутствие наблюдения за их совместной деятельностью, исключительно со слов заказчика (лица, обратившегося за получением заключения); даются рекомендации о порядке общения с указанием конкретного графика либо указывается на (не-)целесообразность проживания с тем или иным родителем, что является выходом за пределы профессиональной компетенции. Интернет наводнен предложениями о подготовке заключений для суда, выбор за заказчиком. Часто он обусловлен стоимостью и сроком оказания услуг, а не заботой о квалификации специалиста, в силу искаженной конечной цели судебного процесса – удовлетворение деструктивной потребности в мести бывшему супругу, под прикрытием интересами ребенка. Действуя якобы в интересах ребенка, такой родитель (заказчик «заключений») стремится искоренить фигуру отдельно проживающего родителя из картины мира ребенка, вплоть до обращения в суд с иском об изменении Ф.И.О. несовершеннолетнего, подвергая несовершеннолетнего риску лишения его нематериального блага (при том, что подобные требования не связаны с ситуацией удочерения/усыновления). После бракоразводного процесса такие лица даже отрицают, что второй родитель имеет право на участие в воспитании и на общение, желая исключительно получать от него алименты. Проблема не только в том, что суды приобщают подобные «заключения»

(и руководствуясь ими, выносят судебные решения, несмотря на положения ст. 188 ГПК РФ), но и в неэтичных «специалистах» (в значении – лица с высшим психологическим образованием). Предложение существует, т.к. есть спрос на эти услуги – это индикатор здоровья общества, а не только необходимости ФЗ, который закрепил бы профессиональные этические принципы психолога и установил ответственность за их нарушение. Можно разработать правовой механизм блокировки интернет-страниц с рекламой услуг по подготовке заключений для суда, но это не изменит общество, отношение к материнству и отцовству (о последнем часто забывают). Второй стороне, столкнувшись с приобщением непроцессуального документа, пользуясь, предусмотренным ст. 12 ГПК РФ (ФЗ от 14.11.2002 г. N 138-ФЗ), принципом состязательности, необходимо обращаться за заключением специалиста (рецензией) на «заключение». Суды иногда необоснованно отказывают в приобщении к материалам дела рецензий. Однако, стоит напомнить, что ВС РФ в своем Определении по делу №305-ЭС17-11486 от 25.01.2018 уже высказался по данному поводу – «заключение составлено с целью опровержения выводов экспертизы... Требования к оформлению такого заключения, фактически представляющему собой мотивированные объяснения стороны относительно дефектов судебной экспертизы, законом не установлены, а следовательно, оно неправомерно признано судом недопустимым доказательством. Не приобщив указанный документ и не дав оценку его содержательной части, суд лишил сторону возможности доказать свои возражения...» (Определение ВС РФ по делу № 305-ЭС17-11486 от 25.01.2018).

Литература

1. ФЗ от 14.11.2002 г. N 138-ФЗ (в ред. от 03.08.2018) «Гражданский процессуальный кодекс РФ» // СПС КонсультантПлюс.
2. Определение ВС РФ по делу № 305-ЭС17-11486 от 25.01.2018. Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1618626.

Особенности гендерной идентичности у девушек, играющих в онлайн-игры

Степанова М.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Н.В. Богданович

Согласно исследованию сходств и различий в играх, основанных на онлайн-аудитории в возрасте от 10 до 65 лет, аналитической компании Newzoo, было определено, что в 13-ти странах мира, включая Россию, 46% геймеров составляют женщины. Всё большее распространение игр среди разных возрастных групп и их популяризации в СМИ определяют необходимость исследований в данной области, т.к. понимание механизмов распространенности игр среди молодежи дадут возможность осуществлять более детальную профилактику игровой зависимости.

Целью исследования являлось выявление особенностей гендерной идентичности у девушек, играющих в онлайн-игры.

Выборку исследования составили девушки от 16 до 27 лет, на основании возрастных периодов в соответствии с особенностями социальной жизни (получение общего/высшего образования, трудовая деятельность) нами были сформированы три группы: старший юношеский возраст (16-17 лет), студенческий возраст (18-22 года), девушки молодого возраста (23-27 лет). Объем выборки – 68 чел.

Для исследования был использован следующий диагностический материал: анкета для сбора общих сведений, полоролевой опросник С. Бем, тест описания поведения К. Томаса, в адаптации Н.В. Гришиной, модифицированный нами под игровую среду, методика диагностики личности на мотивацию к успеху и избеганию неудач Т. Элерса, методика «Кто Я?» (глазами себя; глазами друзей; в игре). Полученные данные были подвергнуты математической обработке.

На основании результатов исследования были сделаны следующие выводы:

Гендерная идентичность как одна из базовых характеристик личности формируется в процессе развития в результате взаимодействия биологического фактора и социализации, и позволяет организовать свой образ «Я». Нами было установлено статистически, что между девушками старшего юношеского, студенческого и молодого возраста нет различий по типу гендерной идентичности. Андрогинный тип гендерной идентичности преобладает у девушек всех выделенных групп.

Специфика популярного у девушек игрового контента в том, что игра происходит с реальными людьми «здесь и сейчас» и продолжается постоянно, кроме того, происходит создание иной идентичности, которая может быть близкой к собственному или идеальному образу себя, но может и отражать желаемую идентичность. Ощущение свободы, наличие обратной связи, сопричастность со своей командой и решение общей цели – стирают грань между реальным и виртуальным миром. Повышение статуса и игрового уровня создают иллюзию личностной реализации и собственной значимости, поскольку игровой уровень - это важный фактор отбора членов команды. Специфичность сленга, обуславливающая недоступность понимания смысла разговора для посторонних людей, создает некую субкультуру. Так, большинство девушек студенческого и старшего юношеского возраста идентифицируют себя со своим персонажем и отмечают схожесть персонажа с собой чаще, чем другие. Девушки молодого возраста имеют тенденцию желать быть как их персонаж, но большинство имеет четкое разделение себя и персонажа.

Поведение девушек в игровой среде (ИС) и конфликтном взаимодействии (КВ) старшего юношеского возраста носит неконструктивный характер с преобладанием таких стратегий как приспособление и избегание. Поведение девушек студенческого возраста в ИС и в КВ различается, но в обеих группах выражено стремление к удовлетворению интересов всех сторон взаимодействия. Девушки старшего юношеского возраста более склонны использовать стратегию

приспособления в онлайн-игре, нежели девушки студенческого возраста. Поведение девушек молодого возраста характеризуется как наиболее гибкое и адаптивное.

Таким образом, было выявлено, что в указанных группах нет значимых различий по типу гендерной идентичности, а наиболее предпочитаемыми стратегиями взаимодействия в конфликтных ситуациях оказываются неконструктивные модели поведения. При этом стратегии взаимодействия в игре различаются в каждой возрастной группе, но большинство девушек в каждой из групп отмечают наличие процесса идентификации со своим персонажем, что требует дополнительного изучения.

Литература

1. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2004.
2. Иванов М.С., Авилов Г.М. Ролевая компьютерная игра как особый вид деятельности // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 41–55.
3. Савелова М.А. Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 5–6. С. 43–47.
4. Connel R.W. Masculinities / R.W. Connel. Oakland: University of California Press, 2005. 324 p.

О профессиональной компетенции органов опеки и попечительства при установлении юридически значимых психологических категорий в семейных спорах, связанных с воспитанием детей

Сухотин А.А.

ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России,
АНО ДПО «Академия прикладной психологии и психотерапии»
(г. Москва, Россия)

При разрешении судебных споров о месте жительства ребенка и порядке общения с ребенком отдельном проживающего родителя судам необходимо учитывать мнение ребенка в соответствии со ст. 57 СК РФ. Как отмечает Верховный Суд РФ, «...мнение ребенка о том, с кем из родителей он желает проживать, выявляется, как правило, органами опеки и попечительства, составляющими акты обследования жилищно-бытовых условий и соответствующие заключения» (Определение ВС РФ от 19.12.2017 № 18-КГ17-181).

В высококонфликтных семейных спорах психологам приходится сталкиваться с психологическим индуцированием – механизмом формирования у ребенка негативного отношения к отдельно проживающему родителю, «который может осуществляться в различных формах от отражения ребенком мнений и оценок

значимых взрослых до активного настраивания взрослыми, с которыми он проживает» (Сафуанов В.С. и др., 2011, с. 115). При опросе ребенка в судебном заседании «суду необходимо выяснять, не является ли мнение ребенка следствием воздействия на него одного из родителей или других заинтересованных лиц, осознает ли он свои собственные интересы при выражении этого мнения и как он его обосновывает, и тому подобные обстоятельства» (Постановление Пленума ВС РФ от 27.05.1998 года № 10).

Однако при ознакомлении с «протоколами беседы», которые предоставляют в суд органы опеки, можно прийти к выводу о том, что органы опеки при опросе задают наиболее «примитивные» прямые вопросы о том, с кем хочет проживать ребенок или хочет ли он общаться с родителем. Являясь по образованию юристами или педагогами, специалисты органов опеки не владеют методами и методиками, которые могли бы им позволить установить наличие признаков психологического индуцирования (иными словами, дать ответ на вопрос о том, является ли мнение ребенка самостоятельным). Также у них отсутствуют специальные знания в области психологии о возрастных особенностях реакций детей на развод родителей. В ряде случаев органы опеки игнорируют научные данные о необходимости для гармоничного развития ребенка сохранения у него положительной привязанности к обоим родителям. Отсюда следует вывод, что необходимо донести как до судейского сообщества, так и до органов опеки позицию о том, что подобную задачу в семейных спорах должен решать специалист, обладающий специальными знаниями в области психологии. В противном случае «протоколы беседы» с неструктурированными вопросами и полученными на них ответами ребенка не могут обеспечить суд объективными и обоснованными сведениями о том, под влиянием каких факторов сформировалось мнение ребенка, как обосновывает ребенок это мнение, соотносит со своими интересами и т.д.

Далее возникает проблема с игнорированием органами опеки тезиса о необходимости для гармоничного развития ребенка сохранения у него положительной привязанности к обоим родителям после исполнения вынесенных судебных решений о месте жительства ребенка. На сегодняшний день после передачи и отобрания ребенка по решению суда родитель, с которым ранее проживал ребенок, обращается в суд с иском об определении порядка общения, так как ввиду высокого конфликта договориться со вторым родителем становится невозможно. Органы опеки в таких ситуациях представляют в суд «распоряжение», в котором устанавливают график общения с указанием конкретных дней и часов для общения с ребенком. Как показывает практика, в большинстве подобных «распоряжений» опеки существенно и необоснованно (например, до двух встреч в месяц продолжительностью в один час) ограничивают право отдельно проживающего родителя, с которым «еще вчера» проживал ребенок и к которому у него имеется надежная положительная привязанность, на общение с ребенком. Мотивируют это органы опеки необходимостью соблюдения некоего «адаптационного периода». Вызывает недоумение тот факт, что обоснованием для подобного рода ущемления права

отдельно проживающего родителя на общение с ребенком для органов опеки являются «наблюдения психологов» без привязки к конкретным научным источникам или результатам каких-либо исследований. Вынося подобные «распоряжения», органы опеки лишь усиливают конфликт между родителями; также подобные «распоряжения» нельзя признать соответствующими интересам ребенка.

Таким образом, необходимо четко определить и закрепить на законодательном уровне компетенции специалиста органов опеки и попечительства в семейных спорах о воспитании ребенка.

Литература

1. Определение Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 18-КГ17-181 [Электронный ресурс] // URL: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19122017-n-18-kg17-181/> (дата обращения: 10.10.2018).
2. Постановление Пленума ВС РФ от 27.05.1998 года № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 6) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/12111896/> (дата обращения: 10.10.2018).
3. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 10.10.2018).

Актуальные проблемы применения специальных психологических знаний в судебных спорах о детях

Терехина С.А., Ошевский Д.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Семейные проблемы, возникающие в ситуации развода, в значительной степени имеют психологический характер, и в этой связи решение спорных вопросов о детях при разводе в гражданском судопроизводстве обуславливает необходимость использования специальных познаний в области психологии. В последнее десятилетие наблюдается существенное расширение практики привлечения психологов к участию на разных этапах судебного процесса. Проблема использования специальных клиничко-психологических познаний в категориях дел, связанных с защитой интересов ребенка в ситуации развода, ранее уже рассматривались в специальной литературе. По итогам проведенного анализа было установлено, что заключения специалистов часто не отвечают профессиональным и

этическим стандартам, отличаются отсутствием научной методологии, несоответствием юридическим запросам, а также превышением пределов компетенции (Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., 2011; Сафуанов Ф.С., Александров М.Ф., 2011). В настоящем исследовании предпринята попытка анализа существующей практики за последние десять лет.

Цель исследования – описание типичных ошибок, совершаемых психологами при проведении обследований несовершеннолетних и подготовке заключений в рамках гражданского судопроизводства, связанного с защитой их прав и интересов при разводе родителей.

Материал и методы исследования. Были проанализированы 30 психологических заключений на детей и подростков, содержащихся в материалах гражданских дел, поступивших в ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России для проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по семейным спорам о детях при разводе. Они были составлены специалистами негосударственных учреждений, педагогами-психологами системы образования, работниками психолого-медико-социальных центров, а также частнопрактикующими психологами. В анализ также были включены 30 психологических заключений на несовершеннолетних, составленных по запросу одного из родителей и представленных адвокатами для рецензирования специалистам ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России в рамках оказания консультативной помощи адвокатам. Были использованы качественные методы, а также методы описательной статистики.

Результаты исследования. Заключения, содержащиеся в материалах гражданских дел по семейным спорам о детях, в 90% случаев не соответствовали необходимому уровню требований. Более 80% психологических заключений, представленных для анализа адвокатами одной из спорящих сторон, послужили материалом для написания специалистом-психологом рецензий, содержащих существенные критические замечания, касающиеся, в частности, нарушений пределов своей профессиональной компетенции. При анализе материалов были выделены организационно-правовые и структурные ошибки, нарушения методологических и методически принципов, а также этико-деонтологических норм (Терехина С.А., Ошевский Д.С., 2018).

Заключение. Сложившаяся практика деятельности психологов в гражданском судопроизводстве при рассмотрении дел о воспитании детей при разводе в настоящее время имеет ряд серьезных недостатков. Одним из путей решения проблемы может стать дальнейшая разработка принципов использования специальных психологических познаний как в рамках экспертной, так и внеэкспертной деятельности. Одновременно с этим необходимо принятие мер, повышающих ответственность специалистов, участвующих в гражданских делах о защите интересов несовершеннолетних. Также целесообразным представляется активизация деятельности профессионального психологического сообщества по оценке этико-деонтологических аспектов участия психологов в судопроизводстве.

Отдельной задачей является повышение профессиональной компетенции психологов в области судебной психологии.

Влияние негативного опыта ребенка в перинатальном периоде развития на дезадаптацию в подростковом возрасте

Толчинская Л.В.

ГБОУ школа № 117 (г. Москва, Россия)

Актуальность проблемы связана с повышением негативных социальных проявлений в обществе: экономическая нестабильность, кризис семьи, которые провоцируют рост преступности. Существует множество взглядов на истоки девиантного поведения. На сегодняшний день большинство ученых, анализируя отклоняющееся поведение, считают продуктивным социально-личностный подход. Девиантные формы поведения, базируясь на индивидуально-психологических стереотипах, имеют зависимость от внешних условий. Безусловно, сложные жизненные обстоятельства, негативное семейное воспитание, низкий культурный уровень окружения влияют на многих детей. Однако, находясь в одинаковых неблагоприятных условиях, далеко не каждый подросток совершает нарушения дисциплинарного порядка. Вопрос о причинах изучаемых явлений всегда один из самых сложных для любой науки.

В современных зарубежных и отечественных научных изданиях все большее значение придается изучению факторов, обуславливающих развитие психогенных психических расстройств и, как следствие, нарушение процессов адаптации. В этой связи очень важно обратить внимание на исследования в области перинатальной психологии, которые указывают на огромное значение внутриутробного периода жизни в становлении человеческой психики. Интересные данные были получены О. Сеньковым в исследовании причин развития шизофрении: триггерами заболевания могут выступать различные факторы окружающей среды, особенно во время внутриутробного и раннего послеродового развития. Нежеланная беременность является одним из перечисленных факторов.

В соответствии с положением о необходимости целостного подхода к изучению человека в системе его взаимосвязей с миром, мать является посредником между окружающим миром и ребенком. Поэтому ребенок еще в утробе непрерывно улавливает чувства матери к окружающей действительности и к нему самому, что откладывает соответствующий отпечаток на дальнейшее отношение ребенка к миру. Если мать во время беременности находится в стрессовом состоянии, с ужасом думает о рождении ребенка, то ребенок испытывает интуитивное недоверие к миру. Нежеланность рождения ребенка определяется как негативное субъективное эмоциональное отношение матери к своему ребенку в период внутриутробного развития, выражающееся в его отвержении.

Гипотеза исследования: одним из факторов, детерминирующих особенности социально-психологической адаптации в подростковом возрасте является отношение матери к ребенку перинатальном периоде развития.

В результате обследования матерей учащихся ЦО №117 и СОШ №102 из 377 подростков было выявлено 280 желанных детей (принимаемых, соответствующих ожиданиям матери) и 97 человек, кто испытал на себе в той или иной степени момент нежеланности (отвержения). Анкетирование выявило наиболее распространенные мотивы нежеланности рождения ребенка (по А.И. Захарову): 1) преждевременный ребенок; 2) лишний ребенок; 3) нежеланный по полу ребенок.

Проводилось исследование психологических особенностей желанных и нежеланных подростков. В результате установлена связь между нежеланностью рождения ребенка и дезадаптацией в двух группах: группы №1, (n=97), группы №2 «желанных» подростков, (n=280). С помощью статистического критерия ϕ^* - углового преобразования Фишера определена статистическая значимость данной связи ($p \leq 0,01$, $\phi^* = 8,19$). Значимая корреляционная связь ($\phi^* = 9,69$) выявлена между нежеланностью и параметром «внешний контроль». Мы объясняем это тем, что в отличие от желанных детей, у которых развита способность к самоконтролю, нежеланный подросток испытывает необходимость в руководстве, регламентации его деятельности потому, что не уверен в своих силах. Так же существует корреляция нежеланности и ведомости ($\phi^* = 9,64$) подростков, в отличие от желанных – эти дети не склонны занимать лидерскую позицию, зависимы от мнения окружающих. Выявлена значимая связь с параметром «эскапизм» ($\phi^* = 8,50$). Обнаружена связь нежеланности с параметром эмоциональный дискомфорт ($\phi^* = 9,03$).

Таким образом, стресс, пережитый ребенком во время внутриутробного развития, изначальная мотивация беременной женщины и дальнейшее отвержение ребенка оказывают влияние на развитие агрессивности, недоверия к окружающему миру, формируется пассивная жизненная позиция, снижается ответственность за происходящие события, что проявляется в подростковом возрасте в форме девиантного поведения.

Качество стимульного материала как условие валидности методики, направленной на выявление мотивов детских имущественных преступлений

Устинов Д.В.

Отдел по делам несовершеннолетних МВД ДНР,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк, ДНР)

Ежегодно имущественные преступления составляют основную долю преступлений несовершеннолетних. Для профилактики такого вида преступлений возникла необходимость разработки методики, позволяющей выявить мотивы совершения детьми имущественных преступлений (МДИП).

Адекватность и полнота охвата содержания стимульных пунктов является ключевым условием валидности методики. После определения используемой техники диагностики (интерпретативно-аддитивная проекция), формулирования концепта и критериев шкалирования была составлена спецификация методики, обозначившая формат заданий (сюжетная история и неоконченные предложения), их распределение по шкалам (Устинов Д.В., Устинова Н.В., 2017).

Подготовка стимульного материала.

Предварительная стадия. Задания предложены 63 студентам психологических специальностей (18-19 лет) и 33 несовершеннолетним правонарушителям. Установлены стимулы, вызывающие необходимую неоднородную реакцию, и возможность выявления признаков разнообразной криминальной мотивации. Проанализированы замечания студентов по конкретным пунктам.

Подтверждение валидности методики требует соотнесение результатов с внешней реальностью, вариантом которой являются показатели применения диагностических методик с доказанной валидностью. При отсутствии специализированных методик, подобраны тесты с близкими концептуальными понятиями, диагностирующие мотивационную сферу «в общем».

Апробационное исследование. С применением методик «Пирамида потребностей» (В. Скворцов, И. Акиндинова), «Мотивационная структура» (В. Мильман) и МДИП исследовано две группы детей (93 преступника, 74 законопослушных). Выявлено 22 пары показателей, один из которых описывает мотив преступления, второй – мотивацию проверочной методики, проявивших значимую статистическую взаимосвязь.

Основное исследование. Подобраны методики: «Диагностика потребности в ощущениях» (М. Цукерман), «МАС» (М. Кубышкина), «Пословицы» (С. Петрова), «Определение эмоциональной направленности» (Б. Додонов), «Доминирующий криминальный мотив» (Ю. Малюшина), а также методики апробационной стадии распределены на два комплекса, в каждый из которых вошла методика МДИП.

Проведен предварительный теоретический анализ соответствия стимульной части проверочных методик отдельным видам криминальных побуждений. Установлено, что реакция на подавляющее большинство стимулов характерна для нескольких видов мотивов преступного поведения (составляющие шкалу *трудовой* мотивации стимулы (С. Петрова) характерны *корыстному, игровому, самоутверждения* криминальным мотивам). Выявлено 62 пары диагностических шкал с вероятной статистической зависимостью.

Анализ позволил выявить 14 отдельных групп (шкал) стимулов проверочных методик, реакция на которые демонстрирует побуждения, соответствующие одному мотиву преступления (стремление к *острым ощущениям* (М. Цукерман) соответствует *игровому* мотиву преступления). Предположения использованы как гипотезы при проведении практической части исследования.

Эмпирическое подтверждение гипотез и иных обоснованных соответствий шкал свидетельствует об измерении методикой запланированного качества.

Результаты диагностического исследования 134 законопослушных детей и 82 правонарушителей подтвердили все гипотезы. Также выявлена 31 взаимосвязанная пара шкал из числа вероятно соответствующих. При этом все виды мотивов преступлений (кроме ситуативного физиологического) были подтверждены в результате использования внешних проверочных методик.

Описанные мероприятия и их результат свидетельствуют о прохождении этапа обеспечения валидности, как основного в процессе разработки диагностической методики.

Литература

5. Устинов Д.В., Устинова Н.В. Применение отдельных проективных техник для выявления мотивов совершения несовершеннолетними имущественных преступлений // Вестник КемГУ. 2017. №4. С.153-159.

Оценка способности несовершеннолетних обвиняемых с личностной незрелостью к осознанной регуляции деятельности

Федонкина А.А.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России
(г. Москва, Россия)

Исследование феномена личностной незрелости у несовершеннолетних правонарушителей в настоящее время является важной и актуальной задачей. Большое количество правонарушений совершается подростками из-за недостатка волевой регуляции, слабой сформированности прогностических функций, развлекательной мотивационной направленности, то есть в силу особенностей, отражающих слабую сформированность личностной сферы.

Настоящее исследование направлено на определение связи психологических характеристик несовершеннолетних обвиняемых с личностной незрелостью с потенциальной способностью и актуальной возможностью таких несовершеннолетних к осознанной регуляции действий в ситуации правонарушения. Материалом исследования стали результаты психологического экспертного исследования 115 несовершеннолетних правонарушителей в возрасте 14-18 лет в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), у которых был выявлен феномен личностной незрелости. Использовались методы экспериментально-психологического исследования и анализа документов, статистические методы.

Потенциальная способность к осознанному и волевому руководству действиями представляет собой общую оценку интеллектуальных, эмоционально-волевых свойств субъекта, которые позволяют ему осуществлять личностно опосредованную регуляцию поведения в социуме и является, в частности, предпосылкой уголовной ответственности. Результаты исследования показывают, что

при отсутствии потенциальной (одновременно и актуальной) возможности осознавать значение действий и руководить ими в ситуации совершения общественно опасных действий (ООД) проявления личностной незрелости подростка связаны с психопатологическими причинами и характеризуются пониженным интеллектуальным уровнем, трудностями волевого контроля, слабым прогнозом последствий своих действий, склонностью к непосредственной реализации возникших побуждений, слабым усвоением социальных норм. Основными критериями потенциальной способности несовершеннолетних, как с нормальной, так и с аномальной личностной незрелостью, к осознанной волевой регуляции деятельности служит достаточный либо несколько пониженный интеллектуальный уровень, способность учитывать в своём поведении социальные нормы и правила самостоятельно либо в условиях внешней регламентации. При этом актуальная возможность подростка осознанно руководить своими действиями может быть полной или ограниченной в силу нормальной или аномальной личностной незрелости. Полная актуальная возможность обеспечивается достаточным интеллектуальным уровнем, упорядоченностью поведения в экспериментальной ситуации и сохранностью функционирования звеньев регуляции поведения (целеполагания и целедостижения) в ситуации ООД. Ограниченная актуальная возможность представлена достаточным или невысоким интеллектуальным уровнем, трудностями самостоятельной организации деятельности, ориентацией преимущественно на свои желания, эгоцентризмом, трудностями прогноза последствий своих действий, волевого контроля. Несовершеннолетние обвиняемые с нормальной возрастной личностной незрелостью («отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством»), обусловившей ограничение актуальной возможности руководства действиями при совершении ООД, демонстрируют достаточный интеллектуальный уровень и способность к удержанию стабильной линии поведения, учету социальных норм в условиях внешней регламентации при некоторых трудностях самостоятельной организации деятельности.

Результаты исследования уточняют механизмы регуляции деятельности у подростков с личностной незрелостью и могут быть использованы в экспертной практике.

К вопросу о причинах подростковой преступности и мерах ее предупреждения

Хамикоева З.Р.

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Кособродов В.М.

Преступность несовершеннолетних обусловлена многими негативными социальными явлениями и процессами, а также индивидуально-типологическими

особенностями деструктивной направленности. Также важными факторами подростковой преступности являются: негативное воздействие членов семьи; негативное воздействие близкого окружения в быту и в учебе; провокация на преступную деятельность со стороны старших правонарушителей; отсутствие в течение долгого времени каких-либо занятий у подростка, бросившего учебу; детская безнадзорность; пробелы в учебно-воспитательной работе; несовершенства координирования детского досуга (Дозорцева Е.Г., 2004; Шнейдер Л.Б., 2015).

Большей части преступников, не достигших 18 лет, свойственны устойчивые привычки и стереотипное антиобщественное поведение: неизменная демонстрация пренебрежительного отношения к общепринятым нормам поведения, склонность к потреблению спиртных напитков, наркотических средств, бродяжничеству, побегам из дома и воспитательных учреждений (Мальцева Л.В., 2011)

Также многие зарубежные и отечественные специалисты сходятся во мнении, что СМИ, чрезмерно увлекаясь отображением насильственных преступлений способствуют росту агрессивного поведения среди несовершеннолетних, что может привести к совершению ими преступлений (Боровиков В.Б., Боровикова В.В., 2015)

Преыдушие этапы развития общества и государства во многом предопределили формирование отрицательных процессов и явлений, активно демонстрируемых в молодежной среде. Главным образом крупные упущения наблюдаются в развитии и осуществлении политики по отношению к семье, проблемам молодежи, бытовой сфере. Данные упущения в свою очередь стали основой воспроизведения отрицательных процессов и явлений в остальных социальных сферах жизнедеятельности (Ревин В. П., 1994).

Современные концептуальные положения о предупреждении преступлений, которые совершаются несовершеннолетними, содержится в актах международного сообщества. Конвенция ООН по предупреждению преступности среди несовершеннолетних, которая была ратифицирована РФ, закрепляет ряд положений, обладающих огромным профилактическим значением. Российское законодательство затрагивает широкий круг проблем правового положения несовершеннолетних.

Основным направлением методов общесоциального предупреждения преступности несовершеннолетних является создание благоприятных условий для социализации детей и подростков, реализации их прав и законных интересов. Одно из важнейших направлений предупреждения подростковой преступности представляет собой создание жизненных условий, обеспечивающих физическое, умственное и нравственное развитие личности. В связи с этим необходимо особое внимание уделять поддержке материнства и детства, борьбе с безнадзорностью и маргинализацией детей и подростков, снижению уровня молодежной и подростковой безработицы, нравственному воспитанию молодежи, противодействию подростковому алкоголизму и наркомании, пропаганде здорового образа жизни.

Литература

1. Боровиков В.Б., Боровикова В.В. Средства массовой информации и предупреждение преступлений несовершеннолетних // Бизнес в законе.

2015. №5. С. 116-121.

2. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением: Москва: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2004. 352 с.
3. Мальцева Л.В. Преступность среди несовершеннолетних и ее предупреждение // Общество: политика, экономика, право. 2011. №4. С. 102-105.
4. Ревин В.П. Современные проблемы изучения и организации борьбы с преступлениями в сферах семейно-бытовых и молодежно-досуговых отношений: автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 1994. 52 с.
5. Шнейдер Л.Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности. М., 2015. 300 с.

Роль процесса оценивания в правовой социализации и правосознании

Чернов В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Анализ литературы по вопросам правовой социализации и правосознания показывает, что одним из наименее описанных и разработанных аспектов является роль процесса оценивания в процессе правовой социализации и в правосознании, как результате этого процесса.

Правовая социализация представляет собой сложный и многогранный процесс, протекающий практически в течение всей жизни. Одни из самых подробных и полноценных описаний правовой социализации дают Г.Г. Шиханцов и Т.А. Фирсова.

Правовую социализацию Г.Г. Шиханцов описывает как протекание трех процессов:

- усвоения человеком критериев оценивания юридически значимых ситуаций;
- изучения права (законов и правил как таковых), не относя их к самому себе;
- обучения использованию этих правил в жизни (Шиханцов Г.Г., 2006).

Т.А. Фирсова дает следующее определение. Правовая социализация - это процесс, в ходе которого человек входит в социально-правовую среду и адаптируется в ней, знакомится с правовыми нормами и познает их, овладевает навыками правового поведения и общения, а также происходит формирование правовых установок и эмоционально-ценностного отношения к нормам и правилам (Фирсова Т.А., 2002).

Н.А. Батурин дает следующее определение процесса оценивания. Он пишет, что оценка как процесс имеет несколько видов, которые именуется «родами». Наиболее подходящим является описание оценки (III рода) как отражения

социальных отношений предпочтения путем сравнения субъекта и его поведения с оценочным основанием, являющимся знанием о социальной норме (Баутрин Н.А., 2000).

Важно описать связь правовой социализации и правосознания.

По Г.Г. Шиханцову, в ходе правовой социализации у человека может сформироваться только правосознание на познавательном уровне как общность правовых знаний.

Т.А. Фирсова утверждает, что правовая социализация является основой формирования правового сознания.

Это утверждение позволяет нам сделать вывод, что правосознание как более статичное образование формируется в ходе правовой социализации и является «продуктом» данного процесса.

А.Р. Ратинов описывает три функции правосознания:

- познавательная – правовая подготовка;
- оценочная – ценностные отношения к праву, практике его применения и людям, относящимся к правовой системе;
- регулятивная – формирование правовых установок и ориентаций, определяющих поведенческие решения человека.

А.Р. Ратинов ставит процесс оценивания на центральное место в правосознании. Оценочные отношения как интеллектуально-эмоциональные образования возникают после того, как правовые знания, полученные человеком, соприкасаются с его личными интересами, ценностями, опытом, потребностями и вызывают к себе определенное отношение, приобретают смысл и подвергаются оцениванию. Однако данные интеллектуально-эмоциональные образования в сочетании с волевым компонентом становятся залогом возникновения социально правовых установок, которые являются основой регуляции правового поведения человека (Ратинов А.Р., 1988).

Таким образом, с полной уверенностью можно говорить о связи процесса оценивания с процессом правовой социализации и правосознания. А также о высоком уровне значимости этой связи.

Литература

1. Батурин Н.А. Психология оценивания и оценки. Челябинск.: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 106 с.
2. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Избранные труды / Сост. М.В. Кроз, Н.А. Ратинова. Москва.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 82-95.
3. Фирсова Т.А. Психолого-педагогические факторы развития правового сознания подростков : дис...канд. психол. наук. Самара, 2002. 250 с.
4. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: учебник для вузов. Москва.: ЗЕРЦАЛО-М, 2006. 272 с.

Игровая профилактика агрессии

Чернушевич В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Согласно фрустрационной теории причиной агрессивного поведения может быть неожиданное препятствие на пути к желаемой субъектом цели (Берковиц Л., 2001). Механизм возникновения агрессивной реакции представляется нам следующим.

Целеполагание и выстраивание программы достижения цели предполагает мобилизацию и последовательную активацию определенных энергетических ресурсов, расходуемых в процессе достижения цели. Внезапное прерывание процесса требует от организма сознательного или бессознательного перенаправления мобилизованного энергетического запаса на какую-то активность и сопровождается эмоциональной реакцией. Агрессивному поведению в этой ситуации предшествует аффективная реакция-переживание смены состояния движения к желанной цели на какое-то иное направление расходования предназначенной для реализации энергии. Здесь мы замечаем два момента.

- 1) Ненаправленная аффективная реакция;
- 2) Действие, индуцируемое аффективной реакцией и на что-то направленное.

Тогда и профилактика агрессивного поведения может быть направлена на: 1) Торможение аффективной неосознаваемой реакции, 2) привлечение для формирования действия, в котором реализуется энергетический запас, мышления, использующего ценностные основания. Таким образом мы можем влиять на проявление агрессии, тренируя способность совладания с эмоциональным взрывом в ситуации фрустрации (претерпевать эмоциональную вспышку) и влияя на ценностные установки, на основании которых субъект перестраивает свое поведение относительно фрустрирующих обстоятельств.

В работе с агрессией младших школьников мы использовали детскую игровую фольклорную программу (Чернушевич В.А., 2016). В составляющих ее играх было множество фрустрационных ситуаций. Об особых свойствах народной игры, одно из которых очень высокая привлекательность для детей, мы писали ранее (Теплова А.Б., 2017). Например, к таким играм относится известная игра «Каравай». Приведем фрагмент анализа этой игры.

Игра начинается с выбора того, кто будет в центре круга. Или это ребенок, у которого недавно был день рождения, или, если такового не нашлось или нашлось несколько, то вопрос решается считалкой. Желающих бывает много, но выбор падает на одного, т.е. желаемые цели у остальных – не достигнуты достаточно неожиданно. Жребий! Реакции детей бывают самые разные, с разной степенью аффективности, вплоть до проявления агрессии. Это выражается в желании выйти из игры, не выполнять правила движения в хороводе или бросать руку другого, или, наоборот, дергать ее при движении, при схождении в кругу пытаться зацепить стоящего внутри

и рукой и ногой, в ситуации выбора водящим следующего громко кричать, указывая на себя, требовать, чтобы выбрали именно его. Но, и это - самое главное, все эти неконструктивные реакции не приводят к цели и более того, разрушая игровую ситуацию, мешают другим детям дождаться своей очереди. О чем нарушитель получает от участников игры вербальные и невербальные сигналы, не поощряющие его поведение. Вскоре он понимает, что надо потерпеть, чтобы дождаться возможности побывать в центре внимания законным путем.

Игровые занятия показали возможность значительного снижения агрессии у детей (Чернушевич В.А., 2018).

Литература

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.
2. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Ресурсы народной игры как социокультурного средства профилактики девиантного поведения // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 51–59. doi:10.17759/chp.2017130307
3. Чернушевич В.А., Куприянова Е.А., Бобрышова Е.И. Народная игровая культура как средство формирования норм общения в детском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. С. 93–106. doi:10.17759/psylaw.2016060207
4. Чернушевич В.А., Валевиц А.А., Ефремова У.Е. Возможности фольклорной игры в психологической работе // Психология и педагогика служебной деятельности. 2018. №1. С. 68-71.

К вопросу о модернизации системы профилактики: модели сопровождения несовершеннолетних в ситуациях социального риска

Чиркина Р.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Современная ситуация социального развития несовершеннолетних ставит новые вопросы и вызовы системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. События предшествующих лет и, особенно, 2018 года (криминальные эксцессы с нападениями несовершеннолетних на педагогов и учащихся и суицидами нападавших), незавершенность и разрозненность изменений, не один год вносимых в ФЗ 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», трудности межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики, – свидетельствуют о кризисе системы в целом и отдельных ее элементов.

Что делает сегодняшняя система профилактики? Что надо делать? Чего она не делает? С чем не справляется? Что устарело или утратило свою функциональность?

Что именно не позволяет системе в ее нынешней идеологии, методологии и устройстве реализовать поставленные задачи? Иными словами, требуется методологическая работа, направленная на определение *проблем, которые приводят к необходимости модернизации системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основанных на анализе системы целей и направлений модернизации, разработку моделей профилактики, соотнесенных с проблемами и запросами системы, а также критериев для оценки предлагаемых вариантов.*

Новая конфигурация модели профилактики в целом и ее отдельных структурных элементов должна строиться с учетом трех уровней планирования изменений.

1. Концептуальный, стратегический уровень подразумевает определение подходов и методологии организации системы профилактики. Системный подход к построению меж- и надведомственных механизмов обеспечения преемственности и непрерывности ведения случаев и организации условий для нормального и безопасного развития детей и защиты их прав. Развитие идей не карательного, восстановительного правосудия. Новые принципы оценки программ в сфере детства, в том числе с участием самих детей.

2. Уровень реализации направлений деятельности субъектов в системе профилактики. Популяционные исследования в области детства. Изучение феноменологии девиантного поведения. Мониторинг и анализ результатов профилактических программ в регионах. Выявление ресурсов и дефицитов профессиональных компетенций специалистов всех органов системы профилактики. Исследование международного опыта. Межведомственная экспертиза программ и проектов профилактики и законодательных инициатив с включением специалистов разного профиля, в т.ч., по психическому здоровью несовершеннолетних. *Научное обоснование и разработка программ обучения специалистов.* Разработка и доработка профессиональных и образовательных стандартов актуальных и новых профессий, связанных с профилактикой социальных рисков в сфере детства (социальный педагог, педагог-психолог, специалист по ведению случая, уличный социальный работник, тьютор, воспитатель, организатор внеучебной работы, социальный работник с функциями пробации и пр.). Развитие ресурсной сети поддержки специалистов в регионах на базе вузов и ресурсных центров. *Разработка нормативно-правовой базы, согласование понятийного аппарата, кодификация законодательства по делам несовершеннолетних, привлечение экспертного сообщества к работе над законами и нормативными документами в сфере детства.* Разработка процедур и протоколов оказания профессиональной помощи детям и семьям в различных ситуациях. *Развитие инфраструктуры* поддержки и защиты детства: психологических служб в системе образования и соцзащиты; комплексных межведомственных служб помощи и кейс-менеджмента; нового формата КДНиЗП в рамках пересмотра ФЗ 120 о профилактике; проектов социально ориентированных НКО. Усиление социальной работы в учреждениях образования, соцзащиты, полиции и исполнения наказаний,

судов, в сети интернет и пр. Содействие развитию восстановительных практик на всех уровнях профилактики и во всех субъектах профилактики. Разработка программ информационной защиты детей.

3. Уровень реализации конкретных программ, проектов, мероприятий по проблемно-сфокусированным направлениям.

Игровая технология преодоления как профилактика социальных рисков с целью обеспечения безопасного развития детей и подростков в современных условиях

Чупракова Н.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Крайние сложности обеспечения безопасности в современных условиях в связи с появлением качественно новых экологических угроз и участвовавших террористических актов говорят об устаревшей модели цивилизованного развития.

Представители нового направления экологической модели развития человека (Б.Е.Большаков, П.Г.Кузнецов, Н.Н.Моисеев, Урсул А.Д., и др.) считают, что приоритетным механизмом таких трансформаций должна стать новая система образования XXI века. В основе которой, будет заложена не только социальная функция передачи знаний, опыта и культуры от прошлых и нынешних поколений к будущим, но и не менее важная функция подготовки человека к опережающим действиям по выживанию цивилизации в условиях глобального кризиса и перехода к устойчивому развитию (Урсул А.Д., 1997).

Современный мир подвергает серьезным испытаниям психику человека, при этом наиболее уязвимая категория населения – дети и подростки.

Человек может и должен сохранить жизнь и здоровье свое и своих близких, в первую очередь, детей, в ситуациях, представляющих угрозы для жизнедеятельности человека только в том случае, если будет обладать определенными теоретическими знаниями, практическими навыками и определенными личностными качествами. Неподготовленный человек находится в постоянном тревожном напряжении, так как не знает, откуда ждать опасность, а если и знает, то не способен правильно оценить степень опасности. Таким образом, перед нами ясно и четко обозначилась следующая задача: развитие психологической готовности человека к преодолению опасной ситуации, умение правильно оценивать сложившуюся обстановку и принимать адекватные решения, а также повышение его психологической устойчивости.

Исследования, проводимые учеными-психологами Адаевым А.И., Аболиным Л.М., Васильевым В.А., Волковым А.А., Корчемным П.А., Крупником Е.П., Платоновым К.К., Родионовым А.В., Столяренко А.М., Смирновым В.Н., и др.

позволили выделить одно из существенных психологических качеств личности как «устойчивость».

В психологической литературе можно встретить такие сочетания: «устойчивость личности», «устойчивость поведения», «устойчивость (профессиональной) деятельности», «устойчивость к нагрузкам», «эмоциональная устойчивость», «волевая устойчивость», «психическая устойчивость», «психологическая устойчивость» (Заварзина Л.В., 2002).

Под психологической устойчивостью понимается целостная характеристика личности, обеспечивающая ее устойчивость к фрустрирующему и стрессогенному воздействию трудных ситуаций (Ярошевский М.Г., 1990).

Разработанная Израильским ученым, профессором Мули Лаадом (2000), многомерная модель внутренней устойчивости BASIC PH рассматривает «психологическую устойчивость» как личностный ресурс, свойственный для каждого индивида.

Как предупредить социальные риски, как воспитать такую личность, которая могла бы обеспечить себе безопасное развитие и передавать этот опыт другим. Безусловно, начинать просветительскую и профилактическую работу необходимо прежде всего в образовательной среде, где дети проводят большую часть времени своей жизни. Особое место в профилактической работе должны занимать дети, у которых, по тем или иным причинам (воспитание, длительная травмирующая ситуация, хронические заболевания, ситуации домашнего и сексуального насилия и т.д.), не сформирована психологическая устойчивость, которая является основой безопасного развития. Именно такой ребенок в первую очередь подвергается социальным рискам и оказывается незащищенным в современном обществе.

В условиях образовательного пространства с целью профилактики социальных рисков наиболее приемлемо и доступно применение и использование игровых методов, в частности игровой технологии преодоления, суть которой заключается в том, что обучая детей, в специально созданной или заданной игровой ситуации, преодолевать какие-то, пусть выдуманные, кризисные ситуации или препятствия, мы тем самым будем развивать психологическую устойчивость и формировать у детей модель уверенного поведения, модель успешного человека, лидера, победителя, а не «жертвы».

В игровой ситуации изменения в поведении и эмоционально-личностной сфере ребенка, происходят произвольно, незаметно, как бы сами собой. Игровая ситуация раскрепощает, снимает напряжение, не навязчиво обучает и формирует новые паттерны поведения. Безусловно, если мы ставим перед собой такую задачу, то игра не должна проходить спонтанно. Ведущий должен управлять игровой ситуацией и находиться в состоянии рефлексии относительно процесса и самочувствия (состояния) участников.

В качестве примера рассмотрим одну из таких игр-преодолений «Заколдованный лес». Суть игры заключается в том, что участнику ставится игровая задача пройти через «заколдованный лес». Другие участники при этом изображают

заколдованные ожившие деревья из этого леса и всячески препятствуют его прохождению. Игра повторяется несколько раз для каждого участника, при этом все участники поочередно становятся то храбрым путешественником, то заколдованным деревом. Ключевым словом для путешественника будет «магическое» слово «**А я пройду!**», для заколдованных деревьев – устрашающее слово «**Не пустим!**». При этом участник-путешественник должен идти четко по прямой линии, раздвигая руками заколдованные деревья и расчищая себе дорогу. Уклоняться, нагибаться или бежать запрещается. Если участник нарушает правило, игру останавливают и начинают снова. Ведущий (взрослый) отслеживает четкое выполнение правил и бережное отношение к участнику-путешественнику со стороны участников - заколдованных деревьев. В фокусе нашего внимания и коррекции будет формирование уверенного поведения ребенка пусть в выдуманной, но достаточно угрожающей ситуации, которую он должен преодолеть. Таким образом, в процессе подобных игр-преодолений и формируются новые паттерны уверенного поведения и психологической готовности (устойчивости) к преодолению возможных опасных ситуаций.

Литература

4. Абраменкова В.В. Социальная психология детства. М., 2008.
5. Баева И.А. Психология безопасности как основа гуманитарных технологий в социальном взаимодействии. СПб., 2008.
6. Урсул А.Д. Становление ноосферного интеллекта и опережающее образование // Синергетика и образование. М.: Гардарики, 2004. С. 361-362.
7. Чупракова Н.Н. Преодоление страхов у детей и развитие психологической устойчивости и уверенного поведения в условно опасной спланированной игровой ситуации // Новации педагогики и психологии / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции № 3 г. Рязань, 2018. С. 43-46.

Последствия несоблюдения принципов инклюзивного образования в общеобразовательной школе

Швабауэр А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В данный момент в России живут около 2 миллионов детей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ), поэтому различные школы все чаще открывают у себя «инклюзивные» классы.

Инклюзивными классами называются те классы, в которых проходит совместное обучение нормально развивающихся детей и детей с ОВЗ. Открытие подобных классов требует множество усилий со стороны дирекции и администрации школы.

Необходимо технически подготовить школу: поставить пандусы, оборудовать сами классы, специальные туалеты, парты, медицинский кабинет и тд. Также важно переподготовить учителей, психологов, нанять логопедов и дефектологов. Классы должны содержать не более 12-15 детей. И самое важное в осуществлении данного “внедрения” инклюзии в школу - правильно адаптировать детей с ОВЗ.

В 2018 году нами была написана курсовая работа на тему «Социально-коммуникативная сфера деятельности детей младшего школьного возраста в условиях инклюзивного образования». Внутри этой темы мы исследовали уровень толерантности к детям с ОВЗ в инклюзивном и обычном классах.

В инклюзивном классе было 2 ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Также хотелось бы заметить, что общее количество детей составляло более 20, что уже не соответствует правилам организации инклюзивного класса.

В процессе проведения различных методик мы обращали внимание не только на ответы обычных учеников инклюзивного класса, но также и на ответы самих детей с ОВЗ. Нами была проведена методика «Дерево с человечками» Пипа Уилсона с целью узнать, как нормально развивающиеся дети и дети с ОВЗ чувствуют себя в классе.

Оказалось, что в инклюзивном классе дети с ОВЗ чувствуют себя одиноко. Несмотря на то, что нормально развивающиеся дети относятся к ним нейтрально, в классе их все устраивает, но они не пытаются общаться с детьми с ограниченными возможностями. Именно это и показывает методика «Дерево с человечками», которую мы проанализировали и получили такие данные: дети с ОВЗ выбирают изображения, подразумевающие эмоции утомленности и слабости, желание уходить в себя, внутренний кризис, тревожность. Ни один из испытуемых с ОВЗ не выбрал какое-либо положительное изображение. Это говорит нам о том, что дети чувствуют себя одиноко и несчастно в классе.

Благодаря этому эксперименту мы выяснили, что в классе не было должной адаптивной организации учебного процесса для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Многие считают, что инклюзивное образование является панацеей: нормально развивающиеся дети учатся толерантности, учатся общаться с людьми с ОВЗ, в то время как сами дети с ОВЗ чувствуют себя обыкновенными детьми, нормально социализируются в обществе. Мы также придерживались этого мнения до проведения исследования. Но после него нам стало ясно, насколько важна правильная организация учебного процесса.

Необходимо строго соблюдать все правила организации инклюзивного образования:

1) обеспечение соблюдения прав учащихся для осуществление полноценного образования;

2) доступная среда, в которую обязательно входят пандусы, лифты, специальные туалеты, оборудованный под детей с ОВЗ спортивный зал, медицинские кабинеты, профилакторий и тд.;

3) организация индивидуальных учебных программ, инновационные технологии, воспитательная работа;

4) отслеживание индивидуальных достижений детей.

А также обеспечение взаимопонимания как между педагогами, так и между учащимися с ОВЗ и их здоровыми сверстниками. Для корректной адаптации необходима длительная работа психолога как с учениками класса, так и с их родителями.

Только при верном “внедрении” детей с ОВЗ в обычный класс, при правильной их адаптации, мы сможем достигнуть нужного результата. Для этого необходимо соблюдение всех правил создания инклюзивного класса в общеобразовательной школе.

Риски и угрозы информационной безопасности детей в сети Интернет

Шпагина Е.М.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Вопросы информационной безопасности детей и подростков обсуждаются в мире уже давно, например, в статье 17 Конвенции о правах ребенка, ратифицированной с Советском Союзе в 1989 году, говорится о необходимости обеспечения доступа детей к информации, способствующей их воспитанию и развитию и наоборот, о запрете информации, наносящей вред.

В наше время положительный эффект использования информационных технологий в развитии и воспитании детей невозможно переоценить. Это доступ к информации в виде мировых ценностей науки и культуры, возможность мгновенно обмениваться информацией и общаться, обучаться в on-line режиме у лучших специалистов мира. Запретить детям и подросткам пользоваться информационными технологиями и закрыть доступ к новым возможностям – значит, в современных условиях, нанести урон их развитию.

С другой стороны, сеть Интернет несет угрозы и риски информационной безопасности подрастающего поколения. Среди наиболее явных и обсуждаемых, это: 1) вред физическому развитию детей из-за многочасового просиживания за компьютером, что несомненно, отражается и на психическом здоровье; 2) появление Интернет-зависимости во вред психическому здоровью; 3) наличие нежелательного контента, способного нанести вред здоровью и развитию детей (основные виды такой информации запрещены или ограничены действием Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; 4) использование площадки сети Интернет криминальными субъектами для вовлечения детей в преступную деятельность или эксплуатацию детей (детская порнография и педофилия; распространение наркотиков; вербовка новых членов в экстремистские и

террористические организации; вовлечение подростков к игре в азартные игры); 5) неконтролируемое общение детей в Интернет-сообществах с помощью современных коммуникационных технологий, которое выливается в негативные агрессивные проявления в виде публичного буллинга и травли (в том числе и в образовательных учреждениях); 6) появление и распространение сайтов, пропагандирующих суицид; 7) получение конфиденциальной информации от детей, которая может использоваться потом против их родителей и навредить семье в целом в материальном и психологическом контексте (например, информации о банковских картах) и другое.

Все это не может оставаться без внимания и различные институты общества работают над обеспечением защиты детей от рисков и угроз информационной безопасности в сети Интернет. Основные направления защиты - это: 1) правовая защита (создание правовых основ регуляции обращения информации в сети Интернет, в том числе и информации для детей); 2) техническая защита (фильтрация и блокировка нежелательного контента; создание возможности сообщать информацию о нежелательном контенте провайдером, размещающим контент, для своевременной блокировки и удаления противоправной информации); 3) психолого-педагогические методы работы с потребителем информации (в нашем случае с детьми и подростками) в целях выработки умений управлять ситуацией при встрече с нежелательной информацией.

Все больше специалистов приходит к мнению, что наиболее эффективным является третий способ, при несомненной значимости и необходимости развития двух других направлений. В основе психолого-педагогического направления защиты детей от негативной информации лежит идея формирования критического мышления пользователя медиаконтента (Великобритания, Франция); обсуждение и разъяснение (медиация) детям опасностей и способов избежать последствия этих угроз в интернете и в жизни (Россия) (Солдатова Г.У., 2014).

Так, например, Современная британская стратегия медиапросвещения предполагает обучение ребенка умениям «...сделать оптимальный выбор из большого числа видов медиа и медиатекстов, отбирать необходимое содержание из различных источников, относящихся к разным культурам и институтам; понимать, каким образом и с какой целью создается медиатекст; критически анализировать приемы, язык и условные коды, используемые в медиа, а также передаваемые ими сообщения; распознавать и избегать, критически оценивать информацию или услуги медиа, которые могут носить агрессивный или опасный характер; эффективно использовать медиа как инструмент для осуществления своих демократических прав и гражданских обязанностей» (Михалева Г.В., 2013). Во Франции главной целью деятельности медиапедагогов Центра связи образования и средств информации (CLEMI – Centre de liaisons de l'enseignement et des moyens d'information) стало развитие критического мышления молодежи по отношению к медиа, обеспечивающее свободную гражданскую самоидентификацию (Юрченко О.П., 2013).

В настоящее время в России существует несколько проектов, занимающихся психолого-педагогическими вопросами информационной безопасности детей в сети Интернет. Наиболее мощный из них – это проект Факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова при содействии Фонда развития интернет «Дети в Интернете» (URL: <http://detionline.com/>). Вместе с тем, значимых проектов на уровне общеобразовательных школ и учебных заведений в системе профессионального образования так и не появилось. Данная проблема требует разработки соответствующих программ и подготовки специалистов, способных компенсировать данный пробел в системе образования в России.

Литература

1. Михалева Г.В. Современная британская стратегия информационной безопасности детей и молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). Филология. Искусствоведение. Вып. 81. С. 33-36.
2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал 2014. №3(15). С. 39-51.
3. Юрченко О.П. Вопросы информационной безопасности школьников в теории и практике современного французского медиаобразования // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). Филология. Искусствоведение. Вып. 81. С. 302-305.

К вопросу о выборе меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых

Якимова Е.В.

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Романов В.В.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, провозгласившей Россию демократическим правовым государством, высшей ценностью которого является человек, радикально изменились подходы к обеспечению прав и свобод личности. Российское законодательство, основываясь на правилах ООН от 15 сентября 1985 г. и Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., регламентирует защиту прав детей, вовлеченных в процесс уголовного правосудия, предусмотрев в главе 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определенный комплекс мер по усилению защиты прав и интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. Так, суду надлежит учитывать положения части 6 статьи 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в

совершении преступления средней тяжести впервые (Белоусов А.Е., 2009). Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) может быть заключен по стражу только при условии, что он обоснованно обвиняется (подозревается) в совершении умышленного преступления, за которое может быть назначено наказание свыше 5 лет лишения свободы (ч. 4 ст. 15 УК РФ). При этом следует учитывать реальную возможность назначения ему такого наказания.

К более мягким мерам пресечения относятся - домашний арест, поручительство, залог.

Преимущества домашнего ареста заключаются в том, что несовершеннолетний находится в привычных условиях, не испытывая при этом нервно-психического перенапряжения, которое может неблагоприятно отразиться на его здоровье. В то же время домашний арест ограничивает выход за пределы жилого помещения и у несовершеннолетнего отсутствует возможность посещения школы и других социально-культурных центров, нарушается нормальная социализация и тем самым сдерживается развитие личностного потенциала. Именно поэтому данная форма пресечения считается малоэффективной. В данном случае, по мнению И. Макаровой гораздо эффективнее содержать таких обвиняемых в специализированных учреждениях, обеспечивающих непрерывность образования и воспитания (Макарова И.И., 2007).

Поручительство и залог наименее всего ограничивают возможность социализации несовершеннолетнего. Родители, усыновители, опекуны, попечители или другие, заслуживающие доверия лица, на попечении которого находится несовершеннолетний подозреваемый (либо обвиняемый), дают письменное обязательство обеспечить присмотр за последним и его надлежащее поведение, предписанное ст. 102 УПК РФ. При нарушении несовершеннолетним правил поведения мера пресечения может быть изменена на более строгую.

В ст. 423 УПК РФ предусматривается система ограничений, которые бы могли назначаться несовершеннолетнему по решению суда дополнительно к избранной мере пресечения. К таковым следует отнести ограничения, предусмотренные в п. «г» ч. 2 ст. 90, ч. 4. ст. 91 УК РФ и ч. 1 ст. 107 УПК РФ, а также иные ограничения и требования. Подростку в данном случае запрещено посещать определенные места, использовать определенные виды досуга, введение строгого режима дня, запрет на появление в общественных местах в темное время суток. Кроме того, подписывается подписка о невыезде.

При выборе меры пресечения для несовершеннолетнего следует учитывать психологические особенности и возможную их эффективность. При избрании меры пресечения следует сопоставлять ее с предполагаемым наказанием за совершенное преступление и возможностью реального и действенного воспитательного воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя.

Литература

1. Белоусов А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск. 2009. 25 с.
2. Макаренко И.И. К вопросу о применении меры пресечения в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2007. № 2. С.81-85.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Организация психопрофилактической и коррекционной работы с наркозависимыми лицами, осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы

Борисова Д.П.

ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (г. Москва, Россия)

В настоящее время наркомания – это хроническое, прогрессирующее, трудно поддающееся лечению заболевание, проявляющееся на биологическом, психологическом, социальном и духовном уровнях. Наркологи утверждают, что эффективность лечения наркомании составляет 3–5%. Это значит, что из 100 наркоманов, подвергшихся лечению, только 3–5 человек в дальнейшем перестают принимать наркотики.

В Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 9 июня 2010 года № 690, акцентировано внимание на необходимости существенного сокращения незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков. В настоящее время в Российской Федерации созданы и работают профилактические программы работы с лицами, склонными к употреблению наркотических веществ. Вместе с тем, зачастую проблема употребления наркотиков обнаруживается слишком поздно, когда зависимость уже сформировалась. На ранних стадиях наркотизации как взрослые, так и дети оказываются вне поля зрения специалистов. Но если вовремя заметить беду, то можно не допустить многих трагических случаев, развития тяжелых форм зависимости, совершения правонарушений и преступлений.

В связи с этим, существует необходимость работать не только со сформировавшимися наркопотребителями, имеющими большой стаж употребления ПАВ, но также развивать программы работы с лицами, которые находятся на ранних стадиях наркотизации.

В целях пропаганды правопослушного образа жизни и профилактики употребления ПАВ, осужденным, состоящим на учете в филиалах уголовно-исполнительных инспекций, психологами читаются лекции в том числе и по темам, направленным на профилактику различных форм зависимостей. Проводятся групповые занятия, беседы с участием представителей органов профилактики (социальные педагоги, инспектора полиции, врачи-наркологи, психологи и др.). Данные мероприятия направлены на пропаганду здорового образа жизни, борьбу с вредными привычками, формирование правового сознания.

Для того, чтобы вывести наркозависимого в устойчивую ремиссию, требуется, прежде всего, его собственное желание и усилия, а также компетентная комплексная

помощь специалистов: медиков, психологов, социальных работников и священнослужителей. Поэтому оказание помощи по ресоциализации и адаптации наркозависимых осужденных, состоящих на учете в федеральном казенном учреждении «Уголовно-исполнительная инспекция Управления Федеральной службы исполнения наказаний по г. Москве» (далее – УИИ) реализуется посредством сотрудничества, как с государственными, так региональными и общественными объединениями. Взаимодействие УИИ с общественными организациями является важной предпосылкой совершенствования воспитательной работы с осужденными, способствует их успешной реадaptации, кооперирует усилия по формированию здорового образа жизни, профилактики употребления ПАВ.

Москва, как город, имеющий большие экономические, медицинские, социально-психологические ресурсы, располагает возможностью направления нуждающихся в реабилитационные центры, однако, эффективность данной меры будет лишь в том случае, если человек, состоящий на учете в УИИ, осознает свою проблему и имеет мотивацию на лечение, а обеспечивающие процесс исполнения наказания сотрудники УИИ и, прежде всего пенитенциарные психологи, являются компетентными специалистами и способны организовать реабилитацию страдающих наркотической зависимостью осужденных и привлечь к их социальной поддержке семью, близких родственников, гуманистически ориентированные общественные организации. Данный подход способствует ресоциализации не только конкретной личности осужденного, но и является важным элементом комплексной программы оздоровления общества.

Современные возможности совершенствования психо-гигиенической помощи спецконтингенту пенитенциарной системы

Варданян К.К.

Ереванский государственный медицинский университет им. М. Гераци
(г. Ереван, Армения)

Внимание к теме психического здоровья в пенитенциарной системе растет во всем мире и растет по праву. Условия мест лишения свободы не могут не влиять на характер осужденного и способствовать возникновению и развитию различных форм нервно-психической патологии. Согласно данным литературы частота расстройств психического здоровья у лиц, содержащихся в исправительных учреждениях значительно выше, чем в свободном обществе. Это привлекает внимание психологов, психиатров, организаторов здравоохранения, криминологов и социологов к изучению контингента пенитенциарной системы.

Для адекватного планирования эффективных медико-психо-профилактических мероприятий, направленных на охрану здоровья лиц, отбывающих наказание, следует располагать информацией о состоянии здоровья и факторах, влияющих на развитие заболеваний в условиях изоляции от общества.

Настоящая работа является одним из фрагментов научного проекта по оценке состояния здоровья населения тюрем Армении, для разработки комплекса организационных мер по совершенствованию системы охраны здоровья лиц, отбывающих наказание в уголовно-исполнительных учреждениях.

Целью исследования является изучение распространенности, типологического варианта акцентуаций характера и взаимосвязи последнего с психоэмоциональным состоянием населения пенитенциарных учреждений.

Исследование проведено в 11-ти из 12-ти территориальных органов, с февраля по июнь 2016 года. Экспериментальная выборка состояла из 501 лица, лишенных свободы, а именно: 412 мужчин, 71 женщины и 18 юношей-подростков. На момент исследования в исправительных учреждениях несовершеннолетних лиц женского пола не содержалось.

Исследование акцентуаций характера проводилось по методике «Оценка темперамента по Akiskal HS – опросник TEMPS-A». Изучение психоэмоционального состояния лиц, лишенных свободы, проводилось по методу цветочных выборов М. Люшера в модификации Собчик Л.Н.

Результаты исследования позволяют утверждать, что у подавляющего большинства, обследованного спецконтингента (87,03% выборки) выявлено наличие того или иного аффективного темперамента. У 66,67% обследованных, отмечается высокая психоэмоциональная напряженность. Кроме того, полученные данные свидетельствуют, что женщины и подростки более дезадаптированы в условиях изоляции, а мужской контингент характеризуется, как более устойчивый в эмоционально-волевой сфере.

Как в целом по выборке, так и среди мужской и женской выборки, показатели психоэмоционального состояния лиц с акцентуацией характера были статистически значимо выше в сравнении с показателями лиц без акцентуаций. Последнее свидетельствует, что лица из группы риска требуют большего внимания со стороны сотрудников медико-психологической службы пенитенциарных учреждений.

Психологическое сопровождение дома ребенка при женских исправительных учреждениях

Дебольский М.Г.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (г. Москва, Россия)

По официальным данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) Российской Федерации на 1 октября 2018 года в местах лишения свободы содержалось 45967 женщин, что составляет 8% от общего количества осужденных, подозреваемых, обвиняемых. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством (УИК РФ, статья 100) в 13 исправительных учреждениях для осужденных женщин имеются дома ребенка, в которых проживают 478 детей.

Главная цель дома ребенка – создать условия для полноценного участия осужденной матери в развитии и воспитании своего ребенка, в проявлении материнских чувств. С психологической точки зрения, материнство – особое состояние женщины в период беременности, родов, кормления и возвращения ребенка. Материнство в норме – чувство любви и ответственности за своего ребенка, способность к рефлексии на физические и психические состояния ребенка, а также способность к психологическому его сопровождению и реальному ведению по жизни (Мухина В.С., 2003)

Однако, в условиях УИС материнство может развиваться и по девиантному сценарию, что может быть обусловлено личностными особенностями осужденных женщин, характером совершенного преступления, мотивацией принятия решения о рождении ребенка в ситуации отбывания наказания, ограниченностью возможностей совместного проживания матери с ребенком. Так, В.С. Мухина, изучавшая данную проблему, пишет: «мать, родившая своего ребенка в условиях лишения свободы, вряд ли способна развить прирожденную ей чувствительность, сензитивность с такой же легкостью и естественностью, как это могло бы быть в условиях благополучной любящей семьи рядом с любимым и любящим мужем». Однако, на наш взгляд, это суждение относится не только к осужденным женщинам, но и к ситуациям девиантного материнства на свободе. Более того, осужденные матери, поведение которых на свободе было достаточно проблемным, родив ребенка в условиях лишения свободы находятся под достаточно жестким контролем со стороны персонала дома ребенка. Но главной предпосылкой заботливого и внимательного отношения осужденных матерей к детям, является не внешний контроль за их поведением, а развитое чувство материнства и ответственность за судьбу своего ребенка. Развивая отмеченные выше свойства у осужденных матерей осуществляется и процесс их ресоциализации, целенаправленная подготовка к жизни на свободе.

Психологическое сопровождение деятельности дома ребенка при женских исправительных учреждениях может осуществляться по следующим направлениям:

- психологическое изучение личности осужденных женщин, ожидающих родов или поступивших с ребенком из других исправительных учреждений;
- индивидуальное консультирование осужденных женщин имеющих детей в доме ребенка и разработка совместно с ними индивидуализированных программы их ресоциализации;
- участие в консилиуме (рабочей комиссии) по принятию решения о совместном проживании матери и ребенка;
- информирование и психологическое консультирование осужденных матерей по работе с детьми с учетом особенностей их психического и физического развития;
- психолого-педагогическая подготовка осужденных матерей по проведению развивающей и воспитательной работы со своими детьми;
- оказание психологической помощи осужденным матерям по восстановлению социальных связей с родственниками и психологическая подготовка к жизни после освобождения;

- мониторинг уровня психического развития малолетних детей, проживающих в доме ребенка при исправительном учреждении, его сравнение с условной нормой и вовлечение в развивающие программы.

Повседневное психологическое сопровождение деятельности дома ребенка осуществляют педагог-психолог, а в случае малочисленности подразделения и отсутствия в штатах данной должности – сотрудник психологической лаборатории исправительного учреждения.

Группа студентов факультета юридической психологии под научным руководством автора на протяжении уже 6 лет проводит научные исследования в форме курсовых и дипломных работ указанной проблемы, что позволило выявить особенности проявления материнских чувств у осужденных женщин, имеющих детей в доме ребенка и разработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию их психологического сопровождения.

Литература

3. Бакунина Т., Дебольский М.Г. Формирование положительного эмоционального отношения к своей материнской роли у осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка при женских исправительных учреждениях // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в УИС: Материалы конференции. Рязань: Академии ФСИН России, 2018.
4. Мухина В.С. Проблема материнства и ментальности женщин в местах лишения свободы // Развитие личности. 2003. №1. С. 141-153.

Особенности социальных ролей и гендерных отношений преступников

Дырнаева Ю.А., Романова Н.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Особенности гендерных отношений осужденных – недостаточно исследованная область психологической науки.

В настоящее время она приобретает особую актуальность в связи с интенсивными процессами трансформации в области семейного, социально-ролевого взаимодействия и гендерных стереотипов; влиянием гендерных факторов на область девиантного поведения личности.

В нашей работе изучались особенности социальных ролей и системы гендерных отношений личности преступников. Исследовались женщины-осужденные (30 человек) и мужчины-осужденные (30 человек), отбывающие наказание в исправительных колониях общего режима (исправительные учреждения УФСИН России по Саратовской области).

Гипотеза исследования: особенности социальных ролей и системы гендерных отношений осужденных мужчин имеют значимые различия по сравнению с таковыми у осужденных женщин.

Методы исследования: анкета-интервью (Н.М. Романова); методика «Маскулинность-фемининность» (С. Бэм); тест «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартланд); методика на определение особенностей распределения ролей в семье (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская); методика «Незаконченные предложения» (С. Леви); проективная техника «Рисунок мужчины и женщины» (Н.М. Романова).

Данные, полученные в результате исследования, были обработаны с помощью статистического анализа с использованием методов: процентный анализ, корреляционный анализ (коэффициент линейной корреляции Пирсона), метод t-критерий Стьюдента, кластерный анализ.

Получены следующие результаты:

1) У личностей, отбывающих наказание в местах лишения свободы (и мужчин, и женщин), преобладают андрогинные характеристики. Эти данные указывают на то, что процессы гендерного смешения ролей, отличающие современное общество, характерны и для осужденных женщин и мужчин.

2) Маскулинные субъекты (в нашем исследовании ими оказался небольшой процент мужчин) склонны расширять количество выполняемых ими семейных ролей, приписывая себе и традиционно женские.

3) Андрогинные субъекты (мужчины и женщины) стремятся к равноправию в семейных отношениях. В качестве наиболее значимой семейной роли для мужчины они рассматривают материальное обеспечение.

4) Представления о распределении ролей в семье в целом совпадают у осужденных мужчин и женщин.

5) На основе анализа групповых различий выявлено отрицание женщинами монопольного участия мужчин в воспитании ребенка, мужчины-же, согласно данным самоотчетов, напротив, заинтересованы в доминировании при выполнении данной роли.

6) Большой процент исследованных мужчин и женщин считают, что основная роль мужчины – материальное обеспечение семьи.

7) Факты физического насилия в отношении мальчика в детстве, связаны со снижением в зрелом возрасте для мужчины значимости такой семейной роли, как роль «добытчика» в семье.

Гипотеза исследования получила частичное подтверждение.

Сравнительный анализ особенностей контроля поведения сотрудников отделов безопасности и охраны исправительных колоний

Красник В.С.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

(г. Челябинск, Россия),

Кадочникова И.В.

ФКУ «Исправительная колония № 1 ГУФСИН России по Челябинской области»
(г. Копейск, Россия)

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) протекает в сложных условиях, требующих от них умения контролировать свое поведение. Сотрудники должны обладать таким качеством, как субъектность. Субъект характеризуется эффективностью реализации действий в направлении своей активности, а также способностью регулировать условия внешней и внутренней среды, обеспечивая способность быть ответственным за происходящие события. (Сергиенко Е.А., 2010). Опираясь на позиции системно-субъектного подхода, мы исследуем сотрудников УИС как субъекта в частном проявлении – в профессиональной деятельности.

Исследование проведено на базе ГУФСИН России по Челябинской области. Цель исследования: изучение особенностей контроля поведения сотрудников в зависимости от рода и стажа профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие 65 сотрудников отдела безопасности и 60 сотрудников отдела охраны исправительных колоний, мужчины в возрасте от 18 до 42 лет. Испытуемые распределялись по стажу службы в системе: до трех лет, от трех лет до семи, от семи лет и более. Использовались методики: ММИЛ (методика многофакторного исследования личности), КОТ (краткий отборочный тест), ВСК (оценка уровня волевого самоконтроля). Математическая обработка результатов была проведена с использованием критерия для независимых выборок Н-Краскала-Уолеса и критерия t-Стьюдента.

Объект исследования – личность сотрудников УИС. Предмет – особенности контроля поведения сотрудников УИС во взаимосвязи со стажем служебной деятельности и трудовой специализации.

Гипотеза: в зависимости от специализации и по мере увеличения стажа службы у сотрудников УИС происходят изменения в контроле поведения. Изменения в контроле поведения происходят на волевом, эмоциональном и когнитивном уровнях. Получены следующие результаты:

1. У сотрудников отдела безопасности, непосредственно контактирующих со спецконтингентом, выявлено:

- в первой группе (у сотрудников до трех лет, работающих в системе) усиление контроля поведения, ориентация на нормативность поведения, увеличение уровня тревожности (шкалы ипохондрия – $p=0,000$ и психастения – $p=0,000$);

- во второй группе (у сотрудников со стажем от трех до семи лет) демонстрация склонности к риску, раскованному поведению, импульсивности; снижается эмоциональный и волевой контроль (шкалы истерия – $p=0,014$ и психопатия – $p=0,001$; ВСК по шкалам «самообладание» – $p=0,012$ и «общий самоконтроль» - $p=0,001$);

- в третьей группе (со стажем более семи лет) выявленные особенности имеют тенденцию на увеличение (Красник В.С., Кадочникова И.В., 2017).

2. У сотрудников отдела охраны, непосредственно не контактирующих со спецконтингентом, выявлено:

- в первой группе (у сотрудников до трех лет в системе) наблюдается усиление контроля поведения, аналогично результатам в отделе безопасности (шкалы ипохондрия – $p=0,000$ и психастения – $p=0,000$);

- во второй группе (сотрудники с выслугой от трех до семи лет) демонстрируют снижение временной перспективы и пессимистичную установку (шкала депрессии - $p=0,000$); результаты КОТ свидетельствуют о снижении когнитивного самоконтроля- $p=0,008$);

- в третьей группе (со стажем более семи лет) выявленные особенности имеют тенденцию на увеличение.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. Специализация трудовой деятельности и стаж службы действительно взаимосвязаны с изменениями в контроле поведения сотрудников УИС. У сотрудников отдела безопасности, непосредственно контактирующих с осужденными, отмечены изменения на волевом и эмоциональном уровнях, в то время, как у сотрудников отдела охраны, не имеющих в своей профессиональной деятельности контакта со спецконтингентом, выявлены изменения контроля поведения на эмоциональном и когнитивном уровнях.

Литература

1. Сергиенко Е.А., Виленская Г. А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция: монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 352 с.
2. Красник В.С., Кадочникова И.В. Особенности контроля поведения сотрудников уголовно – исполнительной системы в зависимости от стажа служебной деятельности (на примере отдела безопасности) //Современные атрибуты теории и практики психологии и педагогики: сборник научных трудов, посвященных 20-летию юбилею Факультета психологии и педагогики Челябинского государственного университета / Под общ. ред. С.А. Репина, И.В. Пономаревой. Челябинск: Изд-во Печатный двор, 2017. С. 155-161.

Особенности жизненного пути и жизнестойкости несовершеннолетних осужденных Левин Л.М.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Анализ официальной статистики показывает заметное снижение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, но при этом усложнение

качественного состава несовершеннолетних осужденных. В этой связи актуальным является изучение жизненного пути несовершеннолетних осужденных, а также разработка психокоррекционных программ для работы с данной категорией лиц (Дебольский М.Г., Чернышкова М.П., 2015)

Жизненный путь рассматривался как история индивидуального развития личности, которая разворачивается в реальном пространстве и времени (Б.Г. Ананьев, 1968; Н.А. Логинова, 1978). В качестве основных параметров изучения жизненного пути рассматривают возраст (Ананьев Б.Г., 1980), события (Рубинштейн С.Л., 1946; Логинова Н.А., 1978; Головаха Е.И., Кроник А.А.), жизненная позиция, жизненная линия и смысл жизни (Абульханова-Славская К.А., 1987).

Согласно Д.А. Леонтьеву, жизнестойкость характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешность деятельности (Леонтьев Д.А., 2000).

Выборку исследования составило 75 несовершеннолетних осужденных: 30 юношей, осужденных к лишению свободы; 25 юношей, осужденных условно; 20 девушек, осужденных к лишению свободы. Базами для исследования послужили ФКУ «Можайская воспитательная колония» УФСИН России по Московской области, ФКУ «Уголовно-исполнительная» УФСИН России по г. Москве, ФКУ «Новооскольская воспитательная колония» УФСИН России по Белгородской области. Нами использовались такие методы, как беседа, контент-анализ, Тест жизнестойкости (С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева), «Линия жизни» (Кроник А.А.), анализ индивидуальных случаев, статистическая обработка данных (критерий Манна-Уитни, кластерный анализ, корреляции).

В результате исследования мы сформулировали несколько выводов. Для юношей, осужденных к лишению свободы, с низким уровнем жизнестойкости (15 человек; 50%), при изображении линии собственной жизни характерен фактологический стиль изложения событий, события будущего в большинстве случаев не указаны, отсутствует саморефлексия прошлых событий. Респонденты из числа данной группы, продемонстрировавших средний уровень жизнестойкости (10 человек; 33,3%), представляли картину своей жизни более развернуто, события носят развернутый характер, однако носят слабые причинно-следственные связи между ними, при этом планы на будущее носят более конкретный характер. Респонденты из этой группы с высоким уровнем жизнестойкости (5 человек, 16,7%) события представляют развернутый характер, подростком осознаются собственные мысли чувства, установлены причинно-следственные между событиями жизни, события будущего носят развернутый и четкий характер.

Для юношей, осужденных условно, продемонстрировавших средний уровень жизнестойкости (15 человек, 60%), свойственно прибегать к фактологическому стилю изложения событий, а события будущего в большинстве случаев не указаны. Для подростков из данной категории, показавших высокий уровень жизнестойкости (10 человек, 40%), характерно представлять события развернуто, но причинно-

следственные связи между ними носят слабый характер, а события будущего при этом носят абстрактный характер.

Несовершеннолетние девушки, осужденные к лишению свободы, продемонстрировали средний уровень жизнестойкости (20 человек, 100%), показав при построении собственной линии жизни глубокую рефлексивность, события будущего носят конкретный характер и касаются создания собственной семьи.

На основе проведенного исследования была разработана программа социально-психологического тренинга, апробация которого относится к перспективным задачам. В дальнейшем с данной категорией осужденных рекомендуется продолжать как групповую работу, так и индивидуальную.

Литература

1. Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997. 286 с.
2. Дебольский М.Г., Чернышкова М.П. Влияние субъективной картины жизненного пути осужденных на их поведение в период отбывания наказания и риск совершения рецидива преступлений после освобождения // Юридическая психология. 2015, № 2. С. 17-19.

Адаптивность у осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания

Мартынова А.А.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Одной из актуальных проблем пенитенциарной системы является адаптация осужденных к ситуации лишения свободы. Общепринято считать, что адаптация к ситуации заключения зависит от пола; возраста, срока осуждения, характера совершенного преступления и других факторов.

Адаптационные возможности личности не безграничны и во многом определяются индивидуально-психологическими характеристиками (Маклаков А.Г., 1996).

Целью данного исследования является изучение адаптивности у осужденных с расстройствами приспособительных реакций у корыстных преступников в первоначальный период отбывания наказаний. Исследование было проведено при помощи многоуровневого личностного опросника (МЛО) «Адаптивность» (А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин) со следующими шкалами: нервно психическая устойчивость (НПУ), коммуникативные способности (КС), моральная нормативность (МН) и личностно адаптационный потенциал (ЛАП).

Выборку составили 240 осужденных, совершивших корыстные преступления: 60 мужчин и 60 женщин с первой судимостью, а также 60 мужчин и 60 женщин с неоднократной судимостью (3-5 судимостей) с расстройствами приспособительных реакций. Мужчины и женщины осуждены по ст. 158 УК РФ (кража), которые

находятся на первоначальном трехмесячном этапе отбывания наказания, а также 60 осужденных без расстройств приспособительных реакций.

В результате анализа полученных данных адаптивности 4 групп (мужчины первично осужденные; мужчины с тремя и более судимостями; женщины первично осужденные; женщины с тремя и более судимостями), не по одной шкале статистически значимых различий не выявлено.

Сравнение адаптивности между двумя группами осужденных (1 группа – осужденные с РПР; 2 группа – осужденные без РПР) по критерию Манна-Уитни подтвердило статистически значимые различия по всем четырем шкалам $p \leq 0,000$. Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что осужденные 1 группы демонстрируют низкие по степени выраженности показатели адаптационных способностей: НПУ(М=3), КС(М=4), МН(М=3), ЛАП(М=2), тогда как у осужденных 2 группы выявлены более высокие показатели: НПУ(М=7), КС(М=6), МН(М=5), ЛАП(М=6). Исходя из полученных данных можно говорить, что осужденные 2 группы к условиям колонии адаптируются достаточно хорошо, им проще влиться в новую социальную среду, они легко и адекватно ориентируются в новой ситуации. Осужденные первой группы как правило, не имеют постоянных контактов с другими осужденными. Они пассивны, зачастую держатся в стороне, не проявляют инициативу, почти не участвуют в жизни колонии.

В исследовании на основании метода наблюдения и экспертной оценки сотрудниками воспитательной и режимной службами предпринята попытка разделить на стеническую (С) и астеническую (А) форму проявлений расстройств приспособительных реакций. У обследованных с расстройствами приспособительных реакций С и А форма проявлений встречается практически одинаково часто. У мужчин с первой судимостью 52% А форма проявления расстройств, 48% С форма; у мужчин с многократной судимостью 54% А форма расстройств, 46% С форма. У женщин с одной судимостью 53% А форма расстройств, 47% С форма. У женщин с многократной судимостью 48% А форма расстройств, 52% С форма. Согласно полученным данным по методике (МЛО) "Адаптивность" у осужденных со стенической и астенической формой проявления расстройств, статистически значимых различий не обнаружено.

Итак, в результате исследования адаптивности у осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказаний статистически значимых различий не выявлено у осужденных вне зависимости от пола, количества судимостей и от формы проявлений расстройств.

Литература

1. Маклаков А.Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих: Автореф. дис. д-ра психол. наук. СПб., 1996. 50 с.

Пенитенциарный стресс как типичное психическое состояние осужденных

Мельникова Д.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема стресса достаточно глубоко изучена в общей, экстремальной, организационной и клинической психологии. Однако, в пенитенциарной психологии данная тематика не получила достаточного полного освещения. Пенитенциарный стресс, как правило, может негативно влиять на физиологическое и психологическое здоровье человека, отбывающего наказание, а также способствовать формированию различных деструктивных проявлений. Соответственно, данный феномен в крайних своих проявлениях может наносить вред как непосредственно личности, так и окружающим. Кроме того, динамика данного состояния может влиять на ресоциализацию осужденного. Пенитенциарный стресс важно понимать, как специфическое *психическое состояние* для субъекта, находящегося в исправительном учреждении.

При исследовании *психического состояния* мы исходим из определения, предложенного Н.Д. Левитовым: это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности (Левитов Н.Д., 1964). Проанализировав подходы к изучению *пенитенциарного стресса* (Ермасов Е.В, 2009, Дебольский М.Г., 2015, Сандомирский М.Е, 2001, и др.) мы определяем данное состояние как субъективную реакцию личности, которая представляет собой комплекс психологических переживаний, обусловленных уголовным наказанием и ограничением свободы.

Говоря о пенитенциарном стрессе первоначально важно отметить *факторы*, влияющие на его формирование. Их можно условно разделить на внешние и внутренние. Основными внешними факторами, влияющими на личность, являются стрессоры, связанные с воздействием пенитенциарной среды. Внутренними факторами можно назвать индивидуально-психологические характеристики личности и актуальное состояние субъекта. Обозначим несколько основных *факторов* пенитенциарной среды, определяющих специфику пенитенциарного стресса: социальная депривация, невозможность удовлетворить актуальные потребности, принудительное изменение привычного образа жизни, факторы правовой регламентации и мер перевоспитания, нахождение в криминальной среде, необходимость принять новую социальную роль, феномен «скученности», отсутствие личного пространства – феномен «публичности», монотонность образа жизни.

Далее важно определить *группы*, для которых данное состояние является наиболее типичным и вызывает наиболее яркие проявления. По результатам проведенных исследований (Дебольский М.Г., 2015, Мельникова Д.В., 2017) можно сделать вывод о том, что пенитенциарный стресс *одинаково часто встречается как в*

исправительном учреждении, так и в СИЗО. Наиболее часто такое состояние проявляется на начальном этапе отбывания наказания и перед освобождением. Однако причины стресса в первом и во втором случаях разные. Проведенные исследования показывают, что первый пик связан с периодом адаптации обвиняемого или осужденного к учреждению. В этот момент мы можем говорить о социальной депривации, изменении привычного образа жизни, влиянии новых стрессоров – факторов пенитенциарной среды, о неудовлетворенности актуальных потребностей и др. Второй пик, когда до освобождения осталось меньше года, может быть обусловлен волнением и тревогой вследствие необходимости подготовиться к новым условиям жизни. Этот момент сопровождается определенным кризисом деформировавшейся под влиянием пенитенциарного учреждения личности, которой вскоре необходимо будет приспособиться к новым условиям – жизни на свободе. Пенитенциарный стресс отмечается чаще у тех, кто *отбывает наказание впервые*. Такие результаты могут быть связаны с наличием у ранее судимых осужденных опыта преодоления пенитенциарного стресса при отбывании наказания в местах лишения свободы ранее.

Важно отметить, что на формирование пенитенциарного стресса, согласно результатам исследования (Дебольский М.Г., 2015, Мельникова Д.В., 2015), *личностные особенности* влияют скорее на вариативность проявлений стрессового состояния, нежели выступают в качестве детерминант стрессовой реакции. Другими словами, в силу существенной специфики исправительных учреждений на формирование стрессового состояния гораздо более сильное влияние оказывают не индивидуально-психологические характеристики личности осужденных, а внешние пенитенциарные условия (стрессоры).

Нами установлено, что высокий уровень пенитенциарного стресса у осужденных способствует следующим *специфическим проявлениям*: нарушение поведенческой регуляции, снижение коммуникативного потенциала и моральной нормативности, а так же высокая вероятность дезадаптивных проявлений в виде астенических и психотических реакций и состояний.

В результате проведенного исследования (Мельникова Д.В., 2017), выявлены следующие *мишени воздействия* при работе с пенитенциарным стрессом: фрустрация, тревога, навыки целеполагания и саморегуляции, стрессоустойчивость, ценностные ориентации. Разработана и апробирована программа психологической помощи осужденным.

Литература

1. Ермасов Е.В. Психологический стресс в условиях изоляции // Развитие личности. 2009. №2. С. 84-99.
2. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 343 с.
3. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. №2. С.105–116.

doi:10.17759/psylaw.2015100208.

URL:

<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n2/77065.shtml> (дата обращения: 11.09.2018).

4. Сандомирский М.Е. Психологическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных: монография. Уфа: Изд-во Здравоохранение Башкартостан, 2001. 88 с.

Психокоррекция девиантного поведения, как один из основных методов профилактики преступлений среди несовершеннолетних

Новенко Е.В.

ГКУСО МО «Электростальский социально-реабилитационный центр «Доверие» (г. Электросталь, Россия)

Девиантное поведение характеризуется совершением поступков, которые противоречат принятым в обществе правовым и нравственным нормам. Изучение несовершеннолетних, выявление их личностных свойств, которые выступают в качестве мишеней психологического воздействия и нуждаются в коррекции является весьма актуальным.

Поскольку для подростков характерны неосознанные, импульсивные поступки и жизнь без планов, перспектив, общим вектором психокоррекционного воздействия на личность несовершеннолетних является комплексное влияние на следующие составляющие: социальные ценности, эмоционально-волевые свойства, жизненные планы.

Коррекция социальных ценностей несовершеннолетних направлена на:

- развитие правосознания личности и способность к самоактуализации;
- снижение склонности к риску и поведению, которое противоречит действующему законодательству и нравственным нормам.

Развитию эмоционально-волевых свойств способствуют: формирование уверенности в себе, отсутствие повышенного конформизма, умение отстаивать свою позицию, способность противостоять индивидуальному или групповому деструктивному влиянию других лиц, принятие ответственности за свои решения и поступки.

Психокоррекционная работа с трудными подростками направлена так же на формирование жизненных планов, развитие умений мыслить стратегически, структурировать планы на будущее в позитивном ключе. Выбор цели, принятие решения о необходимости ее достижения, определение способа ее реализации – все эти аспекты нами учитываются при работе с девиантными подростками и несовершеннолетними, состоящими на учете в уголовно-исполнительной инспекции.

Литература

1. Дебольский М.Г. Возможности психологической службы уголовно-исполнительной системы в реализации целей наказания // Развитие личности. 2012. № 3. С. 230–241.
2. Делибалт В.В., Богданович Н.В. Психосоциальная реабилитация несовершеннолетних, попавших в юридически значимые ситуации, как задача культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 41–50.

Психологические особенности межличностных конфликтов между осужденными женщинами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях

Обидина В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Новизна исследования обусловлена тем, что объектом исследования выбраны конфликты в исправительных учреждениях (далее – ИУ), где отбывают наказание осужденные женщины. Настоящее исследование, взяв во внимание гендерный аспект, расширит научные представления о степени распространенности и формах проявления конфликтов в женских исправительных учреждениях, методах их профилактики и разрешения.

Анализ научной литературы по проблемам конфликтологии и социальной среды осужденных показывает, что в женских исправительных учреждениях криминальная субкультура не получила столь устойчивого и широкого распространения, как в мужских колониях. Это дает основание утверждать, что межличностные и межгрупповые конфликты в основе которых стратификация осужденных, как элемент субкультуры, встречаются весьма редко. Интервью с осужденными показывает, что большинство осужденных весьма негативно относятся к женщинам, которые совершили насильственные действия в отношении малолетних детей или оставили их в ситуации опасности.

Ушли в прошлое конфликты между ВИЧ-инфицированными осужденными и другими женщинами. Этому способствовало широкое информирование субъектов о способах передачи вич-инфекции, осознание инфицированными, что при соблюдении необходимых правил лечения, и личной безопасности, они могут вести длительный и полноценный образ жизни, в том числе родить вполне здоровых детей. Что касается основной массы осужденных, то у нее существенно повысился уровень толерантности к инфицированным осужденным и отсутствуют проявления бытовой агрессии.

В силу того, что женщинам свойственна повышенная эмоциональная возбудимость и они более чувствительны к условиям содержания в местах лишения свободы – это может способствовать повышению уровня конфликтности и деструктивным проявлениям в женских исправительных учреждениях.

В научной литературе также отмечается, что на конфликтное поведение влияют индивидуально-психологические особенности личности осужденных, акцентуации характера и патологические отклонения в развитии психики (Каретников И.В., 1979; Пономарев И.Б., 2002).

По данным ряда исследований женщинам в большей степени, чем мужчинам свойственна вербальная агрессия, в то время, как мужчинам – физическая. Это проявляется и в формах конфликта, которые в основном, носят вербальный характер.

Осознание и протекание конфликтной ситуации характеризуется специфичными эмоциональными переживаниями: повышенной тревожностью, страхом, предубежденностью, агрессивностью. Условиями «перестройки» поведения в конфликтный тип является достижение агрессивных и враждебных побуждений сильной степени интенсивности и уменьшение порога личностной толерантности к фрустрирующим обстоятельствам (Сухов А.Н., 1978).

С учетом описанных выше закономерностей, при разработке программы исследования межличностных конфликтов среди осужденных женщин были отобраны следующие психодиагностические методики: опросник Томаса-Килманна, опросник уровня агрессивности Басса-Перри, опросник Леонгарда-Шмишека, тест межличностных отношений Лири. Помимо указанных методик будет использоваться специальный опросник как для самих осужденных, так и для сотрудников исправительных учреждений.

Литература

1. Дебольский М.Г. Истоки конфликтов и их предупреждение // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. №6. С.27-30.
2. Пономарев И.Б. Избранные труды: юридическая психология, конфликтология и психология управления. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 376 с.
3. Сухов А.Н. Конфликты в первичных производственных коллективах осужденных: учебно-практическое пособие. Рязань: РВШ МВД СССР, 1978. 72 с.

Социально-психологический портрет и прогноз криминального поведения осужденных

Романова Н.М., Богданова В.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

В настоящее время актуальным является построение социально-психологического портрета осужденного, который позволит понять причины и определить возможный рецидив преступлений.

Цель исследования: изучение социально-психологического портрета осужденных в контексте прогноза криминального поведения.

Гипотезы исследования:

1. Существует взаимосвязь между особенностями социально-психологического портрета личности и экспертным прогнозом дальнейшей криминализации осужденного.

2. Существует взаимосвязь между особенностями социально-психологического портрета личности и экспертным прогнозом исправления осужденного.

Методы исследования: анализ научной литературы психологического и междисциплинарного плана по проблеме; метод анкетирования; метод экспертных оценок; метод тестирования (тест «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS) С. Хобфолл», тест «Смыслжизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев); методы математико-статистического анализа (корреляционный анализ, кластерный анализ).

Выборка: в исследовании приняли участие 57 мужчин, отбывающих наказание в местах лишения свободы (колония строгого режима №10 ФСИН России по Саратовской области) в возрасте 18-56 лет.

Результаты анализа полученных данных и их интерпретация.

Выявлен ряд показателей, статистически достоверно связанных с возможным прогнозом дальнейшей преступной деятельности (метод экспертных оценок): наличие референтной группы в лице криминально-зараженных лиц ($r= 0,562$ – значимо при $p \leq 0,01$, $r_{\text{крит}}= 0,413$), отсутствие семьи ($r= - 0,281$ – значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}}= 0,261$), склонность к самооправданию ($r= 0,343$ – значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}}= 0,320$), безразличие к совершенному преступлению ($r=0,368$, значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}}=0,320$), выраженность параметров СЖО «Цели в жизни» ($r= - 0,355$, значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}}= 0,320$).

Выявлен ряд показателей, статистически достоверно связанных с возможным прогностическим удержанием от криминальной деятельности: пребывание в законопослушной референтной группе ($r=0,413$ – значимо при $p \leq 0,01$, $r_{\text{крит}}= 0,408$), старший возраст ($r=0,46$ – значимо при $p \leq 0,01$, $r_{\text{крит}}= 0,408$), ориентация на трудоустройство после освобождения ($r= 0,389$ (значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}}= 0,32$), негативное отношение к своему образу Я и неудовлетворенность собой – своим ярлыком преступника ($r= 0,327$ – значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}}= 0,320$), ассертивность ($r= 0,378$ – значимо при $p \leq 0,05$, $r_{\text{крит}}= 0,344$), наличие семьи.

На основе двух дихотомических шкал «активность-пассивность» и ситуативность-продуманность» с применением доказательной базы кластерного анализа были выделены четыре прогностических психологических портрета личности.

а) первый социально-психологический тип личности связан с умеренным прогнозом повторного совершения преступления, который можно характеризовать как «Ситуативно-пассивный тип»;

б) второй социально-психологический тип личности связан с умеренным прогнозом повторного совершения преступления, который можно охарактеризовать как «Продуманный активный тип»;

в) третий социально-психологический тип личности связан с повышенным прогнозом повторного совершения преступления, который можно охарактеризовать как «Продуманный пассивный тип»;

г) четвертый социально-психологический тип личности связан с пониженным прогнозом повторного совершения преступления, который можно охарактеризовать как «Ситуативно-активный тип».

Ценностно-потребностная сфера личности современного преступника как предиктор прогноза криминального поведения

Романова Н.М., Кузнецова М.А.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Пребывание в исправительных учреждениях оказывают существенное влияние на личность осужденного. Поведение осужденного как субъекта правовых уголовно-исполнительных взаимоотношений зависит во многом от неформального статуса среди остальных преступников, от наличия стремления обрести криминальный авторитет либо установки на исправление и досрочное освобождение, от разнообразных индивидуальных склонностей, в том числе и отрицательных (употребление алкоголя, наркотиков, страсть к азартным играм и иное). Как указывают А.И. Ушатиков, Б.Б. Казак, подобные характеристики становятся значимыми для его описания в изучаемом аспекте (Ушатиков, А.И., Казак, Б.Б., 2014).

По мнению А.А. Истомина, совокупность ценностных ориентаций осужденных включает в себя компоненты ценностно-смыслового мировоззрения личности; ключевыми элементами, определяющими данную систему, являются инструментальные и терминальные ценности, показатели осознанности жизнедеятельности, жизненные цели. В сравнении с законопослушными людьми структура ценностных ориентаций осужденных отличается сдвигом иерархии терминальных ценностей в сторону низших потребностей, а также упрощением системы, выражающемся в понижении ценностного отношения к действительности (Истомин А.А., 2010).

С точки зрения С.И. Дьякова и И.В. Шаблей у различных категорий преступников структура ценностных ориентаций имеет свои отличительные специфические характеристики. При отбывании наказания в рамках исправительного учреждения ценностные ориентации человека получают существенные негативные

изменения, которые затрагивают все аспекты мировоззрения осужденного. Подобные трансформации выражаются в актуализации примитивных ценностей и понижении показателей осмысленности жизни (Дьяков С.И., Шаблий И.В., 2015).

При этом в основе ценностных ориентаций человека лежат смыслы жизни, представляющие собой довольно стабильные психические образования, сформированные на базе терминальных ценностей личности (Журавлева Н.А., 2012).

Другая сторона психологического изучения личности осужденного связана с рассмотрением его как субъекта исправления. Преступник представляется, с одной стороны, в качестве субъекта будущей деятельности в социуме (по завершении отбытия наказания), с другой – в качестве субъекта самоизменения и субъекта исправительного воздействия пенитенциарной системы (Пастушеня А.Н., 2012).

С.И. Дьяков и И.В. Шаблий указывают: с помощью анализа совокупности психологических качеств, которые характеризуют степень готовности осужденного к законопослушной деятельности; уровня его антикриминальной стабильности, можно определить конкретные психолого-педагогические задачи по его исправлению (Дьяков С.И., Шаблий И.В., 2015).

Существенным является также исследование разрушительного воздействия на личность общности осужденных, обстоятельств отбывания наказаний, которые связаны с обязательным ограничением социальной активности и связей, урезанием потребностей (Мишин А.С., Пирожков В.Ф., 2012).

Таким образом, исследование совокупности социальных ценностей и ценностных ориентаций осужденных крайне важны в понимании ценностно-смыслового мировоззрения личности.

Литература

1. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 335 с.
2. Истомина А.А. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы: монография. Псков: Наука, 2010. 212 с.
3. Мишин А.С., Пирожков В.Ф. Ценностные ориентации осужденных к лишению свободы / А.С. Мишин, В.Ф. Пирожков. Рязань, 2012. 53 с.
4. Ушатиков, А.И., Казак, Б.Б. Введение в пенитенциарную психологию. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2014. 421 с.

Особенности психологической готовности к несению службы с оружием у различных категорий сотрудников подразделений охраны ФСИН России

Сучкова И.В.

Межрегиональный отдел психологической работы ГУФСИН России по Приморскому краю (г. Владивосток, Россия)

Деятельность охранных подразделений ФСИН России отличается особой спецификой, ключевой характеристикой которой является повышенная стрессовая

нагрузка. Помимо условий, в которых протекает профессиональная деятельность, основную нагрузку составляет несение службы с оружием и необходимость его незамедлительного применения в случае незаконного нарушения границ режимного учреждения, где содержатся лица, по решению суда, изолированные от общества.

В учреждениях ФСИН России около 20% всей численности личного состава подразделений охраны составляют женщины. Анализируя 160 случаев использования оружия в служебной деятельности, предоставленных территориальными органами ФСИН России установлено, что из них 21% случаев пресечения преступных действий лиц, содержащихся под стражей, успешно реализовано женщинами-сотрудницами.

В литературе присутствуют достаточно противоречивые мнения относительно стрессовой устойчивости женщин по сравнению с мужчинами (Копина О.С., 2000, Онищенко Н.В., 2010), в том числе их успешности в силовых структурах (Метляева Е.В., 2011)

Проведенное психодиагностическое исследование на выборке женщин, успешно применивших оружие в служебной деятельности позволяет сделать ряд выводов, отличающих женскую выборку от мужской. Для оценки различий использовался критерий Манн-Уитни и t-критерий различий средних Стьюдента. Диагностический пакет представлен методикой определения личностных и вероятностных расстройств (Дж. Олдхэм и Л. Моррис); методикой диагностики состояния агрессивности (Басса-Дарки), многофакторным личностным опросником Р. Кеттелла (С), методикой исследования реактивной и личностной тревожности, шкалой оценки силы воли. По всем методикам получены средние значения, в рамках которых определена специфика, характерная для женской выборки:

- у женщин-«стрелков» выявлена повышенная чувствительность к внешним средовым воздействиям, потребность в комфортной социальной нише ($u=67,5$; $p \leq 0,01$). Параметр повышенной чувствительности имеет положительные корреляционные связи с показателями преданности ($r=0,716$), готовности пожертвовать своими интересами ради поддержания положительной связи с референтной группой. Выявлены прямые корреляционные связи между агрессивностью и бдительностью ($r=0,914$; $p \leq 0,01$);

- выявлены значимые, статистически достоверные данные в отношении переживания чувства вины ($u=215$, при $p \leq 0,013$), что указывает на более выраженную способность к рефлексии, ретроспективной оценке своего поведения;

- в дихотомии «сдержанность-экспрессивность» в женской группе, значения экспрессивности значительно ниже этих же значений в мужской группе, что свидетельствует о выраженной осторожности, рассудительности, сдержанности в восприятии действительности ($t=1,79$; $p \leq 0,044$);

- в рамках средних значений показатель ситуативной тревожности носит более выраженный по сравнению с мужской выборкой характер ($u=441$, $p < 0,004$), что позволяет предположить наличие в женской выборке более сниженного порога возбуждения по отношению к различным стимулам внешней среды;

- отличительной особенностью женской выборки является максимально выраженный волевой показатель – 10 стенов (значимость различий средних значений $t=1,919$ $p \leq 0,030$). Волевой потенциал в женской группе сформирован на очень высоком уровне, любые личностные и эмоциональные проявления подвергаются произвольному контролю в рамках выполнения поставленной задачи.

Таким образом, проанализировав наиболее значимые параметры можно сделать вывод, что ключевыми характеристиками женской выборки, обеспечивающими успешное выполнение служебных задач, является система качеств, включающая более развитые волевые компоненты, компенсирующие лабильность и чувствительность эмоциональной системы; повышенная чуткость к любым средовым изменениям; выраженная ориентация на значимое социальное пространство; четкое соблюдение инструкции и следование алгоритму, заложенному референтной группой.

Литература

1. Копина О.С., Сулова Е.А., Заикина Е.В. Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников // Вопросы психологии 1995(3). С. 119.
2. Метляева Е.В. Особенности социально-психологических факторов профессионального стресса женщин-военнослужащих // Вестник Военного университета, 2011. №2(26). С. 34-38.
3. Онищенко Н.В. Стресс-преодолевающее поведение: гендерный аспект // Сборник тезисов научн.-практич. Сконференции «Коченовские чтения «Психология и право в современной России», 2010. С. 257-258.

Подавленная агрессия, нуждающаяся в разрядке: темная сторона условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы

Узлов Н.Д.

АНО «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования» (г. Москва, Россия)

На 1 июля 2018 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 2034 осужденных к пожизненному лишению свободы (ПЛС) (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>). По данным ФСИН, на май 2018 г. в исправительных колониях для осужденных к ПЛС содержалось 267 чел., отбывших наказание более 25 лет. В связи с этим остро встает вопрос о введении в действие ч. 5 ст.79 УК РФ о возможности условно досрочного освобождения (УДО) таких лиц, являющийся предметом острых дискуссий (Горбач Д.В., 2012; Князьков А.С., Уткин В.А., 2015; Кадыш Д.В., 2017 и др.). Наиболее проблемным моментом является разработка обоснованных криминологических и социально-психологических критериев для УДО, а не только формальных, прописанных законодательством (отбывание наказания не менее 25 лет; отсутствие злостных нарушений порядка отбывания наказания в предшествующие три года; отсутствие фактов совершения осужденным

тяжких и особо тяжких преступлений в период отбывания наказания). Общая характеристика осужденных ПЛС, приведенная научными сотрудниками МГППУ (Екимова В.И., Кокурина И.В., Кокурин А.В., 2014) не дает ответа на вопросы о прогнозе поведения осужденного и возможности его реинтеграции в социум в случае УДО. В оценке психологических характеристик осужденных к ПЛС (убийц) авторы уделяют большое внимание анализу их агрессии – инструментального или аффективного типа. И те, и другие преступники лишь в единичных случаях испытывают раскаяние в своих поступках. К негативным качествам личности осужденных относят: ригидность аффекта; импульсивность; подозрительность; злопамятство; повышенную чувствительность к межличностным отношениям; авторитарность; цинизм; отчужденность; социальную дезадаптивность. Среди осужденных к ПЛС, лица с повышенным уровнем агрессивности и враждебности в среднем составляют 23,7 % (почти каждый пятый), а 49,1 % (почти каждый второй) характеризуются отрицательно или являются злостными нарушителями режима. Поэтому как поведет себя на свободе такой субъект после УДО остается проблематичным. Между тем практика освобождения уже началась. В СМИ приводятся данные о шести таких заключенных (Горинская А., Петелин Г., 2018). Журналисты пытались проследить судьбу этих людей. Оказалось, что только одного из них можно считать социально интегрированным, все остальные оказались дезадаптированы или снова связаны с криминалом.

В 2013–2015 годах нами (Узлов Н.Д., Сайдали Е.А.) проведено сравнительное исследование декларируемой агрессивности (исследуемой опросником ВДНІ) двух групп осужденных к ПЛС, отбывших первые 5-10 лет пожизненного срока и свыше 10 лет в ФКУ ИК-5 УФСИН России по Вологодской области. Оказалось, что в первой группе (n=30) она декларируется как заниженная. Для объяснения этого факта нами выдвинута гипотеза о «подавленной агрессивности». Мы предположили, что в условиях строгой изоляции и отсутствия каких-либо послаблений режима такие осужденные сконцентрированы лишь на выживании, т.к. любые проявления гетеро- или аутоагрессии строго пресекаются и служат основанием для немедленного применения санкций. Статус респондентов определялся как депрессивный. Индексы агрессивности (ИА) и враждебности (ИВ) у них оказались невысокими, потенциал агрессии был низким.

У преступников, отбывших 10 и более лет (n=30), по сравнению с их предшественниками, большинство самооценочных параметров агрессии, а также ИА и ИВ оказались увеличенными в 2-2,5 раза ($p < 0,001$), а вербальная агрессия и негативизм в 1,9 раза ($p < 0,001$). Потенциал агрессии в абсолютных цифрах у них оказался более высоким. Интерпретируя результаты исследования, мы предположили, что у этих осужденных происходит своеобразное «аккумулятивное» агрессии, которая ищет, но пока не находит способа разрядки. Однако при ликвидации фоновой депривации, отсутствия необходимости сдерживания негативных эмоций, на почве бытовых конфликтов и алкоголизации в ситуации УДО она снова может найти убийственный выход. К сожалению, по ряду объективных причин мы не смогли

продолжить наши исследования, однако хотели бы, чтобы данный феномен подвергся дальнейшей эмпирической проверке, а также учитывался при разработке психологических критериев для обоснования УДО осужденных к ПЛС.

Литература

1. Горбач Д.В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2012. 24 с.
2. Горинская А., Петелин Г. Воля для шестерых: как сложилась судьба пожизненно осуждённых, которым удалось выйти на свободу. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/510360-tyurma-svoboda-koloniya>.
3. Екимова В.И., Кокурина И.В., Кокурин А.В. Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения // Психология и право. 2014. № 1. URL: www.psyandlaw.ru.
4. Кадыш Д.В. Условно-досрочное освобождение лиц пожизненно осужденных // *Via Scientiarum – Дорога знаний*. 2017. № 1. С. 201-204.
5. Князьков А.С., Уткин В.А. Условно-досрочное освобождение при пожизненном лишении свободы // *Вестник Томского гос. ун-та. Право*. 2015. №4 (18). С.45-53. DOI 10.17223/22253513/18/6.
6. Пожизненное лишение свободы в России. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пожизненное_лишение_свободы_в_России.
7. Узлов Н.Д., Сайдали Е.А. От подавленной к аккумулированной агрессии: как осужденные к пожизненному лишению свободы оценивают свою агрессивность // *Тюменский медицинский журнал*. 2014. Т.16. № 1. С.47-49.
8. Узлов Н.Д. Приговоренные к жизни: самооценка агрессивности и чувства вины осужденными к пожизненным срокам лишения свободы // *Суицидология*. 2015. № 1. С.42-53.

Особенности представлений осужденных женщин о себе в контексте ресоциализации

Шихер А.Л.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – М.Г. Дебольский

Изучение психологических особенностей личности осужденных женщин является актуальной темой и привлекает множество исследователей. Интерес к анализу индивидуально-психологических характеристик обусловлен возможностью внедрения прикладных инструментов работы, позволяющих повысить эффективность процесса ресоциализации.

Основным объектом исследования в работе выступают представления осужденных женщин о себе. В качестве предмета выделяются особенности этих представлений, которые сравниваются и анализируются по разным показателям на разных этапах ресоциализации.

Целью исследования является выявление особенностей соотношения между представлениями о себе, своем жизненном пути и отношением к совершенному преступлению.

В работе отслеживаются особенности изменения представлений осужденных о себе на разных этапах ресоциализации. При этом выделяется три основных этапа жизненного пути, на которых акцентируется внимание заключенных: до совершения правонарушения, в колонии и после освобождения. Также проводится сравнительный анализ представлений осужденных, совершивших различные виды преступлений. Отношение к каждому жизненному этапу сравнивается у осужденных, находящихся на разных временных периодах отбывания наказания: первые полгода (этап адаптации), основной период и за полгода до освобождения.

Представления изучаются сквозь призму отношения к своему жизненному пути. В настоящее время субъективная картина жизненного пути рассматривается как психический образ, в котором человек отражает пространственно-временные характеристики своей жизни – значимые события прошлого, настоящего и будущего, а также их взаимосвязи. Этот образ можно рассматривать и как систему установок, которая выполняет функцию мотивационной регуляции жизненного пути личности и его согласования с жизнью других, прежде всего значимых для нее людей. (Кроник А.А., Ахмеров Р.А., 2003).

Основными методами исследования выступают интервью, субъективное шкалирование и методика «Цветовой тест отношений А.М. Эткинда», позволяющая диагностировать эмоциональный компонент отношения человека к значимым для него людям, событиям и понятиям. (Эткин А.М., 1980). Метод субъективного шкалирования позволяет создать матрицу семантического сходства, с помощью которой становится возможным не только отследить поле индивидуальных представлений и отношений человека к себе, но и построить групповую матрицу, выявив типичные свойства различных групп осужденных, объединенных по значимым критериям (Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А., 2016).

Использование описанной выше программы исследования дает возможность выявить статистически значимые особенности представлений о себе у осужденных женщин и использовать их для более дифференцированного психологического воздействия на различных этапах ресоциализации, с учетом характера совершенного преступления.

Литература

1. Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учебно-методическое пособие для студентов высших учеб. заведений. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. 120 с.

2. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2003. 284 с.
3. Эткинд, А.М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных невротами // Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980.

Социально-психологическая проблема ранней диагностики эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы

Ярошенко Е.И.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Научный руководитель – Романова Н.М.

Проблема диагностики эмоционального выгорания на протяжении многих лет остается актуальной в связи с широким распространением феномена в профессиональной деятельности. Сотрудники социально-значимых профессий – служащие пенитенциарной системы, подвержены риску выгорания в связи с жесткими требованиями, предъявляемыми к персоналу уголовно-исполнительной системы (Хвостов А., Проценко Л., Мухина В., 2003) и эмоционально-затратными условиями трудовой деятельности (Ронгинская Т.И., 2002). Под воздействием негативных факторов в условиях профессиональной среды у служащих происходят личностные изменения, приводящие к дезадаптации (Копылова Т.В., 2003).

Диагностировать выгорание сотрудников на ранних стадиях достаточно сложно. В связи с тем, что основным диагностическим инструментом являются тестовые методики, возникает риск искаженных результатов за счет социально-желательных ответов респондентов.

Цель исследования: установить связь особенностей эмоционального выгорания и социально-когнитивных характеристик сотрудников пенитенциарной системы, представленных в показателях окулomotorной активности.

Методы исследования: беседа; эксперимент на айтрекере SMI RED 500 (Величковский Б.М., 2006); тестирование с использованием Методики диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко (Бойко В.В., 2008) и Опросника "Профессиональное (эмоциональное) выгорание" К. Маслач и С. Джексона в адаптации Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., 2008), статистический анализ данных.

Стимульный материал для эксперимента на айтрекере представлен 10 изображениями рабочего процесса.

В исследовании приняли участие 65 сотрудников ФСИН России по Саратовской области. Возрастной диапазон сотрудников от 20 до 38 лет с профессиональным стажем от нескольких месяцев до 20 лет.

Анализ данных исследования показал, что на развитие эмоционального выгорания влияет специфика профессиональной деятельности и срок службы, что согласуется с ранее проведенными исследованиями Черкасовой М.А., Позднякова В.М. (Черкасова М.А., Поздняков В.М., 2013) и Дебольского М.Г. и Чернышковой М.П. (Дебольский М.Г., Чернышкова М.П., 2015). Сотрудники особого отдела и начальники отрядов со средней продолжительностью работы (от 3 до 6 лет) имеют наиболее высокие показатели выгорания. Данные результаты свидетельствуют о более сложном характере профессиональной деятельности начальников отрядов. Снижение показателей выгорания при длительном сроке службы указывают на постепенную выработку сотрудниками адаптационных стратегий, позволяющих противостоять негативным последствиям феномена.

Применение U-критерия Манна-Уитни позволило получить достоверные различия между группами с минимальной выслугой лет и стажем от 3 до 6 лет по фазам выгорания «Напряжение» $U_{эмпи\rho} = 69$ при $p \leq 0,01$ и «Истощение» $U_{эмпи\rho} = 39$ при $p \leq 0,01$.

С помощью применения технологии айтрекинга и программы ВеGaze были получены достоверные данные параметров глазодвигательной системы каждого респондента. У сотрудников с высокими показателями выгорания выявлены длительные фиксации на негативно-нагруженных изображениях, высокие значения средней длительности морганий, а также минимальное количество саккад.

При корреляционном анализе данных тестовых методик и окуломоторной активности обнаружена взаимосвязь фиксаций на стимулах с негативным содержанием рабочего процесса и стадиями выгорания: «Напряжение» ($r = 0,64$; $p \leq 0,05$); тревога и депрессия ($r = 0,53$; $p \leq 0,10$); деперсонализация ($r = 0,50$; $p \leq 0,05$).

Таким образом, рассмотрев особенности эмоционального выгорания на индивидуальном уровне, мы обнаружили психологическую составляющую данного синдрома, оказывающую влияние на окуломоторную активность, восприятие субъектом стимулов, связанных с рабочим процессом. Применение инновационных методов психодиагностики позволит расширить диагностический инструментарий и предоставит возможность проводить раннюю диагностику и профилактику выгорания для сохранения психологического здоровья сотрудников.

Литература

1. Бойко В.В. Психоэнергетика. СПб.: Питер, 2008. 416 с.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т.1. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. 448 с.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб., 2008. 201 с.
4. Дебольский М.Г., Чернышкова М.П. Особенности профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы // Ученые записки Российского государственного социального университета. Т. 14. 2015. N 3 (130). С. 70-78.

5. Копылова Т.В. «Эмоциональное выгорание» как форма профессиональной деформации личности сотрудника пенитенциарной системы // Педагогика в правоохранительных органах. 2003. № 1 (19). С. 13–15.
6. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. Т. 23. №3. С. 85-95.
7. Хвостов А., Проценко Л., Мухина В. Сотрудники уголовно-исполнительной системы: Экстремальные условия профессии и их следствия // Развитие личности. 2003. №3. С. 133–144.
8. Черкасова М.А., Поздняков В.М. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 22–31.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Интересы и увлечения как одно из условий профилактики эмоционального выгорания преподавателей образовательных организаций МВД России

Аникеева Н.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Проблема эмоционального выгорания (ЭВ) относится к наиболее актуальным в современной психологии труда (Маркова А.К., 1996). В первую очередь появление ЭВ характерно для профессий системы «человек-человек», к которым относятся преподаватели и сотрудники полиции. Представители этих профессий вследствие особенностей деятельности, необходимости постоянных контактов с другими людьми, зачастую вынуждены сдерживать собственные эмоции, подвержены влиянию чужих эмоций, служат мишенью для раздражения и агрессии. Это приводит к быстрому психоэмоциональному истощению, к снижению эффективности и результативности деятельности, к эмоциональному и профессиональному выгоранию.

Согласно теории В. Бойко «выгорание» – механизм психологической защиты личности, который она вырабатывает сама; полное или частичное исключение эмоций в ответ на отдельные психотравмирующие воздействия. По его мнению, эмоциональное выгорание проходит этапы, полностью соответствующие этапам развития стресса (Бойко В.В., 1996).

Целью нашего исследования стало изучение влияния интересов и увлечений на снижение уровня эмоционального выгорания.

В исследовании приняли участие 24 сотрудника полиции женского пола из числа преподавателей в возрасте от 28 до 42 лет. Срок службы (стаж) составляет от 7 до 18 лет.

Методы исследования: «Методика диагностики эмоционального выгорания» В.В. Бойко; беседа; анкетирование.

Полученные результаты тестирования позволили выделить три группы сотрудников по критерию сформированности синдрома эмоционального выгорания в разных фазах.

Так, синдром ЭВ полностью сформировался хотя бы в одной из фаз (т.е. итоговое количество баллов в одной из фаз ≥ 61) у 7 респондентов (29%). У 7 сотрудников (29%) синдром находится в стадии формирования в одной из фаз (от 37 до 60 баллов). У 10 испытуемых (42%) – синдром не сформировался (< 36 баллов).

Таким образом, группы сотрудников со сформированными и еще формирующимися синдромами эмоционального выгорания оказались равными по

количеству. Самой малочисленной стала группа с не сформировавшимся синдромом ЭВ.

В нашем исследовании было выявлено, что наличие регулярных интересов, увлечений, являются условием снижения эмоционального выгорания или замедления его формирования. Такая деятельность преобразует негативные эмоции и переживания, возникающие на работе, формирует самоконтроль и регуляцию своих эмоций и поведения в условиях напряжения и стрессов.

Результаты анкетирования и беседы позволяют сказать, что испытуемые, у которых синдром не сформировался, имеют хобби и увлечения в другой сфере деятельности, отличающейся от профессиональной. Также был проведен анализ степени сформированности синдрома ЭВ у сотрудников, имеющих в качестве интересов и увлечений научную деятельность, спорт и творчество.

Так, 13 испытуемых (54%) постоянно занимаются спортом (йога, плаванием, бегом и др.). Из них: у 5 (21%) синдром ЭВ не сформировался, у 3 (13%) – сложился и у 5 сотрудников (21%) находится на стадии формирования.

15 испытуемых (63%) в качестве увлечений назвали разные виды творчества (вокал, рисование, вышивание и др.). Из них у 5 сотрудников (21%) синдром сложился, у 6 (25%) – синдром на стадии формирования, а у 4 (17%) – не сформировался.

7 испытуемых (29%) находят интересным занятие научной деятельностью. Из них у 3 сотрудников (13%) синдром ЭВ сложился, у 3 (13%) находится на стадии формирования, у 1 (13%) – не сформировался.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что на замедление процесса формирования эмоционального выгорания в большей степени оказывают спортивные и увлечения творческого характера.

Таким образом, различные интересы и увлечения позволяют не только развить свои способности, повысить уровень своего мастерства в какой-либо сфере, помимо профессиональной, но и являются одним из эффективных способов и условий профилактики эмоционального выгорания.

Литература

5. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996. 472 с.
6. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 312 с.

Изучение эмоциональных, психофизиологических показателей курсантов и их влияние на успешность деятельности на занятиях по огневой подготовке

Асташова Е.И.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Вахнина В.В.

В настоящее время курсанты обрабатывают и усваивают установленный двигательный стереотип одного движения, нарабатывают мышечную память на одну определенную ситуацию. При возникновении стрессовой ситуации сотрудник не в состоянии выбрать оптимальный вариант действия, а несколько секунд, потраченных на принятие решения, могут привести к нежелательным результатам.

Таким образом, возникает необходимость изменения установленных правил и шаблонного подхода в профессиональной подготовке курсантов к стрельбе из боевого оружия в ситуациях изменения условий, например свето-звуковых.

По мнению А.А. Каримова, «на готовность сотрудника полиции к применению огнестрельного оружия влияют два основных фактора: психологический и психофизический» (Каримов А.А., 2016). В связи с этим, автором был изучен ряд эмоциональных и психофизиологических показателей курсантов, влияющих на успешность деятельности на занятиях по огневой подготовке.

В ходе эксперимента были использованы следующие методики:

I. Эмоциональная сфера была измерена шкалой дифференциальных эмоций К. Изард, адаптированной А. Леоновой. Данная шкала используется для оценки выражения индивидом фундаментальных эмоций или комплексов эмоций. Представляет собой список общеупотребительных определений, которые в то же время стандартизированы и переводят индивидуальное переживание эмоционального состояния в отдельные категории эмоций. Шкала состоит из 30 прилагательных (по 3 для каждой из 10 фундаментальных эмоций). Данная шкала основана на следующих положениях:

– эмоция (фундаментальная, отдельная) – это сложный феномен, включающий в себя нейрофизиологический и двигательно-выразительный компоненты и субъективное переживание. Взаимодействие этих компонентов в интраиндивидуальном процессе образует эмоцию, являющуюся эволюционно-биогенетическим явлением; у человека выражение и переживание эмоции врожденно, общекультурально и универсально (Изард К.Э., 2008);

– комплексы эмоций – это комбинация двух или нескольких фундаментальных эмоций, которые при определенных условиях склонны появляться одновременно или в одной и той же последовательности и которые взаимодействуют таким образом, что все эмоции в комплексе имеют некоторое мотивационное воздействие на индивида и его поведение.

II. Психофизиологические показатели были отмечены измерением реакции на движущийся объект: в положении основной стойки (рука согнута в локтевом суставе, пальцы выпрямлены) испытуемый должен схватить сжатием в кулак отпущенную линейку, длиной 30см. Перед попыткой линейка устанавливается вертикально на уровне верхнего края ладони между большим и указательным пальцами испытуемого. Дается пять попыток и фиксируется средний результат остановки линейки по верхнему краю ладони в сантиметрах.

III. Для оперативной оценки самочувствия, активности и настроения был использован опросник САН., содержащий 30 полярных состояний и имеющий шкалу оценки (3210123).

IV. Измерение тревожности как свойства личности особенно важно, так как это свойство во многом обуславливает поведение субъекта. Для этого использовалась шкала реактивной тревожности Спилберга. Определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной деятельной личности. Оценка человеком своего состояния в этом отношении является для него существенным компонентом самоконтроля. Шкала содержит 20 утверждений, которые надо оценить по 4-х бальной системе.

V. Также в эксперименте была использована оценка профессионально-трудных ситуаций для выявления уровня стрессогенности данной ситуации до и после стрельбы.

VI. Восмицветовой тест Люшера использован для оценки 7-го и 8-го место расположения цвета, что дает данные по психофизиологическим параметрам.

Анализ полученных результатов позволил сделать следующие выводы:

1. В обычных условиях стрельбы с дистанции 15 метров точность попадания курсантов равно 75 %, однако при изменении свето-звуковых условий точность попадания в мишень снижается на 33,3% и составляет 41,6% попаданий. Это может объяснить тем, что происходит мобилизация психических процессов, и испытуемые больше усилий направляют на рассмотрение мишени, а не на эмоции страха не попасть в цель и иные. Однако замечена тенденция, что курсанты, которые на обычных занятиях показывают высокий результат, при изменении условий их показатели значительно ухудшились, в связи с выраженным желанием соревноваться, основываясь на уверенности, что они обязательно попадут в цель. А курсанты, которые в обычной практике имеют 1-2 попадания при изменении свето-звуковых условий результативность своей стрельбы увеличивали до 4-х пробоин в мишени.

2. Психофизиологические показатели по ряду методик свидетельствуют об изменении скорости реакции в 48,9% случаев в лучшую сторону – то есть показатели улучшились, в 19,3 % – изменений не произошло, у остальных отмечается снижение скорости реакции на движущий объект. Однако стрессовому воздействию подверглись 87,5 % участвующих в эксперименте. Таким образом, скорость реакции и стрессогенность психического состояния соответствует 87,5% на 80,7 % подверженности изменений, из чего можно сделать вывод, что стресс влияет на изменение скорости реакции на движущий объекты.

3. Относительно самочувствия, настроения и активности отмечены следующие тенденции: у 39,6% испытуемых показатели по активности и самочувствию снизились, в то время как у оставшихся 60,4% возросли. Однако настроение имеет значительно иные показатели. Таким образом, у 57,8 % настроение упало, у 31,1% поднялось и у оставшихся – не отмечены никакие изменения.

4. Относительно реактивной тревожности можно утверждать, что у 74,7% испытуемых изменений в уровне тревожности не произошло, у оставшихся отмечается понижение уровня тревожности.

5. Относительно эмоциональной сферы у 77,8% курсантов–испытуемых произошли изменения в эмоциональной сфере таким образом, что у 85,7 % из них отмечено повышение положительных эмоций, у оставшихся – понижение. Остальные не отмечали никаких изменений, оставаясь на положительной волне.

6. Стрессогенность по оценке трудности ситуации отмечается в следующем диапазоне 32,8% отмечено повышение с умеренной стрессогенности ситуации на повышенное, оставшиеся – без изменений.

Таким образом, можно утверждать, что стресс у курсантов вызван не только трудностью ситуации, но и другими факторами, такими как эмоциональность, тревожность, состояние активности, самочувствия и настроения.

Для управления стрессовым состоянием автор рекомендует ознакомить обучающихся с методами регуляции и саморегуляции. Так как не однократно доказывалось, что данные методики наиболее эффективны в управлении стрессовыми состояниями.

Литература

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
2. Изард К.Э. Эмоции человека. М.: Директ-Медиа, 2008. 954с.
3. Каримов А.А. О готовности сотрудника полиции к применению огнестрельного оружия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1(27). С. 137-140.

Профессиональные действия инспекторов ДПС ГИБДД в ситуациях провокационного поведения юридически осведомленных водителей

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

(г. Орёл, Россия)

В настоящее время сохраняет актуальность необходимость совершенствования отдельных сторон социальных отношений, характер и степень конструктивности которых выступает своеобразным критерием уровня развития и цивилизованности общества в целом. При этом наибольшее внимание социума, как правило, приковано к доступным для восприятия ситуациям, отражающим проблемные и значимые аспекты жизнедеятельности.

Взаимоотношения сотрудников Госавтоинспекции (далее – сотрудников) и водителей транспортных средств являются, на наш взгляд, ярким примером подобных ситуаций, определяемых грамотностью профессиональных действий инспекторов дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного

движения (далее – ДПС ГИБДД), с одной стороны, и правосознанием и правомерным поведением участников дорожного движения, с другой.

Вместе с тем, согласно представлениям правовой психологии, высокий уровень сформированности отдельных компонентов правосознания однозначно не обуславливает правомерного, или, тем более, уважительного и культурного поведения. Так, достаточная степень развития когнитивного компонента правосознания водителей не приводит сама по себе к соблюдению ими Правил дорожного движения Российской Федерации, а в ряде случаев, используется как элемент провокационного поведения в отношении инспекторов ДПС ГИБДД.

Отметим, что в современной литературе предпринимаются попытки определить сущность провокации как феномена (Шеметова Т.Н., 2014; Дмитриев А.В., Задорожнюк И.Е., 2016), различаются виды провокации, выделяемые, в частности, в зависимости от её интуитивного или спланированного характера воздействия (Назарова Е.А., 2017).

В контексте тезисов отражена стратегия продуманного провокационного поведения юридически осведомленных водителей, использующих вербальные и невербальные средства межличностной коммуникации с целью демонстрации правовой несостоятельности инспекторов ДПС ГИБДД и нецелесообразности их требований как должностных лиц.

К психологическим характеристикам такой стратегии стоит отнести следующие особенности:

- активную и динамичную речевую апелляцию к нормам права, что выглядит как свободное мысленное оперирование этими нормами;
- акцентирование внимания на недостаточной грамотности или необоснованности действий сотрудника с постепенной трансформацией диалога в русло не вполне деловой коммуникации;
- изображение роли борца за законность на дорогах, миссионера, преследующего благие цели просвещения сотрудников в ходе общения с ними и побуждения законодателя к совершенствованию норм права;
- назидательно-воспитательную и/или снисходительную манеру разговора в комплексе с неуместными в адрес сотрудника полиции фразами («мы теперь с Вами разобрались, что это...», «мы еще не закончили», «Вы свободны»);
- озвучивание конкретных примеров, обладающих скрытым подтекстом с намеком на отрицательные последствия для инспектора ДПС ГИБДД его профессиональных действий в отношении водителя.

В качестве признаков профессиональной компетентности инспекторов ДПС ГИБДД стоит отметить высокий уровень самоконтроля и стремление к бесконфликтному общению.

В то же время, совершение ошибочных профессиональных действий в сочетании защитной психологической тактикой поведения сотрудников препятствует конструктивности разрешения инспекторами ДПС ГИБДД подобных ситуаций, порождает жалобы на них и затрудняет полноценную реализацию ими служебных

полномочий. Поэтому представляется целесообразным повышение качества подготовки сотрудников с учетом складывающихся условий их профессиональной деятельности и психологических особенностей участников дорожного движения.

Литература

1. Дмитриев А.В., Задорожнюк И.Е. Провокация: неопределенность понятия и неустранимость феномена // Человек. 2016. № 3. С. 20-35.
2. Назарова Е.А. Провокации в СМИ и их восприятие молодежной аудиторией // Коммуникология. 2017. Том 5. № 3. С.159-167.
3. Шеметова Т.Н. Провокация как метод в современной журналистике: мысли по поводу // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 1. С. 54-65.

Составление психологического портрета неизвестного преступника: проблемные вопросы

Васкэ Е.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
(г. Нижний Новгород, Россия)

Несмотря на стремительное развитие в современной России психологического профилирования как совокупности психологических методов и методик оценки/прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных признаков, составление психологического портрета неизвестного преступника по-прежнему сопряжено с трудностями разного порядка. Отсутствие достаточной по объему информационной базы, практически исключает не только статистический, но и комплексный корреляционно-смысловой подход к составлению психологического портрета неизвестного преступника, имеющего розыскное значение (Васкэ Е.В., Толстоуцкий В.Ю., 2014).

В настоящий период различными авторами сформулированы концептуальные и методические подходы к созданию портрета, предлагаются алгоритмы портретирования с описанием этапов психологического анализа материалов уголовных дел, структуры психологического портрета, конкретизацией признаков личности преступника, имеющих поисковое значение (Логунова О.А., Дворянчиков Н.В., 2011). Однако существующие реалии таковы, что профессиональная деятельность психолога, привлеченного к составлению психологического портрета неизвестного преступника в условиях неочевидности, выходит далеко за рамки собственно профилирования.

При наличии у профайлера системного, методологического подхода к исследованию личности преступника по следам его деятельности, анализ психологической природы происшедшего лишь по материалам уголовного дела, как правило, существенно затруднен, в связи с тем, что информационная база,

предоставляемая в распоряжение психолога-портретиста, является крайне ненадежной. Малый объем информации, предоставляемый профайлеру к моменту составления им розыскного профиля, обусловлен объективными факторами. Надежность же сведений, предоставляемых профайлеру, напрямую зависит от профессионализма юриста, производящего и фиксирующего отдельные следственные действия (Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С., 2013).

Следователь может небрежно провести осмотр места происшествия, не зафиксировав первичную и вторичную природу полученной информации, тем самым исказив истинную картину преступления. При этом незначительные, с точки зрения следователя, детали осмотра места происшествия могут иметь важное, а нередко и ключевое значение для профайлера. Показания свидетелей и потерпевших нередко представляют собой формальные, клишированные сведения, несмотря на то, что конкретные лица априори обладают уголовно-релевантной информацией (Васкэ Е.В., Загрядская Е.А., 2015).

К объективным факторам, существенно осложняющим процесс получения профайлером максимально полной и надежной информации, можно отнести и постоянную ротацию следователей. В этой связи, увеличению объема и повышению надежности исследуемой информации способствует деятельность профайлера по сопоставлению фактических данных, имеющихся в уголовном деле, с получением наиболее значимой и исчерпывающей оперативной информации непосредственно от работников правоохранительных органов, максимально осведомленных в деталях расследуемого преступления.

При наличии объективной возможности целесообразен выезд психолога на место происшествия, а также его участие в оперативных межведомственных совещаниях. Осуществление же профессионального общения психолога с потерпевшими, разными категориями свидетелей и заподозренными (при наличии таковых), и/или участие в их опросах (допросах), может существенно оптимизировать процесс получения профайлером максимально полных сведений по интересующим его событиям происшедшего.

После выполнения психологического портрета, имеющего розыскное значение, целесообразна консультативная деятельность психолога по разработке стратегий поиска и задержания преступника на основе психологического прогноза действий виновного после содеянного, что позволяет в кратчайшие сроки выработать стратегии и оптимизировать процесс обнаружения преступника (Васкэ Е.В., 2013).

Литература

1. Васкэ Е.В., Толстолицкий В.Ю. Методологические основы комплексного корреляционно-смыслового подхода к составлению розыскного профиля неизвестного преступника / Вестник Пермского университета. Юридические науки. №4(26). 2014. С.166-173.
2. Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. К вопросу о разработке психологического портрета серийного сексуального убийцы // Психологическая наука и образование PSYEDU.RU. №1. 2011. С.21-24.

3. Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С. Психологическое сопровождение расследования серийных сексуальных преступлений // Юридическая психология. 2013. №1. С.56-63.
4. Васкэ Е.В., Загрядская Е.А. Использование профессиональных психологических знаний в уголовно-процессуальной деятельности следователя как средство снижения рисков принятия неправильных (ошибочных) решений / Российский следователь 2015. №2. С.43-48.
5. Васкэ Е.В. Криминалистическое значение психологического профилирования: Психолого-педагогические технологии в правоохранительной деятельности: (Васильевские чтения – 2013): Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 1. Санкт-Петербург, 30-31 мая 2013 года / сост.Статный В.М. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С.76-83.

Особенности подготовки сотрудников ОВД к переговорной деятельности в рамках ситуационного подхода

Вахнина В.В.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

В последние годы для правоохранительных органов разных стран все более значимой становится проблема борьбы с такой формой преступной деятельности, как захват и удержание людей в качестве заложников с целью получения выкупа, шантажа, выдвижения политических требований. Наиболее эффективным способом разрешения подобных криминальных ситуаций является ведение переговоров, что позволяет сохранить жизнь и здоровье заложников, а также с меньшими потерями произвести задержание преступников. Ведение переговоров, создавая экстремальные условия для действий сотрудников органов внутренних дел, требует от сотрудников специальной подготовленности.

Обучение, переподготовка и повышение квалификации специалистов, действующих в области разрешения конфликтов и ведения переговоров, происходят в условиях, когда участники получают позитивный опыт самостоятельного анализа конфликтных ситуаций, их проектирования и конструирования в учебных условиях с помощью игровых технологий. Для игровых методов характерно наличие: ситуационного компонента, задающего контекст, в котором развивается игровая деятельность, направленная на анализ предложенной ситуации (Деркач А.А., Перельгина Е.Б., 2004). Преодоление выявленных в ней проблем в условиях игрового моделирования ее управления особенно эффективно, т.к. игры выраженным ситуационным компонентом преимущественно нацелены на разрешение ситуации.

Антикризисная переговорная компетентность сотрудников органов внутренних дел является одним из показателей профессионального мастерства, но без целенаправленного формирования она не достигает у многих высокого уровня. В

рамках системно-ситуативного анализа получил широкое распространение так называемый метод сценариев, оказавшийся эффективным инструментом выработки управленческих решений в сложных ситуациях управления. Для развития и диагностики антикризисной переговорной компетентности сотрудников органов внутренних дел, повышения уровня социально-психологической подготовленности используются специальные диагностические методики и тренинговые занятия, в форме видеотренингов, ролевых игр, моделирования различных ситуаций, учений (Майдыков А.Ф., 2012, 2017).

На сегодняшний день в зарубежных странах в системе психологической подготовки полицейских значительное время отводится на организацию и проведение разноплановых тренингов социальной коммуникации, прежде всего в зависимости от статусно-должностного положения и специфики экстремальных ситуаций в профессиональной деятельности представителей конкретных служб (Vrij, Koppelaar, Dragt, van den Born, 1993; Woodhull, 1995; Oakley, 1995; Spumy, 1996; Cech, 2000). При этом основой выработки навыков переговорной деятельности служат ролевые игры, сценарий которых построен на тщательно отобранном материале из мировой полицейской практики (Wolfgang D. Salewski, K. Schaefer, 1979; I.K. Mckenzie, 1987; B. Paul, 1994; W. Gatzke, 1996; N. Hausen, 1996; H.L. Marhauer, 1996; G.W. Noesner, 1999; H.P. Schmalzl, M. Peferffer, 2001).

В основе деловых игр реализуется принцип максимального соответствия сценариев реальным кризисным переговорным ситуациям, экстремальным условиям, особенностям оперативной обстановки. Значимость практических форм подготовки сотрудников органов внутренних дел продиктована контингентом обучаемых, уже имеющих высшее образование и опыт руководящей деятельности в органах внутренних дел, что обуславливает необходимость использования ситуационного подхода в обучении различных категорий слушателей Академии управления МВД России. Именно на его основе моделируются кризисные ситуации переговорной деятельности, формулируются учебные задачи.

Литература

1. Социальная коммуникация в современном мире // Под общ. ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной. Монография. М.: Альтекс, 2004.
2. Мишина З. Переговоры в кризисных ситуациях / З. Мишина [Текст]. Перевод П.Н. Плохина. ОНИиКНИ Академии управления МВД РФ // Полицейская теория и практика. 2003. № 4. С. 49-52.
3. Майдыков А.Ф., Майдыков А.А. Проблемы подготовки и проведения в Академии управления МВД России командно-штабных учений // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4 (24). С. 21-25.
4. Майдыков А.Ф. О дополнительном послевузовском профессиональном образовании в Академии управления МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2017, № 4 (44). С. 143-148.
5. Moderne Polizeipsychologie in Schlüsselbegriffen von M. Hermanutz, C. Ludvig, H.P. Schmalzl. – Berlin – Munchen, 2001.

К вопросу об использовании следователями психологических знаний при проведении очной ставки

Домашенков В.В., Магомедов Б.Г.

ФГБОУ ВО «Всероссийский Государственный Университет Юстиции»

(г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Котлярова Л.Н.

Проведение очной ставки регламентировано ст. 192 УПК РФ. Правильно организованная и тщательно подготовленная очная ставка позволяет не только устранить существенные противоречия в показаниях, но также и разоблачить ложное алиби, инсценировку преступления, самооговор или оговор одного допрашиваемого другим, а также получить новые сведения, относящиеся к расследуемому делу (Романов В.В., Котлярова Л.Н., 2018). Успешное проведение очной ставки позволяет получить достоверные доказательства и установить истину по расследуемому делу.

По своему характеру очная ставка является сложным следственным действием, требующим выполнения следователем комплекса организационно-подготовительных мероприятий, включающих в себя: принятие решения о ее производстве, определение участников, психологическую подготовку участников, составление плана производства очной ставки, подготовка условий для ее производства (С.В. Шумилин, 2008). Т.о., самостоятельным этапом является психологическая подготовка участников, а следовательно эффективность очной ставки зависит не только соблюдения следователем процессуальных норм, но и от его умений использовать психологические знания и навыки в процессе взаимодействия с участниками очной ставки. К таким навыкам относятся: умение правильно определить индивидуальные психологические особенности допрашиваемых, их мотивацию, стратегии поведения в конфликтных и бесконфликтных ситуациях, когнитивные ресурсы, психическое состояние и на основе этих данных прогнозировать поведение.

В ходе проведения очной ставки следователь, опираясь на знания о психологических ресурсах каждого участника, использует тактические приемы, направленные на достижение цели данного процессуального действия. Теоретический анализ доступной для изучения литературы позволил нам сделать вывод о важности психологического обеспечения следственной деятельности. В процессе бесед со следователями (в период прохождения производственной практики) мы убедились в том, что существуют различные точки зрения по данному вопросу, что повлияло на более детальное изучение данного вопроса.

Целью нашей работы является изучение мнения следователей об эффективности применения психологических знаний в ходе производства очной ставки.

Для достижения цели нами проведен опрос 26-и следователей, работающих в подразделениях СК Московской области, имеющих стаж работы от 2-х до 8 лет. Распределение по стажу подчиняется нормальному распределению.

Результаты опроса позволили выявить следующую картину. 54% из числа опрошенных следователей полагают, что имеющейся на момент принятия решения о необходимости проведения очной ставки уже имеется достаточно информации о личностях допрашиваемых, и на ее основе они могут самостоятельно решить все задачи. 31 % следователей указали на целесообразность привлечения специалистов (психологов) для получения более полной информации о личностных особенностях допрашиваемых и обсуждения с ними возможных вариантов поведения во время очной ставки. По мнению 15% респондентов вопрос о формах привлечения специальных психологических знаний каждый должен решать ситуативно. При сравнении выделенных групп по критерию продолжительности службы, достоверных различий не выявлено.

Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что все следователи отметили важность использования психологических знаний (как в процессуальной, так и непроцессуальной формах) при принятии решения о проведении очной ставки.

Литература

1. Романов В.В., Котлярова Л.Н. Юридическая психология. – М.: Издательство Юрайт, 2018. 478 с.
2. Шумилин С.Ф. Очная ставка // Руководство по расследованию преступлений: научно-практическое пособие / отв. Ред. А.В. Гриненко. М.: Норма, 2008. С. 520-533.

Основные подходы и направления коррекции дисфункциональных состояний сотрудников правоохранительных органов

Енин К.А., Енина В.В.

ГБУЗ НО «Нижегородский областной неврологический госпиталь ветеранов войн»
(г. Нижний Новгород, Россия)

Социально-политическая ситуация в стране и мире предъявляет особые требования к эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов (далее – сотрудников). Поэтому проблема психологического обеспечения сотрудников с дисфункциональными состояниями (далее – ДС) приобретает небывалую актуальность. Под ДС сотрудников понимаются специфические психические состояния широкого класса, не позволяющие, либо существенно затрудняющие решение задач оперативно-служебной деятельности (Енина В.В., 2017). Коррекция ДС охватывает большое количество известных подходов и направлений со своими особенностями и результатами по достигаемой эффективности.

Наибольшее распространение среди сотрудников получил «бытовой подход» для коррекции ДС. Ему свойственны интуитивные, бессистемные попытки устранения отрицательных изменений в психике сотрудника. Проведенное ранее исследование показало, что сотрудники для снижения выраженности проявлений ДС

предпочитают сон (65%), употребление алкоголя (12%) и оздоровительный отдых (7%). Для половины опрошенных оказание корректирующей помощи происходит со стороны родных и близких людей (Енин К.А., 2016). Здесь скорее оказывается временная помощь «поддерживающего» и профилактического характера, не приводящая к принципиальным положительным изменениям в психике сотрудника.

В рамках «социального подхода» коррекция ДС проводится в основном мероприятиями организационного характера. Так, полученные результаты анализа причин ДС показал, что существенное влияние на их возникновение оказывают социальные условия, в которых непосредственно происходит решение служебных задач сотрудником (Енин К.А., 2016). Вместе с тем, представляется очевидной сложность изменения социальных условий профессиональной деятельности сотрудников.

«Клинический подход» подразумевает под собой фармакологическое решение с применением необходимых специфических медико-психиатрических процедур. В рамках данного подхода специалистам необходимо применять психотропные лекарства только в случае тяжелых проявлений и отсутствии эффекта от психологической коррекции. Кроме того, в рамках мероприятий по медико-психологической реабилитации сотрудников установлено, что в молодом возрасте, а также учитывая необходимость их скорейшего возвращения к профессиональным обязанностям, применение только фармакологических препаратов становится недопустимым (Матвеева В.В., 2013).

Вполне естественно, что базовым, основополагающим подходом, который целесообразно использовать в коррекции ДС сотрудников, является собственно «психологический подход». В нем можно выделить два основных направления: индивидуальная работа и групповая психокоррекционная работа. В индивидуальной психокоррекции обеспечивается конфиденциальность и тайна, что способствует снятию психологических барьеров общения и защит клиента. Вместе с тем, проведенное анкетирование 193 сотрудников показало, что 47 % опрошенных не считают нужным обращаться за индивидуальной психологической помощью для коррекции ДС, а 15% считают психологическую коррекцию неэффективной и бесполезной. Проведенное ранее исследование, показало, что причинами формирования ДС являются социально-психологические факторы (Енин К.А., 2016), исправление которых возможно при создании временной искусственной гармонизирующей среды – психокоррекционной группы. Выше перечисленные обстоятельства, предполагают организацию групповой психокоррекционной работы под видом «тренинга командообразования», «коммуникативного тренинга» или «социально-психологического тренинга». Подводя итоги, представляется возможным отметить, что специалисты психологического обеспечения в целях коррекции ДС сотрудника предпочитают групповую психологическую работу.

Литература

1. Енин К.А., Енина В.В. Что вызывает возникновение дисфункциональных состояний и способы совладания с ними у сотрудников

правоохранительных органов // Материалы IV Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие». Т. 9. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2016. С. 150-152.

2. Енина В.В., Енин К.А. К вопросу о психологическом обеспечении профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов с психическими дисфункциональными состояниями [Электронный ресурс] // Психология и право psyandlaw.ru 2017. Том 7. №1. С. 80-88. // URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85411.shtml>.
3. Матвеева В.В. Немедикаментозная восстановительная коррекция вегетативных дисфункций у лиц опасных профессий с использованием метода аппаратного биоуправления: Дисс. ... канд. мед. наук. Москва, 2013. 144 с.

Проблема развивающего консультирования в психологической работе с руководителями органов внутренних дел

Жуковская И.В.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Научный руководитель – Вахнина В.В.

Термин «консультирование» в последнее время широко применяется к различным областям знаний, выделяют юридическое, фармацевтическое, социальное консультирование. Практика психологической работы представлена такими видами, как организационное, деловое, антикризисное, в сфере управления персоналом и другими. Несмотря на большое количество парадигм, концепций, моделей, общую цель консультирования можно охарактеризовать как вызов конструктивных изменений в психологических особенностях личности. К личности руководителя органов внутренних дел (далее – ОВД) предъявляются высокие требования как к эффективному профессионалу, способному выполнять поставленные правоохранительные задачи, вместе с тем, независимо от постоянно меняющихся условий жизнедеятельности, он не должен терять свою идентичность. Именно поэтому консультирование руководителей ОВД должно быть направлено не на личностные глубинные изменения, а на изменение, перестройку уже сформированных, актуализацию потенциала, который, по сути, будет развивающим.

Анализируя научные подходы в литературе, нами не было найдено четко сформулированного определения развивающего консультирования. Поэтому целью нашего эмпирического исследования, в том числе, было определение дефиниции «развивающее консультирование». В рамках исследования был проведен анкетный опрос с 3 группами респондентов. Первая группа экспертов состояла из руководителей (старших психологов) подразделений психологической работы (30 человек). Вторая экспертная группа была представлена руководителями

(начальниками) подразделений морально-психологического обеспечения и включала 27 респондентов. Третья группа испытуемых – руководители высшего управленческого звена, включенные в кадровый резерв различной номенклатуры (25 опрошенных).

На основании полученных эмпирических результатов первой группы, можно сформулировать следующее определение дефиниции «развивающее консультирование». Развивающее консультирование – процесс, способствующий росту, развитию потенциала и ресурса личности для разрешения возникающих проблем, достижения поставленных целей. Во всех данных респондентами определениях акцент делается на рост, раскрытие, развитие, овладение новым в личностном и профессиональном плане, достижение качества, эффективности, продуктивности, успешности в деятельности.

Во второй группе испытуемых нас интересовали смыслы, которые респонденты вкладывают в понятие «профессионально-личностное развитие», являющееся базисным для определения развивающего консультирования. Проанализировав ответы данной категории опрошенных было выявлено следующее. Основу определений термина «профессионально-личностное развитие» составляет компонент профессиональной деятельности, а именно знания, умения, навыки, изучение и применение новых методов в деятельности, дополнительное обучение, карьера.

Проведя анализ данных по пониманию термина «профессионально-личностное развитие» третьей группой испытуемых, можно констатировать следующее. Респонденты акцентируют внимание на совершенствовании личных качеств, саморазвитии и самореализации, ведущих к профессиональным успехам. Учитывая вышеизложенное можно сделать вывод, что третья группа испытуемых, занимающих высокие руководящие должности, имеет конструктивный опыт преодоления эмоциональных, профессиональных, личностных затруднений, заключающийся в развитии, перестройке личностных качеств, которые обеспечивают успешное выполнение поставленных задач.

Таким образом нами предлагается понимать «развивающее консультирование» как совокупность методов, способов и приемов, разработанных и реализуемых в консультировании, коучинге, способствующих положительной динамике изменений профессионально-важных качеств личности, профессиональному росту и расширению зоны ближайшего профессионально-личностного развития, способствующих оказанию психологической помощи по вопросам саморазвития, использования внутреннего потенциала и ресурса, формирования индивидуального стиля деятельности, имиджа руководителя ОВД, что является ключевым для психотехнологии развивающего консультирования.

Эмоциональные барьеры в деятельности сотрудников полиции

Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва, Россия),

Михайлова О.Ю.

ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

(г. Нижневартовск, Россия)

Проблема психологических барьеров не относится к числу хорошо изученных. Исследованиями в области анализа профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов занимались такие известные исследователи, как А.И. Китов, М.И. Марьин, А.М. Столяренко, И.О. Котенев, В.Н. Смирнов, В.В. Вахнина и др. Изучение коммуникативных основ профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов освещено в работах Л.Б. Филонова, В.П. Трубочкина, В.И. Черненилова. Феноменология социально-психологического барьера, его природа и роль определена в работах Б.Д. Парыгина, Р.Х. Шакурова, А.В. Соколова, Н.И. Шевандрина. Барьеры общения и различные их классификации изучены Г.М. Андреевой, И.А. Зимней, В.М. Шепелем, В.А. Михайловой, В.А. Лабунской и другим исследователями. Однако остаются недостаточно изученными признаки барьеров, пути преодоления психологического барьера, методы их исследования.

Согласно исследованиям российских ученых эмоциональный механизм психологического барьера состоит в усилении отрицательных переживаний и установок – стыда, чувства вины, страха, тревоги, низкой самооценки, ассоциированных с задачей. Недоверие к институту правоохранительных органов, накладываясь на властные полномочия, присущие сотрудникам этих ведомств, порождает опасение человека, даже если он не чувствует себя в чем-либо виноватым.

Зная о наличии такого рода эмоций и их характере, при этом целенаправленно планируя ситуацию общения, сотрудник правоохранительных органов может минимизировать проявления барьера отрицательных эмоциональных состояний. Приемам, предупреждающим появление отрицательных эмоций, сотрудники обучаются в процессе служебной деятельности на собственном опыте, опыте старших коллег и путем специальной психологической подготовки.

В большом количестве случаев негативные эмоции и сокращение контакта с сотрудником правоохранительных органов является для гражданина способом психологической защиты. Личность адаптируется к среде посредством психологических барьеров, которые выполняют охранительную функцию, защищая личность от воздействия непривычных факторов среды. При этом психологические барьеры рассматриваются и как часть множества явлений, характеризующихся одной общей чертой – затруднением в протекании каких-либо процессов. Барьером при этом называется все то, что мешает какому-нибудь действию, стоит на пути чего-нибудь. Оба этих направления объединяет в одно Б.Д. Парыгин (2003), который

рассматривает две функции психологических барьеров – функция психологического препятствия и функция психологической защиты. В этом случае барьер способствует автономности, обособляющей личность в общности и обеспечивающей ей относительную независимость и индивидуальность.

К барьерам, обусловленным внешними условиями, относятся характеристики физической среды, создающие дискомфортные условия передачи и восприятия информации:

- акустические помехи – шум вокруг общающихся, отвлекающие телефонные звонки и т.п.;
- отвлекающая окружающая обстановка – некомфортное освещение, яркие предметы, привлекающие внимание и отвлекающие собеседников;
- температурные условия – слишком холодно или слишком жарко;
- погодные условия – дождь, ветер, высокое или низкое давление.

В случае профессиональной деятельности сотрудника правоохранительных органов психологические барьеры обладают рядом особенностей, напрямую связанных именно с профессиональной деятельностью. Так один из часто встречающихся коммуникативных барьеров, связанный с отсутствием эмпатии, можно объяснить тем, что сотрудник правоохранительных органов, вступая во взаимодействие с гражданином, не ставит своей целью понравиться ему, проявив сопереживание. Скорее наоборот, он хочет как можно четче выяснить детали интересующего его события, при этом эмоциональная окраска рассказа скорее затрудняет восприятие события. Можно дать и иное объяснение, также нередкое в правоохранительной практике – сталкиваясь ежедневно с самыми негативными проявлениями человеческого поведения, с людьми, совершившими преступление, сотрудник правоохранительных органов приобретает эмоциональную сухость, являющуюся проявлением профессиональной деформации личности.

Причиной возникновения психологического барьера в ситуации взаимодействия сотрудника и гражданина может стать неожиданность ситуации, в которой сотрудник инициирует общение. Происходит это в том случае, когда процесс общения сотрудника с гражданином является для последнего незапланированным. В соответствии с информационной теорией эмоций П.В. Симонова в этой ситуации гражданин испытывает некоторую растерянность от недостатка информации (причина, по которой сотрудник начал взаимодействовать с гражданином для него непонятна), что вызывает зачастую негативные эмоции и может перерасти в агрессию. Проблема решается хорошей информационной подготовкой сотрудника, при которой заранее собирается информация о том, как и где лучше начать общение, чтобы оно не вызвало удивление и неудовольствие собеседника. Планируется время, обстоятельства, уместный повод начала общения – в этом случае выше вероятность того, что гражданин лояльно отнесется к незнакомому собеседнику и захочет вступить с ним в контакт. В такой ситуации высшим мастерством будет такая манипуляция сотрудника, при которой гражданин сам проявит инициативу в

общении. Подобная задача решается путем создания специальных условий с помощью качественно собранной информации.

Барьеры, возникающие при установлении психологического контакта с гражданином можно предупредить с помощью оперативной информации или путем гибкого управления процессом общения. Иная ситуация возникает, если барьер общения провоцирует сам сотрудник правоохранительных органов и связан он, как правило, с недостаточной коммуникативной подготовкой. Подобные обстоятельства могут возникнуть уже в процессе общения, если стиль поведения гражданина окажется для сотрудника непривычным или стиль приема-передачи информации окажется несоответствующим возможностям самого сотрудника. Ситуация может грозить вынужденным сворачиванием общения сотрудником или просто его прекращением со стороны собеседника, не получающего должного внимания со стороны сотрудника и не заинтересованного в общении с незнакомым и неинтересным ему собеседником. Барьер ригидности может быть вызван как плохой подготовкой самого сотрудника полиции, не готового к разговору с плохо знакомым собеседником «на его языке», так и недостаточно гибким мышлением сотрудника, не позволяющим ему вжиться в выбранную роль и вести уместный разговор, располагая к себе собеседника. Проблема решается качественным профотбором, являющимся обязательным условием приема на оперативные должности и профессионально-психологической подготовкой сотрудника к особенностям нестандартной деятельности.

Проявления профессиональной деформации личности сотрудника ОВД

Косыгина С.В.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»
(г. Москва, Россия)

Профессиональная деятельность во многом определяет особенности личностного онтогенеза специалиста в период зрелости. Она оказывает влияние на характеристики личности и вызывает их изменение. Возможным вариантом изменений личности в процессе профессиональной деятельности может быть развитие профессиональной деформации.

В связи с определенной спецификой деятельности сотрудников ОВД постоянно существует реальная опасность нежелательных изменений в системе нравственных ценностей, в их мировоззрении, психическом и физическом состоянии. Совокупность этих изменений принято называть профессиональной деформацией или дезадаптацией.

Профессиональная деформация личности – изменение качеств личности, наступающее под влиянием выполнения профессиональной деятельности.

Человек начинает терять те границы, которые отделяют его как простого человека от профессии. И тогда он видит себя юристом, врачом, учителем не только на работе, но и за ее пределами: где-нибудь в компании, на отдыхе, в семье. Человек начинает проецировать успехи и проблемы профессиональной деятельности на себя и своих близких. У него появляется навязчивое желание ставить всем диагнозы, в том числе и себе, навешивать ярлыки, интерпретировать поведение. Он не может отдохнуть от своей профессиональной роли, контролирует все свои действия.

У сотрудников полиции профессиональная деформация представляет собой результат искажения профессиональных и личностных качеств работника органа правопорядка под влиянием отрицательных факторов деятельности и окружающей среды. Специфика правоохранительной деятельности, в том числе необходимость вступать во взаимодействие с правонарушителями, нередко содержит в себе элементы отрицательного воздействия на личность. При отсутствии у сотрудника достаточного уровня психологической и нравственной устойчивости часто наблюдается развитие его профессиональной деформации. При этом профессиональная деформация негативно влияет на деловое общение работника и эффективность его служебной деятельности.

Она обычно выражается в равнодушии, властолюбии, подозрительности, скептицизме, правовом нигилизме, ложной корпоративности (защита «чести мундира»), схематизме мышления, карьеризме, индивидуализме и т.п.

В психологическом отношении профессиональная деформация создает чувство уверенности и непогрешимости в своих знаниях и оценках, ограничивая функцию анализа и поиска в мыслительных операциях.

Профессиональная деформация мотивационной сферы может проявляться в чрезмерной увлеченности какой-либо профессиональной сферой при снижении интереса к другим. Известным примером такой деформации может служить феномен «трудоголизма», когда человек большую часть времени проводит на рабочем месте, он говорит и думает только о работе, теряя интерес к остальным сферам жизни. Труд в этом случае является своего рода «защитой», попыткой уйти от тех трудностей и проблем, которые возникают в жизни человека.

С другой стороны, личность может высокоэффективно работать в какой-либо области, посвящая этому все свое время, что приводит к отсутствию интересов и активности в других сферах.

Профессиональная деформация знаний также может быть результатом глубокой специализации в какой-либо одной профессиональной сфере. Человек ограничивает сферу своих познаний тем, что необходимо ему для эффективного выполнения своих обязанностей, демонстрируя при этом полную неосведомленность в других областях.

Другой формой проявления этого феномена являются профессиональные стереотипы и установки. Они представляют собой определенный уровень достигнутого мастерства и проявляются в знаниях, автоматизированных умениях и навыках, подсознательных установках, не загружающих сознания. Отрицательное

влияние стереотипов проявляется в упрощенном подходе к решению проблем, в представлении о том, что данный уровень знаний и представлений может обеспечить успешность деятельности.

Таким примером может служить деятельность следователя. Подозрительность как вид деформации неизбежно приводит к предвзятости, к обвинительному уклону в следственной деятельности. Этот феномен получил название «обвинительный уклон» и представляет собой неосознаваемую установку на то, что человек, чья вина еще не доказана, определенно совершил преступление.

Профессиональная деформация личностных особенностей также может возникнуть вследствие чрезмерного развития одной черты, необходимой для успешного выполнения профессиональных обязанностей и распространившей свое влияние на «непрофессиональную» сферу жизни субъекта. Например, следователь в своей работе сталкивается с обманом, коварством и лицемерием. На основании этого у него может выработаться повышенная критичность и излишняя бдительность. Дальнейшее заострение этих черт может привести к развитию чрезмерной подозрительности, когда следователь в каждом человеке видит преступника, причем эта черта проявляется не только в профессиональной деятельности, но распространяется и на семейные и бытовые отношения.

При адаптивной деформации происходит пассивное приспособление личности к конкретным условиям деятельности, в результате у человека формируется высокий уровень конформизма, он перенимает безоговорочно принятые в организации модели поведения.

При крайней степени профессиональной деформации, которую называют уже профессиональной деградацией, личность меняет нравственные ценностные ориентиры, становится профессионально несостоятельной.

Возникновение и воздействие факторов, способствующих развитию профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел, актуально как явление. А формы и методы профилактики проявлений профессиональной деформации требует дополнительного анализа и практического использования в деятельности подразделений органов внутренних дел.

Исследование творческого потенциала выпускников юридического университета, планирующих трудоустройство в правоохранительных органах России

Котлярова Л.Н., Мартынова Е.А., Якимова Е.В.

ФГБОУ ВО «Всероссийский Государственный Университет Юстиции»
(г. Москва, Россия)

Исследование механизмов формирования творческого потенциала и мотивационной направленности на разных этапах профессионального становления юристов является актуальным для разработки инновационных кадровых технологий,

предназначенных для оценки личностных компетенций претендентов на должности сотрудников правоохранительных органов (Дмитриева Л.А., 2015).

Цель проведенного исследования – выявление мотивационного и творческого потенциала у студентов юридического университета, планирующих реализацию профессиональной деятельности в правоохранительных органах.

Показатели интеллектуальной активности (стимульно-продуктивный, эвристический и креативный уровни) определялись на основе методологического подхода Д.Б. Богоявленской, в соответствии с которым высокие показатели на стимульно-продуктивном уровне свидетельствуют о высоте интеллекта (Bodoyavlenskaya D., Kotlyarova L., 2017), «эвристический и креативный уровни идентифицируют творческие способности, т.е. глубину познания» (Богоявленская Д.Б., 2009, с. 36).

Характеристики мотивационного потенциала определяли с помощью методик «Диагностика мотивационной структуры личности» и «Мониторинг трудовых мотивов» (Мильман В.Э., 2005; Старенченко Ю.Л., 2008), позволяющих составить профили, в структуру которых входят личностные мотивационные свойства, мотивационная направленность, выраженность восьми ведущих трудовых мотивов.

По итогам тестирования были составлены профили, отражающие типологию интеллектуальной активности и мотивационный потенциал участников исследования.

Выявлены следующие характеристики распределения по показателям интеллектуальной активности ((полученные с помощью метода «Креативное поле», объем выборок – $n_1=34$ (2016 г.), $n_2=36$ (2017 г.), $n_3=41$ (2018 г.)): стимульно-продуктивный уровень (СП) – 64.7%, 61.1 % и 58.6% эвристический уровень (Эв) – 23.5%, 27.7% и 29.2% , креативный тип (Кр) – 11.8%, 11.2%, 12.2%. В популяции, как отмечает Д.Б. Богоявленская, креативный уровень интеллектуальной активности встречается редко, его представленность на разных выборках изменяется в диапазоне от 5 до 12%.

В результате изучения мотивационного потенциала (МП) в типологических группах было показано, что в группе «Кр» доминирует прогрессивный тип мотивационного профиля, который положительно коррелирует «с успешностью рабочей и учебной активности. Чаще других этот МП встречается у людей творчески активных. Одновременно, этот тип характерен и для личности с социально направленной позицией, что включается в представление о созидательной, производительной направленности личности» (Мильман В.Э., 2005, с.42).

Полученные в исследовании данные позволяют сделать вывод о существовании устойчивых связей между показателями интеллектуальной активности и мотивационного потенциала.

Результаты проведенного исследования использовались для разработки рекомендаций по совершенствованию у студентов профессионально-важных качеств, необходимых для успешной деятельности юристов в правоохранительных органах.

Литература

1. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: Монография. Самара: Издательский дом «Федоров», 2009.
2. Дмитриева Л.А. Психологическая компетентность сотрудника СК России: научно-методические рекомендации. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2015.
3. Мильман В.Э. Мотивация творчества и роста: Структура. Диагностика. Развитие. М.: Мирея и Ко, 2005.
4. Старенченко Ю.Л. Мониторинг трудовых мотивов: методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2008.
5. Bodoyavlenskaya D., Kotlyarova L. Metodological concepts of building up the creativity typology // Society. Integration. Education. Proceedings of the Scientific Conference. May 26th - 27th, 2017, Voiume I, p. 469-477.

Особенности нравственной активности студентов старших курсов юридического направления

Красник В.С., Ряжкин А.О.

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

В исследовании рассмотрены особенности нравственной активности у студентов юридического направления. Для этого группа студентов юридического направления сравнена со студентами психолого-педагогического направления. Старшие курсы представлены в выборке по причине того, что, на наш взгляд, на старших курсах студенты больше идентифицируют себя с выбранной профессией, принимают профессиональные ценности. Нравственная активность рассматривается с позиций системно-субъектного подхода (Сергиенко Е.А., 2011), понимается как деятельное нравственное отношение человека к миру, в котором субъект выступает как активный носитель и "проводник" нравственных ценностей (Антилогова Л.Н., 2003). Данный подход к пониманию нравственной активности основан на том, что она представлена как в категории личности, так и субъекта, где личность отвечает за направленность нравственной активности, а субъект – за ее конкретную реализацию. В личности – это ценностно-смысловая сфера, а в субъекте – контроль поведения, состоящий из трех уровней: когнитивного, эмоционального, волевого (Сергиенко с соавт., 2010). Данный подход был описан нами ранее (Красник В.С., Ряжкин А.О., 2016).

Исследовано 90 студентов III и IV курсов: 42 человека обучаются на психолого-педагогическом направлении, 48 на юридическом (Профиль: Правоохранительная деятельность и Правовое обеспечение национальной безопасности). Цель исследования: найти различия в компонентах нравственной активности между студентами разных направлений. Гипотеза: между студентами разных направлений существуют различия в компонентах нравственной активности. Методы и методики: 1. Опросники: «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А.

Леонтьева и «Ценностный опросник» Ш. Шварца для изучения ценностно-смысловой сферы; «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и «Шкала контроля за действием» Ю. Куля для изучения когнитивного, эмоционального и волевого уровней контроля поведения соответственно 2. Методы математической статистики: непараметрический критерий U Манна-Уитни.

Найденные различия:

- В ценностной сфере для студентов-юристов большую значимость имеет ценность «безопасность» ($p=0,013$), т.е. безопасность и стабильность общества и самого себя (Карандашев В.Н., 2004). Это напрямую связано с профессиональной юридической деятельностью, особенностью которой является то, что она решает поставленные государством задачи личной и общественной безопасности (Бандурка А.М. с соавт., 2002).

- У студентов юридического направления выше уровень когнитивного контроля, чем у студентов психолого-педагогического направления ($p=0,044$). Профессиональная деятельность юриста четко регламентируется нормами права. Отступление от данных норм свидетельствует о низкой профессиональной компетентности. Это обстоятельство формирует установку строго придерживаться правовых норм, воздействующую на личность юриста (Романов В.В., 2011). Поэтому у будущих юристов значительно развита регуляция поведения на основе процессов осознания и понимания правовых норм. Данные процессы составляют суть когнитивного контроля поведения.

- Компонент эмоционального контроля, стратегия поведения «Поиск социальной поддержки» более выражен у будущих юристов ($p=0,045$). Стратегия определяется как привлечение социальных ресурсов, поиск информационной, эмоциональной и действенной поддержки (Вассерман Л.И., 2009). Для будущих юристов большое значение имеет общественная поддержка, т.к. значимость и престижность юридического труда всегда была достаточно высокой (Бандурка А.М. с соавт., 2002), поэтому для студентов, выбравших данную профессию важно общественное одобрение. То, как действует юрист, всегда подвергается общественной оценке и для юристов важно, чтобы эта оценка была положительна, чтобы к представителям юридических профессий у общества было доверие.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что между студентами разных направлений существуют различия в компонентах нравственной активности.

Литература

1. Антилогова Л.Н. О взаимосвязи ценностных ориентаций и нравственной активности личности // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов. 2003. №2. С. 13-17.
2. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология: Учебник. Харьков: Изд-во НУВД, 2002. 596 с.

7. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
8. Красник В.С., Ряжкин А.О. Проблема нравственной активности с позиций субъектно-личностного подхода [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 8. URL: <http://human.snauka.ru/2016/08/16326> (дата обращения: 23.09.2018).
9. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Под ред. Л.И. Вассермана. НИПНИ им. Бехтерева, Санкт-Петербург, 2009 г. 37 с.
10. Романов В.В. Юридическая психология: Учебник для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2011. 525 с.
11. Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. 352 с.
12. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. 2011. № 1. С. 120-132.

Диагностика морально-психологического состояния сотрудников органов внутренних дел

Марьин М.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
Бочкова А.А.

Управление по работе с личным составом ГУ МВД России по Московской области
(г. Москва, Россия)

Несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению количества преступлений, в том числе коррупционных, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, следует констатировать, что эти данные не отражают всего состояния проблемы. Подобным преступлениям свойственны высокая латентность, скрытность, согласительный характер совершения, исключающий жалобы, так как виновные стороны получают выгоду от незаконной сделки, имеют высочайшую приспособительную способность, непрерывно мимикрируют, видоизменяются и совершенствуются.

Принятые в последние несколько лет важные нормативно-правовые акты, направленные на совершенствование организации оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, не дали должных результатов. В связи с этим вопросы выявления правонарушений среди личного состава, в том числе коррупционной направленности, установления условий и причин их возникновения, остаются по-прежнему актуальными, требующими своего безотлагательного решения.

Эффективная профилактика противоправного поведения сотрудников невозможна без исследования особенностей совершившей данное деяние личности, т.к. именно личность является носителем причин совершения правонарушений. По

мнению многих авторов «никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного деяния, если они не положены одновременно на внутренние детерминанты человеческой активности» (Лысков Б.Д., Курбатова Т.Н., 2001).

Поэтому надо говорить об определенных внутренних психологических детерминантах, о необходимости обратиться, прежде всего, к личности сотрудника, к его ценностям, интересам, установкам, уровню индивидуального, группового правосознания. Безусловно, актуальность этой работы обоснована также необходимостью разработки методики психологического изучения личности сотрудников с целью раннего выявления среди них лиц, склонных к совершению правонарушений, выработки адресных мер по их предупреждению. В психологическом плане важным представляется выявление и изучение таких особенностей поведенческих проявлений личности, которые еще не стали проявлениями преступного поведения, но при определенных условиях служебной деятельности могут привести к их возникновению и развитию.

Методом, отвечающим этим требованиям, позволяющим выявить неформальную структуру статусов в коллективе по искомым основаниям, к примеру, склонность к противоправному поведению, является разновидность экспертного метода – социометрическая методика, широко используемая в психологии для измерения социально-психологических характеристик членов группы, процессов и явлений, происходящих в служебных коллективах.

Экспертная социометрическая методика предъявляет собственные требования к процедуре ее применения, которые были учтены при разработке модифицированного варианта экспертно-социометрической процедуры, реализованный в программе «Мониторинг» (Марьин М.И., Бочкова А.А., 2014). Методика экспертной социометрической оценки «Мониторинг» базируется на деятельностно-детерминированных межличностных выборах на основании деловых и эмоциональных предпочтений, что позволяет выявлять показатели индивидуальных статусов сотрудников в служебном коллективе по их отношению к правовым нормам, к соблюдению правовых норм в рамках осуществления служебной деятельности, обеспечивать полную анонимность, объективность получаемых сведений, персонификацию информации.

В результате исследования каждый сотрудник получает характеристику того, насколько он готов воспринимать существующие нормы и правила служебного поведения; насколько он готов соблюдать существующие нормы и правила служебного поведения; его правовые установки и ценностные ориентации.

Установлено, что сотрудники, допускающие возможность нарушения правовых норм, это люди, декларирующие высокие образцы законопослушного поведения, ориентирующие окружающих на нравственный критерий в профессиональной деятельности, сами не в полной мере придерживаются данных ценностных ориентиров. Они демонстрируют гибкость в поступках, социально-желательные ценности, нужные образцы поведения, оптимально подстраиваясь под ситуацию.

Структура ценностных ориентаций этой группы формирует психологический механизм возможного противоправного поведения, который позволяет им искать новые возможности для достижения цели и одновременно принимать обдуманые, осторожные решения, демонстрировать высокие образцы законопослушного поведения и придерживаться гибкой, лабильной системы «двойных стандартов». Данная категория сотрудников отличается рациональностью в оценке ситуаций, четкостью принятия досконально продуманных решений; варьированием вектора поведения от сложившейся ситуации и личной выгоды.

Результаты изучения и оценки социально-психологического климата в служебных коллективах и морально-психологического состояния личного состава, безусловно, являются ресурсом повышения эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Марьин М.И., Бочкова А.А. Методический подход к оценке ценностных ориентаций руководителей органов внутренних дел // Российский психологический журнал. 2014. Том 11. №1. С. 7-15.
2. Лысков Б.Д., Курбатова Т.Н. Понятие о личности преступника // Юридическая психология / сост. и общ. ред. Т. Н. Курбатовой. СПб.: Питер, 2001.

Отношение молодежи к правоохранительным органам

Мельник М.Р., Коноплева И.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В настоящее время отношение граждан России к правоохранительным органам (ПО) достаточно спорное. Социальные мониторинги населения на выявление доверия и отношения к полиции пишут, что за последние десять лет положительное отношение граждан к полиции значительно увеличилось, и они стали гораздо больше доверять ПО. Но в обществе, среди граждан, есть множество негативных отзывов, в частности в различных социальных сетях, где выкладываются очерки, пишутся комментарии и другие публикации, выставяющие полицию и государство не в лучшем свете. В целом отрицательное мнение встречается гораздо чаще, чем положительное, соответственно и оснований для показателя высокого уровня доверия нет.

У каждого человека, у каждого гражданина складывается и формируется свое отношение к правоохранительным органам. На то, какое будет складываться у общества отношение к полиции, влияет множество факторов. Одним из таких факторов может выступать, например, правосознание, причем и гражданина и полицейского. Правосознание является неким аттитюдом, установленным и закреплённым отношением общества не только к ПО, но и к праву, закону,

соблюдению закона, т.е. правоприменению. Неким фактором, влияющим на формирование отношения граждан к полиции, могут выступать характерологические особенности личности, такие как тревожность, межличностные отношения и агрессия.

Межличностные отношения показывают то, как человек взаимодействует с обществом, каких стратегий придерживается, тревожность отношения к ответной реакции общества на его поведение и позиции в нем, а агрессия как ответная реакция самого человека в случае неудовлетворения его потребности нахождения в социуме на определенных позициях и отношения общества к самой личности. Так как полиция является частью социума, то и проявления вышеперечисленных проявлений по отношению к ПО исключать нельзя. Также можно сказать, что полиция должна обеспечивать и охранять общественный порядок, обеспечивать общественную безопасность, незамедлительно помогать любому, кто в ней нуждается, защищать от преступных и иных противоправных посягательств, и это можно считать одной из составляющих обеспечения эмоционально безопасной среды гражданам. Если же субъект находится в эмоционально опасной среде, то у него формируются отрицательные эмоции по отношению к миру и трансформируются они в негативную самооценку себя, способностей, своего места в обществе. Иначе говоря, у личности формируется тревожное состояние, что может привести к агрессивному поведению – как нежелание находится на той позиции, которую он занимает в социуме, чтобы защитить себя, свою жизненную позицию.

В свою же очередь отношения граждан к полиции будут влиять и на работу данных органов, а соответственно и на всю работу органов внутренних дел, т.к. полиция является частью этой системы. Это поможет совершенствовать понимание права, соблюдение порядка и контроля над ним.

Нами проведено исследование, в котором приняли участие 65 человек. Выборку составляли студенты вузов от 17 до 25 лет, проживающих на территории Москвы и Московской области. Из них были 21 студент мужского пола и 44 женского. 26 студентов учатся и работают, 39 только учатся.

В данном исследовании на выявление взаимосвязи характерологических особенностей личности и отношения к полиции использовались следующие методики: «Исследование тревожности» (опросник Спилбергера), «Диагностики межличностных отношений» Т. Лири, «ВРАQ-24» А. Басса и Б. Перри, а также авторская анкета для выявления отношения к полиции.

По результатам анкетирования на выявление направленности отношения граждан к правоохранительным органам (полиции), респонденты были разделены на две группы. Первая группа включала 40 респондентов – те, кто относится к ПО скорее отрицательно, вторая группа включала 25 респондентов – те, кто относится к ПО скорее положительно.

У группы студентов, относящихся к полиции негативно, чаще встречается «доминирующий» тип межличностных отношений, чем у студентов, относящихся к полиции положительно. Также по некоторым отдельным характеристикам

межличностных отношений удалось выявить, что студентам, относящимся негативно к полиции, свойственна такая черта, как «подозрительность», а студентам, относящимся к полиции положительно, свойственны такие характеристики, как «зависимый», «дружелюбный» и «альтруистичный». По результатам методики Басса-Перри можно увидеть, что студентам, относящимся негативно к полиции, свойственно проявление Враждебности, общий уровень агрессии у них у них выше, чем у студентов, относящихся положительно к полиции.

Таким образом, нами были выявлены различия в некоторых особенностях личности студентов с разным отношением к правоохранительным органам.

Технология применения развивающей социальной среды в системе подготовки специалистов по юридической психологии в вузах МВД России

Охотников Ю.М.

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»

(г. Москва, Россия)

Многомерность, многоуровневость и всесторонность развития личности курсанта в образовательном процессе включает в себя явления разных порядков, требует построения определённой системы психолого-педагогических воздействий, применения развивающей социальной среды в системе подготовки специалистов юридической психологии в вузах МВД России.

Развивающая социальная среда – определенным образом упорядоченное образовательное пространство, в котором осуществляется развивающее обучение (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Л.В. Занков, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин и др).

Требования вуза МВД России к личности курсанта носят недифференцированный, достаточно жесткий и строго регламентированный характер. Часть курсантов, особенно на начальных курсах, не справляется с их реализацией: у них формируется «боязнь ошибок», снижается мотивация, и самооценка себя, появляются признаки дезадаптации, стрессовые расстройства, что сказывается на выполнении ими своих служебных обязанностей, снижается активность, инициативность и результативность в образовательном процессе.

Целостность личности курсанта в социуме характеризуется понятием «социальное самочувствие», в котором отражены два основных вектора отношений: отношение к образу «Я» и отношение к своему социальному окружению. Основным социально-психологическим механизмом образования такой целостности является формирование благоприятного социального самочувствия личности, т.е. положительного образа «Я» и личностной позиции в курсантском коллективе будущих специалистов юридической психологии.

Теоретико-методологическими основаниями создания технологии применения развивающей социальной среды являются принципы формирования интегральной

личности и коллектива посредством организации совместной деятельности (Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, А.И. Донцовым, Л.И. Уманским, Ю.А. Лунёвым, А.С. Чернышевым и др.).

Анализ современных подходов применения развивающей социальной среды в системе подготовки курсантов вузов МВД обосновывает необходимость создания комплекса психолого-педагогических приемов эффективного и всестороннего воздействия как на личность с целью повышения ее социально-адаптивных возможностей, так и на группу как систему, формирующую условия для оптимальной адаптации, развития и самореализации личности будущего специалиста юридической психологии.

Система формирования развивающей социальной среды направлена на разработку как теоретических положений, так и практических методов и форм через условия социальной среды вузов МВД России.

Программа разработки развивающей социальной среды предполагает актуализацию двух факторов: инициативности личности курсанта и эмоционального принятия и поддержки его социальной активности в группе.

Компоненты реализации программы:

- создание норм и правил коллективного поведения, требующих участия каждого члена группы в обсуждении, подготовке и реализации групповых обязанностей и дел;

- включение в образовательный процесс тематических, организационных, служебных, тренинговых мероприятий, в которых каждый способен выявить свой уровень развития и найти своё место;

- создание «микроситуаций социального руководства» для каждого курсанта, выработка навыков психической саморегуляции и поведения, формирование стрессоустойчивости в сложных, экстремальных и конфликтных ситуациях;

- внедрение системы групповых традиций, ритуалов эмоциональной поддержки, приобретения позитивного опыта совместной деятельности, повышения значимости каждого члена группы и др.

Литература

1. Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО - Пресс, 2002. 1180 с.
2. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М.: Научная литература, 2000. 565 с.
3. Лунев Ю.А., Чернышев А.С. Социальное обучение молодежи: оптимальные условия, принципы, технологии. Курск: Изд-во Кур. гос. пед. ун-та, 1999. 136 с.
4. Новоселова С.Л. Развивающая предметная среда. М.: Академия, 2005. 365 с.
5. Фельдштейн Д.И. Психологические закономерности социального развития личности в онтогенезе // Вопросы психологии, 2005. № 6. С. 26-38.

Психологическая диагностика девиантных форм поведения у личного состава правоохранительных органов

Петров В.Е., Кокурин А.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

С начала основания психологических служб в правоохранительных органах Российской Федерации по настоящее время (на протяжении более 40 лет) среди различных направлений деятельности ведомственных психологов центральное место отводится психодиагностике. Прикладная диагностика лежит не только в основе профессионального отбора, но и предоставляет психологически значимую информацию о личном составе для принятия различных управленческих решений. Психологические исследования ведутся в рамках двух принципиально отличающихся сфер: 1) определение профессионально важных качеств, способствующих деятельности, 2) выявление психологических характеристик, негативно влияющих или препятствующих выполнению профессиональных задач. При этом в психологическом сопровождении деятельности сотрудников доминирует акцент на диагностике негативных поведенческих паттернов.

Вопросы девиантного поведения личного состава правоохранительных органов, к сожалению, были и остаются актуальными на протяжении длительного периода времени. Согласно проведенного нами анализа дисциплинарной практики представителей силовых ведомств (всего 1765 чел., в т.ч. сотрудники ОВД – 1220 чел., военнослужащие Минобороны России – 515 чел., сотрудники МЧС России – 30 чел.) среди всего многообразия девиаций проблемными являются следующие: нарушения служебной дисциплины; суицидальное поведение; конфликтные отношения с сослуживцами; психологическое насилие; коррупционно опасное поведение (результаты усреднялись и ранжировались; выделено пять ведущих форм девиантного поведения).

Результаты вышеприведенного исследования указывают, что методики превентивной психодиагностики следует ориентировать не на комплексное изучение личности сотрудников, а на оценку склонности к конкретным формам девиантного поведения. Следует отметить, что несмотря на достаточно большое количество публикаций в данном направлении (Беспалая С.Г., 2007; Евенко С.Л., Жуков А.М., 2009; Фаттахов Р.Ф., Федирко А.А., 2016 и др.), проблемным моментом являются разработка и совершенствование психодиагностического инструментария комплексного изучения личности сотрудников в части их склонности к демонстрации девиантных форм поведения.

В качестве инструментария многопараметрической диагностики по заявленным выше проблемам, по нашему мнению, целесообразно применение следующей батареи методик: опросник SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Марьин М.И., 2004); опросник оценки склонности к нарушению служебной (воинской) дисциплины (Петров В.Е., 2018); опросник прокрастинации (Петров В.Е.,

2016); опросник оценки склонности к психологическому насилию (Петров В.Е., 2018). В состав батареи не вошла методика оценки склонности к коррупционно опасному поведению, которая в настоящее время находится в стадии апробации. Исследовательский инструментарий, сформированный по результатам более чем 10 летней практики психологического обследования сотрудников правоохранительных органов, ориентирован на изучение основных проблем дисциплинирования личного состава, что находит отражение в названиях и психометрическом содержании соответствующих 15-ти диагностических шкал.

Оцениваемые параметры следующие: «Склонность к нарушению дисциплины» (опросник оценки склонности к нарушению служебной (воинской) дисциплины); «Ассертивные действия», «Вступление в социальный контакт», «Поиск социальной поддержки», «Осторожные действия», «Импульсивные действия», «Избегание», «Манипулятивные действия», «Асоциальные действия», «Агрессивные действия» (опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций»), «Прокрастинация» (опросник прокрастинации), «Вербальная агрессия», «Гиперимператив», «Тотальный контроль» «Склонность к психологическому насилию» (опросник оценки склонности к психологическому насилию).

Тестирование по технологии многопараметрического портретирования проводилось в 2018 году с участием 30 курсантов 3 курса Военного университета Минобороны России (мужчины; средний возраст – 20,5 года). Особенность выборки исследования состояла в том, что у всех обследуемых тестовые показатели совпали с экспертными оценками по соответствующим характеристикам, при этом для математического анализа было отобрано лишь 30 из 83 курсантов. При математико-статистической обработке данных в пакете статистических программ SPSS 13.0 for Window учитывалось 28 валидных протоколов.

Детерминация девиантного поведения военнослужащих (курсантов) определялась в ходе корреляционного анализа различных диагностических индикаторов. Так было установлено, что в наиболее общем виде девиантность поведения проявляется в нарушении регуляции собственного поведения и деформации межличностных отношений.

Склонность к нарушению воинской дисциплины у курсантов в основе своей проявляется в форме вербальной агрессии (откровенных оскорблениях окружающих, нецензурных выражениях, пререканиях и т.п.). Между данными показателями отмечена значимая положительная корреляционная связь (0,525; $p \leq 0,01$).

Феномен «агрессии» (шкала «Агрессивные действия») коррелирует с различными характеристиками, связанными с такими диагностическими индикаторами как «Асоциальный действия» (0,536; $p \leq 0,01$), «Вербальная агрессия» (0,610; $p \leq 0,01$), «Гиперимператив» (0,490; $p \leq 0,01$), «Склонность к психологическому насилию» (0,611; $p \leq 0,01$). Выраженность у курсантов таких стратегий стресс-преодолевающего поведения как «Манипулятивные действия», «Вступление в социальный контакт», «Поиск социальной поддержки» и «Осторожные действия» также потенцируют их агрессивность ($p \leq 0,05$).

Вариативны детерминанты и проявления асоциальных действий курсантов, что отмечается в форме манипуляций (0,735; $p \leq 0,01$), гиперимператива (0,601; $p \leq 0,01$), тотального контроля (0,503; $p \leq 0,01$), а также общей тенденции к применению психологического насилия (0,570; $p \leq 0,01$). Даже совершая асоциальные действия обучающиеся ищут социальную поддержку и одобрение поведения со стороны сослуживцев.

Прокрастинация (как форма нарушения дисциплины) в поведении курсантов связана с защитной стратегией избегания (0,465; $p \leq 0,05$). Стремясь преодолеть стрессовые нагрузки в учебе или при несении службы, военнослужащие предпочитают делать вид, что «не помнят заданного», «у них большая загруженность», «не интересуются происходящим» и т.п.

Несомненно, описанный выше подход нуждается в дальнейшей психометрической апробации. Однако даже экспресс-исследование показывает, что предлагаемая диагностическая батарея позволяет не только получить широкий спектр статистически значимых для научных исследований показателей, но и составить комплексный (развернутый) психологический (девиантологический) портрет сотрудника, прогнозировать его склонность к девиациям различной этиологии.

Таким образом многопараметрическое портретирование можно рассматривать как высокоэффективный комплекс психодиагностических методик для всестороннего и полного изучения феномена девиантного поведения сотрудников. Предоставление психологам правоохранительных органов высокоэффективных диагностических технологий позволяет существенно повысить достоверность психологического изучения девиантных форм поведения личного состава, в конечном счёте, своевременно проводить необходимые мероприятия психологической помощи и коррекции поведения.

Литература

1. Беспалая С.Г. Психологический прогноз склонности к делинквентному поведению у сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: Академия управления МВД России, 2007. 24 с.
2. Евенко С.Л., Жуков А.М. Диагностика и профилактика отклоняющегося поведения военнослужащих // Под. общ. ред. Караяни А.Г. М.: ВУ, 2009. 185 с.
3. Марьин М.И. и др. Организация психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел в экстремальных условиях: Методическое пособие / Под общ. ред. В.М. Бурькина. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. 240 с.
4. Петров В.Е. Диагностика степени выраженности прокрастинации у сотрудников органов внутренних дел // Вестник ВИПК МВД России. Домодедово, 2016. № 1 (37). С. 81-85.
5. Петров В.Е. Методика диагностики склонности военнослужащих к психологическому насилию // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. М., 2018. № 1. С. 28-36.

6. Петров В.Е. Прогнозирование склонности военнослужащих к нарушению служебной (воинской) дисциплины // Вестник Российского нового университета: Серия «Человек в современном мире». 2018. № 2. С. 55-62.
7. Фаттахов Р.Ф., Федирко А.А. Проблемы разработки и применения психодиагностических средств в работе по укреплению воинской дисциплины // Труды Военно-космической академии им. А.Ф. Мажайского. СПб., 2016. № 655. С. 183-189.

Совладающее поведение вновь принятого сотрудника ОВД как способ социально-психологической адаптации к службе

Семерикова Ю.В., Вахнина В.В.

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Высокая социальная значимость органов внутренних дел предъявляет повышенные требования к профессиональной деятельности, уровню подготовки и компетентности сотрудников полиции, развитию готовности к службе. В то же время, проблема преодоления «адаптационных кризисов» вновь принятых специалистов на службу в полицию не может быть решена в полной мере без анализа и учета причин, оказывающих влияние на их закрепление в подразделениях органов внутренних дел. По данным ДГСК МВД России в период с 2014 по 2017 годы количество уволенных, сотрудников проработавших в органах внутренних дел менее 1 года, представлено следующими показателями: в 2014 г. уволено – 1172; 2015 г. – 1313; 2016 г. – 571; в 2017 г. – 830 человек. Совладание с трудной (стрессовой) ситуацией как адаптивное поведение личности – относительно новое направление в психологии, которые находится на стыке психологии личности, психологии развития, социальной и клинической психологии, что отражает современные тенденции интеграции науки в междисциплинарное знание.

Ситуация социально-психологической адаптации к службе вновь принятого сотрудника ОВД характеризуется, с одной стороны, необходимостью реализации деятельности в соответствии с социальными нормами, предписанными статусом, а с другой – невозможностью ее осуществления, в силу отсутствия необходимого поведенческого шаблона. Таким образом, ситуация адаптации может быть квалифицирована как проблемная стрессовая ситуация.

Е.Р. Исаева пишет, что при столкновении со стрессовым событием происходит развивающийся, динамический процесс когнитивной оценки, переоценки, совладания и эмоциональной переработки (Исаева Е.Р., 2009).

Модель «поведения преодоления» и шкалу SACS, построенную на ее основе предложена С. Хобфоллом, в ней преодолевающее поведение рассматривается как стратегии (тенденции) поведения, а не как отдельные типы поведения (Кузнецова Е.В., 2012). В рамках анализа литературы нами определены 9 основных моделей совладающего поведения личности: «асертивная модель», «социальное

взаимодействие», «поиск социальной поддержки», «осторожные действия», «импульсивные действия», «избегание», «маанипулятивные действия», «асоциальные действия», «агрессивное поведение» (Психология кризисных и экстремальных ситуаций, 2018; Кузнецова Е.В. и соавт., 2012).

Таким образом, психологами системы ОВД в целях повышения уровня эффективности социально – психологической адаптации к службе вновь принятых сотрудников ОВД необходимо во время психологического сопровождения указанной категории изучать и учитывать конкретные модели совладающего поведения. Коррекционные мероприятия должны быть направлены на повышение и устойчивость самооценки вновь принятого сотрудника ОВД, также на развитие уверенности в себе и формирования позитивного самоотношения.

Литература

1. Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Изд-во СПбМУ, 2009. 136 с.
2. Кузнецова Е.В., Петровская В.Г., Рязанцева С.А. Психология стресса и эмоционального выгорания: учеб. пособ. для студ. факультета психологии. Куйбышев, 2012. 96 с.
3. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / под ред. Н.С. Хрустальной. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2018. 748 с.

Психологическая профилактика негативных психических состояний сотрудников органов внутренних дел

Ульянина О.А.

ФГКОУ ВО «Академии управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Современные условия службы в правоохранительных органах предъявляют высокие требования к таким личным и деловым качествам сотрудников, как нервно-психическая устойчивость, волевая регуляция поведения, умение действовать в различных стрессовых, чрезвычайных ситуациях. Данные исследований (Долженко В.Ю., Ключко Ю.В., 2015; Кобозев И.Ю., 2016; Зайцев Н.В., 2017) указывают на высокий уровень стрессовых воздействий, которым подвергаются сотрудники правоохранительных органов в ходе своей повседневной жизнедеятельности. Все это ведет к распространению среди сотрудников различных психосоматических расстройств и заболеваний, состояний нервно-психической дезадаптации.

Негативные психические состояния, возникающие у сотрудников ОВД при выполнении служебных обязанностей, значительно снижают эффективность профессиональной деятельности и нередко приводят к печальным последствиям. Поэтому одной из задач психологической практики является выработка методологических подходов к психологической профилактике негативных психических состояний сотрудников ОВД.

Прежде чем перейти к описанию содержания и методического инструментария психопрофилактических мероприятий с сотрудниками ОВД, следует остановиться на определении самого понятия «негативные психические состояния» и его смысловых единицах.

Понятие «состояние» как общенаучная категория применительно к человеческому организму означает совокупность происходящих в нем процессов, а также степень развития и целостности структур организма.

Психическое состояние – это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от воздействия окружающей среды, предшествующего состояния и психических свойств личности.

В психологии выделяется ряд конкретных психических состояний, которые определяются как негативные, астенические, снижающие продуктивность деятельность и повышающие уязвимость личностного поведения в различных эмоциогенных (стрессовых, экстремальных, опасных для жизни и здоровья, критических) ситуациях.

К таким эмоциональным состояниям прежде всего следует отнести: дистрессовое состояние (В.А. Бодров, М. Борневассер, В.К. Вилюнас, Н.И. Наенко, Т.А. Немчин, Л.А. Китаев-Смык, И.О. Котенев, М.М. Коченов, В.И. Лебедев, О.В. Овчинникова, В.Я. Подорога, Г. Селье, В.Н. Смирнов, А.М. Столяренко, Е.А. Тарасов, С.В. Чермянин и др.); кризисное состояние (Ф.Е. Василюк, Дж. Каплан, Э. Линдемани и др.); аффект (М.М. Коченов, А.Р. Лурия, Т.П. Печерникова, В.В. Гульдман, О.Д. Ситковская, и др.); состояния тревоги (тревожности) и страха (В.Ф. Березин, П. Жане, А. Кемпински, Г. Ланге, Н.Д. Левитов, К. Изард, И.В. Имедадзе, А.И. Папкин, А.О. Прохоров, Ф. Риман, П. Тиллих, К. Хорни, З. Фрейд, П. Фресс и др.); фрустрационное состояние (Ф.Е. Василюк, Э.И. Киршбаум, А.И. Еремеева, Н.Д. Левитов, А.М. Столяренко и др.); состояние паники (В.А. Моляко, И.И. Щиголев и др.); состояние агрессии (Л. Берковитц, С.Н. Ениколопов, К. Лоренц, А.Р. Ратинов и др.).

Неоспоримым выступает тот факт, что гораздо более продуктивным и безопасным для личности является своевременное предупреждение развития негативных психических состояний, чем последующая коррекция их последствий. Именно поэтому психопрофилактика имеет первостепенное значение среди прочих направлений психологической работы с личным составом.

Для наиболее полного освещения процедурных аспектов психопрофилактики негативных психических состояний у сотрудников ОВД необходимо остановиться на раскрытии сущности и содержания понятий «профилактика» и «психопрофилактика». Профилактика (от греч. prophylaktikos – предохранительный) – это совокупность мероприятий по предупреждению, предотвращению нежелательных процессов и явлений. В свою очередь, под психопрофилактикой понимают систему приёмов, методов и мероприятий, направленных на предотвращение возникновения у людей

личностной и социальной дезадаптации, болезней психосоматической этиологии (Прохоров А.М., 1998).

Психопрофилактика негативных психических состояний включает предотвращение отрицательных воздействий (психологическое просвещение и формирование жизненных стратегий) и соответствующую психологическую подготовку (формирование стрессоустойчивости, обучение методам внутренней регуляции) (Ларионова С.В., 2016; Шаламов В.В., Тураев А.А., 2017). В рамках такого подхода различные приёмы психопрофилактического воздействия можно разделить на две основные группы: внешние и внутренние.

К внешним методам психопрофилактики негативных психических состояний у сотрудников ОВД относят воздействие на рефлексогенные зоны и биологически активные точки, назначение и соблюдение режима питания, терапию лекарственными препаратами, музыкотерапию и цветомузыкальные воздействия, библиотерапию и т.п.

К методам внутренней психопрофилактики относят: аутотренинг, самокодирование, различные релаксационные техники, идеомоторную тренировку, сенсорную репродукцию, поведенческую психотерапию, групповые тренинги.

Учитывая специфику профессиональной деятельности сотрудников ОВД, можно выделить следующие основные принципы психопрофилактической работы:

- комплексность (организация воздействия на различных уровнях социального пространства, семьи и личности);
- адресность (учёт возрастных, половых и социальных характеристик);
- массовость (приоритет групповых форм работы);
- позитивность информации;
- минимизация негативных последствий;
- личная заинтересованность и ответственность участников;
- устремлённость в будущее (оценка последствий поведения, актуализация позитивных ценностей и целей) (Алексеева М.Г., 2016).

Психопрофилактика в деятельности психолога ОВД представлена тремя основными видами (разделами):

1) первичная психопрофилактика – предупреждение возникновения психических заболеваний и расстройств психического здоровья у сотрудников;

2) вторичная психопрофилактика – предотвращение рецидивов возникших расстройств психического здоровья у сотрудников и перехода их в хронические психические заболевания;

3) третичная психопрофилактика – реабилитация сотрудников, перенесших психические расстройства и их реадаптация.

В целом психопрофилактическое воздействие на социально-психологическом и психологическом уровнях осуществляется путём отработки навыков уверенного самостоятельного поведения (тренинги структурных ролевых игр, самостоятельного

решения проблем), а также путём когнитивного реструктурирования (перестройки) проблемных стереотипов мышления (когниций).

На физиологическом и психофизиологическом уровнях психопрофилактическое воздействие осуществляется с использованием методов телесной психотерапии (массаж, палсинг, танатотерапия и др.) и биологической обратной связи (обучение способам самостоятельной мышечной релаксации).

Психопрофилактика негативных психических состояний может осуществляться и на основе проблемно-ориентированных методов, связанных с ведущими стресс-факторами профессиональной деятельности различных категорий сотрудников, например, тренинг уверенности в себе (для молодых сотрудников), тайм-менеджмент и стресс-менеджмент (для руководителей разного уровня), тренинг коммуникативной компетентности, позволяющей предотвращать стрессовые ситуации, связанные с общением, как в бытовой, так и служебной сферах.

Естественно, данный обзор психопрофилактических методов не исчерпывает всего разнообразия существующего инструментария практического психолога. Выделялись лишь те из них, которые, отвечают задаче профилактики негативных психических состояний применительно к сотрудникам ОВД.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников ОВД обуславливает возникновение у них различных психо-эмоциональных состояний, дифференцируемых по содержанию и направленности, силе, действенности и длительности. Знание психологических основ управления психическим состоянием человека способствует повышению профессионализма сотрудников, поддержанию их психического здоровья, а также выступает одним из методов профилактики девиантного поведения.

Литература

1. Алексеева М.Г. Организация психологической работы в ОВД для поддержания психологического здоровья личности сотрудников // В сборнике: Актуальные проблемы психологического здоровья: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 163–167.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 1456 с.
3. Долженко В.Ю., Клочко Ю.В. Сотрудникам ОВД о психологическом здоровье: учебно-методическое пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. 56 с.
4. Зайцев Н.В. Формирование стрессоустойчивости и коррекция психологического стресса // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6. С. 231–232.
5. Кобозев И.Ю. Психопрофилактика и коррекция профессионального стресса сотрудников ОВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 205–209.
6. Ларионова С.В. Особенности эмоционально-волевой саморегуляции

сотрудников органов внутренних дел // Право и образование. 2016. № 1. С. 149–156.

7. Шаламов В.В., Тураев А.А. Методы психологической саморегуляции в деятельности практического психолога в ОВД // В сборнике: Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. Пермь, 2017. С. 79–80.

Дискриминантная модель оценки и прогнозирования антикоррупционной устойчивости сотрудников органов внутренних дел с помощью психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «РЕСУРС»

Шаповал В.А.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»

(г. Санкт-Петербург, Россия)

Существенное повышение востребованности таких направлений психологической работы, как коррупционная психодиагностика и антикоррупционная психопрофилактика связано с острой необходимостью разработки специального психодиагностического инструментария. Его эффективность во многом будет определяться релевантностью положенного в его основу концептуально-методологического подхода. Многолетний опыт работы в сфере создания экспертных психодиагностических систем для оценки профессионального психологического здоровья сотрудников ОВД позволяет нам считать наиболее релевантным для этих целей современный психодинамический подход, отражающий роль бессознательного в детерминации поведения человека.

В качестве гипотезы нами было выдвинуто предположение о том, что деструктивные и дефицитарные центральные (находящиеся в области бессознательного) Я-функции личности (Аммон Г., 1995) являются психодинамическими предикторами коррупционного поведения сотрудников ОВД, в то время как конструктивные Я-функции служат протекторами их антикоррупционной устойчивости. С помощью Психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «Ресурс» (Шаповал В.А., 2012), предназначенного для оценки, прогнозирования и мониторинга профессионального психологического здоровья сотрудников ОВД в условиях массовых недобровольных психодиагностических обследований, было обследовано две группы испытуемых: 1) бывшие сотрудники ОВД разных должностных категорий, мужского пола, отбывающие наказание за совершение коррупционных преступлений (n=253) и 2) действующие сотрудники подразделений ГИБДД того же пола и той же возрастной группы, не замеченные в коррупционном поведении (n=254).

Сравнительный анализ значений психодиагностических показателей испытуемых указанных групп (по критериям Стьюдента и Манна-Уитни с помощью SPSS Statistics 17.0) обнаружил большое количество достоверных отличий.

«Коррупционерам» были присущи более высокие значения показателей агравации, деструктивных и дефицитарных шкал всех 6-ти Я-функций (агрессии, страха, нарциссизма, внешнего и внутреннего я-отграничения, сексуальности), общей личностной дефицитарности; 4-х шкал дезадаптации (психосоматического, невротического, поведенческого и депрессивно-тормозимого типов), общей социопсихосоматической дезадаптации и непрофессионализма ($p < 0,001$; $p < 0,05$). Действующие сотрудники имели достоверно более высокие показатели по шкале коррекции, конструктивных шкал всех (кроме сексуальности) Я-функций; креативности, потенциала активности, общей конструктивности Я-структуры личности, профессионализма, профессионально-психологической успешности и ресурса профессиональной идентичности.

В результате проведенного дискриминантного анализа с помощью пошагового метода Уилкса была получена каноническая линейная дискриминантная функция, обладающая высокой дискриминативной способностью (λ -Уилкса=0,72; $\chi^2=161,01$; $p < 0,000$). Наибольший вклад в нее внесли шкалы агравации, коррекции, дефицитарного страха, деструктивной сексуальности, общей дефицитарности, профессионализма, ресурса профессиональной идентичности. Рассчитаны центроиды групп и получены уравнения классифицирующих функций, описывающие отдельно первую и вторую группы, на основе сравнения значений которых принималось экспертное прогностическое решение об отнесении испытуемого к одной из них. Проверка результатов классификации показала, что прогностичность полученной модели составила 75,1 %, в том числе – вероятность выделения лиц, склонных к коррупционному поведению – 72,7% и лиц, обладающих антикоррупционной устойчивостью – 77,6 %.

Таким образом полученная дискриминантная модель в числе прочих решающих правил автоматизированной экспертно-диагностической системы на основе ПОЛО «Ресурс» в ходе массовых психопрофилактических обследований сотрудников ОВД (кандидатов на службу) позволяет осуществлять валидный психодинамический скрининг лиц с повышенным риском коррупционного поведения.

Литература

1. Аммон Г. Динамическая психиатрия. СПб.: Изд. Психоневр. ин-та им. В.М. Бехтерева, 1995. 200 с.
2. Шаповал В.А. Профессиональное психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел: диагностика, прогнозирование, мониторинг: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. 296 с.

Изучение механизмов реагирования военнослужащих в конфликтных ситуациях

Алексеева Е.В., Дырнаева Ю.А., Романова Н.М.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Решение споров с помощью посредника было актуально еще в древние времена. Сейчас динамичное развитие науки способствует совершенствованию технологии медиации. В данной статье, на основе проделанной нами работы, рассматривается опыт применения медиативного подхода с военнослужащими.

Наша цель – выявить способы реагирования военнослужащих в конфликтных ситуациях и обучить их основным техникам для дальнейшего использования в конфликтных ситуациях.

28 ноября прошли учебно-методические сборы специалистов психологической работы войсковой части 1938 (Центральная база хранения и обслуживания аппаратуры связи). Впервые для участия в них были привлечены студенты и преподаватели факультета психологии СГУ.

Мы проводили тренинговое занятие с элементами беседы «Мир чувств» с призывниками, возраст которых от 18–24 лет. Нашу аудиторию составили 30 человек, которые имели среднее образование, среднее-специальное, высшее образование, некоторые участники были с незаконченным высшим образованием. Основная часть аудитории была со средним образованием.

Нашей задачей было познакомить участников тренинга с понятием медиации, и с некоторыми техниками решения конфликтных ситуаций и саморегуляции.

После знакомства и установки правил, мы познакомили ребят с техникой «Я-сообщение». Данная техника позволяет людям высказывать свои чувства и мысли, не провоцируя при этом конфликт. Чтобы избежать конфликта и в то же время сделать так, чтобы партнер вас услышал, нужно использовать Я-сообщения. Именно это мы и пытались донести до ребят. Основываясь на предыдущем опыте, мы предлагали сначала ситуации и просили сказать свою словесную реакцию на тот или иной случай. Потому что, если сначала дать участникам правильным алгоритм, мы бы не смогли выяснить их истинные реакции. После упражнения аудитория заметно оживилась и стала задавать вопросы. Конфликты чаще всего основаны как раз на недопонимании позиции друг друга, чужих чувств и эмоций. Знание данного упражнения поможет нашим участникам в будущем формулировать свои мысли таким образом, чтобы конфликтная ситуация вовсе не возникала.

Далее проводилось упражнение на установление контакта. Суть упражнения заключалась в попытке понимания другого человека, к примеру соседа. Установление контакта - важная составляющая в общении, как в обществе, так и семейной жизни.

Во время тренинга участников заинтересовала тема поддержания хорошего настроения на долгое время. У нас как раз было хорошее упражнение про дракончика Памси, которое было направлено на формирование позитивной позиции в жизни, что актуально для призывников, которые не хотят проходить срочную службу. Упражнение получилось выполнить у всех ребят.

Один из участников тренинга, предложил тему для обсуждения и задал вопрос: «Как можно не переживать, если ты знаешь, что идешь к начальнику на неприятную беседу?». На что мы ответили ему, что избежать тревоги не получится, но можно ее снизить до минимального уровня через определенные техники. Например, можно отвлечься от ситуации и перенаправить свое внимание. Внимание должно быть направлено не на речь собеседника, а на что-то другое. К примеру, можно начать рассматривать черты лица собеседника, воротник рубашки, задавать вопросы себе – а почему сегодня он пришел в черной рубашке? Можно переключать внимание на окружающую обстановку, и опять же задавать себе вопросы – почему на столе стоят свежие цветы? Или – почему картина с таким пейзажем?

Также есть очень полезный метод – это предвосхищать ситуацию, если вы уже знаете о грядущей встрече:

- 1) Сядьте спокойно в комфортной позе.
- 2) Вообразите себя в этой ситуации, которая вот-вот будет (неприятная встреча с начальником)
- 3) Постарайтесь почувствовать себя настолько спокойно, насколько можете.
- 4) Подумайте, что скажете и сделаете, когда встретитесь с собеседником.
- 5) Придумывайте возможные варианты поведения, так будет проще адаптироваться при любом протекании ситуации.

В связи с этой темой, мы немного побеседовали про стресс и тревогу. Обсудили такие вопросы как:

- 1) Вред и польза стресса
- 2) Стадии стресса
- 3) Последствия длительного стресса

К сожалению, нам нужно было завершать наше занятие. Мы попросили участников дать нам обратную связь. В ответ мы получили много положительных комментариев и приглашение для дальнейшего сотрудничества.

Мы пришли к выводу, что военнослужащие знают о медиации в целом, но не используют техники саморегуляции, не владеют навыками урегулирования конфликта, не смотря на то, что они имеют житейские знания в данной сфере. Также мы сделали заключение, что использованные способы реагирования военнослужащие усвоили внутри своих семей.

Профессиональные установки, общие культурные традиции юридической профессиональной сферы и иные факторы, влияющие на выбор адвокатами предпочитаемого способа урегулирования спора

Бушмелева И.В.

АНО «Центр Медиации и Права»

(г. Москва, Россия)

Выбор адвокатами способа урегулирования спора – актуальный вопрос, решение которого влияет на загруженность судебной системы Российской Федерации. Адвокаты могут выбирать и предлагать своим доверителям не только традиционное судебное разбирательство, но и альтернативные варианты разрешения споров (далее АРС), в том числе медиацию. На практике представителями адвокатского сообщества эта возможность используется достаточно редко в силу имеющихся у них профессиональных установок и традиций юридической профессиональной сферы, а также личностных мотивов и опасений.

Адвокаты, осуществляющие выбор способа урегулирования спора, действуют в условиях имеющегося у них предыдущего опыта, образовательной основы, внешней профессиональной среды, мнений авторитетных представителей профессии. Это означает, что у каждого адвоката есть определенные *профессиональные установки*. Профессиональные установки адвокатов формируются под действием множества факторов, к которым можно отнести *правовые установки*, присущие для юридической сферы деятельности, *традиции профессиональной сферы*, профессиональное образование и принципы адвокатской этики. Правовая установка – это психологическая направленность человека действовать определенным образом в правовой сфере. Традиции в российской адвокатуре — это традиции и опыт решения споров в рамках судебных процессов. Юристы смотрят на мир через призму законов и прав. В силу образования и опыта они лучше справляются со сложными многофакторными ситуациями в рамках привычного для них судебного процесса, транслируя этот подход к проблеме своим клиентам. Это приводит к избирательности восприятия ситуации спора или конфликта, разрешение которого акцентируется на юридических аспектах. Информация об истинных интересах сторон конфликта, о вопросах личных отношений, о нефинансовых сторонах дела уводятся из поля зрения. Эта тенденция придерживаться традиционных подходов присуща человеку вообще, а человеку, выбравшему карьеру профессионального юриста в особенности, так как эта сфера четких правил и норм, которые редко меняются. Основой отечественной юридической профессиональной сферы также является закрепленный в Конституции РФ (Российская газета, 1993) *принцип состязательности сторон*, и именно на этом принципе основываются методики преподавания, программы обучения юристов, а затем и вся деятельность адвоката, поддерживаемая многолетней профессиональной традицией и культурой.

Следующие факторы, влияющие на выбор способа разрешения спора, - это *мотив компенсации*, то есть опасение снижения дохода, риск *потери ведущей роли*,

которую он играют при рассмотрении дела в суде и снижения при этом *степени контроля* над происходящим и *собственной значимости*. Участие в АРС может способствовать *покиданию зоны комфорта* по причине выхода за рамки имеющегося опыта и участия в малопонятном процессе. Также возможно проявление синдрома Даннинга — Крюгера (Kruger, 1999, p. 1121–1134). Это метакогнитивное искажение: люди, имеющие недостаточное количество знаний о чем-то, делают ошибочные выводы, на основе которых принимают решения. Адвокаты знают закон о медиации, но эта осведомленность может оставаться поверхностной.

Все эти факторы способствуют тому, чтобы адвокаты в своем выборе способа урегулирования спора были более склонны к традиционному варианту: судебному разбирательству.

Литература

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237.
14. Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. № 77 (6). P 1121–1134.

Возможности школьной медиации в защите прав и интересов детей и семьи

Быкова М.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Сегодня понятие «медиация» уже известно многим и такой метод урегулирования споров успешно применяется в современном мире, особенно там, где гражданское общество имеет достаточно высокий уровень правовой культуры. Этот метод способствует достижению таких договоренностей, которые стороны спора самостоятельно, добровольно и без контроля с чьей-либо стороны исполняют. При этом стороны берут на себя активную ответственность по исполнению таких договоренностей.

Возможности школы в формировании активной ответственности, в первую очередь у учащихся, может быть обеспечено через формирование действенных механизмов обеспечения участия детей в решении вопросов, затрагивающих непосредственно их самих, а также уважения к таким решениям со стороны взрослых – родителей, учителей, администрации и т.д. Речь идет о сложных и спорных ситуациях, о конфликтах. При появлении какой-либо сложной ситуации, спора или конфликта близкие и родные учащегося, подключаясь к решению его ситуации, могут нарушить процесс формирования активной ответственности и не всегда соглашаются с тем, чтобы ребенок сам сделал попытку решить ситуацию. Вступая в конфликт ребенка, взрослые могут спровоцировать его эскалацию, что в свою очередь усложнит его разрешение. Поэтому многосторонние конфликты (учащиеся, учителя,

родители) в образовательной организации не редкость, такие ситуации требуют включения администрации школы, директора. Решение таких конфликтов часто происходит на основе силы авторитета, правил, статуса и не приводит к урегулированию. Родители переводят детей в другое образовательное учреждение, школа теряет репутацию. Природа этих явлений напрямую связана с разнообразием интересов и потребностей всех участников образовательных отношений. Медиация как метод урегулирования споров предлагает безопасный путь через прояснение интересов, через формирование доверия, выстраивание диалога на основе уважения.

Интеграция медиации в образовательное пространство возможно через организацию службы школьной медиации, которая может быть одной из основных опор в обеспечении защиты детей и их прав, развитие которой создает условия для формирования безопасного пространства, в котором происходит становление личности. Медиативный подход¹, который применяют специалисты службы школьной медиации, позволяет работать с уже случившимся конфликтом и реализацией интересов всех участников этой ситуации, а также с предупреждением конфликтных ситуаций.

Роль службы школьной медиации в урегулировании конфликтов с участием учащихся, их родителей, учителей позволяет выстраивать такой диалог, в котором родители, семья ребенка, учителя смогут увидеть и услышать то, что важно для него, увидеть его «в другом свете», увидеть в нем самостоятельную личность, способную говорить о своих потребностях и отстаивать собственные интересы, а также вставать на позицию активной ответственности и учиться держать слово.

Литература

1. Аванесова Э.Н. Работа с конфликтом в школьном сообществе: обзор технологий [Электронный ресурс] // Вестник Федерального института медиации Fimvestnik.ru. 2018. №2-3. URL: http://fimvestnik.ru/wp-content/uploads/2017/12/Avanesova_2-3_2018.pdf (дата обращения: 01.10.2018).
2. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд.; СПб.: Питер, 2016. 400 с.
3. Стейнберг Лоуренс. Переходный возраст. Не упустите момент. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.
4. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений [Электронный ресурс] // Вестник Федерального института медиации Fimvestnik.ru. 2017. №3. URL: http://fimvestnik.ru/wp-content/uploads/2017/10/Shamlikasvili_3_2017.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

¹ Авторский метод, разработанный Центром медиации и права.

Медиация в современной Индии: возможности метода и границы его применения

Вечерина О.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Медиация успешно развивается в Индии, как переосмысление древней системы *панчаята* (общинного руководства) и *лок адалата* (народных судов). Правовые рамки обеспечил Индийский закон об арбитраже и примирении 1996 г. Эксперименты начались в Мумбаи, Калькутте и Ахмадабаде. В 2001 г. Индийский центр медиации и разрешения споров был учрежден в Тамилнаде, а с 2005 г. он используется как программа медиации Высокого суда Мадраса (Медиация и право, 2015, с. 11-15).

Дальнейшему распространению мешают патриархальные традиции, непримиримые противоречия между разными частями индийского социума и стремление использовать медиацию не по назначению. В делах об изнасиловании она часто используется как средство сломать семью жертвы морально, «похоронить» ее проблемы, предоставляя эфемерную возможность избежать позора публичности.

Вновь поставила вопрос о границах применения медиации общенациональная дискуссия 2015 г. по поводу двух судебных решений, принятых Высшим судом штата Тамилнад и Верховным судом Индии. Судья Мадрасского Высокого суда П. Девадасс вынес предписание, что поскольку жертва растит дочь насильника, медиация, а не тюрьма, будет наилучшим выходом. Судья Верховного суда Д. Мишра принял решение (случай в Мадхья-Прадеше в 2008 г., СА No. 231 of 2015, July 1) о недопустимости применения медиации при изнасиловании. Архаичность судебных мотивировок («ценнейшая драгоценность» репутации женщины и чистота тела как «ее храма») вызвала в стране ожесточенную общественную дискуссию, наглядно показав границы применения медиации в общественном мнении и вновь выявив нерешенные в общественном сознании и социальной практике проблемы жертвы изнасилования.

Ситуация с изнасилованиями — одним из наиболее частых преступлений против личности, часто кончающимся смертью или увечьями жертвы — отражает социально-правовой статус женщин, связанный с традиционным укладом и быстро усиливающейся неравномерностью развития страны (Crime in India 2016). В сельской местности (около половины населения) ценность женской жизни невелика. Вследствие экономической невыгодности девочек в семье и установления пола ребенка до его рождения для десятков миллионов молодых людей стало невозможно найти себе пару, что породило страшное социальное напряжение, став одной из причин эпидемии изнасилований.

У среднего класса (свыше 300 млн человек) сформированы новые базовые ценности — человеческой жизни, фундаментальные права человека и равноправие женщин. Однако около половины жителей мегаполисов, в основном, недавних выходцев из деревень, живет в трущобах. Для них новый образ жизни молодых

женщин — демонстративный вызов многовековым представлениям, согласно которым женщина не имеет права даже покидать дом без сопровождения родственника.

Множащиеся изнасилования воспринимаются обществом как столкновение двух миров, вызывая ярость и многотысячные демонстрации среднего класса: причиной первой из них стало зверское групповое изнасилование 23-летней студентки в Дели. Стихийные демонстрации в Нью-Дели, Бангалоре, Калькутте, Мумбаи и других крупных городах, переросшие в волнения, стали первым серьезным протестом против жестокого обращения с женщинами и привели к реформе законодательства. BBC выпустило документальный фильм об этой трагедии, который привел к новому витку ожесточенного раскола в индийском обществе (заявление министра внутренних дел Индии 4 марта 2015 г.).

Все эти случаи вновь поставили вопрос о границах и возможностях применения медиации в ситуации непримиримых социальных противоречий.

Литература

1. Медиация в Индии: мировой опыт плюс национальная традиция // Медиация и право. 2015. № 3.10-51.
2. Crime in India 2016. Statistics. New Delhi: National Crime Records Bureau, 2017. 742 p.
3. Union Home Minister's Statement on BBC Four's Storyville in Rajya Sabha 04-March-2015. — <http://pib.nic.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=116442>

Эмоциональный разлад и агрессия в группе подростков

Лаврова Н.М.

Центр системного консультирования и обучения «Synergia»,

Лавров В.В.

Центр научно-практической медиации «Согласие»,

Лавров Н.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» МЗ РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Эмоциональный разлад в отношениях подростков заслуживает особого внимания, поскольку было отмечено (Лаврова Н.М. и др., 2008-2016), что именно он усугубляет агрессию и препятствует согласию в спорах. Задача данной работы заключалась в поиске способов преодоления эмоционального разлада, возникающего в группах подростков. Для ее решения, во-первых, выявляли обстоятельства эмоционального разлада и классифицировали его типы, а затем, во-вторых, определяли способы снижения его последствий.

Оценка эмоциональности подростков основывалась на сведениях, полученных от педагогов и психологов в процессе занятий, проводимых Ленинградским областным институтом развития образования и Приморским краевым институтом

развития образования. Кроме того, учитывали опыт родителей, которые в течение 2000-2017 гг. обращались в ЦСКО «Synergia» за помощью в связи с конфликтами с детьми подросткового возраста.

Анализ полученных данных выявил следующие типы разлада:

- Высокое напряжение эмоций. Открытая эмоциональная позиция: подростки не контролируют проявление эмоций в проблемной ситуации, остро реагируют на эмоции оппонента, применяют буллинг при продвижении своих претензий, эмоциональный стресс препятствует достижению согласия.

- Среднее напряжение эмоций. Открытая эмоциональная позиция: подростки отстаивают свои интересы, демонстрируют свои переживания, игнорируют эмоции оппонента и не идут на уступки в споре.

- Слабое напряжение эмоций. Открытая эмоциональная позиция: подростки словесно обозначают свои переживания, сдерживают их невербальную демонстрацию, учитывают эмоции противоположной стороны, стремятся понять позицию оппонента.

- Контроль эмоциональных проявлений. Закрытая эмоциональная позиция: сознательное ограничение эмоциональных проявлений, продвижение индивидуальных интересов без обращения к эмоциям, допускается консенсус.

- Подавленность эмоций. Закрытая эмоциональная позиция: сниженная способность подростков осознавать свои эмоции и оценивать эмоции оппонента, жесткий набор требований и претензий к оппоненту служит препятствием разрешения спора.

При оказании психологической помощи подросткам в урегулировании конфликтов и преодолении последствий агрессии было отмечено, что:

1. Эмоциональный разлад формируется по принципу «порочного круга», он нарушает взаимопонимание спорных сторон и возрастает по мере нарушения взаимопонимания.

2. В наибольшей степени эмоциональный разлад деструктивно воздействует на взаимоотношения и провоцирует буллинг при двух обстоятельствах: во-первых, в условиях открытых эмоциональных проявлений и высокого напряжения эмоций, а также, во-вторых, при закрытой эмоциональности с подавлением эмоциональных проявлений.

3. Низкое напряжение эмоций при открытой эмоциональной позиции, а также контроль уровня эмоциональных проявлений в условиях скрытой эмоциональности сводят к минимуму негативное воздействие эмоционального разлада на исход споров.

4. Контроль собственных эмоциональных проявлений вместе со способностью воспринимать и оценивать эмоциональные переживания окружающих служат показателями эмоционального потенциала подростка. Преодоление разлада облегчается благодаря мобилизации потенциала, а также применению методов, снижающих эмоциональное напряжение, повышающих личную ответственность и корректирующих функциональность поведенческих стратегий.

Литература

1. Лаврова Н.М., Лавров В.В. Функциональный ресурс организации и принципы командообразования // Психотерапия. 2008. № 11. С. 52-55.
2. Лаврова Н.М., Лавров В.В., Лавров Н.В. Медиация: принятие ответственных решений. М.: ОППЛ, 2013. 224 с.
3. Лаврова Н.М., Лавров В.В., Лавров Н.В. Личная ответственность и готовность спорных сторон к медиативным переговорам. Психотерапия // 2016. № 2. С. 57-63.

Медиация – некоторые итоги применения процедуры

Онищенко О.Р.

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

(г. Омск, Россия)

С вступления в силу с 1 января 2011 года Федеральный закон №193-ФЗ от 27 июля 2007 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участие посредника (процедуре медиации)», закрепившего право участников спорного правоотношения обратиться к посреднику (медиатору) для урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, прошло более 6-ти лет. Данный отрезок времени позволяет подводить некоторые итоги введения процедуры медиации и тенденции развития данного института.

По нашему мнению, говорить о медиации как работающей процедуре пока преждевременно, следует констатировать препятствия объективного и субъективного порядка, макро- и микро- психологические, и юридические. Позволим остановиться на некоторых из них.

Пожалуй, самым основным является макропсихологическая неготовность современного российского общества к разрешению споров мирным путем. Доминирующая, достаточно агрессивная пропаганда страны с доминантой на решение внешних и внутренних вопросов радикальными способами с позиций силы не формирует почвы у большей части населения к мирному урегулированию споров, возникающих из гражданских правоотношений. Аргументом в пользу нашего тезиса следует признать ряд работ Института психологии РАН РФ (см. Журавлев А.Л., Юревич А.В., 2009; Гостев А.А., 2017). Таким образом, медиация не может быть исключенным из контекста инструментом разрешения споров на любом уровне.

На втором месте стоит слабая осведомленность населения о подобной процедуре урегулирования споров, настороженное отношение к разрешению спора вне судебной системы, отсутствие гарантий исполнения обязательств одной из сторон.

Следующим пунктом является двойственное отношение самой судебной системы к процедуре медиации, ее нескрываемый скепсис к участию в разрешении спора медиаторов без юридического образования (что в арбитражных спорах

обоснованно). Наш опыт работы с судьями судов общей юрисдикции показывает следующую тенденцию – при обучении интерес, оптимизм, положительные эмоции, надежда на уменьшение объема рассматриваемых дел за счет работы медиаторов. В первые месяцы после обучения судьи активно направляют граждан на процедуру медиации, впоследствии объем резко снижается.

Адвокатское сообщество настроено к группе медиаторов в большей степени как к конкурентам, поэтому диалог не всегда возможен. Несмотря на несопоставимые материальные и временные затраты участников процедуры.

Отсутствие четких критериев оплаты труда медиатора, невысокая эффективность бесплатной медиации (по аналогии с бесплатным психологическим консультированием и психотерапией) также является препятствием к более широкому применению процедуры.

Региональные различия внедрения процедуры указывают нам на роль личности в истории. Там, где есть группа энтузиастов, поддерживаемая руководителями судейского сообщества, достаточное количество компетентных медиаторов, там прослеживается оптимистичная картина и в количественных показателях. Здесь следует отметить Свердловскую, Липецкую область и др.

Кроме того, прослеживается размывание рамок самого понятие «медиация», преувеличение психологического компонента переговоров, перенос исключительно психологических компетенций в деятельность медиатора.

Учитывая вышеизложенное, мы позитивно смотрим в будущее и надеемся на широкое применение процедуры медиации, как в качестве самостоятельного механизма урегулирования спора, существующего параллельно с традиционными способами защиты гражданских прав (вне юрисдикционной системы); так и в качестве механизма, обеспечивающего реализацию основных полномочий органов гражданской юрисдикции (внутри юрисдикционной системы). При этом особое внимание следует обращать на качество подготовки медиаторов, их теоретические знания и практические навыки ведения переговоров в спорах широкого круга.

Медиативная компетентность сотрудников правоохранительных органов как условие повышения общественного доверия к правоохранительной системе России

Галкина М.А., Пимонов В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Федеральный закон от 27.07.2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» ограничивает применение медиации частными спорами, возникающими в сфере гражданских, трудовых и семейных отношений. Вместе с тем растет потребность распространения медиации на потенциально конфликтогенные виды деятельности, включая

деятельность тех структур, чьи функции связаны с профилактикой противоправных деяний: участковые уполномоченные полиции, подразделения по делам несовершеннолетних ОВД и др.

Специфика данных служб ориентирована на разрешение конфликта посредством методов принуждения, применяемых при усмотрении в выявленной конфликтной ситуации признаков правонарушения. В итоге конфликт переводится в плоскость административной либо уголовной ответственности. Однако меры ответственности не разрешают конфликт между гражданами, что не способствует повышению доверия населения к правоохранительным органам. Между тем ст. 9 Федерального закона «О полиции» ориентирует сотрудников полиции на обеспечение общественного доверия.

В регулировании процедуры медиации, в противовес мерам ответственности, широко применяются диспозитивные подходы, что придает медиации социальную направленность, сближает ее с институтом социального партнерства, в связи с чем и обосновывается применение новых технологий в практике урегулирования споров на основе медиативного подхода.

Медиативный подход – это инструмент нормального человеческого взаимодействия, контролируемое, позитивное общение на основе принципов медиации, определенных в федеральном законе (Шамликашвили Ц.А., 2017).

Медиативная компетентность - это умение выстраивать взаимодействие и при случае выходить из возникающих трудностей, осознавая и контролируя ситуацию (Чеглова И.А., 2011).

Проведенное нами исследование предпринято для того, чтобы выявить, какое представление имеют сотрудники правоохранительных служб об общественном доверии, какие условия повышения общественного доверия к правоохранительным органам выделяют, имеют ли они представления о медиативном подходе в правоохранительной деятельности.

В исследовании участвовали 30 участковых уполномоченных ГУМВД России по г. Москве, а также 30 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций г. Москвы. Был использован вариант закрытой анкеты.

Вопросы, отражающие детерминанты повышения общественного доверия к правоохранительным органам, сгруппированы в следующие переменные:

- 1) представления опрошенных об общественном доверии к правоохранительным структурам;
- 2) составляющие общественного доверия;
- 3) условия повышения общественного доверия к сотрудникам правоохранительных органов.

1. На вопрос анкеты «Что представляет собой общественное доверие к правоохранительным органам» 95% испытуемых обобщенные положительные ответы, 5% не знают ответа на поставленный вопрос.

2. Отвечая на вопрос анкеты «Назовите условия повышения общественного доверия к сотрудникам правоохранительных органов» нами были получены

следующие ответы: 50 % - профессионализм и компетентность, 40 % - вежливое и внимательное отношение к гражданам, 10 % - не могут сформулировать ответ на поставленный вопрос.

3. Отвечая на вопрос «Имеют ли место в Вашей работе конфликтные ситуации?» 100% опрошенных ответили «Да».

4. На вопрос «Хотели бы вы приобрести дополнительные знания в области конфликтов и эффективных способов их разрешения?» 100% опрошенных ответили положительно.

5. На вопрос «Известен ли Вам такой способ урегулирования конфликтов, как медиация?» 50 % опрошенных дали положительные ответы.

Проведенное исследование подтвердило потребность в работе по расширению представлений сотрудников правоохранительных органов о медиативной компетентности. Обучение медиативной компетентности может стать эффективным способом урегулирования конфликтов, способствовать повышению общественного доверия к правоохранительным органам.

Литература

1. Чеглова И. А. Медиация как профессия и медиативная компетентность как новое качество жизни // Сборник материалов конференции «Роль психотерапии, практической и консультативной психологии в развитии личности современного человека» (г. Краснодар, 25-27 ноября 2011). Краснодар, 2011.
2. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации, 2017, № 3. С. 10-25.

Особенности применения медиации в уголовных делах в отношении несовершеннолетних

Гартвик Е.В.

Калининский районный суд г. Челябинска
(г. Челябинск, Россия)

Система правосудия в отношении несовершеннолетних в России направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей были всегда соизмеримы как с особенностями личности правонарушителя, так и с обстоятельствами правонарушения.

При судебном рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних, особенности их интеллектуального и физиологического развития, связанные с недостатком знаний и жизненного опыта, окончательно не сформированной системой ценностей, убеждений и взглядов, а также специфический правовой статус указывают

на необходимость тщательного изучения их личностных и поведенческих особенностей.

Причины противоправного поведения несовершеннолетних весьма многочисленны. Некоторые исследователи называют до 200 факторов, которые обуславливают отклоняющееся поведение: несовершенство законодательства, низкий уровень раскрываемости преступлений, семейное неблагополучие, отсутствие воспитания и присмотра взрослых, негативное социальное окружение, особенности темперамента и характера личности и др.

Установить эти факторы в ходе судебного разбирательства сложно и фактически невозможно, так как судебный процесс строго регламентирован, вызывает у несовершеннолетнего лица волнение, напряжение и стресс. В зале суда присутствуют участники процесса, судья, государственный обвинитель, родители несовершеннолетнего, с которыми у подростков не всегда добрые отношения. В такой обстановке несовершеннолетний подсудимый не расположен к откровенному разговору.

Вместе с тем, как показала практика применения процедуры медиации в Калининском районном суде г. Челябинска, гораздо проще подростку в условиях конфиденциальности пообщаться с медиатором, который, не имея заинтересованности в исходе дела, не обладая властными полномочиями над подростком, легко входит с ним в контакт, находит «болеву точку» и причины противоправного поведения.

Изучение личностных и поведенческих особенностей подростков в ходе медиативной процедуры позволяет учесть динамические изменения их психологической сущности и способствует созданию эффективных средств коррекции.

Несомненно, важную роль в предупреждении и смягчении проявления форм противоправного поведения играют общественные институты, например, такие как семья, государство, школа. Но они зачастую выполняют функции контроля за поведением человека, направлены на воспитание молодого поколения и не всегда имеют обратную связь.

Накопленный опыт работы медиаторов по уголовным делам в отношении несовершеннолетних свидетельствует, что в процессе общения с медиатором подростки впервые начинали воспринимать себя самостоятельным субъектом права, раскрывали проблемы семьи, указывали причины совершения преступления, осознавали глубину раскаяния и выражали сожаления о содеянном.

Кроме того, использование восстановительной медиации при проведении совместных встреч с несовершеннолетними правонарушителями и потерпевшими, а также при индивидуальных беседах, приводит к добровольному возмещению материального ущерба, искреннему раскаянию и пониманию последствий противоправных действий.

С июля 2015 года участники уголовного судопроизводства по всем делам, поступившим в Калининский районный суд г. Челябинска в отношении

несовершеннолетних, прошли через процедуру медиации. При таком подходе к рассмотрению данной категории дел, судебная статистика в районном суде показала, что количество несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, уменьшается на 30%, а рецидивная преступность несовершеннолетних снизилась с 50% до 3%.

Действующие статьи законодательства (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ) предусматривают возможность освобождения обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим как альтернативу наказанию. Привлечение посредника – один из способов восстановительного подхода к урегулированию уголовно-правового конфликта, который помогает его участникам самим исправить последствия преступления, преодолеть ненависть и мстительность в межличностных отношениях. Указанный метод направлен на восстановление важных для общества ценностей: исцеление жертвы преступления, осознание преступником ответственности за содеянное и заглаживание вреда своими силами, восстановление или преобразование отношений, чтобы насилие не повторилось в будущем. При этом процедура медиации, с одной стороны, должна исключить абсолютное доминирование какой-либо стороны, с другой, – обеспечить использование объективных критериев оценки конкретной ситуации, что указывает на необходимость привлечения к ее проведению лица, владеющего специальной методикой.

После получения протокола о результатах встречи сторон судья принимает решение в соответствии с требованиями УПК РФ.

Национальная стратегия действий в интересах детей, а также Концепция развития в Российской Федерации до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, совершивших общественно опасные деяния, направлены на внедрение инновационных для России медиативно-восстановительных способов и механизмов предупреждения и разрешения конфликтов с участием детей и подростков, реагирования на правонарушения, которые обеспечивают реальную социализацию правонарушителя за счет активной коррекционной работы, позволяют вести эффективную профилактическую работу по предупреждению асоциальных проявлений, правонарушений в детско-юношеской среде в целом.

При этом следует отметить актуальность программ восстановительного правосудия и медиации с точки зрения снижения остроты конфликтов с участием несовершеннолетних, количества правонарушений, в том числе, повторных, и их последствий для других лиц и общества в целом, уменьшения асоциальных проявлений среди детей и подростков.

Организационно-правовые аспекты деятельности службы школьной медиации как одной из форм воспитательной деятельности

Путалова И.Б.

ФГБУ «Федеральный институт медиации» (г. Москва, Россия)

Воспитание детей рассматривается как стратегический общенациональный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Важнейшей задачей воспитательной деятельности образовательных организаций в современных условиях является формирование у обучающихся навыков конструктивного разрешения возникающих конфликтов, основанных на гуманистических ценностях человеческой жизни и семьи, уважении личности и интересов другого человека, взаимопонимании и сотрудничестве для достижения общих результатов.

Авторский метод «Медиативный подход» (Шамликашвили Ц.А., 2017), применяемый в самых разнообразных контекстах профессиональной деятельности, а также метод «Школьная медиация» (Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А., 2014), призванный распространить ценности медиации в образовательном пространстве, содействуют развитию безопасной среды, благодатной для воспитания и раскрытия творческого потенциала всех участников образовательного процесса, независимо от возраста и социального статуса.

Предположение (**гипотеза**) о том, что применение в воспитательном процессе медиации и медиативного подхода как научно – методического механизма, позволит улучшить условия для воспитания здоровой, счастливой, свободной, ориентированной на труд личности.

Цель исследования: интеграция медиативного подхода и принципов медиации в воспитательный процесс образовательной организации посредством создания службы школьной медиации.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие **задачи**:

- создать службу школьной медиации в ГБОУ «Школа № 2075 г. Москва»;
- освоить технологию образовательной деятельности дополнительного образования, позволяющей интегрировать медиативный подход в воспитательную деятельность образовательной организации;
- создать систему корпоративного повышения квалификации педагогов и управленческой команды (принципы, содержание и технологии), необходимую для проведения такой работы в школе.

Итоговые результаты проекта:

1. Создана нормативно-правовая база для функционирования службы школьной медиации:

- разработано и принято Положение о службе школьной медиации.
- внесены изменения в Положение о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений ГБОУ Школы №2075, Положение о Совете по профилактике правонарушений и социальной защите прав несовершеннолетних ГБОУ № 2075, Правила внутреннего распорядка учащихся.

2. В рамках дополнительного образования введены занятия «Школьная медиация» для детей разных возрастных групп:

- разработана программа Школьная медиация (для обучающихся).
- ведутся занятия с обучающимися 2, 5, 6, 7 – 9 классов.

15. Создана система корпоративного повышения квалификации педагогических работников, позволяющую овладеть принципами медиативного подхода:

- обучены 12 сотрудников на КПК «Медиация. Базовый курс», 120 ч., «Центр медиации и права», г. Москва;
- повысили квалификацию в сфере медиации (34 часа) 50 учителей всех уровней образования;
- разработана программа постоянно действующего семинара для педагогов «Медиативный подход и его применение в образовательной сфере».

Создание службы школьной медиации позволит решить вопросы воспитания культуры конструктивного поведения в конфликте, основанной на медиативном мировоззрении, которое ставит во главу угла признание ценности человеческой жизни, принятие, уважение права каждого на удовлетворение потребностей и защиту собственных интересов (но не в ущерб чужим).

Кроме того, служба школьной медиации, медиативный подход, пронизывающий все сферы деятельности, могут стать внутренним ресурсом, позволяющим крупной образовательной организации противостоять конфликтам, неизбежно возникающим в среде участников образовательных отношений, создать безопасное образовательное пространство, где будут реализовываться интересы каждого.

Литература

1. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 3. С. 10-25.
2. Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А. Метод «школьная медиация как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 26-33.

Система работы в восстановительном подходе по профилактике школьной травли и в ситуации буллинга

Путинцева Н.В.

ГБУ города Москвы «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы» (г. Москва, Россия)

В целях формирования государственной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации 1 июня 2012 года принята «Национальная стратегия

действий в интересах детей на 2012–2017 годы». Одной из задач, обозначенных в данном документе, является «развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия; организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении».

Концепция восстановительного правосудия (и шире – восстановительного подхода) – это система теоретических представлений и набор способов, процедур и приемов работы, используемых в ситуации преступления, конфликта, в обстоятельствах эскалации взаимонепонимания, отчуждения и напряженности в отношениях между людьми и всплеска насилия. Восстановительный подход в разрешении конфликтов и криминальных ситуаций с помощью ведущего восстановительных программ помогает реализовать важные для общества ценности: исцеление жертв преступлений, заглаживание вреда силами обидчиков, участие в этом процессе ближайшего социального окружения, уважительное взаимодействие.

Концепция восстановительного подхода поддержана многими образовательными организациями города Москвы в качестве идеи и технологии, способствующей гармонизации межличностных отношений в школе и микроклимата учреждения в целом. Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы осуществляет организационно-методическое сопровождение создания и становления школьных служб примирения (медиации), которые интенсивно развиваются сейчас в школах столицы.

Школы – участники данного проекта, в которых активно работают службы примирения (медиации), отмечают, что технологии восстановительного подхода, реализованные на практике, способствуют профилактике деструктивного взаимодействия между участниками образовательного процесса, в том числе школьной травли. Восстановительные программы способствуют формированию позитивной общности с просоциальными нормами поведения. Уникальными в этом смысле являются круги сообщества. Это особая форма организации диалога, способствующая созданию атмосферы, которая позволяет перейти от взаимных претензий и обид к объединению, взаимопониманию и совместной работе над улучшением своей жизни. Во время проведения круга все участники конфликтной ситуации привлекаются к обсуждению проблемы, имеют равное право голоса, что обеспечивает их активное участие в принятии решения и, соответственно, разделении ответственности за его выполнение.

Система работы в восстановительном подходе по профилактике школьной травли и в ситуации буллинга представлена моделью работы по запросу «Трудный класс», которая показала свою эффективность. Ведущим восстановительных программ проводятся круги сообщества, направленные на понимание участниками круга актуальной ситуации в классе и выработке решений по ее изменению, в следующем порядке: с педагогами и администрацией; с родителями; с обучающимися. Для того, чтобы закрепить положительные изменения,

произошедшие во время проведения круга, с обучающимися затем проводится цикл занятий «Учусь общаться» (5 занятий по 45 минут) с целью обучения их навыкам конструктивного взаимодействия друг с другом, развития коммуникативных и рефлексивных способностей и позитивной Я-концепции. По мере необходимости в процессе работы возможно проведение восстановительной медиации между участниками образовательного процесса. В этом процессе ключевой фигурой является классный руководитель, который должен быть заинтересован в изменении ситуации в классе, так как имеет наибольшее влияние на формирование мировоззрения обучающихся и взаимоотношений между ними.

**Опыт проведения лекции с элементами тренинга на базе войсковой части
Энгельсского района «Знакомство призывников в/ч № 25623 с процедурой
медиации»**

Романова Н.М.,
Колесниченко А.В.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

В нашей жизни конфликты являются неотъемлемой частью. И не всегда мы удачно разрешаем трудную ситуацию. Порой, доходя до крайностей, которые впоследствии ведут к определенным, не очень положительным последствиям. Конфликты возникают в любой сфере жизнедеятельности человека: семья, школа, конфликт в общественном транспорте, в детском саду, в магазине, на улице и др. Кроме того, медиативная техника осваивает все новые и новые конфликтные поля. Военная сфера не является исключением. Здесь также актуально тема конфликтов.

Медиация – это метод разрешения конфликтов, разработанный в 60-е и 70-е годы в США и успешно используемый там во многих областях жизни. В дословном переводе «медиация» означает «посредничество». При этом имеется в виду посредничество в спорах беспристрастных третьих лиц, которых признают все стороны. Медиаторы-посредники помогают спорящим найти взаимоприемлемое решение их проблем. Задача медиаторов состоит не в том, чтобы вынести решение третейского суда или приговор. Скорее от самих сторон конфликта зависит выработка решения, оптимально соответствующего их интересам. В результате достигнутой договоренности должны «выиграть» все (Бесемер Х., 2004).

Во всем мире медиация является одной из самых популярных форм урегулирования споров. Медиация позволяет уйти от потери времени в судебных разбирательствах, от дополнительных и непредсказуемых расходов, процесс медиации является частным и конфиденциальным.

Медиация – это процесс, в котором нейтральная третья сторона, медиатор, помогает разрешить конфликт, способствуя выработке добровольного соглашения (или «самоопределения») между конфликтующими сторонами. (Нечаева Ю.Б., 2009).

Медиатор облегчает процесс общения между сторонами, понимания позиций и интересов, фокусирует стороны на их интересах и ищет продуктивное решение проблемы.

На базе войсковой части №25623 Энгельсского района нами была проведена лекция с элементами тренинга.

Цель нашей встречи заключалась в знакомстве призывников с понятием медиация и медиативный процесс, в применении медиативного подхода в разрешении конфликтов, а также акцентирования внимания на эмоциональные состояния при возникновении конфликта.

Перед нами стояли такие задачи, как: объяснение теории, понятий, демонстрации упражнений.

Для лучшего усвоения материала, участникам предлагались упражнения, соответствующие теме. Группа состояла из 30 человек мужчин (призывники).

Для лучшего понимания темы были проведены упражнения. Задания были направлены на узнавание, понимание эмоционального состояния собеседника; выражение эмоций, чувств; а также была создана моделирующая ситуация для проведения медиативного процесса.

Акцент был поставлен на саму процедуру медиации и на эмоциональную составляющую во время конфликтов. Эмоции – это и мимика, и выражение глаз, и многое-многое другое, что может прочесть наблюдательный взгляд.

На нашей встрече молодые люди узнали: что такое медиация, принципы работы медиатора, какими качествами должен обладать медиатор.

Итогом нашей работы стало ознакомление молодых людей с принципами работы медиатора (примирителя). Было уделено достаточное внимание эмоциональным состояниям при возникновении конфликта. А так же были продемонстрированы упражнения.

Литература

1. Бесемер Христоф «Медиация» Посредничество в конфликтах / Перевод с нем. Н.В.Маловой. Калуга: «Духовное познание», 2004., 176 с.
2. Нечаева Ю.Б., Селищева А.Н. Медиация. Новый подход к разрешению конфликтов. Пермь: «РЕСУРС», 2009.

Психологические механизмы медиации

Хазанова М.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»,
ФГБУ «Федеральный институт медиации» (г. Москва, Россия)

Психологические механизмы медиации будут рассматриваться в рамках метода «школьная медиация», разработанного Научно-методическим центром медиации и права.

Как известно, медиация – это внесудебный метод разрешения споров и конфликтов, опирающийся на определенные принципы. Метод «школьная медиация» — это социальный инструмент, который позволяет эффективно предупреждать и разрешать споры и конфликты, создавая безопасную среду в образовательных учреждениях. «Школьная медиация опирается на те же принципы, что и медиация: добровольность, открытость, доверие, уважение, непредвзятость, равноправие всех сторон. Соблюдение конфиденциальности – необходимое условие медиации. Основная задача медиатора заключается в том, чтобы создать условия для диалога между сторонами конфликта, помочь им понять собственные интересы и прийти к взаимоприемлемому решению (Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А., 2014). Часто участники конфликта или затяжного спора используют деструктивные способы взаимодействия, бывают аффективны, иногда агрессивны. Что происходит в медиации? Благодаря каким механизмам сложившиеся деструктивные отношения могут преобразовываться в конструктивные?

Одним из существенных механизмов, оказывающих большое влияние на позитивность процесса медиации, становится создание определенных условий для удовлетворения основных базовых психологических потребностей, описанных А. Маслоу.

При рассмотрении принципов медиации, являющихся содержательной структурой медиации, можно заметить, что реализация многих из них создает условия не только для протекания процесса медиации, но и для удовлетворения базовых психологических потребностей участников этого процесса.

Потребность в безопасности. Она складывается из нескольких составляющих: потребность в защищенности, потребность в стабильности, отсутствии страха, законе и ограничениях или структуре и порядке.

Прежде всего удовлетворяется потребность в защищенности, так как в начале при описании процедуры медиации вводится запрет на оскорбления, насильственные действия, нарушение конфиденциальности, разглашение полученной информации.

Другие аспекты потребности в безопасности также могут удовлетворяться благодаря процедуре медиации, поскольку с самого начала медиатор подробно рассказывает участникам конфликта, что такое медиация, каковы ее цели, каким образом может все происходить, то есть описывается последовательность процедуры. (Хазанова М.А., 2008, с. 19). Подробно объясняется, какими правами они обладают, обсуждаются правила взаимодействия между участниками процесса, что способствует возникновению ощущения предсказуемости порядка и понятности происходящего.

Это пример того, каким образом может происходить соотнесение принципов медиации и описания базовой потребности. Следующий пример относится к потребностям в любви, привязанности и принадлежности. Конечно, потребность в любви не может не может здесь удовлетворяться. Однако медиатор реализуя принципы принятия и уважения, проявляя сочувствие, создает безопасное пространство, в котором участники конфликта чувствуют особое отношение к себе,

могут почувствовать себя принятыми (т. е. не оцениваемыми), важными для медиатора (т. е. уважаемыми), ощущающим сочувствие к своим переживаниям. Кроме того, реализация принципа равноправия позволяет всем участникам чувствовать себя включенными в общее взаимодействие, вне зависимости от происшедшего. И таким образом может нивелироваться переживание страха отвержения и непринятия сверстниками или участниками процедуры. (Хазанова М.А. 2008, с. 20).

Принятие и отсутствие негативного оценивания и отвержения может становиться условием, позволяющим в определенной мере удовлетворять потребность в принадлежности. Это особенно важно для подростков.

Составляющие потребности в уважении также могут удовлетворяться, благодаря реализации принципов принятия и уважения. Кроме того, создаваемая медиатором безопасная атмосфера принятия и уважения может способствовать удовлетворению потребности в самореализации, так как у участников постепенно возникает возможность обращения к своим ресурсам и понимание своих подлинных ценностей и интересов. Это позволяет находить оптимальные решения из целостного ресурсного состояния, не тратя силы на защитные реакции и стратегии. И наконец когнитивные потребности. По-видимому, можно говорить о некотором удовлетворении этих потребностей в связи с новым опытом разрешения сложных ситуаций.

Предварительные данные показали, что высокий уровень развития эмоционального интеллекта (Гоулман Д.) медиатора и прежде всего его внутриличностной составляющей (Хазанова М.А., 2017), является существенным условием конструктивного взаимодействия с участниками медиации.

На наш взгляд еще одно важное качество медиатора – присутствие: «это обозначение качества бытия в ситуации или отношениях, в которых человек глубоко внутри себя стремиться участвовать настолько полно, насколько способен...» (Бюдженталь Дж. 2001., с. 42). Качество присутствия предполагает готовность медиатора к открытости, тонкому пониманию смыслов и улавливанию оттенков переживаний, к деликатному отклику на происходящее в медиации. (Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А. 2014).

Подводя итоги, можно сказать, что существуют высокие требования к профессиональным и личностным компетенциям медиатора. Владея этими компетенциями, медиатор создает условия, способствующие удовлетворению базовых психологических потребностей; развитию определенных личностных структур, которые позволяют целостно реализовывать себя; смягчению последствий травматизации (Хазанова М.А., 2012).

Складывается впечатление, что метод «школьной медиации» вобрал в себя и может реализовывать основные гуманитарные ценности и достижения современной цивилизации (Хазанова М.А., 2012), что вероятно и дальше будет позволять выявлять новые психологические механизмы.

Литература

1. Бюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. Пер. с англ., общ. Ред. Мироновой М.Р. СПб.: Питер, 2001. 304 с.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2007. 352 с.
3. Хазанова М.А. Путь становления личности. Психологические основы и социальная значимость «школьной медиации» // Медиация и право. 2008. № 2. С. 18-23.
4. Хазанова М.А. Значения и возможности метода «Школьной медиации» в современной образовательной системе // Медиация и право. 2012. № 4. С. 66-74.
5. Хазанова М.А. К вопросу об особенностях эмоционального интеллекта эффективного медиатора // Медиация: теория, практика, перспективы развития. Сборник тезисов участников Второй всероссийской научно-практической конференции (тезисы) М.: ФИМ, 2017. С. 152-156.
6. Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А. Метод «школьная медиация» как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 26-33.

Результаты внедрения инструментов медиации в практику учителя начальной школы

Хазанова М.А., Вагапова С.Р.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В процессе медиации или при использовании инструментов медиации каждый участник, как ребенок, так и взрослый, может рассчитывать на то, что будет услышан, его постараются понять, он сможет высказать свою позицию и видение ситуации, а также может предложить свою альтернативу разрешения конфликта. Такое общение в безопасной, уважительной атмосфере может способствовать возникновению условий для разрешения спора, когда стороны могут прийти к соглашению, будут готовы его реализовывать, так как непосредственно участвовали в его создании.

В предлагаемом исследовании была сделана попытка внедрения в повседневную работу учителя двух инструментов медиации для разрешения сложных ситуаций в классе. Эти инструменты — активное слушание и «я – сообщение».

Исследование проводилось в рамках магистерской диссертации С.Р. Вагаповой в 4-ом классе ГБОУ школы 2051 г. Москвы.

Цель работы состояла в выявлении возможностей этих инструментов медиации для урегулирования споров и конфликтов в начальных классах.

Для овладения этими способами взаимодействия, учителю вначале необходимо проявлять волевое усилие: не делать привычного, не давать советов, не предоставлять

готовых решений, каждый раз выдерживать паузу, сосредоточенно слушая ребёнка, доверять ему, надеясь и понимая, что учащийся сам может решить свою проблему.

В работе было описано в виде примеров большинство сложных ситуаций, возникавших в классе и урегулированных учителем: резкие споры, конфликты, проявление вербальной и физической агрессии. Эти ситуации были проанализированы относительно того, какие инструменты медиации использовались для их разрешения.

Данные частотного анализа употребления инструментов медиации показывают, что при успешном разрешении сложных ситуаций и конфликтов, возникающих в повседневной школьной практике, наряду с другими, наиболее часто используется такой способ взаимодействия, как активное слушание.

«Я – сообщение» использовалось реже. Этот инструмент оказался достаточно экологичным для выражения своих чувств учителем и принятия этих чувств учащимися.

Данные опросов учащихся и родителей показали, что за учебный год, во время которого использовались указанные инструменты, произошли существенные изменения в психологической атмосфере класса: значительно уменьшилось количество споров и конфликтов, учащиеся стали более внимательными и доброжелательными друг к другу и к учителю. Большинство учащихся отметили, что произошли позитивные изменения в общении с учителем: он позволяет и помогает учащимся самим разрешать конфликты; взаимодействие с учителем оставляет их спокойными, радуется, поднимает настроение. Учащиеся стали более внимательными и ответственными по отношению к родителям.

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о том, что благодаря внедрению в повседневную педагогическую работу учителя двух инструментов медиации: активного слушания и «я – сообщения» произошли значительные позитивные изменения как в психологической атмосфере класса, так и во взаимоотношениях участников педагогического процесса.

Экспресс-методики урегулирования споров между школьниками, как приглашение к медиации

Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Среди учащихся, особенно, средних и старших классов общеобразовательных учреждений часто возникают конфликтные ситуации (Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В. и др., 2015), решением которых педагоги вынуждены заниматься в условиях дефицита времени: и к сожалению, дефицита методик. Медиация хотя и является одним из наиболее эффективных способов урегулирования споров (Стрессер

Ф., Рэндольф П., 2015), но требует времени, что совершенно невозможно в условиях общеобразовательной школы сделать педагогу.

В этой связи, представляется важным разработка методик быстрого и действенного урегулирования (или снятия напряжения) споров с последующим медиативным сопровождением учащихся.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось в общеобразовательных школах города Москвы с привлечением 6 педагогов со стажем работы до 5 лет. При выявлении педагогом в образовательном учреждении конфликтной ситуации между детьми, он предлагал им участие в исследовании, после которого участники должны были заполнить опросник самочувствия. Участники применяли для урегулирования своего конфликта или экспресс-методику «Алгоритм урегулирования споров на основе теории игр (конверт «А»), или – технику «Рациональная интерпретация поведения оппонента» (конверт «В»), или – методику простого информирования о том, что такое процедура медиации (конверт «С»). По окончании выполнения любой из методик детям была предложена возможность принять участие в процедуре медиации.

После выполнения одной из экспресс-методик, выбранной в случайном порядке, взрослый, проводящий методику, предлагал участникам заполнить опросник самочувствия и сам фиксировал варианты исходов конфликта:

1. Обе стороны выбрали участвовать в медиации.
2. Только одна из сторон видит медиацию желательной для урегулирования спора.
3. Ни одна из сторон не предпочла медиацию, и стороны от нее отказались.

В ходе исследования было рассмотрено 57 конфликтных ситуаций у 123 детей.

Результаты исследования

После анализа полученных с помощью опросников данных выявлено следующее. Из 57 конфликтных ситуаций после применения экспресс-методик урегулирования конфликтных ситуаций: 3 ситуаций, где обе стороны выбрали участвовать в медиации; 36 ситуаций, где только одна из сторон видит медиацию желательной для урегулирования спора; 18 ситуаций, где ни одна из сторон не предпочла медиацию, и стороны от нее отказались.

При применении экспресс-методики конверта «А», в 71% из всех случаев был выбран вариант исхода «Только одна из сторон видит медиацию желательной для урегулирования спора». 29% – отказ от медиации.

При использовании экспресс-методики конверта «В», в 67% был выбран вариант исхода «Только одна из сторон видит медиацию желательной для урегулирования спора». 33% – отказ от медиации.

При применении экспресс-методики конверта «С», в 50% был выбран вариант «Только одна из сторон видит медиацию желательной для урегулирования спора» и в 17% случаев – «Обе стороны выбрали участвовать в медиации». Отказ от медиации – 33%.

Выводы. Рассматривая данные, полученные при применении вышеописанных экспресс-методик в общеобразовательных учреждениях, представляется возможным сделать вывод, что предлагаемые экспресс-методики оказываются более действенным средством приглашения к медиации, чем простое информирование учащихся о возможностях урегулирования спора с помощью медиации.

Литература

1. Стрессер Ф., Рэндольф П. Медиация: психологический взгляд на разрешение конфликтов. Москва: ООО «МЦУПК», 2015.
2. Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Пчелинцева Д.Н., Степанищев А.Н. Результаты анализа психологических факторов, влияющих на динамику споров и экспертная оценка их податливости стороннему влиянию // Глобальный научный потенциал. 2015. № 4 (49). С. 25-32.

Медиативный подход как способ деэскалации конфликта

Шамликашвили Ц.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Динамичное развитие альтернативных суду способов разрешения споров и особенно современной медиации в последние десятилетия обусловлено, возможно, все еще не до конца осознаваемым, запросом на изменения, заложенным в глубине социально значимых институтов. Усложнение социально-экономических отношений, глобализация, развитие информационных технологий, широкое распространение цифровой составляющей во всех сферах деятельности человека, смешение реального и виртуального миров, размывание границ, стремительное увеличение числа транзакций, – все это неизбежно приводит к нарастанию конфликтности и, одновременно с этим, в складывающихся условиях цена не проясненных разногласий, не разрешенного конфликта возрастает во много раз. Ведь информационные технологии – это еще и способ вовлечения большого количества людей, генерализация конфликта, манипулирование общественным сознанием, использование разногласий как в экономической борьбе, так и в политической. Конфликт, выявляя неблагополучие, открывая путь к оздоровлению может стать деструктивным, если позволить раскрыться его разрушительному потенциалу.

Современная медиация является одним из немногих способов обращения с конфликтом, когда у сторон появляется возможность урегулировать разногласия к взаимному удовлетворению, минимизируя потери и уступки. Медиация, содействуя в поиске решений, отвечающих чаяниям самих сторон спора, нередко позволяет исчерпать и сам конфликт. В условиях повышенной конфликтности среды большое значение имеет не только качественное разрешение уже явственно проявившихся конфликтов, но и их предотвращение, умение предупреждать запуск триггеров конфликта и его развитие. Для этого наряду с процедурой разрешения

спора, нужны способы, позволяющие качественно взаимодействовать в обыденных условиях.

Если говорить о конфликте как состоянии противоположном мирному, то нужно признать, что состояние мира постоянно подвергается испытанию. Мир невозможно установить навсегда и даже ненадолго, если постоянно не работать над его поддержанием. Устойчивый качественный мир возможен только там, где постоянно ведется работа по прояснению разногласий, выявлению их причин, и возможному их устранению. На первый взгляд, очевидные истины. Однако, вся история человечества является иллюстрацией отсутствия глубинного понимания и, что самое прискорбное, воплощения, даже в самые критические моменты для существования цивилизации, этого понимания в реальные действия.

Сегодня, как никогда раньше в истории человечества, нельзя игнорировать потребности меньшинства, один не услышанный, не понятый голос может стоять жизни миллионам людей, ставя под угрозу сохранение цивилизации в целом. Поддержание качественного сосуществования возможно лишь при условии уважительного взаимодействия, порождающего общение, взаимодействия основанного на дискурсе равноправного диалога. Центр медиации и права с момента своего основания как организации призванной развивать системно институт медиации, медитативную практику, наряду с интеграцией медиации в правовую сферу, предпринимает усилия по раскрытию социокультурного потенциала медиации, использования ее возможностей в различных сферах общественной жизни, в качестве социальной практики.

С этой целью были разработаны: авторский метод «Медиативный подход» (Шамликашвили Ц.А., 2017), применяемый как в самых разнообразных контекстах профессиональной деятельности, включая внутрикорпоративную, так и в бытовой жизни, а также метод «Школьная медиация» (Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А., 2014), призванный распространить ценности медиации в образовательном пространстве, содействуя развитию безопасной среды, благодатной для воспитания и раскрытия творческого потенциала всех участников образовательного процесса, независимо от возраста и социального статуса.

Возможности медиативного подхода как способа предупреждения и деэскалации конфликта должны быть востребованы обществом, чтобы удовлетворить запрос, идущий от еще не вполне проявленного инстинкта самосохранения, осознания того, что в наше время невозможно, причинив вред соседу не нанести вред себе. Медиация – это очень прагматичный, основанный на стратегическом мышлении, долгосрочном планировании, способ реагирования на разногласия, который необходимо развивать как социальную практику и социокультурное явление, содействующее позитивным преобразованиям социально значимых институтов и общественных отношений в целом.

Литература

1. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 3. С. 10-25.
2. Шамликашвили Ц.А., Хазанова М.А. Метод «школьная медиация как способ создания безопасного пространства и его психологические механизмы // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 26-33.

СПИСОК АВТОРОВ

Абрамова Аида Алексеевна, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Абрамова Светлана Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Айсмонтас Бронюс Броневич, профессор, заведующий кафедры психологии и педагогики факультета дистанционного обучения ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Алексеева Елена Витальевна, магистрант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Алексеева Любовь Васильевна, доктор психологических наук (г. Тюмень, Россия)

Аллямова Алсу Абдулбариевна, специалист по УМР ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Андреева Арина Алексеевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Андрианов Михаил Семенович, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Андрианова Светлана Борисовна, студент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Аникеева Наталья Викторовна, старший преподаватель кафедры психологии УНК ПСД ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (г. Москва, Россия,)

Аруин Сергей Евгеньевич, директор Akzeptanz, Vertrauen, Perspektive – AVP e.V. (г. Дюссельдорф, Германия)

Асташова Евгения Игоревна, адъюнкт ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Афони́на Ю́лия Серге́евна, лаборант-исследователь ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Белова Дале́я Дми́триевна, студент ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Бердичевский Алексе́й Алекса́ндрович, психолог Межрегионального общественного движения в поддержку семейных клубов трезвости (г. Москва, Россия)

Бизю́кова Елизаветта Серге́евна, студентка ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Виноградова Екатери́ан Па́вловна, доцент кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат биологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Бобровникова Анна Серге́евна, старший преподаватель ГБОУ ВО МО «Университет «Дубна» (г. Дубна, Россия)

Богданова Виктори́я Алекса́ндровна, студентка ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Богданови́ч Ната́лья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бойки́на Екате́рина Эдуа́рдовна, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бондаренко Вита́лия Алекса́ндровна, медицинский психолог ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Бондаренко Ната́лья Викторовна, главный специалист-эксперт, эксперт-психолог Управления судебных экспертиз Министерства юстиции ПМР (г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)

Борисова Да́рья Па́вловна, научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (г. Москва, Россия)

Борисова Светлана Евгеньевна, доцент ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова», кандидат психологических наук (г. Орёл, Россия)

Бородина Любовь Георгиевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат медицинских наук, доцент (г. Москва, Россия)

Бочкова Алена Александровна, старший психолог отдела морально-психологического обеспечения Управление по работе с личным составом ГУ МВД России по Московской области (г. Москва, Россия)

Бочкова Маргарита Николаевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бусарова Ольга Ренатовна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Буслаева Елена Леонидовна, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Бушмелева Ирина Валерьевна, руководитель направления АНО «Центр Медиации и Права» (г. Москва, Россия)

Быкова Марина Викторовна, старший преподаватель кафедры медиации в социальной сфере ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ваганова С.Р., магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Вакуленко Анжелика Андреевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Варданян Кристина Кареновна, старший преподаватель Ереванского государственного медицинского университета им. М. Гераци, кандидат медицинских наук (г. Ереван, Армения)

Василенко Татьяна Геннадьевна, психолог Главного управления МВД России по г. Москве (г. Москва, Россия)

Васильченко Алеся Сергеевна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Васке Екатерина Викторовна, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», доктор психологических наук (г. Нижний Новгород, Россия)

Васянина Виктория Игоревна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат медицинских наук (г. Москва, Россия)

Вахнина Виктория Владимировна, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Вертягина Елена Александровна, доцент ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов, Россия)

Вечерина Ольга Павловна, доцент кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат исторических наук (г. Москва, Россия)

Власова Наталья Валериевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Воронина Наталья Владимировна, заместитель декана по воспитательной работе факультета психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

Воронкова Анна Александровна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Воронова Юлия Владимировна, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воронцова Оксана Юрьевна, научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Гартвик Елена Владимировна, судья Калининского районного суда г. Челябинска (г. Челябинск, Россия)

Гаврина Елена Евгеньевна, начальник кафедры общей психологии ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат психологических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Галкина Александра Олеговна, врач-психиатр ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №1 им. Н.А. Алексеева» Департамента здравоохранения Москвы (г. Москва, Россия)

Галкина Мария Александровна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Голубев Сергей Александрович, заеститель главного врача ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №1 им. Н.А. Алексеева» Департамента здравоохранения Москвы, кандидат медицинских наук (г. Москва, Россия)

Горьковская Ирина Алексеевна, профессор кафедры психологии человека ГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», заведующая кафедрой психосоматики и психотерапии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Гриненко Ульяна Богдановна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Гурина Оксана Дмитриевна, главный эксперт ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

Гуськова Марина Григорьевна, врач судебно-психиатрический эксперт КГБУЗ «Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница им. Ю.К. Эрдыманова» (г. Барнаул, Россия)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Дебольский Михаил Георгиевич, ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Делибалт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Добрякова Анна Романовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дозорцев Василий Александрович, медицинский психолог ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Дозорцева Елена Георгиевна, профессор кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», главный научный сотрудник, и.о. руководителя Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Домашенков Владислав Валерьевич, студент ФГБОУ ВО «Всероссийский Государственный Университет Юстиции» (г. Москва, Россия)

Дрыкина Людмила Леонидовна, врач-психиатр ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №1 им. Н.А. Алексеева» Департамента здравоохранения Москвы (г. Москва, Россия)

Дырнаева Юлия Андреевна, магистрант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Егоров Степан Николаевич, студент ФГАОУ ВО «Северо-Восточный Федеральный Университет им. М.К. Аммосова» (г. Якутск, Россия)

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Енин К.А., ГБУЗ НО «Нижегородский областной неврологический госпиталь ветеранов войн» (г. Нижний Новгород, Россия)

Енина Виктория Владимировна, врач-психотерапевт ГБУЗ НО «Нижегородский областной неврологический госпиталь ветеранов войн», кандидат медицинских наук (г. Нижний Новгород, Россия)

Ефремов Александр Георгиевич, старший научный сотрудник отдела медицинской психологии ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Евстафеева Евгения Александровна, доцент ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Челябинск, Россия)

Жаров Антон Алексеевич, руководитель «Команда адвоката Жарова» (АК), Адвокатская палата города Москвы (г. Москва, Россия)

Жукова Наталья Владимировна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Журавлева Елизавета Валерьевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Жуковская Ирина Владимировна, адъюнкт ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Замрий Олег Николаевич, доцент кафедры гражданского процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», кандидат юридических наук (г. Тверь, Россия)

Иванова Любовь Романовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Иванова Ольга Игоревна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ильина Валентина Анатольевна, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук, доцент, юрист 1 класса (г. Иркутск, Россия)

Ильина Ольга Юрьевна, заведующая кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», доктор юридических наук, профессор (г. Тверь, Россия)

Кадочникова Ирина Владимировна, психолог психологической лаборатории ФКУ «Исправительная колония № 1 ГУФСИН России по Челябинской области» (г. Копейск, Россия)

Калашникова Анна Сергеевна, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», старший научный сотрудник ФГБУ

«Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Карпова Анна Владимировна, инспектор третьего отдела криминалистического сопровождения следствия технико-криминалистического управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, лейтенант юстиции (г. Москва, Россия)

Киселев Константин Анатольевич, инженер лаборатории юридической психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Ковалева Мария Евгеньевна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Кокурин Алексей Владимирович, декан факультета экстремальной психологии, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Колесниченко Анастасия Викторовна, студентка ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Колотушкин Сергей Михайлович, главный научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», доктор юридических наук, профессор, полковник милиции в запасе (г. Москва, Россия)

Кондаурова Ольга Петровна, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Корчагин Никита Юрьевич, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Костина Любовь Николаевна, начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности ФГКОУ ВО «Московский

университет МВД России имени В.Я. Кикотя», доктор психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Костюк Георгий Петрович, главный врач ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №1 им. Н.А. Алексеева» Департамента здравоохранения Москвы, доктор медицинских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Косыгина Светлана Викторовна, преподаватель ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (г. Москва, Россия)

Котлярова Любовь Николаевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Красник Вадим Семенович, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Кроз Михаил Владимирович, ведущий научный сотрудник ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Круглякова Елена Геннадьевна, медицинский психолог ГБУ Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина ДЗМ (г. Москва, Россия)

Кузнецова Мария Александровна, студентка ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Кузнецова Светлана Олеговна, старший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Кулаков Сергей Сергеевич, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Кулакина Анастасия Сергеевна, педагог-психолог СПб ГБПОУ «Невский колледж имени А.Г. Неболсина» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Кулькова Жанна Геннадьевна, руководитель Центра психологической диагностики и консультирования (г. Челябинск, Россия)

Лаврова Нина Михайловна, генеральный директор Центра системного консультирования и обучения «Synergia» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Лавров В.В., Центр научно-практической медиации «Согласие» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Лавров Н.В., ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» МЗ РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ларина Евгения Дмитриевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Лапинова Арина Андреевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Латышева Алена Алексеевна, студентка ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Левин Леонид Маркович, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Луковцева Зоя Вячеславовна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Лысенко Надежда Евгеньевна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Магомедов Беслан Габидуллаевич, студент ФГБОУ ВО «Всероссийский Государственный Университет Юстиции» (г. Москва, Россия)

Макаревская Юлия Эдуардовна, доцент ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Сочи, Россия)

Макеев М.К., ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Мартынова Анна Александровна, ассистент кафедры психосоматики и психотерапии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Мартынова Анна Олеговна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мартынова Е.А. ФГБОУ ВО «Всероссийский Государственный Университет Юстиции» (г. Москва, Россия)

Марьин Михаил Иванович, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Медведева Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Мелёхин Алексей Игоревич, клинический психолог Российский геронтологический научно-клинический центр (г. Москва, Россия)

Мельник Мария Романовна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мельникова Дарья Вячеславовна, специалист УМР, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мешков Иван Андреевич, психолог (г. Москва, Россия)

Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Михайлова Юлия Андреевна, старший инспектор Главного управления криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Михайлова Ольга Юрьевна, профессор ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», доктор психологических наук, профессор (г. Нижневартовск, Россия)

Молотова Виктория Викторовна, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул, Россия)

Морозова Марина Валентиновна, старший научный сотрудник, заведующая Отделением психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Насонова Дина Викторовна, заместитель руководителя ГБУ Воронежской области «Центр психолого–педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Никитина Евгения Олеговна, старший преподаватель кафедры педагогики Учебно-научного комплекса психология служебной деятельности ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», кандидат педагогических наук (г. Москва, Россия)

Никитская Екатерина Александровна, доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности ФКОУ ВО «Московский университет МВД России им.В.Я. Кикотя», кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Николаева Гульнара Илларионовна, студентка ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им.М.К. Аммосова» (г. Якутск, Россия)

Новенко Елена Владимировна, психолог ГКУСО МО «Электростальский социально-реабилитационный центр «Доверие» (г. Электросталь, Россия)

Новикова-Грунд М.В., декан факультета психологии АНО ВО «Московский международный университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Новокрещенова Галина Анатольевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ныркова Анастасия Андреевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Нуцкова Елена Владимировна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Обидина Вероника Алексеевна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Онищенко Ольга Романовна, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кандидат психологических наук (г. Омск, Россия)

Орлова Ксения Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Охотников Юрий Михайлович, доцент кафедры психологии УНК ПСД ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Ошевский Дмитрий Станиславович, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им.

В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Палин Александр Васильевич, заведующий Центром психолого-психотерапевтической помощи ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Переправина Юлия Олеговна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия).

Петров Владислав Евгеньевич, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии ФЭП ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Печерский Алексей Владимирович, доцент ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Панкратова Мария Александровна, магистрант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Пимонов Владимир Александрович, доцент кафедры Юридической психологии и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Подольская Марина Вячеславовна, преподаватель ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат психологических наук (г. Челябинск, Россия)

Потлачук Наталья Викторовна, генеральный директор ООО «Центр независимых экспертиз «Аргумент», кандидат психологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Путалова Ирина Борисовна, специалист в сфере медиации в Федеральном институте медиации, кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва)

Путинцева Наталья Владимировна, социальный педагог ГБУ города Москвы «Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы» (г. Москва, Россия)

Ратинова Наталья Александровна, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО

«Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Ретя Станислава Эрновна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Романова Наталья Михайловна, доцент кафедры общей и социальной психологии, заведующая лабораторией юридической психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», кандидат социальных наук, доцент (г. Саратов, Россия)

Романяк Елена Владимировна, директор АНО КИУ «Экспертный институт» (г. Москва, Россия)

Рыжая Ярославна Ивановна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Рычкова Ольга Валентиновна, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической психологии и психотерапии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, профессор кафедры клинической психологии и психотерапии факультета консультативной и клинической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук (г. Москва, Россия)

Румянцев Василий Анатольевич, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Русаковская Ольга Алексеевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат медицинских наук (г. Москва, Россия)

Ряжкин Александр Олегович, преподаватель ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

Савельева Алиса Юрьевна, ассистент кафедры педагогики и медицинской психологии Института социологии, психологии и гуманитарных наук ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), ведущий специалист Центра психологии АНО ДПО «Академия прикладной психологии и психотерапии» (г. Москва, Россия)

Савина Ольга Феликсовна, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Самищенко Сергей Степанович, главный научный сотрудник Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте РФ, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Сафуанов Фарит Суфиянович, заведующий лабораторией психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор психологических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Свободный Феликс Константинович, доцент кафедры управления следственными органами ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Семенова Дайана Михайловна, социальный педагог Специальной коррекционной основной общеобразовательной школы № 22 VII вида (г. Якутск, Россия)

Семерикова Юлия Валентиновна, адъюнкт ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (г. Москва, Россия)

Секераж Татьяна Николаевна, заведующая лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Симакова Татьяна Александровна, ведущий научный сотрудник ФКОУ ВО «Академия права и управления» (Академия ФСИН России), кандидат психологических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Ситковская Ольга Давидовна, заведующая отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», доктор психологических наук (г. Москва, Россия)

Соковец Алла Константиновна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Сорокина Анна Валерьевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Сундикова Евгения Евгеньевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Скупова Анастасия Михайловна, студентка ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Степанова Мария Владимировна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Сухотин Александр Александрович, директор АНО ДПО «Академия прикладной психологии и психотерапии», ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Сучкова Ирина Васильевна, заместитель начальника Межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Приморскому краю (г. Владивосток, Россия)

Сыроквашина Ксения Валерьевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Сячина Ольга Владимировна, медицинский психолог ГБУЗ «Психиатрическая клиническая больница №4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы» (г. Москва, Россия)

Тарасова Софья Юрьевна, доцент кафедры клинической психологии ГБОУ ВО МО «Университет «Дубна», кандидат психологических наук (г. Дубна, Россия)

Терехина Светлана Алексеевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Токарева Галина Михайловна, медицинский психолог-судебный эксперт ГБУЗ МО «Центральная клиническая психиатрическая больница» (г. Москва, Россия)

Толчинская Лариса Витальевна, педагог-психолог ГБОУ школа № 117 (г. Москва, Россия)

Ульянина Ольга Александровна, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО «Академии управления МВД России», кандидат социологических наук (г. Москва, Россия)

Узлов Николай Дмитриевич, преподаватель дистанционной формы обучения АНО «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования» (г. Москва, Россия)

Устинов Дмитрий Вячеславович, заместитель начальника Отдела по делам несовершеннолетних МВД ДНР; аспирант кафедры психологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (г. Донецк, ДНР)

Ушаков Сергей Иванович, доцент кафедры социальной педагогики и социальной психологии ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Федонкина Анастасия Александровна, научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Хамикоева Залина Робертовна, магистрант ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Хазанова Мария Александровна, доцент кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», ФГБУ «Федеральный институт медиации» (г. Москва, Россия)

Харитонов Сергей Викторович, профессор кафедры медиации в социальной сфере ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», доктор медицинских наук (г. Москва, Россия)

Черненко Артем Дмитриевич, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Чернов Василий Алексеевич, аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чернушевич Владимир Анатольевич, заведующий учебно-производственной лабораторией факультета юридической психологии, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чиждова Диана Сергеевна, старший инспектор Главного управления криминалистики (Криминалистический центр) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Чиркина Римма Вячеславовна, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», кандидат психологических наук (г. Москва, Россия)

Чупракова Нина Николаевна, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Шамликашвили Цисана Автандиловна, заведующая кафедрой медиации в социальной сфере факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», президент Научно-методического центра медиации и права, научный руководитель Федерального института медиации, кандидат медицинских наук, профессор (г. Москва, Россия)

Швабауэр Анна Алексеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Шаповал Валентин Анатольевич, начальник кафедры юридической психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России», кандидат медицинских наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шеховцова Елена Сергеевна, младший научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Шипшин Сергей Сергеевич, заведующий отделом судебных психологических экспертиз ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Шитов Юрий Викторович, начальник Управления судебных экспертиз Министерства юстиции ПМР (г. Тирасполь, Преднеэстровская Молдавская Республика)

Шихер Анна Леонидовна, магистрант ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Шпагина Елена Михайловна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Штеба Алексей Андреевич, доцент ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», НП «Южный экспертный центр», кандидат филологических наук (г. Волгоград, Россия)

Щукина Евгения Сергеевна, студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Экедегва Ринго Окпачу, аспирант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия).

Юшина Наталья Николаевна, ведущий эксперт ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

Якимова Екатерина Валерьевна, студентка ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Ярошенко Елена Игоревна, аспирант ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ В.В. РУБЦОВА.....	3
ПСИХОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	4
Аллямова А.А. Психология молодежного экстремизма	4
Андрианов М.С. Использование понятия «копинг-стратегия» для понимания личности потерпевшего и его поведения в суде.....	6
Афонина Ю.С. Психологические факторы риска криминализации и виктимизации у подростков среднего и старшего школьного возраста.....	7
Белова Д.Д. Трансформация молодежных криминальных субкультур в России на рубеже XX-XXI столетия.....	9
Бойкина Е.Э. Социальное исключение как фактор противоправного поведения....	10
Бочкова М.Н. К вопросу о связи эмоционального интеллекта и креативности у осужденных за мошенничество и агрессивно-насильственные преступления	12
Василенко Т.Г. О роли проагрессивных и ингибирующих агрессию личностных структур в исследовании противоправного агрессивного поведения сотрудников правоохранительных органов	13
Вертягина Е.А. Зависть как фактор девиантного поведения.....	15
Воронова Ю.В. Безопасность как мотив коррупционного поведения.....	17
Гартвик Е.В. Психологические факторы делинквентного поведения подростков..	18
Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю. Моральный выбор и особенности личности	21
Ильина В.А. Классификация «отсылочных» категорий и понятий в юридической психологии.....	22
Костина Л.Н. Психологические особенности правонарушающего поведения пешеходов	25
Кроз М.В., Ратинова Н.А. Личность коррупционного преступника: результаты психологического исследования	26
Мартынова А.О. Использование типологического подхода при составлении психологического портрета сексуального преступника	28
Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Мешков И.А. Об адаптации опросника «поведенческие проявления антисоциальной креативности» на российской выборке	29
Молотова В.В. Метод полуструктурированного интервью в исследовании правосознания личности	31

Насонова Д.В. Современные психолого-педагогические подходы к организации профилактической среды в интернете	32
Рется С.Э. Опыт эмпирического изучения отрицания гендерного насилия.....	35
Самищенко С.С., Колотушкин С.М. О некоторых особенностях папиллярных узоров лиц, осужденных за различные преступления	36
Ситковская О.Д. Психологические особенности вандализма	38
Ушаков С.И. К вопросу о расширении границ предметной области юридической психологии.....	40
Чиркина Р.В., Романяк Е.В., Левин Л.М. Особенности мотивации к изменениям у молодых взрослых с девиантным поведением	42
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА.....	44
Абрамова А.А., Кузнецова С.О., Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г. Психологические особенности аутоагрессоров.....	44
Абрамова С.С. Особенности родительского отношения к ребенку с ограниченными возможностями развития	45
Алексеева Л.В. Значимость для судебно-психологической экспертизы дифференциации личности и субъективности человека.....	47
Андрианова С.Б., Новикова-Грунд М.В., Русаковская О.А. Оценка отношения к детям больной параноидной шизофренией с помощью текстовых методик	49
Бердичевский А.А. Приходские православные семейные клубы трезвости как метод реабилитации семей, столкнувшихся с проблемой зависимого поведения	51
Бизюкова Е.С., Потлачук Н.В. Индивидуальные особенности мужчин и женщин в высококонфликтных бракоразводных процессах	52
Бобровникова А.С., Тарасова С.Ю. Роль психотравмирующих факторов в генезе шизофрении и их значение для судебно-психологической практики.....	54
Бородина Л.Г. Суицидальность среди матерей детей с расстройствами аутистического спектра.....	56
Васильченко А.С. Роль эмоциональной регуляции и стиля вождения в деятельности водителей автотранспортного средства.....	57
Васянина В.И., Гуськова М.Г. Возможность рекомендации патронажа больным шизофренией	59
Власова Н.В. К вопросу о модели профилактики аддиктивного поведения.....	60
Гурина О.Д. Психологическая экспертная оценка материалов, содержащих сцены травли подростков	62
Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б., Виноградова Е.П., Макеев М.К. Генотип-средовое взаимодействие и антисоциальное поведение	63

Жукова Н.В., Айсмонтас Б.Б., Макеев М.К. Интернет-аддикция: зависимость от «чего»?	66
Журавлева Е.В., Русаковская О.А. Правоприменение заключений СПЭ в гражданских делах о воспитании детей родителями, страдающими психическими расстройствами	68
Иванова Л.Р., Калашникова А.С. Психолингвистический анализ агрессивности у лиц, страдающих эпилепсией	70
Калашникова А.С. Психологические факторы оценки риска опасного поведения у лиц с пограничными психическими расстройствами в рамках КСППЭ.....	71
Корчагин Н.Ю. Индивидуально-типологические особенности лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних	73
Костюк Г.П., Русаковская О.А., Голубев С.А., Дрыкина Л.Л., Галкина А.О. Оценка участковыми врачами-психиатрами способности выполнять родительские обязанности лицами, находящимися под диспансерным наблюдением.....	75
Круглякова Е.Г. Анализ эффективности групповых занятий английским языком с пациентами, страдающими биполярным аффективным расстройством и расстройствами шизофренического спектра.....	77
Кулаков С.С. Зависимость структуры семейного конфликта от индивидуально-психологических особенностей (личностных типов) родителей, участников споров о воспитании и месте жительства детей	79
Латышева А.А., Скупова А.М. Компетентность специалиста при подготовке заключений для судебных споров о воспитании ребенка: как быть?	80
Левин Л.М., Романяк Е.В. Проблема ВИЧ-инфекции у пациентов наркологической клиники.....	82
Лысенко Н.Е., Ковалева М.Е. Индивидуально-типологические факторы насильственных ООД психически здоровых и психически больных мужчин.....	83
Мелёхин А.И. Применение когнитивно-поведенческой психотерапии для предотвращения суицидального поведения в пожилом возрасте.....	85
Морозова М.В., Савина О.Ф. Проблемные зоны взаимодействия с работниками судебно-следственных органов в экспертной практике	88
Новикова-Грунд М.В. Любовь – понятие формализуемое: перспективы использования психосемиотических методов для оценки психологического отношения родителя к ребенку	90
Ныркова А.А., Русаковская О.А. Анализ судебной практики по делам об ограничении родительских прав в 2016 – 2017 гг.	92

Ошевский Д.С., Терехина С.А. Некоторые психологические вопросы экспертной оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых.....	94
Палин А.В., Рычкова О.В., Дозорцев В.А., Сячина О.В., Бондаренко В.А. Адаптация к группе психосоциальной реабилитации пациентов с коморбидностью психических расстройств и зависимости от ПАВ.....	96
Переpravина Ю.О. Специфика экспериментально-психологического исследования при оценке сделкоспособности	98
Романова Н.М., Киселев К.А., Ярошенко Е.И., Экедегва Р.О. Социально-психологические особенности приобщения молодых людей к наркопотреблению .	99
Романяк Е.В., Левин Л.М. Социологический портрет молодых людей, употребляющих психоактивные вещества.....	101
Румянцев В.А. К проблеме изучения особенностей ценностно-смысловой сферы лиц с органическими психическими расстройствами.....	102
Русаковская О.А., Ильина О.Ю. Понимание «привязанности» наивными носителями языка, судьями и судебно-психологическими экспертами	104
Сафуанов Ф.С. Симулянт VS эксперт: психологический анализ социальной перцепции	105
Свободный Ф.К. Диагностика информированности личности о расследуемом событии методами судебной психологической экспертизы	107
Секераж Т.Н. Новые направления судебной психологической экспертизы.....	109
Соковец А.К. Роль пограничных психических расстройств в генезе криминальной агрессии.....	110
Сорокина А.В., Сундикова Е.Е., Русаковская О.А. Стандартизированное интервью: «Способность решать проблемные ситуации»	112
Сундикова Е.Е., Сорокина А.В., Русаковская О.А. Методика оценки способности распоряжаться финансами	113
Сыроквашина К.В. Посмертный психологический анализ состояния суицидента: к истории вопроса	115
Токарева Г.М. Особенности типов отношения к болезни и копинг-стратегий у мужчин с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния.....	117
Черненьков А.Д. Диагностическая информативность патопсихологического исследования при судебно-экспертном определении способности к совершению сделки лиц с психическими расстройствами	119
Шеховцова Е.С. Нарушения принятия решений и саморегуляции у обвиняемых с расстройством личности	120

Шипшин С.С. Проблемы судебно-психологической экспертизы по делам о терроризме	122
Шитов Ю.В., Бондаренко Н.В. Опыт развития психологической экспертизы в рамках судебно-экспертной службы МЮ ПМР	123
Штеба А.А. К вопросу выделения лингвопсихологических признаков фантазирования	125
Щукина Е.С. Влияние табачной аддикции на межличностные отношения курильщика.....	126
Юшина Н.Н. Манипуляция как один из видов психологического воздействия на несовершеннолетнего	128
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА	130
Алексеева П.С., Егоров С.Н. Индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы.....	130
Алексеева П.С., Семенова Д.М. Взаимосвязь отчуждения и антивиталяного поведения у подростков с асоциальным поведением	131
Андреева А.А., Бусарова О.Р. К вопросу о разработке российских антибуллинговых программ.....	133
Аруин С.Е. Концепция самостоятельности в организации работы интернатов с низким социальным порогом для подростков и молодых людей с миграционными корнями	135
Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика как направление деятельности психологов	137
Буслаева Е.Л. Факторы развития склонности к побегам из дома детей и подростков	139
Вакуленко А.А. Особенности смысловой сферы подростков, воспитывающихся в детских домах.....	140
Воронкова А.А., Чиркина Р.В. Изменение представлений о «другом» посредством рисования историй в профилактических проектах образовательных учреждений .	142
Гаврина Е.Е., Симакова Т.А. Психологические особенности репутационно-правовых рисков потенциального саморазрушения обучающихся в киберпространстве	144
Горьковская И.А. Психологические аспекты проверки показаний малолетних детей по половым преступлениям	145
Гриненко У.Б., Богданович Н.В. Стигматизация девиантных подростков в школе	146

Гриненко У.Б., Чернушевич В.А. Народные игры как ресурс в работе с девиантным поведением	148
Дворянчиков Н.В., Чиркина Р.В., Богданович Н.В., Делибалт В.В. К вопросу о разработке модели профилактики правонарушений и сопровождения несовершеннолетних в ситуациях риска в условиях современного детства	149
Добрякова А.Р. Апробация авторской типологии жизненных стратегий личности	156
Дозорцева Е.Г. Современные риски подросткового возраста (взгляд судебного эксперта)	158
Евстафеева Е.А., Воронина Н.В., Подольская М.В. Правосознание личности в раннем юношеском возрасте	160
Жаров А.А. Субъектность ребенка в судебном разбирательстве. Роль адвоката ...	161
Замрий О.Н. Проблема определения интересов несовершеннолетних родителей при рассмотрении споров, связанных с установлением и осуществлением родительских прав	163
Иванова О.И., Бусарова О.Р. Взаимосвязь стратегий совладания со стрессом подростков и их матерей	165
Карпова А.В. Сексуализированное поведение у несовершеннолетних потерпевших по делам о преступлениях о половой неприкосновенности	166
Кондаурова О.П. Установка родителей на применение физического наказания детей	170
Кузнецова С.О., Абрамова А.А., Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г. Психологические особенности аутоагрессивного поведения лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детском возрасте	172
Кулакина А.С. Студенческое самоуправление как метод коррекции девиантного поведения	173
Кулькова Ж.Г. Методики песочной терапии в судебной психологической экспертизе несовершеннолетних	174
Лапинова А.А. Катамнестическое исследование юношей и девушек переживших развод родителей	176
Ларина Е.Д. Особенности привязанности и детско-родительских отношений у несовершеннолетних беременных и юных матерей	177
Макаревская Ю.Э. Психологическое содержание юридического понятия «интересы ребенка»	178
Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних при расследовании уголовных дел и проведении	

доследственных проверок в практике Следственного комитета Российской Федерации.....	180
Никитская Е.А., Никитина Е.О. Социально-педагогическое обеспечение реализации системы принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних с делинквентным поведением	182
Николаева Г.И. Буллинг как форма проявления агрессии в подростковом возрасте	184
Новокрещенова Г.А. Ценностные ориентации подростков с аддиктивным поведением	185
Нуцкова Е.В. Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних	187
Орлова К.С., Делибалт В.В. Психологические особенности материнства в ситуации установления инвалидности у ребенка раннего возраста.....	188
Печерский А.В., Панкратова М.А. Склонность к риску как фактор генеза девиантного поведения подростков и юношей.....	190
Пимонов В.А. Проблемы профилактики правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних на современном этапе: тезисы к размышлению	192
Рыжая Я.И., Луковцева З.В. Функциональная дефицитарность первого блока мозга как один из факторов формирования девиантного поведения в детско-подростковом возрасте	193
Савельева А.Ю. Гражданский процесс по спорам о воспитании детей: непроцессуальное заключение специалиста-психолога и состязательность сторон	195
Степанова М.В. Особенности гендерной идентичности у девушек, играющих в онлайн-игры.....	196
Сухотин А.А. О профессиональной компетенции органов опеки и попечительства при установлении юридически значимых психологических категорий в семейных спорах, связанных с воспитанием детей.....	198
Терехина С.А., Ошевский Д.С. Актуальные проблемы применения специальных психологических знаний в судебных спорах о детях.....	200
Толчинская Л.В. Влияние негативного опыта ребенка в перинатальном периоде развития на дезадаптацию в подростковом возрасте	202
Устинов Д.В. Качество стимульного материала как условие валидности методики, направленной на выявление мотивов детских имущественных преступлений	203
Федонкина А.А. Оценка способности несовершеннолетних обвиняемых с личностной незрелостью к осознанной регуляции деятельности	205

Хамикоева З.Р. К вопросу о причинах подростковой преступности и мерах ее предупреждения	206
Чернов В.А. Роль процесса оценивания в правовой социализации и правосознании	208
Чернушевич В.А. Игровая профилактика агрессии	210
Чиркина Р.В. К вопросу о модернизации системы профилактики: модели сопровождения несовершеннолетних в ситуациях социального риска	211
Чупракова Н.Н. Игровая технология преодоления как профилактика социальных рисков с целью обеспечения безопасного развития детей и подростков в современных условиях	213
Швабауэр А.А. Последствия несоблюдения принципов инклюзивного образования в общеобразовательной школе	215
Шпагина Е.М. Риски и угрозы информационной безопасности детей в сети Интернет	217
Якимова Е.В. К вопросу о выборе меры пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых	219
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ	222
Борисова Д.П. Организация психопрофилактической и коррекционной работы с наркозависимыми лицами, осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы	222
Варданян К.К. Современные возможности совершенствования психогигиенической помощи спецконтингенту пенитенциарной системы	223
Дебольский М.Г. Психологическое сопровождение дома ребенка при женских исправительных учреждениях	224
Дырнаева Ю.А., Романова Н.М. Особенности социальных ролей и гендерных отношений преступников	226
Красник В.С., Кадочникова И.В. Сравнительный анализ особенностей контроля поведения сотрудников отделов безопасности и охраны исправительных колоний	227
Левин Л.М. Особенности жизненного пути и жизнестойкости несовершеннолетних осужденных	229
Мартынова А.А. Адаптивность у осужденных по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания	231
Мельникова Д.В. Пенитенциарный стресс как типичное психическое состояние осужденных	233

Новенко Е.В. Психокоррекция девиантного поведения, как один из основных методов профилактики преступлений среди несовершеннолетних	235
Обидина В.А. Психологические особенности межличностных конфликтов между осужденными женщинами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях	236
Романова Н.М., Богданова В.А. Социально-психологический портрет и прогноз криминального поведения осужденных	237
Романова Н.М., Кузнецова М.А. Ценностно-потребностная сфера личности современного преступника как предиктор прогноза криминального поведения	239
Сучкова И.В. Особенности психологической готовности к несению службы с оружием у различных категорий сотрудников подразделений охраны ФСИН России.....	240
Узлов Н.Д. Подавленная агрессия, нуждающаяся в разрядке: темная сторона условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному лишению свободы	242
Шихер А.Л. Особенности представлений осужденных женщин о себе в контексте ресоциализации	244
Ярошенко Е.И. Социально-психологическая проблема ранней диагностики эмоционального выгорания сотрудников пенитенциарной системы.....	246
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ	
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	249
Аникеева Н.В. Интересы и увлечения как одно из условий профилактики эмоционального выгорания преподавателей образовательных организаций МВД России.....	249
Асташова Е.И. Изучение эмоциональных, психофизиологических показателей курсантов и их влияние на успешность деятельности на занятиях по огневой подготовке	250
Борисова С.Е. Профессиональные действия инспекторов ДПС ГИБДД	253
в ситуациях провокационного поведения юридически осведомленных водителей	253
Васкэ Е.В. Составление психологического портрета неизвестного преступника: проблемные вопросы	255
Вахнина В.В. Особенности подготовки сотрудников ОВД к переговорной деятельности в рамках ситуационного подхода	257
Домашенков В.В., Магомедов Б.Г. К вопросу об использовании следователями психологических знаний при проведении очной ставки	259
Енин К.А., Енина В.В. Основные подходы и направления коррекции дисфункциональных состояний сотрудников правоохранительных органов	260

Жуковская И.В. Проблема развивающего консультирования в психологической работе с руководителями органов внутренних дел	262
Коноплева И.Н., Михайлова О.Ю. Эмоциональные барьеры в деятельности сотрудников полиции	264
Косыгина С.В. Проявления профессиональной деформации личности сотрудника ОВД	266
Котлярова Л.Н., Мартынова Е.А., Якимова Е.В. Исследование творческого потенциала выпускников юридического университета, планирующих трудоустройство в правоохранительных органах России	268
Красник В.С., Ряжкин А.О. Особенности нравственной активности студентов старших курсов юридического направления	270
Марьин М.И., Бочкова А.А. Диагностика морально-психологического состояния сотрудников органов внутренних дел.....	272
Мельник М.Р., Коноплева И.Н. Отношение молодежи к правоохранительным органам.....	274
Охотников Ю.М. Технология применения развивающей социальной среды в системе подготовки специалистов по юридической психологии в вузах МВД России.....	276
Петров В.Е., Кокурин А.В. Психологическая диагностика девиантных форм поведения у личного состава правоохранительных органов	278
Семерикова Ю.В., Вахнина В.В. Совладающее поведение вновь принятого сотрудника ОВД как способ социально-психологической адаптации к службе	281
Ульянина О.А. Психологическая профилактика негативных психических состояний сотрудников органов внутренних дел	282
Шаповал В.А. Дискриминантная модель оценки и прогнозирования антикоррупционной устойчивости сотрудников органов внутренних дел с помощью психодинамически ориентированного личностного опросника (ПОЛО) «РЕСУРС»	286
МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ПРАКТИКА.....	288
Алексеева Е.В., Дырнаева Ю.А., Романова Н.М. Изучение механизмов реагирования военнослужащих в конфликтных ситуациях	288
Бушмелева И.В. Профессиональные установки, общие культурные традиции юридической профессиональной сферы и иные факторы, влияющие на выбор адвокатами предпочитаемого способа урегулирования спора	290
Быкова М.В. Возможности школьной медиации в защите прав и интересов детей и семьи.....	291

Вечерина О.П. Медиация в современной Индии: возможности метода и границы его применения.....	293
Лаврова Н.М., Лавров В.В., Лавров Н.В. Эмоциональный разлад и агрессия в группе подростков	294
Онищенко О.Р. Медиация – некоторые итоги применения процедуры.....	296
Галкина М.А., Пимонов В.А. Медиативная компетентность сотрудников правоохранительных органов как условие повышения общественного доверия к правоохранительной системе России	297
Гартвик Е.В. Особенности применения медиации в уголовных делах в отношении несовершеннолетних	299
Путалова И.Б. Организационно-правовые аспекты деятельности службы школьной медиации как одной из форм воспитательной деятельности	301
Путинцева Н.В. Система работы в восстановительном подходе по профилактике школьной травли и в ситуации буллинга	303
Романова Н.М., Колесниченко А.В. Опыт проведения лекции с элементами тренинга на базе войсковой части Энгельсского района «Знакомство призывников в/ч № 25623 с процедурой медиации».....	305
Хазанова М.А. Психологические механизмы медиации.....	306
Хазанова М.А., Вагапова С.Р. Результаты внедрения инструментов медиации в практику учителя начальной школы.....	309
Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В. Экспресс-методики урегулирования споров между школьниками, как приглашение к медиации	310
Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход как способ деэскалации конфликта.....	312
СПИСОК АВТОРОВ.....	315

Коченовские чтения «Психология и право в современной России»

Сборник тезисов участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием.

Редакторы: *В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, А.А. Марголис, З.И. Кекелидзе,
Н.В. Дворянчиков, И.Б. Бовина, М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, А.С. Калашникова,
И.Н. Коноплева, Ф.С. Сафуанов, С.Н. Хаванский*

Составитель: А.С. Калашникова

Корректор: А.С. Калашникова

Художественная верстка: В.В. Делибалт

Компьютерная верстка: А.С. Калашникова

Сайт МГППУ:
mgppru.ru

Сайт конференции:
conf.childpsy.ru/the_kochenov_conference

Факультет юридической психологии МГППУ:
jp.mgppru.ru

Страница конференции в Facebook:
facebook.com/KochenovConference

